

550.

ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ,
ЕГО ПРИРОДА
И
ЖИТЕЛИ.

П. И. ТРЕТЬЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ.

9/77
1877

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ,
ЕГО ПРИРОДА
И
ЖИТЕЛИ.

П. И. ТРЕТЬЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1871

ИЗДАНИЕ 1907

А. И. ВАСИЛЬЕВ

Напечатано особымъ оттискомъ изъ 2-го тома Записокъ по Общей
Географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИЗДАНИЕ II

4264-0

2007112825

ИЗДАНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

	Стран.
Физическое описаніе края	1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Населеніе края	118
--------------------------	-----

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ.

ГЛАВА I.

Физическое описаніе края.

Туруханскій край, входящій въ составъ Енисейскаго округа, есть самая сѣверная часть Енисейской губерніи, въ предѣлахъ $61^{\circ}30'$ и 78° с. ш. Площадь края, по приближительному исчисленію, равняется 29,884 географ. милямъ, или 1,445,980 квадр. верстамъ. На сѣв. сторонѣ Туруханскій кр. прилежитъ въ Сѣверному океану, къ востоку отдѣляется р. Анабаромъ отъ Якутской области, а къ западу рѣкою Тазомъ отъ сѣверныхъ предѣловъ Тобольской губерніи. По величинѣ своей Туруханскій край почти въ три раза болѣе всей остальной части Енисейской губерніи.

Р. Енисей, текущая почти въ прямомъ направленіи, сначала на с.-з., а потомъ на с., раздѣляетъ площадь Туруханскаго края на двѣ неравныя части—восточную и западную.

Восточная почти вдвое болѣе западной, и болѣе или менѣе гориста; преобладающія направленія горныхъ хребтовъ: отъ с.-в. къ ю.-з., отъ с.-з. къ ю.-в. и отъ с. къ ю. Южная часть этой площади, богатая хвойными лѣсами, склоняется нѣсколько къ западу; отъ этаго болѣе значительныя рѣки, какъ-то Подкаменная Тунгузка, Бахта, Нижняя Тунгузка и Курейка, текутъ на западъ, прорываясь во многихъ мѣстахъ

черезъ ущелья. Самая высшая точка на описываемой площади находится между рѣками Подкаменной Тунгузкой и Таймурою. Сѣверная половина восточной части, начиная отъ $70^{\circ} 30'$ с. ш., постепенно понижается къ сѣверу и тамъ представляетъ видъ безлѣсныхъ тундръ, изрѣзанныхъ большею частію плоскими возвышенностями.

Западная часть края имѣетъ видъ почти сплошной равнины, съ постепеннымъ склономъ на сѣверъ и незначительными скатами на востокъ и западъ, по коимъ сбѣгаютъ небольшія рѣки въ Енисей и Тазъ. Отъ вершинъ р. Таза тянется къ сѣверу, по срединѣ описываемой нами мѣстности, едва замѣтная плоская возвышенность; но къ югу отъ верховьевъ Таза мѣстность замѣтно возвышается.

Богатство порогами восточныхъ притоковъ р. Енисея показываетъ, что мѣстность отъ р. Енисея на востокъ и особливо на юго-востокъ постепенно возвышается. Въ ю.-в. углу края, около верховьевъ р. Подкаменной Тунгузки, находится одна изъ высшихъ его точекъ, высоту коей считаютъ до 2,200 фута, если не болѣе. Отъ этой возвышенности направляется съ с.-в. и поворачиваетъ потомъ къ с. горный краѣ, который мы назовемъ Таймурскимъ, потому что онъ на значительномъ протяженіи сопровождаетъ съ лѣвой стороны р. Таймуръ. Долѣе къ сѣверу глубокія балки, впадающія въ р. Тишкову, одинъ изъ притоковъ Нижней Тунгузки, врѣзаны въ той же возвышенности ⁽¹⁾.

Подъ 66° с. ш. Таймурскій краѣ начинаетъ разбиваться, однакоже между 66 и $67\frac{1}{2}^{\circ}$ въ немъ еще врѣзано нѣсколько значительныхъ балокъ и въ его котловинахъ лежитъ около пяти значительныхъ озеръ, изъ коихъ рѣки стремятся на востокъ, западъ и сѣверъ, что и показываетъ, что хре-

(1) Въ 20 верстахъ отъ устья р. Енохиной, тоже впадающей въ Нижнюю Тунгузку, есть весьма высокая сопка, называемая «Цыпанина». Въ давнія времена, говоритъ преданіе, тутъ жилъ какой-то еретикъ, которому казаки, плававшіе по р. Нижней Тунгузкѣ, за свободный пропускъ платили дань соболями.

бетъ расплывается здѣсь въ широкую но не высокую плоскую возвышенность.

Весьма значительный горный хребетъ, извѣстный подъ названіемъ «Большаго камня», тянется отъ верховьевъ Сухой Тунгузки и Малой Бахты сначала къ с.-з., а потомъ къ с. Эта каменистая гряда возносится далеко за предѣлы произрастанія лѣсовъ, цѣлою массою; въ иныхъ мѣстахъ крутые склоны, спускаясь отъ плоскихъ высотъ, даютъ этому хребту грубыя и массивныя очертанія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ подходитъ къ р. Нижней Тунгузкѣ, сопровождая, съ правой стороны, притокъ ея—р. Лѣтнюю, онъ получаетъ названіе «Лѣтняго камня». За р. Нижнею Тунгузкою, пробивающеюся черезъ ущелья хребта, хребетъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, а потомъ на сѣверъ, и пересѣкается рѣкою Сѣверной верстахъ въ ста выше ея устья. Далѣе описываемый нами хребетъ получаетъ тунгусское названіе «Путорама». Хребетъ Путорама разсѣченъ многими глубокими долинами или балками, изъ коихъ намъ извѣстны: Мантуйская, расположенная на западной сторонѣ озера Мантуйскаго, Казарка, Порожный и Суепъ-камень, лежащія по правую сторону р. Курейки, верстахъ въ 70—100 отъ устья оной. Всѣ эти балки имѣютъ ширину отъ 5 до 8 вер., а въ длину не болѣе 30 вер. Надобно полагать, что въ этомъ мѣстѣ ширина хребта Путорама не превосходитъ 55 вер. (1). Подъ 69¹/₂° с. ш. въ котловинахъ хребта сгруппировалось нѣсколько весьма значительныхъ озеръ, называемыхъ Норильскими. Тутъ же, съ западной стороны, чрезъ каменистыя скалы, пробила себѣ дорогу рѣка Норильская (Быстрая), сопровождаемая утесомъ «Медвѣжь-камень». Отъ упомянутыхъ озеръ незначительная вѣтвь, подъ названіемъ «Бѣлый хребетъ», простирается на сѣверъ, и образуетъ водо-

(1) Намъ неизвѣстно почему Миддендорфъ этотъ хребетъ называетъ «Сиверидъ».

раздѣль между Енисеемъ и Пясиной ⁽¹⁾. Главный же хребетъ, отъ сѣвернаго конца оз. Матушеина, идетъ сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ на востокъ, оканчиваясь плоскою возвышенностію только около р. Анабаръ. Та сторона хребта, которая обращена къ сѣверу и сѣверо-западу, большею частию обрывиста, скалиста и прорѣзана глубокими впадинами, или котловинами. На южной и юго-восточной напротивъ склоны хребта очень пологи и покрыты дресвою. Вершины этой плоской возвышенности, ширина которой, въ сѣверныхъ предѣлахъ, достигаетъ до 70 вер., лишены всякой растительности и мѣстами усѣяны грядами огромныхъ камней, большею частию глинистаго сланца, какъ-бы выпяченныхъ изъ подъ земли. По обрывамъ и въ разсѣлинахъ лежатъ, иногда огромными кубическими массами, глыбы сѣрой вакки и песчаника. Среди этихъ скалъ, въ особенности въ ущельяхъ и ложбинахъ, залегають снѣгъ, лѣтомъ, во многихъ мѣстахъ, не растаивающій. Это обстоятельство однакоже нельзя отнести къ значительной высотѣ хребта, который, въ самыхъ возвышенныхъ точкахъ, едвали превосходить 2,800 ф. надъ уровнемъ моря, а можно объяснить только суровостію климата. По склонамъ хребта растетъ лѣсъ, которымъ покрыты и южные отроги. Тѣ отроги, которые направляются къ юго-западу, представляютъ, въ своихъ формахъ, значительное разнообразіе, такъ наприм.: близъ устья р. Большой Медвѣжьей возвышаются два огромные утеса, весьма похожіе по своей формѣ, но конечно въ гигантскихъ размѣрахъ, на каменные быки, устроиваемые подъ мостами; каменистая поверхность ихъ мѣстами покрыта тощимъ ковылемъ. Въ 6 верстахъ отъ этихъ утесовъ находится ущелье, ведущее въ такъ называемый котель. Съ южной стороны возвышается полукругомъ, въ видѣ гигантской гранитной стѣны, гора, съ необыкновенно ровною горизонтальною поверхностію. На востокъ отъ этой горы высются

⁽¹⁾ Высоту Бѣлаго хребта Миддендорфъ полагаетъ въ 5—600', а ширину, среднимъ числомъ, верстъ въ шесть. Къ сѣверу эта вѣтъ постепенно понижается.

двѣ отдѣльныя сопки, которыя у подошвъ расширяются, и имѣютъ пологій скатъ. Котловина имѣетъ ширины верстъ десять, и покрыта галькою и щебнемъ. Тѣ же отроги хребта Путорама, которые идутъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, большею частію имѣютъ видъ плоскихъ возвышенностей, а за $70\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. мѣстность представляется только сильно взволнованною, съ высокими холмами, которыхъ вершины надо полагать къ нѣскольکو сотъ футовъ выше морскаго уровня.

На Таймырскомъ полуостровѣ, въ самой сѣверной части края, простирается хребетъ Бырранга, описанный Миддендорфомъ ⁽¹⁾. Принимая въ соображеніе журналы Прончищева и Лаптева (1736—1739 г.), а равно удостовѣреніе Миддендорфа, легко убѣдиться, что отъ устьевъ р. Таймыры къ востоку, до Хатангской губы, морскіе берега скалисты, а противъ острова Св. Павла видны даже снѣжныя горы, которыя вѣроятно составляютъ вѣтвь хребта Бырранга.

Здѣсь кстати упомянемъ о небольшой сопкѣ, которая расположена между устьевъ р. Анабары и озеръ, именуемыхъ Соленоозерными. Въ этой сопкѣ залегаютъ громадныя пласты каменной соли. Длина этой сопки около 8, а ширина не болѣе 1 версты. Восточная сторона ея крута, и по ней сбѣгаетъ ключъ. На этой сопкѣ жители, изъ собираемыхъ на поверхности и переплавляемыхъ матеріаловъ, вывариваютъ горючую сѣру. Не въ этой ли мѣстности относится замѣтка Степанова, объявлявшаго, «что между устьемъ Анабара и Хатанги находится соленокислый натръ, плотный и прозрачный» ⁽²⁾.

Затѣмъ намъ остается еще упомянуть о довольно значительномъ горномъ кряжѣ, который, пролегая между рр. Верхней и Подкаменной Тунгузками, приближается къ устью этой послѣдней и будучи перерѣзанъ р. Енисеемъ, въ 4-хъ верстахъ

⁽¹⁾ Путешествіе Миддендорфа, ч. 1, стр. 192.

⁽²⁾ Описаніе Енисейской губерніи, ч. 1, стр. 69.

ниже Осиновскаго зимовья, продолжается по лѣвому берегу Енисея, верстѣ на 75, по направленіи къ сѣверо-западу; затѣмъ отдаляясь понижается и сливается съ незначительными возвышенностями, идущими отъ хребта Кемчуга, одинъ изъ отроговъ котораго продолжается къ сѣверу, за истоки Таза, къ тундрамъ.

Въ южной части Туруханскаго края простирается еще такъ называемый «Малый Камень». Онъ начинается отъ праваго берега р. Бахты, въ разстояніи отъ Енисея не болѣе 200 верстѣ. Направляясь на сѣверо-западъ, а потомъ на сѣверъ, онъ приближается къ Енисею верстѣ на 40. Близъ устья р. Сухой Тунгузки, около такъ называемаго Большаго озера, хребетъ этотъ оканчивается крутымъ уступомъ. На упоминаемомъ пространствѣ описываемая нами плоская возвышенность, во многихъ мѣстахъ, прерывается. Ширина ея отъ 10 до 15 вер. По обнаженнымъ вершинамъ, между каменистыхъ ложбинъ, снѣгъ никогда не растаиваетъ; по скатамъ же растетъ хвойный лѣсъ.

Геогностическій составъ горъ, расположенныхъ въ Туруханскомъ краѣ, весьма мало изслѣдованъ, кромѣ хребта Бырранга, о которомъ есть свѣдѣнія въ путешествіи Миддендорфа. Всѣ же свѣдѣнія, собранныя нами по этому предмету, заключаются только въ томъ, что въ хребтахъ, идущихъ по восточной сторонѣ края до 70° с. ш., залегаютъ, попеременно, или смѣшанно, глинистый сланецъ, известнякъ и сѣрая вакка, въ пластахъ сильно приподнятыхъ и поставленныхъ дыбомъ. Впрочемъ иногда, на значительныхъ пространствахъ, тянется и гранитъ, нерѣдко просѣченный базальтомъ. Нѣсколько рѣже и въ меньшемъ распространеніи встрѣчаются сіениты, діориты, слюдяные и глинистые сланцы и песчаники. Минеральные богатства, встрѣчаемыя въ горахъ, состоятъ изъ желѣзныхъ рудъ, каменнаго угля, точильнаго камня, халцедоновъ, сердоликовъ; въ вершинахъ р. Нижней Тунгузки замѣчено присутствіе гипса, слюды, каменнаго льна (азбеста) и графита. По скаламъ, въ особен-

ности между рр. Сѣвѣрною и Курейкою, находится такъ называемое каменное масло и квасцы.

Къ числу обширнѣйшихъ равнинъ Туруханскаго края принадлежитъ пространство между рр. Енисеемъ и Тазомъ, начиная отъ 63° с. ш. до самаго моря. Съ этой равнины поднимаются только небольшіе холмы, преимущественно овальной формы, покрытые сверху черноземомъ. Къ равнинамъ (по мѣстному выраженію *лайдамъ*) можно отнести и нѣкоторыя, болѣе или менѣе обширныя между-горныя пространства въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ края. Изъ нихъ весьма замѣчательныя расположены на сѣверѣ: во-первыхъ равнина между р. Енисеемъ и вѣтвью Бѣлаго хребта, а именно начиная отъ ручья Чунчугова, впадающаго въ Енисей нѣсколько выше Семякинскаго станка, до моря; ширина этой плоскости до 200 вер.; и во-вторыхъ такъ называемая «Низовая Тундра» ⁽¹⁾, находящаяся между оз. Таймыромъ и рр. Боганидою и Дудыптою. Маловозвышенная и покрытая мелкими озерами, усѣянная глыбами камней, съ выдающимися иногда острыми небольшими скаль,—эта послѣдняя плоскость изрѣдка разнообразится небольшими холмами, или какою нибудь плоскою возвышенностію. Подобный же характеръ нѣсколько взволнованной тундры имѣетъ и плоскость, которая расположена между рр. Хатангою и Анабарою, начиная отъ 71° с. ш.

Зимою эти тундры представляютъ видъ безконечно-печальный. Вся поверхность, синевато-оловяннаго цвѣта, изрытая пургами, имѣетъ видъ волнующагося моря въ сумрачную погоду. Это сходство становится поразительнымъ, въ особенности при небольшой мятели, когда снѣжная равнина освѣщается серебристыми лучами луны. Въ маѣ, на солнечныхъ лучахъ, блескъ тундры становится ослѣпительнымъ.

Почва въ южныхъ предѣлахъ Туруханскаго края, а именно

(1) Тундра по-остяцки «дяягинъ», по-кряцки «вѣ», по-самоѣдски «дэу», по-тунгусски «хоель», по-якутски «дзянгы», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «няръ».

между 61 и 64° с. ш., особливо въ западной полосѣ, состоитъ изъ черноземнаго слоя, толщиною не болѣе фута. Далѣе, къ сѣверу почва состоитъ преимущественно изъ мергеля, смѣшаннаго отчасти съ пескомъ и иломъ. Въ низкихъ мѣстахъ, такъ называемыхъ *наволокахъ*, въ особенности близъ лѣваго берега р. Енисея, этаго рода почва очень рыхла. Въ восточной половинѣ края почва состоитъ изъ щебня, глины и песка, перемѣшанныхъ съ иломъ и торфомъ. Подъ 64 $\frac{1}{2}$ ° с. ш., на глубинѣ 1 $\frac{3}{4}$ арш., земля остается вѣчно мерзлою. Въ самомъ Туруханскѣ, гдѣ земля оттаиваетъ во время лѣта вообще не болѣе какъ на 3 $\frac{1}{2}$ фута, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при закладкѣ нынѣ существующей каменной церкви, во рвѣ, вырытомъ на два аршина съ четвертью, пришлось перерубить выдавшійся съ одного края гробъ, довольно хорошо сохранившійся. Когда это сдѣлали, то оказалось, что вмѣстѣ съ досками были отрублены и ноги покойника, на коихъ не только ботфорты, но и кожа съ мясомъ, почти нисколько не повредились. Когда и кто именно тутъ былъ погребенъ—не припомнятъ и старики. Въ 1859 г. сдѣланъ былъ опытъ рытія въ Туруханскѣ колодца, съ цѣлію снабдить городъ свѣжею водою. На глубинѣ 2 $\frac{1}{2}$ арш. оказался, подъ иловатою глиною, слой льда, толщиною въ полдюйма, а за слоемъ бѣловатаго песка, смѣшаннаго съ глиною, послѣдовалъ новый слой льда, и это порторялось далѣе, по мѣрѣ углубленія. Слои льда не имѣли плотности, а походили скорѣе на отдѣльныя неровныя пластинки повидимому вымерзшей тутъ воды. Упомянутые нами факты приводятъ къ тому заключенію, что Туруханскъ находится уже на линіи вѣчно оледенѣвшей земли. Къ сѣверу отъ 66 $\frac{1}{2}$ ° с. ш. слой мерзлой земли постепенно утолщается, въ особенности начиная отъ линіи прекращенія древесной растительности. Тамъ и почва земли, оттаивающая сверху не болѣе какъ на четверть, состоитъ, въ особенности по лайдамъ, изъ вязкой, буроватой глины, или изъ иловатаго песка, смѣшаннаго съ щебнемъ, булыжникомъ и торфяными

кореньями. Торфяная почва, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, простирается въ глубину отъ 1 до 3 арш. Изъ переплетенныхъ корней примѣтны: изъ травяныхъ корни осоки (*Carex*), а изъ древесныхъ, наиболѣе таловые, съ примѣсю ерниковыхъ, березовыхъ, ольховыхъ и лиственничныхъ. Подъ слоемъ такого грунта встрѣчаются нерѣдко ледяные пласты отъ 3 до 8 фут. толщины.

Каменноугольныя напластованія встрѣчаются по Туруханскому краю во многихъ мѣстахъ, и преимущественно въ восточной половинѣ. По р. Нижней Тунгузѣ, выше впаденія Таймуры на 20 вер., Мессершмидтъ нашель, у Путилова порога, пластъ каменнаго угля въ 4 ф. толщины и въ 100 шаговъ длины ⁽¹⁾. Между Малымъ и Большимъ хребтомъ (иначе Путорама) и по обѣимъ сторонамъ р. Сухой Тунгузки также примѣчены, во многихъ мѣстахъ, мѣсторожденія каменнаго угля. За 70° с. ш., на правомъ берегу Енисея, оказывается значительный пластъ ископаемаго угля. Близъ р. Горѣлой, впадающей съ правой стороны въ р. Нижнюю Тунгузку, лѣтъ 60 или 90 тому назадъ, существовали подземныя гари, отчего эта рѣка и получила названіе Горѣлой. Въ послѣднее время намъ пришлось слышать отъ тунгусовъ, что подобная гарь существуетъ и понынѣ, безъ сомнѣнія не въ дальнемъ растояніи отъ упомянутой рѣки. Въ 80 или во 100 верст. отъ устья р. Таймуры, на лѣвомъ берегу, близъ самой рѣки, находится другая гарь. Площадь, гдѣ изъ подъ горячаго пепла выходитъ въ разныхъ мѣстахъ дымъ, по словамъ тунгусовъ, имѣетъ не болѣе 250 саж. въ окружности. На поверхности ея лежатъ огромные закоптѣвшіе камни. Снѣгъ тутъ не держится въ теченіе цѣлой зимы. Въ каменистыхъ разсѣлинахъ не очень высокаго, но крутаго берега Тунгузки, посредствомъ длинной палки, съ прикрѣпленнымъ на концѣ оной трутомъ, достаютъ изъ этой гари огонь. Говорятъ, что и около береговыхъ разсѣлинъ

(1) Pallas, Neue Nord. Beitr. III, p. 114.

жарко. Въ окрестностяхъ описанной нами гари растеть березникъ, ольха и хвойный лѣсъ, а версть на 30 южнѣе, гдѣ лѣтъ 60 тому назадъ, на правомъ берегу р. Таймуры, была такая же гарь, растеть даже боярышникъ. О существующей близъ Таймуры гари было извѣстно, лѣтъ полтораста тому назадъ, Витзену; жаль только, что онъ не описываетъ мѣстоположенія этой гари, вслѣдствіе чего нельзя знать упоминаетъ ли онъ о потухшей, или о нынѣ существующей. Судя по этимъ гарямъ надобно полагать, что въ описываемыхъ нами мѣстностяхъ, по долинамъ, на значительное пространство, залегаетъ каменный уголь. Около 71° с. ш., на р. Боганидѣ, въ разрытомъ холмѣ, въ которомъ, между прочимъ, находился и каменный уголь, Миддендорфъ открылъ также признаки бывшего пожара (1).

Кстати упомянемъ въ заключеніе и о томъ, что между 71 и 72° с. ш., на лѣвомъ берегу Енисея, верстахъ въ десяти отъ бывшего Звѣрева зимовья, есть довольно значительный холмъ, въ которомъ встрѣчается янтарь, большею частію въ видѣ мелкихъ зеренъ; точно такой же янтарь примѣченъ по тундрамъ и берегамъ моря, въ особенности между Енисеемъ и Обью, а также близъ рѣкъ Хатанги и Хеты. Еще есть близъ Ледовитаго моря, на востокъ отъ Таймырскаго края, озеро, называемое Ладоннахъ, на берегахъ коего выкидывается множество янтаря мутнаго цвѣта.

Еще Степановъ, въ своемъ описаніи Енисейской губерніи, замѣтилъ невѣрность очертанія на картахъ береговъ Ледовитаго моря, составляющихъ къ сѣверу естественныя границы Туруханскаго края. На картѣ, составленной при управленіи Генеральнаго Штаба Восточной Сибири въ 1861 году, берега Ледовитаго моря, отъ устья Оби до р. Анабаръ, обозначены съ значительными измѣненіями противу прежнихъ картъ, однакожь таковое показаніе береговъ противурѣчитъ картамъ, составленнымъ при Гидрографическомъ Департа-

(1) Путеш. Мидденд., ч. 1, стр. 245.

ментѣ, по стѣмкѣ лейтенантовъ Овчина и Лаптева, которые были единственными лицами, производившими въ 1737—1742 годахъ описаніе береговъ на упоминаемомъ пространствѣ. Всмотрѣваясь въ журналы этихъ мореходцевъ, мы находимъ прочемъ, что и карты Гидрографическаго Департамента оказываются неудовлетворительными. Вотъ что говорится въ журналѣ Овчина: «6 августа (1737 г.) находились въ широтѣ 72°46', у праваго берега Обской губы, близь устья залива, называемаго «Гыдыамъ», вдавагося внутрь берега, къ юго-востоку, на 160 верстѣ, въ вершинахъ котораго впадаетъ рѣчка того же имени. Направленіе прилива на SW по 3½ мили, отлива NO съ равною скоростію. 6 августа, вышедши въ море на широтѣ 73°56', встрѣтили густой высокими буграми стоящій ледъ, на которомъ сидѣло множество чаекъ. Глубина, на этомъ мѣстѣ была 11 саж., теченіе моря примѣчено къ западу по ¾ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Потомъ повертели къ берегу на юго-востокъ и впереди льдовъ уже не было видно. На другой день усмотрѣли на в.-с.-в. землю. Глубина моря была 7, 6 и 5 саж. Грунтъ сѣрый, крѣпкій песокъ. 10 числа прибыли къ невысокому ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи отъ онаго ½ мили, на глубинѣ 2½ саж. Сѣверный мысъ былъ тогда на с.-в. а южная оконечность берега на юго-востокъ. Для осмотра сего берега посланъ былъ на ялботѣ штурманъ Мининъ, который къ вечеру возвратясь донесъ, что онъ нашелъ берегъ ровный невысокій; положеніе его отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. По заплескамъ его лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса. Внутри берега находится 6 озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкой, впадающею въ море. По озерамъ и рѣчкамъ водится множество дикихъ гусей и чаекъ. Земля вездѣ тундренная и нѣтъ никакого растенія. Широта этаго мѣста найдена 74° 10'. Склоненіе компаса ½ румба восточнѣе. Теченіе моря примѣчено съ 7 часа утра до полудня 3½ мили къ сѣверу.

Делилевъ термометръ, при туманной погодѣ, показывалъ 135°. Слѣдующіе 7 дней, при противной погодѣ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 17-го числа находились въ широтѣ 73°18', тогда Сѣверный мысъ, называемый «Мать-соль» (по-самоѣдски Тупой мысъ) отстоялъ на в.-ю.-в. въ 3½ миляхъ. На семъ мысу поставили изъ выброшеннаго лѣса знакъ съ надписью: что онъ (Овцинъ) 16 августа 1737 г. прошолъ къ востоку. Вода въ этомъ мѣстѣ горька и солона, цвѣтомъ свѣтлозеленая. Приливъ и отливъ N и S по 3¼ мили. Идучи далѣе на востокъ, на глубинѣ 10, 7 и 5 саж. замѣтили 17-го числа множество лѣса, несомого отъ S къ N. Глубины оказывались неравныя и обширныя мели простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мать-соль, къ юго-востоку, вдался большой заливъ на 100 вер., ширины до 35 вер. Далѣе сего залива до устья Енисея берегъ идетъ къ юго-востоку на 160 вер. 30 августа подошли къ устью Енисея» (О мысъ безъ названія и о Воронцовскомъ заливѣ, показанныхъ на картѣ Генеральнаго Штаба, въ журналѣ Овцина не упомянуто).

1 сентября Овцинъ вошелъ въ устье р. Енисея остановившись у запасныхъ магазиновъ, нарочно для него устроенныхъ. Широта сего мѣста, по наблюденію высоты солнца, найдена Овцинымъ 71°31'. Склоненіе компаса $\frac{3}{4}$ румба восточнѣе. По картѣ, составленной при Гидрографическомъ Департаментѣ, устье Енисея показано подъ 72°10' с. ш. (отъ Гр., отъ Ф. 89°50') и 82°20' в. д. съ журналовъ мореплавателей; на имѣющейся же у насъ картѣ, составленной въ 1790 г. землемѣромъ Козловскимъ, устье Енисея обозначено подъ 70°50' с. ш. и 98° в. д., а на картѣ Генеральнаго Штаба подъ 71°52' с. ш. и 100° в. д. Степановъ говоритъ, что Енисей впадаетъ въ море подъ 71°51' с. ш. (¹).

На картѣ Генеральнаго Штаба берегъ моря, отъ устья

(¹) Опис. Енис. губ., часть I, стр. 32.

р. Енисея, идетъ на сѣверъ, на протяженіи 130 вер. Чрезъ 80 вер. показанъ мысъ, подъ названіемъ Ефремовъ камень, и около него маленький островъ, а чрезъ 40 верстъ мысъ Каменный и при немъ острова: Долгій и Плоскій. Отъ мыса Каменнаго до устья р. Пясиной направленіе берега на в.-с.-в. На разстояніи по прямой линіи 160 вер. на этомъ пространствѣ, близъ берега, показаны четыре островка и одинъ изъ нихъ названъ Моржовымъ. На планѣ землеѣра Козловскаго видимъ совсѣмъ другое. Отъ устья Енисея берегъ направляется на с. и с.-з. верстъ на 100, а именно до мыса, названнаго Оленьимъ; мысъ этотъ вдается въ море не болѣе какъ на 2 вер. Далѣе къ сѣверу, чрезъ 5 верстъ, показанъ мысъ Ефремовъ, который выдвигается въ море довольно узкою полосой земли верстъ на 19. За Ефремовымъ мысомъ на с. с.-з., чрезъ 18 верстъ новый небольшой мысъ, называемый «Нижній». Отъ этаго мѣста положеніе берега на с.-с.-в. Чрезъ 20 верстъ, а именно при устьѣ р. Малой, обозначена губа, шириною верстъ на 10. Противъ губы островъ довольно узкій, называемый «Долгій»; онъ простирается съ востока на западъ верстъ на 10. Неподалеку отъ Долгаго острова, съ западной стороны, есть другой небольшой островъ, именуемый «Плоскимъ.» За губою р. Малой, а именно отъ мыса Каменнаго, направленіе берега на с.-в. до самой губы Подволошной, а именно верстъ на 25. Заливъ Подволошный вдается въ материкъ на югъ верстъ на 9, а ширина его верстъ на 6. За губою Подволошную, и именно подъ $72^{\circ}35'$ с. ш. и 98° в. д., показанъ мысъ «Носъ Маяшный», идущій въ море прямо на сѣверъ верстъ на 9. За тѣмъ далѣе, до устья р. Пясиной, показаннаго подъ $72^{\circ}41'$ с. ш. и $102^{\circ}24'$ в. д., на разстояніи по прямой линіи 222 версты, положеніе берега на в. и мѣстами на с.-в. На означенномъ пространствѣ впадаютъ въ море четыре рѣки, а именно: 1-я, въ 65 верстахъ отъ Маяшнаго мыса, — р. Рѣчешна; 2-я, въ 95 верстахъ, — Еремѣева;

Выползовой, за незначительнымъ мысомъ, есть двѣ, въ разстояніи другъ отъ друга 15 вер., весьма значительныя отмели, названныя «карги.» Наконецъ отъ мыса Каменнаго (близъ Малой губы) берега опоясаны грядою острововъ, которые постепенно отдаляясь въ море придвигаются къ берегу снова около устья р. Пясиной. Изъ всей группы острововъ замѣчательны только три, расположенныя между рр. Рѣчешной и Ереминой. Первый, называемый Рѣчешный, расположенъ отъ материка въ 45 верстахъ. Длина его 42, а ширина до 10 верстъ. На сѣверо-восточной сторонѣ его значительная отмель, называемая «карга». Второй, именуемый «Плоскій», находится отъ материка въ 40 верстахъ, 3-я, въ 125 верстахъ, р. Кузкина и 4-я, въ 160 вер. отъ того же мыса, — р. Выползова. Отъ устья р. Малой до р. Кузкиной берега возвышенны и каменисты, а отъ Кузкиной становятся отлоги. Между рр. Кузкиной и Выползовой, въ разстояніи отъ берега на 10 верстъ, показанъ небольшой островъ, именуемый «Моржовый.» На востокъ отъ устья р. длина его 30, а ширина 6 вер. Этотъ островъ лежитъ нѣсколько южнѣе преждеописаннаго и отдѣляется отъ него проливомъ шириною въ 4 вер. Наконецъ третій Кусейнъ, длиною 18 верстъ. Всѣ эти острова простираются съ юга на сѣверъ; на поверхности ихъ значительныя каменистыя возвышенности.

Изъ описанія штурмана Минина мы усматриваемъ только, что отъ зимовья Вилгина, лежащаго подъ $72^{\circ}20'$ с. ш., каменистый и утесистый берегъ идетъ къ сѣверу. Въ широтахъ $72^{\circ}53'$ глубина моря найдена 15, а подъ $74^{\circ}43'$ с. ш. 8 и 10 саж., но далѣе глубина внезапно такъ увеличивается, что лотомъ недостають дна. Въ широтѣ $73^{\circ}8'$ Мининъ стоялъ на яворѣ за утесистымъ каменистымъ островомъ, лежащимъ отъ материка въ 4 миляхъ; а Стерлиговъ, плававшій отъ этого острова къ берегамъ, въ 40 миляхъ отъ судна нашель, что берегъ, большею частію скалистый, заворотилъ на востокъ, и дальній мысъ, видимый

впереди, былъ отъ него на в.-с.-в. въ 16 миляхъ. Въ это же путешествіе Мининъ обозначилъ устье р. Пясиной подъ 73°38' с. ш. Штурманъ Стерлиговъ, описывавшій положеніе этихъ береговъ зимою въ 1740 г., не прибавилъ ничего новаго, кромѣ того, что подъ 73°5' онъ находился у сѣверо-восточныхъ острововъ, а на широтѣ 75°26' поставленъ имъ, на высокомъ каменистомъ утесѣ, маякъ. Миддендорфъ же полагаетъ это мѣсто подъ 75°10' с. ш. (1).

Отъ устья р. Хатанги къ западу до устья р. Пясиной берега Ледовитаго моря обозначены на картахъ:

	По картѣ составленной при Генер. Штабѣ.		По картѣ Гидрогр. Департамента.		отъ ф.
	Сѣв. шир.	В. д. отъ ф.	Сѣв. шир.	В. д. отъ Гр.	
Заливъ Нордвикъ . . .	73°30'	135°40'	73°30'	117°30'	(136°10')
Устье Хатанской губы .	74°30'	135°42'	74°40'	117°40'	(136°20')
Заливъ Петровский . .	76°35'	133°	76°30'	115°30'	(132°30')
Губа на сѣверъ отъ Пет- ровскаго залива . .	77°	124°	непоказано.		
Мысъ Св. Ѳаддея . . .	77°20'	124°14'	76°48'	106°17'	(123°57')
Островъ Св. Самуила . .	77°30'	125°	77°	107°	(124°40')
Сѣверо-восточный мысъ .	78°20'	122°30'	77°34' (?)	105°	(122°40')

Извѣстно, на описанномъ нами пространствѣ берега моря были обслѣдованы лейтенантами Прончищевымъ, Лаптевымъ и штурманомъ Челюскинымъ въ 1736, 1738, 1740 и 1741 годахъ. Но эти изслѣдованія, на основаніи которыхъ составлена и карта при Гидр. Департ., какъ мы увидимъ сейчасъ, были такъ неудовлетворительны и неполны, что изъ нихъ невозможно составить опредѣлительнаго заключенія о положеніи береговъ.

Ширину Хатангской губы, по опредѣленію Прончищева, должно считать въ 240 вер. Посреди оной, говоритъ этотъ мореплаватель, лежитъ два острова, одинъ низменный, а другой, лежащій къ западу, каменный и утесистый. Глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 саж. Подъ широтою 76°20', на глубинѣ 2 и 9½ саж., между льдами, замѣчено было въ губѣ, про-

(1) Путешествіе Мидденд., ч. I, стр. 77.

(2) Миддендорфъ полагаетъ оконечность Сѣверо-восточнаго мыса подъ 77°32' с. ш. (лист. VII Путеш. Мидденд.).

стирающейся на юго-западъ до 150 вер., довольно остро-
вовъ, но за туманомъ, величина ихъ не опредѣлена. Ледъ
въ губѣ, во время плаванія Прончищева, стоялъ неподвиж-
но. Подвигаясь далѣе къ сѣверу, этотъ путешественникъ
видѣлъ море покрытымъ буграми плавающего льда. Глубина
моря была 4 и 5 саж., но вдругъ оказалась 113 саж., а не-
много далѣе недостали лотомъ дна. Миновавъ губу, Прон-
чищевъ увидѣлъ два острова, а между ними проливъ, шири-
ною до 8 вер. Пройдя острова и подвигаясь къ сѣверу, чтобы
обойти сплошные неломанные льды, простирающіеся изъ губы
въ море, глубина коего была отъ 10 до 35 саж., Прончи-
щевъ ошибочно полагалъ, что онъ находится противъ устья
р. Таймыры. Далѣе къ западу, по словамъ Прончищева, у
береговъ невидны никакихъ заплесковъ и ледяныя закраины
простирались въ море. Считая себя подъ широтою $77^{\circ}29'$
и въ 44 миляхъ отъ предполагаемаго имъ Таймырскаго
залива, Прончищевъ увидѣлъ невозможность продолжать путь
далѣе, отъ стоявшихъ впереди сплошныхъ льдовъ, и поворо-
тилъ назадъ. Но прежде нежели судно Прончищева вошло
въ устьѣ Оленека, — оно не разъ подвергалось большимъ
опасностямъ, и самъ Прончищевъ въ это время скончался.

Новое плаваніе моремъ лейтенанта Лаптева, на объяс-
ненномъ пространствѣ, еще менѣе знакомитъ насъ съ поло-
женіемъ сѣверныхъ береговъ. Мы узнаемъ только, что Лап-
тевъ доходилъ до $76^{\circ}48'$ с. ш. и именно до мыса Св. Оаддея.
Простираясь въ губу къ S и къ W, этотъ мысъ состоитъ изъ
утесовъ; тутъ же мелкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вяз-
кая глина и мохъ, негодный для корма оленей. Къ N W
Лаптевъ видѣлъ землю и на ней высокія горы, мѣстами
покрытыя снѣгомъ и простирающіяся отъ сѣвера на югъ,
верстъ на 30. Островъ, лежащій къ N W, около 10 миль,
признанъ къ сѣверу послѣднимъ. И такъ показаніе материка,
выдающагося нѣсколько далѣе 78° с. ш., повидимому, осно-
вано на однѣхъ только замѣткахъ штурмана Челюскина, кото-

рому отъ Лаптева была поручена опись береговъ далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ мыса Св. Оадея; но свѣдѣнія, доставленныя Челюскинымъ по этому предмету, не говоря о томъ, что имъ не было сдѣлано опредѣленія широтъ, ничтожны и даже сомнительны. Словомъ, мы не можемъ даже уяснить и того, дѣйствительно ли материкъ подъ $78^{\circ}30'$ с. ш. омывается Ледовитымъ моремъ, и нѣтъ ли за сѣверо-восточнымъ мысомъ продолженія земли.

Для дознанія о положеніи сѣверо-восточной оконечности земли и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненія, не соединяется ли она съ другимъ материкомъ или архипелагомъ, снаряженіе новой сухопутной экспедиціи дѣйствительно было бы необходимо.

Намъ не разъ приходилось слышать на мѣстѣ рассказы о томъ; что на морѣ есть иная земля, откуда переходятъ песцы и бѣлые медвѣди. Не тянутся ли отъ Новой земли, въ видѣ архипелага, острова къ сѣверо-восточному мысу? На картѣ, изданной Штраленбергомъ въ 1730 г., сѣверная оконечность Туруханскаго края представляется соединенною съ сѣверо-восточнымъ берегомъ Новой земли, посредствомъ узкаго и длиннаго перешейка. Штраленбергъ увѣряетъ, что онъ слышалъ объ этомъ перешейкѣ отъ людей, которые нѣсколько дней проѣзжали по немъ. Миллеръ (Samml. Russ. gesch. III, стр. 159) не могъ рѣшительно опровергнуть этого понятія въ 1758 г., а только отозвался, что это соединеніе кажется несостоятельно. Сѣверо-восточную оконечность Новой земли, какъ утверждаютъ, обогнулъ Флемингъ въ 1664 г., но тогда бывшему на кораблѣ его Корнелиусу Ельмертсу видѣлась на юго-востокѣ земля, которую и стали потомъ называть его именемъ ⁽¹⁾. За тѣмъ что мы можемъ сказать о самомъ

⁽¹⁾ Кстати, приведемъ здѣсь свѣдѣнія о другихъ неудавшихся экспедиціяхъ. Сибирскій винный откупщикъ Лобановъ, желая открыть путь изъ устья Енисея въ Архангельскъ, въ 1775 г. отправилъ по Енисею галіотъ, который, вступивъ въ море и подвигаясь на востокъ, вскорѣ, за неопытностію капитана и по случаю оказавшихся въ суднѣ поврежденій, долженъ былъ вернуться обратно. Говорятъ,

морѣ, развѣ только то, что оно не замерзаетъ, а что на немъ вѣчно носятя льды, достигающіе вышиною до 30 саж. и принимающіе видъ утесистыхъ сопокъ, а по мѣстному выраженію «стамухъ». Въ Карскомъ морѣ, которое съ сѣверо-запада заграждено отъ Ледовитаго моря Новою землею, льды, не имѣя выхода къ сѣверу, носятя густыми массами, въ особенности близъ Маточкина Шара.

При устьяхъ рѣкъ Анабары, Хатанги и Енисея море замерзаетъ между 1 октября и 10 ноября, а вскрывается съ 20 іюня и 1 іюля. Въ Хатангской губѣ за 74° шир. движеніе льда не прекращается во всю зиму. Къ концу лѣта льды относятся въ сѣверу южными вѣтрами, иногда на весьма дальнее растояніе, а при сѣверныхъ вѣтрахъ, которые впро-

изъ экипажа, зимовавшаго въ устьяхъ Енисея, половина сдѣлалась жертвою цинготной болѣзни. Въ 1783 г. лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ не имѣли также никакого успѣха въ намѣреніи съ запада пройти въ р. Енисей. Архангельскій купецъ Брантъ, по проэкту Ключова, снарядивъ три мореходныхъ судна, изъ коихъ два имѣли назначеніе узнать удобность плаванія по Карскому и Ледовитому морямъ, поручилъ экспедицію лейтенанту Кротову и подпоручикамъ Пахтусову и Козакову. Главная цѣль этой экспедиціи состояла въ томъ, чтобы открыть торговныя сношенія съ Сибирью. Въ началѣ августа 1832 г. шлюпъ «Новая Земля» и шкуна «Енисей», первый подъ командою Пахтусова, а вторая подъ командою Кротова, отправились для описи восточнаго берега Новой Земли и изслѣдованія пути къ р. Енисею. Результаты этой экспедиціи неизвѣстны. Лейтенантъ Крузенштернъ на шкунѣ «Ермакъ», съ экипажемъ изъ 21 человѣка, отправился 2 августа 1862 г. отъ береговъ Печоры по Ледовитому морю къ устьямъ Енисея. На седьмой день плаванія, у острова Варандея, увидѣли они въ первый разъ множество пловучаго льда. 10 августа шкуна вошла въ узкій проливъ, называемый Югорскій шаръ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка. На слѣдующій день открылось Карское море, покрытое громаднымъ льдомъ, совершенно похожимъ на высокія горы. Въ ожиданіи разсвѣта у Вайгача брошенъ былъ якорь, но едва прошло часъ времени, какъ вода стала прибывать, сдѣлалось сильное теченіе изъ океана въ Карское море, куда началъ тоже валить ледъ огромными массами чрезъ Югорскій шаръ, и шкуну понесло льдинами. Сколько моряки не старались дать шкунѣ надлежащее направленіе, все было напрасно: ее несло на востокъ вмѣстѣ со льдомъ. 1 Сентября сдѣлался сильный штормъ, шкуну выпихнуло на ледъ на пять футовъ и положило на лѣвый бортъ. Видя что невозможно ни продолжать плаваніе, ни остаться зимовать на льдахъ, за недостаткомъ дровъ, Крузенштернъ рѣшился оставить шкуну и пѣшкомъ по льду добраться до берега, что и удалось ему исполнить въ теченіи восьми дней, проведенныхъ среди неизбѣжныхъ при такомъ путешествіи опасностей.

чемъ начинаются въ концѣ августа, льды приближаются обратно къ берегамъ и тогда приливами выбрасываются на берегъ морскія растенія, между которыми, говорятъ, бываютъ такіе листья, которые достигаютъ въ ширину до 4 футовъ. Приливы вообще, какъ надобно полагать, не превосходятъ 3 фут.; только въ Хатангской губѣ у острова Преображенія, находящагося при входѣ въ эту губу, между приливомъ и отливомъ Лаптевымъ найдено 7 футовъ.

Зимою температура морской воды бываетъ ниже нуля, а въ лѣтнюю пору, при южныхъ вѣтрахъ, теплота достигаетъ до 15°.

Прибрежье материка и острововъ, въ морѣ лежащихъ мѣстами прерываются въ разныхъ направленіяхъ слоями мутнаго ила, проникнутаго льдомъ, который растаивая, время отъ времени, оставляетъ по себѣ русла болѣе или менѣе глубокия. Въ такихъ мѣстахъ земля осыпаясь принимаетъ видъ разнообразныхъ возвышеній, преимущественно конической формы. Такія осыпи встрѣчаются преимущественно по западнымъ берегамъ моря.

Самые сѣверныя предѣлы края, безъ сомнѣнія, въ древности были дномъ моря, по нынѣ край поднялся на цѣлыя сотни футовъ. Не вдалекѣ отъ Нижней Таймыры Миддендорфъ находилъ морскія раковины, нынѣ живущія въ Ледовитомъ морѣ.

Кромѣ раковинъ, въ Таймырскомъ краѣ встрѣчаются еще и другіе свидѣтели прежняго присутствія моря, какъ напримѣръ вывѣтрившійся и ошелоченный плавникъ, который въ древности, очевидно, шелъ по большимъ рѣкамъ, и послѣ многолѣтнихъ странствованій, былъ заносимъ иломъ у береговъ. Еще въ 1741 г. Лаптевъ, достигнувъ 74° с. ш. у Таймырскаго полуострова, употреблялъ на топливо плавникъ, лежащій на берегу, въ 10 саж. надъ уровнемъ моря. Но болѣе всего замѣчательно то, что онъ видѣлъ толстые, гнилые разщепившіеся стволы деревьевъ, выглядывавшіе изъ обвала на 25 саж.

надъ линіей воды и однако надъ этими стволамиросло, какъ выразился Лаптевъ, еще 5 саж. земли. Мѣсто это находится около 73° с. ш. на каменистомъ рифѣ, ограничивающемъ устье Хатанги, гдѣ поставленъ знакъ изъ 10 свай (1).

Намъ самимъ приходилось видѣть нѣкоторые куски окаменѣлыхъ деревь, небольшіе сучья найденные въ юговосточной половинѣ нижней Тунгузки. Къ сожалѣнію мы не можемъ указать мѣстъ и формациі, гдѣ они найдены. Впрочемъ куски окаменѣлаго дерева встрѣчаются чуть ли не по всему Туруханскому краю.

Главная водная артерія Туруханскаго края есть р. *Енисей*. Около границы Туруханскаго края Енисей (2) встрѣтилъ преграду въ значительномъ каменистомъ отрогѣ, идущемъ съ востока на западъ. Эта возвышенность, сдерживая массу воды, была причиною образованія значительнаго бассейна, шириною болѣе 45 вер. Въ бассейнѣ этомъ насчитываютъ до 77 острововъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно къ лѣвому берегу рѣки. Изъ острововъ наиболѣе замѣчательны: Анбетовъ, на которомъ расположена дер. Ворогова; длина его до 25 вер., а ширина до 15 вер.; кромѣ хвойнаго лѣса на этомъ островѣ имѣются отличные сѣнокосы. Нѣсколько сѣвернѣе о. Анбетова, между 18—19 вер. около праваго берега, почти до половины Енисея, выдается мысъ, называемый «Ножовый». Для незнакомыхъ съ мѣстностію этотъ мысъ не безопасенъ. На 26 верстѣ, къ правому берегу, расположены два небольшіе острова, покрытые еловымъ лѣсомъ, изъ коихъ одинъ называется

(1) Путешествіе Миддендорфа, ч. 1, стр. 236.

(2) По Остяцки «Куъ», по Самоѣдски «Дѣдосій», по Тунгузки «Ендрица»; на Остяцко-Самоѣдскомъ нарѣчій «Пюль-чандысь-кольде» т. е. каменная широкая рѣка; въ древности называлась «Уйтуръ Муранъ». Настоящее названіе происходитъ вѣроятно отъ испорченнаго Тунгузскаго слова «Юандези», коимъ называлась р. Ангара, составляющая значительный притокъ Енисея. Рѣка по Остяцки «Сисъ», по Юроцки «Яга», по Самоѣдски «Бигаи», по Тунгузки «Бри», на Остяцко-Самоѣдскомъ нарѣчій «Кы».

«Тетка», а другой «Дядя»; послѣдній окруженъ подводными камнями. Не доплывая 4 вер. до дер. Осиновой, есть островъ, называемый Красный Яръ; неподалеку отъ него расположенъ другой, неимѣющій названія, но замѣчательный тѣмъ, что на немъ находится бѣлая глина превосходнаго качества. Вся остальная группа острововъ, расположенныхъ къ лѣвому берегу, покрыта прекрасными сѣнными покосами и тальникомъ. Противъ Осиновскаго станка лежитъ островъ, называемый «Голый». Отъ этого первого Туруханскаго станка до р. Подкаменной Тунгузки Енисей направляется сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ, чрезъ 30 вер., на сѣверо-западъ. Тутъ воды Енисея съ шумомъ стремятся по разорваннымъ или разсыпаннымъ отрогамъ хребта между подводными камнями и скалами. На пути встрѣчается довольно опасныхъ для плаванія мѣстъ: такъ напримѣръ на 3-ей верстѣ порогъ, идущій по прямой линіи поперегъ рѣки; въ самую малую воду на срединѣ порога глубина бываетъ до 4¹/₂ саж. Вода стремится чрезъ порогъ двумя главными бороздами, изъ коихъ одна пролегаетъ по срединѣ рѣки, а другая къ правому берегу; на 4-й вер. подпорожье; на 6-й четыре опечка, изъ коихъ два на правой и два на лѣвой сторонѣ; на 9-й вер. гдѣ Енисей вновь расширился, посрединѣ его одинъ за другимъ лежатъ два острова, именуемые «Стародубовы». Тутъ суда плывутъ по протоку, идущей на лѣво, около острововъ. Ближе къ берегамъ, во многихъ мѣстахъ, лежатъ подводные камни и щетки, или, какъ говорятъ жители, «кармакуль»; на 11-й верстѣ, скалистый откосъ лѣваго берега называется «Коврига»; еще ниже на 13-й вер. берега Енисея, на протяженіи 2 верстъ, съ уживаются и это мѣсто называется «Щоки». Отвѣсъ скалъ, большею частію изъ зеленоватаго глинистаго сланца, достигающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 25 саж., покрытъ кое гдѣ, чахлыми деревьями, которыя держатся корнями въ узкихъ расщелинахъ между камнями. На менѣе значительныхъ возвышеніяхъ встрѣчаются гнѣзда

стрижковъ и ласточекъ. Залегающіе въ берегахъ пласты имѣютъ наклоненія до 45°. До острововъ «Кораблей», на разстояніи 8 верстъ, находятся три ямы: «корчаги»; глубина въ нихъ доходитъ до 20 саж.; на этомъ же пространствѣ выдающийся отъ лѣваго берега значительною скалою мысъ называется «Быкъ»; на этотъ мысъ, во всякое время, происходитъ весьма значительный напоръ воды. Названіе «Корабликовъ» получили два небольшіе островка, покрытые хвойнымъ лѣсомъ. За Корабликами расположенъ довольно порядочный круглый островъ, именуемый «Монастырскій»; въ изголовьяхъ этого острова находится подъ водою весьма значительная яма, гдѣ осенью и зимою ловится стерлядь. Весною и лѣтомъ около Монастырскаго острова бываетъ очень хорошій переметный промыселъ осетра. Затѣмъ на пространствѣ между островомъ Монастырскимъ и устьемъ р. Подкаменной Тунгузки, почти посрединѣ, расположены одинъ за другимъ три острова: Верхній, Средній и Таловый. Отъ порога берега Енисея верстъ на 30 внизъ по теченію рѣки возвышаются надъ уровнемъ водъ отъ 40 до 70 саж.; высотой и скалистымъ характеромъ отличается преимущественно правый, который ниже устья Подкаменной Тунгузки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опускаясь почти отвѣсно, проходитъ подъ водою до 6 саж. Въ берегахъ залегають песчаникъ и известнякъ; вершины береговыхъ утесовъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ, рябиною, калиною, ерникомъ, отчасти ольховникомъ и березникомъ.

Отъ устья р. Подкаменной Тунгузки Енисей дѣлаетъ значительную дугу, а именно верстъ на 18 на югъ, и потомъ, къ Сумароковскому станку, поворачиваетъ на сѣверъ. Лѣвый берегъ становится ниже. Черезъ 33 вер., а именно почти напротивъ станка Сумароковскаго, около лѣваго, а по мѣстному названію польскаго берега, начинается островъ «Сумароковскій»; длина его верстъ на 50, а ширина версты на полторы; весь этотъ островъ покрытъ чернымъ лѣсомъ; отъ изголовья его къ правому берегу

идеть, на довольно значительное пространство, отмель, отводящая и самое течение рѣки къ правому берегу; откосокъ этотъ, близъ котораго есть удобныя мѣста для отдыха рыбъ, называется «Сумароковское горло». Здѣсь ширина Енисея, направляющагося на с.-з. и с., не болѣе полутора верстъ, а глубина отъ этого мѣста внизъ по теченію (на пространствѣ 670 вер.) отъ 2½ до 6 саж. Ниже устья р. Бахты, верстъ на 6, начинается крутымъ изголовьемъ островъ, продолжающійся до станка Новоселовскаго; протока между этимъ островомъ и лѣвымъ берегомъ р. Енисея лѣтомъ пересыхаетъ; на восточной сторонѣ этого острова бываетъ хорошій неводной промыселъ нельмы. Ниже Новоселовскаго станка, чрезъ 14 вер., находится небольшой островокъ, именуемый «Банный»; на немъ растетъ прекрасный черемошникъ, которымъ пользуются въ особенности енисейскіе судовщики. Верстъ на 18 ниже Чулковскаго стана начинается островъ «Долгій»; длина его верстъ на 9, протока между этимъ островомъ и лѣвымъ берегомъ р. Енисея бываетъ мелка; на восточной сторонѣ острова есть рыболовные пески.

При устьѣ р. Елогуя, подъ 63°10' с. ш., начинается островъ, пролегающій внизъ по р. Енисею верстъ на 7; протока, раздѣляющая его отъ лѣваго берега, довольно мелка; лѣтомъ на восточномъ берегу этого острова бываетъ хорошій промыселъ нельмы, а около сѣверо-западнаго конца острова, гдѣ находится довольно глубокая курья, зимній промыселъ чировъ и язя. Пovyше «Кангатовскаго мыса» — три острова, называемые Кангатовскіе; они раздѣляются довольно значительною протокою. Отъ такъ называемаго Кангатовскаго мыса, Енисей поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, но верстъ чрезъ 20 направляется на сѣверъ и сохраняетъ это направленіе, если не принимать въ соображеніе незначительныхъ уклоненій на сѣверо-западъ, до самаго устья р. Нижней (Монастырской) Тунгузки. Отъ упомянутаго нами Кангатовскаго мыса, верстъ на семь по теченію р. Енисея, идутъ опечки; ихъ насчитываютъ до десяти; на этомъ

мѣстѣ русло отходить къ лѣвому берегу и направляется къ остр. «Таловому». Въ малую воду опечки эти не безопасны для плывущихъ судовъ. Островъ Таловый простирается въ длину верстъ на 15; на немъ лѣтомъ собираются остяки для промысла сельдей. Черезъ 4 вер. ниже Пескинского станка начинается островъ, пролегающій внизъ по Енисею верстъ на 16, между имъ и лѣвымъ берегомъ довольно значительная протока, въ которой бываетъ довольно хорошій промыселъ осетра, а на восточной сторонѣ острова неводной промыселъ нельмы и омуля. Здѣсь береговая возвышенность лѣваго берега р. Енисея начинаетъ отдаляться на сѣверо-западъ, и, чрезъ это, берегъ становится наволошнымъ; наволокъ этотъ простирается въ ширину отъ 15 до 90 вер., а въ длину, параллельно р. Енисею, верстъ на 450; эта низкая, песчаная, а мѣстами и болотистая, полоса земли покрыта озерами, между коихъ растутъ березникъ, тальникъ, черемха и ольха. Черезъ 4 вер. ниже Марковского (Фатьяновскій) станка тянется, верстъ на восемь, островъ; протока, раздѣляющая его отъ лѣваго берега, лѣтомъ почти пересыхаетъ. Около южной оконечности этого острова есть довольно значительная курья, гдѣ бываетъ промыселъ рыбы и въ зимнее время; отъ излогоя же острова, версты на три, идутъ опечки и отмели, гдѣ бываетъ неводной промыселъ. Черезъ 10 вер. отъ Ямскаго станка начинается островъ, именуемый «Покульскій»; длина его около 8 вер. Противъ Баклановскаго станка такой же островъ, называемый «Таловымъ»; на немъ лѣтомъ существуетъ хорошій переметный промыселъ красной рыбы. Ниже Таловаго, верстахъ въ двухъ, находится другой, очень длинный островъ, именуемый «Черный», на южномъ концѣ котораго есть отмель, гдѣ лѣтомъ происходитъ рыбная ловля. Отъ Чернаго острова, внизъ по теченію рѣки, верстъ на восемь, идутъ опечки; такіе же опечки есть около праваго берега противъ Пескинского и нѣсколько ниже Балшинскаго станковъ; послѣдніе тянутся версты на двѣ. Выше Костинскаго станка, на 5 вер., начинается

островъ, который пролегаетъ внизъ по Енисею верстъ на 10; на этомъ островѣ лѣтній и зимній рыбный промыселъ. Повыше Мельнишнаго станка существуетъ опечекъ, который рѣдко обнажается. Близъ Мироѣдинскаго станка, около лѣваго берега, есть открытыя отмели, гдѣ бываетъ отличный ловъ осетра.

При устьѣ р. Нижней Тунгузки, на правой сторонѣ, находится островъ, именуемый Монастырскимъ; на немъ прекрасные сѣнные покосы; насупротивъ этого острова выдается каменистый мысъ, а за нимъ находится рыболовная курья. По лѣвому берегу Енисея, на пространствѣ 4 вер., идутъ рыболовные пески, принадлежащіе Троицкому монастырю и отчасти крестьянамъ; эти пески окончиваются около такъ называемаго «Сухаго Шара». За Терскою косою, около лѣваго берега р. Енисея тянется верстъ на 26 островъ, называемый Большой; протока, раздѣляющая островъ отъ лѣваго берега, называется Большой шаръ; въ верхнемъ, т. е. южномъ, концѣ эта протока годъ отъ году замывается песками, и становится такъ мелка, что въ малую осеннюю воду на порядочной лодкѣ невозможно проплыть. Надобно предполагать что современемъ она, въ этомъ мѣстѣ, окончательно будетъ забита песками и образуетъ островъ; чрезъ это водяной путь въ Туруханскъ сдѣлается невозможнымъ, исключая сѣверной стороны. Въ Большой Шаръ впадаетъ р. Туруханъ. Верстахъ въ шести выше устья этой рѣки была прежде значительная протока (Малый Шаръ), окончивающаяся около Ангутскаго станка; нынѣ Малый шаръ, около г. Туруханска, лѣтомъ совершенно пересыхаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ низменные острова, скрѣпленные ивнякомъ, а равно и лѣвый берегъ, начиная отъ Пескинскаго станка въ сѣверу, верстъ на 250, а въ ширину отъ 40 до 90 вер., образованы, посредствомъ наноса, водами Енисея и горныхъ рѣкъ, съ особенною быстротою низвергающихся во время весны и уносящихъ въ этомъ стремленіи вмѣстѣ съ горами льда песокъ, щебень и даже камни, чѣмъ объясняется присутствіе послѣднихъ

въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ земли вообще глинистый. Кромѣ изслѣдованія Миддендорфа, который посредствомъ буравленія мѣстности близъ Туруханска на глубинѣ 42 фут. нашолъ слой рѣчнаго песку, мы имѣемъ въ томъ живыя доказательства въ наносномъ лѣсѣ, залегающемъ въ островахъ Енисейской губы, на высотѣ отъ горизонта воды по крайней мѣрѣ на 6 саж., а отъ поверхности острова на 1 саж. Отъ с. Монастырскаго до Шорохинскаго станка Енисей течетъ сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ на западъ; отъ Шорохинскаго къ Ангутскому станку направленіе рѣки на юго-западъ; отъ Ангутскаго станка, на растояніи 40 вер., Енисей течетъ сначала на сѣверъ, а потомъ нѣсколько на с.-в., за тѣмъ поворачиваетъ на с.-з. и западъ; отъ станка Денежкинскаго до устья рѣч. Ермановки Енисей обращается на ю.-з. Верстъ на семь выше Горошинскаго зимовья отъ р. Енисея, по наволошной сторонѣ, идетъ протока, именуемая «Баганида», оканчивающаяся впаденіемъ въ Енисей около рѣчки Куркиной. При нижнемъ концѣ этой протоки находится маленькій островъ. Все пространство земли, отдѣляемое отъ р. Енисея Баганидскою протокою, состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ, образующихся отъ рѣчекъ, текущихъ изъ протока въ р. Енисей. Отъ устья рѣч. Ермановки, гдѣ находится круглый островъ, Енисей заворачиваетъ на с.-в. и въ этомъ направленіи течетъ до Новоермановскаго станка. На этомъ послѣднемъ пространствѣ, около праваго берега, разбросано до 10 небольшихъ острововъ. Лѣтомъ водянымъ путемъ отъ Денежкинскаго до Новоерминонскаго станка считается 47 вер., а зимою, чрезъ мысъ, около 15 вер. Отъ ст. Чулковскаго до Ермановскаго мыса, на растояніи 570 вер., правый берегъ, не превышающій 30 саж., усыпанный камнями известняка и песчаника, по окраинамъ имѣетъ незначительные мыски (карги), между которыми бывають иногда незначительные заливы (куры). Лѣвый берегъ, начиная отъ Шорохинскаго станка, по прежнему песчаный, съ примѣсю глины,

становится обрывистъ; въ немъ мѣстами замѣчаются слои охры съ желѣзистыми окисями; здѣсь ширина Енисея не превышаетъ $4\frac{1}{2}$ вер., а глубина 9 саж. Отъ Новоермановскаго станка до с. Дудинскаго, за исключеніемъ небольшихъ уклоненій на западъ, общее направленіе рѣки на сѣверъ. На этомъ пространствѣ, между Карасинскимъ и Шушковскимъ станками, находятся два острова: первый «Никоновъ», а нѣсколько ниже его «Самоѣдскій»; на послѣднемъ собираются для рыбнаго промысла карасинскіе самоѣды. Между Шушковскимъ и Игарскимъ станками, на разстояніи 40 вер., разбросаны одинъ за другимъ три острова, первый безъ названія, въ длину верстъ на 10, второй «Губинскій», верстъ на 15, и третій «Самоѣдскій», верстъ на 11. Русло Енисея, начиная отъ рѣч. Ермановки до Плахинскаго станка, т. е. на разстояніи 170 вер., суживается почти на половину, берега возвышаются и самое теченіе водъ становится быстрѣе. Здѣсь глубина доходитъ до 20 саж. Ниже Плахинскаго станка, а именно отъ рѣч. Грязной, лѣвый берегъ Енисея, называемый «Юрацкимъ», снова понижается и каменистая хотя и весьма незначительная возвышенность отделяется отъ него на сѣверо-западъ; за тѣмъ этотъ берегъ только при самомъ впаденіи р. Енисея въ море сравнивается съ правымъ, т. е. дѣлается каменистымъ и возвышеннымъ; правый же берегъ, именуемый «каменнымъ», оставаясь до самаго моря возвышеннымъ, преобразовывается, по мѣрѣ отдаленія къ сѣверу, въ супесчаный. Осыпаясь отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, онъ принимаетъ видъ разнообразныхъ возвышеній, преимущественно коническихъ.

Отъ с. Дудинскаго Енисей поворачиваетъ на сѣверо-западъ, и въ этомъ направленіи течетъ до рѣч. Малышовки; отсюда до Крестовскаго зимовья на западъ, далѣе къ Толстому носу на сѣверъ и с.-з. На описанномъ нами пространствѣ глубина Енисея бываетъ различна, напр. около Потаповскаго станка до 27 саж., Хантайскаго 3 саж., Дудинскаго $5\frac{1}{2}$ саж., Ерми-

ловскаго 6 с., Крестовскаго 9, Казанцова до 23 саж.; ширина у Лузинскаго станка 3 вер., при с. Дудинскомъ 5, у Лаптуковскаго станка $7\frac{1}{2}$ вер., а у Крестовскаго 15 вер. Къ сѣверу отъ с. Дудинскаго начинается островъ, называемый Леонтьевъ, который, располагаясь ближе къ лѣвому берегу, простирается верстъ на 28, за нимъ, на сѣверо-западъ, находится другой, небольшой островъ. Между Крестовскимъ и Селякинскимъ станками, около лѣваго берега, находится весьма значительный островъ, именуемый «Песочнымъ», а напротивъ его, почти на срединѣ Енисея, находится другой, небольшой островъ, подъ названіемъ «Пашковъ»; отъ сѣвернаго конца этого острова, по теченію рѣки, на разстояніи версты, идутъ печки. По окончаніи Песочнаго острова, начинается такой же «Казанцовъ», имѣющій въ длину 10 вер.; на этомъ островѣ хорошіе рыболовные пески съ балаганами и лѣтовьями жителей. Напротивъ сѣверной оконечности острова Казанцова, ближе къ правому берегу, лежитъ небольшой островъ «Богатый». По выше Сѣчинскаго станка, около праваго берега, напротивъ устья рѣч. Кирговской, подводный опечекъ. Кромѣ упоминаемыхъ острововъ, около лѣваго берега р. Енисея, при устьяхъ рѣкъ Пилятеи и Таламы, развѣтвляющихся въ нѣсколько протоковъ, образовалось довольно много обширныхъ и мелкихъ острововъ, на коихъ бываетъ весьма хорошій промыселъ гусей. Напротивъ Толстаго-носа, подъ 70° с. ш. и $103^{\circ}30'$ в. д., русло Енисея суживается до 24 вер. а далѣе къ сѣверу вновь расширяется верстъ на 60 и болѣе. Въ двухъ верстахъ ниже Толстоносовскаго зимовья, на берегу Енисея лежитъ небольшой деревянный голубецъ, покрытый двумя камнями; тутъ могила какого-то Пимена, погребеннаго здѣсь въ незапамятные времена. Говорятъ этотъ человекъ былъ сосланъ за какое-то преступленіе, въ которомъ обвиненъ напрасно и присужденъ къ повѣшенію на мѣстѣ ссылки. Казнь послѣдовала, несмотря на увѣренія Пимена, что вскорѣ послѣдуетъ ему прощ-

ніе; оно и дѣйствительно потомъ послѣдовало. Мѣстные жители оказываютъ большое почитаніе къ памяти Пимена. На берегу, гдѣ расположено зимовье Толстый-носъ, хотя и замѣчается мысъ, носящій названіе «Толстый-носъ», но мысъ этотъ весьма незначителенъ; тогда какъ сѣвернѣе его, верстъ на 26, правый берегъ, круто заворотившись на востокъ, разстояніемъ верстъ на 50, образовалъ тупой, весьма значительный мысъ, различающійся на мѣстѣ подъ двумя названіями, а именно: ближайшій, въ разстояніи отъ Толстаго-носа 23 вер., незначительный мысъ называется «Максунинскій», а далѣе къ сѣверу тупой отмельный мысъ—«Лопатка». Отошедшій отъ Лопатки берегъ, какъ сказано, на востокъ, поворачивается обратно на с.-з. и чрезъ это образуется губа.

Подъ 71°51' широты Енисей, съуживаясь верстъ на 9, вливается въ Ледовитое море. Тутъ у лѣваго берега есть обширная песчаная отмель (лайда). Наискось отъ мыса Лопатки въ губѣ лежитъ первый значительный островъ, называемый «Охотскій»; (длины 18 вер.); на западной сторонѣ его находятся двѣ прекрасныя рыболовныя тони. Къ сѣверу отъ упомянутаго острова расположенъ другой,—«Сопошный»; длина его 45 или 50 вер.; на немъ, какъ равно и на соседственномъ островѣ Бреховскомъ, (длина коего 16 вер.), находятся лучшія рыболовныя мѣста. Насоновскимъ островомъ кончается къ сѣверу вся значительная группа острововъ Енисейной губы, которые всѣ одинаково песчаны, съ примѣсю илистой глины, покрыты изрѣдка корявымъ ивнякомъ и мохомъ, испещрены разщелинами, произшедшими отъ морозовъ и небольшими озерами, гдѣ во множествѣ плодятся гуси и лебеди. Берега этихъ острововъ низки, обрывисты и загромождены отвалившимися глыбами. Глубина Енисейной губы, къ правому берегу, простирается отъ 10 до 30 пещ. саж. На этомъ же берегу, при устьѣ рѣч. Сопошной, возлѣ значительнаго плоскаго каменистаго мыса, находится замѣтый пескомъ бригъ св. Захарія. Изъ нѣкоторыхъ явленій, какъ напри-

мѣръ: обмелѣніе и даже совершенное обнаженіе дна нѣкоторыхъ протоковъ, поросшихъ ивнякомъ, отсутствіе въ р. Енисей рыбы рогатки, которая прежде доплывала до г. Туруханска, нѣсколько позднее, противу прежнихъ лѣтъ, появленіе рунной рыбы, — жители хотя и выводятъ предположеніе, что русло Енисея нѣсколько обмелѣло, но эти замѣчанія кажутся намъ несправедливыми. Извѣстно, что главное русло рѣки, за немногими исключеніями (1), идетъ около праваго берега по естественной своей логовинѣ. Съ этого пути рѣка не можетъ уже уклониться потому, что на всемъ протяженіи не встрѣчаетъ препятствій. Такимъ образомъ, мы видимъ, съ одной стороны, постепенное углубленіе около праваго берега р. Енисея, производимое напоромъ значительной массы водъ, а съ другой, ту же послѣдовательную постепенность въ обмелѣніи лѣваго и вмѣстѣ съ тѣмъ засореніе многихъ протоковъ; покрайней мѣрѣ такой выводъ, въ отношеніи водъ Енисея, мы дѣлаемъ за послѣднее столѣтіе. Что же касается до того, что въ послѣдніе годы не доплываютъ даже до с. Дудинскаго рыба рогатка и морское животное бѣлуха, да и самый ходъ рунныхъ рыбъ сталъ замедляться, то это объясняется обмелѣніемъ лѣваго берега и расположенныхъ около него протоковъ.

Длина теченія Енисея, въ предѣлахъ Туруханскаго края, простирается до 1720 вер. На этомъ пространствѣ вскрытіе Енисея сопровождается слѣдующими явленіями: при устьѣ р. Подкаменной Тунгузы весенняя прибывъ водъ начинается 10—15 апрѣля, а самое вскрытіе происходитъ между 26 апрѣля и 2 мая; движенію льда обыкновенно предшествуетъ прибывъ водъ, не менѣе какъ на 3½ саж. Повыше, а именно въ «Щекахъ», хотя спирающійся ледъ и задерживается, дней на 5—7, но за всѣмъ тѣмъ, по случаю быстрого, въ этихъ мѣстахъ, теченія водъ, онъ догоняетъ подкаменно-

(1) Между станками Осиповскимъ и Сумароковскимъ, и ниже Туруханска, между Новоермаковскимъ и Носовскимъ, русло Енисея, по случаю одинаковой возвышенности береговъ, принимаетъ видъ корыта.

тунгусскій лёдъ, и тогда, смѣшавшись въ густую массу, вышающуюся надъ поверхностію воды на 4 и даже на 5 арш., движется медленно. Еслибъ тотъ же морозъ, которому лёдъ обязанъ своею толщиною, не связалъ почву въ твердую крѣпкую массу, то опустошеніе и разрушеніе береговъ было бы весьма значительно. При с. Монастырскомъ Енисей вскрывается 8—15 мая; вообще же, начиная отъ границы Енисейскаго округа до г. Туруханска, въ теченіи 40 лѣтъ, самое раннее вскрытіе рѣки было 23 апрѣля и самое позднее 17 мая. Бывали случаи, что сломанный на Енисей лёдъ, по случаю наступившихъ морозовъ, вновь скрѣплялся. Сѣвернѣе вскрытіе Енисея бываетъ: въ разстояніи отъ Туруханска на 250 вер., между 18 — 28 мая; около с. Дудинскаго — 25 мая и 5 іюня; въ устьѣ Енисея — 12—20 іюня. Очищеніе Енисея отъ льдовъ продолжается не болѣе 18 дней. Въ мелкихъ мѣстахъ, въ особенности тамъ, гдѣ острова, несущійся лёдъ спирается и, громоздясь, производитъ искусственныя плотины. Во время этихъ заторовъ, а также при разрывѣ ихъ напоромъ воды, въ массахъ несущагося льда, нерѣдко гибнетъ значительное количество рыбы. Эти искусственныя плотины бываютъ причиною значительнаго поднятія водъ. Лёдъ, нагроможденный по берегамъ, иногда версты на двѣ внутрь, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей непрерывно разрушаясь, представляетъ иногда очень замѣчательныя явленія; на томъ мѣстѣ, гдѣ, напримѣръ, были нѣчто въ родѣ пирамиды прекраснаго зеленаго цвѣта съ блестящими отливами, — чрезъ минуту является пещера. Самый большой разливъ бываетъ обыкновенно по совершенномъ очищеніи Енисея отъ льда; вода подымается, въ особенности выше Туруханска, на 10 и 12 саж.; болѣе 3 сутокъ вода не стоитъ на одной мѣрѣ. Въ колебаніи между прибылью и убылью водъ проходитъ недѣли двѣ; теченіе водъ тогда очень быстро и сильныхъ волненій на Енисей не бываетъ. Въ это время плыветъ по рѣкѣ довольно лѣса, который южными вѣтрами и прибывается иногда къ

лѣвому берегу; между плавникомъ нерѣдко несутся плоты, лодки и даже цѣлыя барки, которыя, со вплытіемъ въ Енисейскую губу, большею частію тамъ и остаются, будучи прибиты вѣтрами къ островамъ. Къ іюлю мѣсяцу вода входитъ въ межень; тогда теченіе водъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: въ утесахъ, выше Подкаменной Тунгузки, — 13 и 14 вер. въ часъ; отсюда въ сѣверу да станка Мирнаго, — 7 и 8 вер.; отъ этаго послѣдняго станка до таковаго же Насовскаго отъ 5 до 6 вер., а далѣе до с. Дудинки — 2 $\frac{1}{2}$ и 3 вер.: въ часъ. Ниже этаго села медленность въ теченіи водъ еще болѣе замѣтна; за Толстымъ-носомъ воды Енисея принимаютъ характеръ озера, и, при сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, движутся обратно; тогда морская вода входитъ въ устье Енисея верстъ на 70 и болѣе; чрезъ это въ рѣкѣ въ концѣ іюля и въ половинѣ августа прибыль водъ бываетъ аршина на полтора и болѣе. Особенно сильное на рѣкѣ волненіе производятъ только сѣверные вѣтры; въ низовьяхъ Енисея валъ рѣдокъ, но крупень; выше Туруханска — валъ частъ и мечется повсѣ стороны, а потому болѣе опасень. Вода въ Енисей имѣетъ цвѣтъ нѣсколько зеленоватый или темнофіолетовый, а во время разлива, или волненія, отъ смѣшенія съ иломъ и пескомъ — буроглинистый; но почерпнутая въ посуду съ быстротою осаживается, представляясь въ величайшей прозрачности. Омывая безчисленныя массы кварца, глины, сланца, известняка и мергеля, вода эта, несмотря на присутствіе въ ней желѣзистыхъ кислотъ, впрочемъ едвали замѣтныхъ въ общей массѣ, довольно пріятна и здорова. Лѣтомъ, въ тихую погоду, гладкая поверхность Енисея подобна хорошо отполированной стали; въ ней, съ необыкновенною отчетливостію, отражаются облака. Къ вечеру зеркальная поверхность водъ принимаетъ фіолетовый отблескъ. Среднимъ числомъ Енисей покрывается льдомъ:

Вблизи Подкаменно-Тунгусскаго станка	Между 28 октября и 5 ноября ⁽¹⁾ .
Сѣвернѣе, на 300 верстѣ	25—30 октября.
При с. Монастырскомъ	5—15 октября.
› станкѣ Шупиковскомъ, въ разстояніи отъ Турухан- ска 250 верстѣ	2—8 октября.
› с. Дудинскомъ	Между 25 сентября и 5 октября.
Въ устьяхъ Енисея	1—20 октября.

Позднее покрытіе льдомъ устьевъ Енисея, въ сравненіи съ мѣстностію при с. Дудинскомъ, происходитъ отъ того, что сѣверные и сѣверо-западные вѣтра препятствуютъ укрѣпленію льда. Замерзанію водъ предшествуетъ прибыль въ оныхъ (отъ густоты льда) аршина на 3 и даже на 5 фут. Шуга продолжаетъ идти дней 10 и 12. Нерѣдко послѣ холоднаго сѣвернаго вѣтра, который былъ причиною появленія шуги и даже скрѣпленія льда не только на маленькихъ, рѣчкахъ но даже въ иномъ мѣстѣ и на самомъ Енисеѣ, появляется, при южномъ вѣтрѣ, оттепель, и тогда, отъ выпадающихъ дождей, ледъ ломается и превращается въ шугу. Эти оттепели, замедляя рѣкоставъ, бывають причиною изобилія шуги и самаго льда, массы котораго, въ иныхъ мѣстахъ, надвигаясь другъ на друга, производятъ тороса, а въ курьяхъ, набиваясь иногда до самаго дна, губятъ рыбу. Скрѣпленный такимъ образомъ ледъ, по мнѣнію жителей, общаетъ, на будущій годъ, хорошій рыбный промыселъ. Съ утвержденіемъ на Енисеѣ льда, происходитъ въ водахъ онаго убыль. Толщина льда, выше Туруханска, гдѣ падаютъ въ изобиліи снѣга, бываетъ по большей части 3 ф., а ниже Туруханска, подъ 68° въ 3½ ф. подъ 69½° отъ 5 до 7 ф., въ Енисейной губѣ 7 фут. и болѣе. Мѣстами по Енисею бывають и полыньи, но зимою онѣ замерзають. Въ проложеніи по Енисею дороги препятствуютъ сначала тороса, а потомъ скатывающаяся съ верховьевъ Енисея такъ называемая „черная вода“, накопляющаяся въ Осиновскихъ порогахъ. Она появляется два раза: первый приходъ ея бываетъ въ послѣднихъ числахъ октября,

(1) Въ Енисейскѣ между 1—10 ноября.

или первыхъ числахъ ноября, а второй въ первой половинѣ декабря. Прибыль этой воды въ послѣднемъ періодѣ продолжается 12 дней, въ такой же срокъ она и скатывается въ низовья Енисея. Высота ея надъ поверхностію льда достигаетъ до $3\frac{1}{2}$ футовъ.

Всматриваясь въ порядокъ вскрытія Енисея мы найдемъ, что рѣка въ своемъ протяженіи къ сѣверу остается въ теченіи года:

Градусы широты.	Открытою.	Подъ льдомъ.
$58\frac{1}{2}^{\circ}$	194 дня	171 день.
61°	187 >	178 >
$65\frac{1}{2}^{\circ}$	153 >	212 >
67°	137 >	228 >
$69\frac{1}{2}^{\circ}$	126 >	239 >

Бичевникъ по Енисею, начиная отъ Толстаго-носа до самой границы, идетъ по правому берегу, за исключеніемъ двухъ мѣстностей, а именно: отъ селенія Сумарокова до с. Инзырева и отъ станка Чулкова до таковаго же Бородина, гдѣ плаваніе происходитъ близъ лѣваго берега.

Главнѣйшими притоками Енисея, въ предѣлахъ Туруханскаго края, можно считать: съ правой стороны—рѣки Подкаменную Тунгузку, Бахту, Нижнюю Тунгузку, Курейку, Хантайку, Дудинку, Гольчиху, Глубоку и Зырянку; съ лѣвой стороны — Елогуй, Туруханъ и Пилятку.

Подкаменная Тунгузка беретъ начало подъ 56° с. ш., изъ хребта, служащаго водораздѣломъ притоковъ рр. Лены и Илима. Источники, изъ которыхъ она образуется, лежатъ въ 10 вер. отъ р. Куты, текущей въ Лену и въ такомъ же разстояніи отъ р. Илима. Направленіе П. Тунгузки на с.-з.-с.; длина теченія простирается до 1,500 вер. Незначительная въ верховьяхъ, она только верстъ за 400 отъ устья становится довольно широкою, а именно отъ 200 до 350 саж. Устье рѣки полагаютъ подъ $61^{\circ}35'$ с. ш и $108^{\circ}1'$ в. д. Весною, съ прибылью водъ, эта рѣка чрезвычайно быстра,

но къ осени теченіе необыкновенно прозрачныхъ и какъ-бы темноватыхъ ея водъ становится гораздо тише. Обыкновенная глубина не выше 6 саж., но по ямамъ бываетъ и 20 саж. Протекая между значительными хребтами и пересѣкая нѣкоторые изъ нихъ, рѣка имѣетъ три порога, возвышенные и мѣстами скалистые берега, а дно преимущественно каменистое, а отчасти песчаное. Покрывается льдомъ въ концѣ сентября, или въ началѣ октября, и всегда, двумя или даже тремя недѣлями, ранѣе р. Енисея. Ледъ не бываетъ толще 3 четв. Вскрывается въ началѣ мая, т. е. прежде р. Енисея. До 1820 г. близъ этой рѣки бродили Тунгусы и для нихъ содержался тутъ подвижной казенный хлѣбный магазинъ, но съ того времени когда находившіеся при немъ казаки всѣ вымерли, доставка хлѣба по рѣкѣ прекращена.

Бахта вытекаетъ изъ болота, верстахъ въ 450 отъ р. Енисея; направленіе ея на западъ и отчасти на сѣверо-западъ; только въ устьяхъ ширина рѣки достигаетъ до 100 саж, а выше она не превосходитъ 40 саж.; глубина, въ обыкновенное время, отъ 1 до 1½ саж, а по ямамъ, когорыхъ въ руслѣ ея довольно, бываетъ 5 и 8 саж. Теченіе водъ быстро только весною. Протекая между возвышенными берегами, рѣка имѣетъ ложе каменистое; только въ недалекомъ разстояніи отъ устья берега становятся отлогими и покрыты хорошими сѣнными покосами. Отъ этого мѣста, вверхъ по рѣкѣ, на пространствѣ 300 вер., насчитывается до 26 пороговъ.

Нижняя Тунгузка ⁽¹⁾, одна изъ значительнѣйшихъ притоковъ рѣки Енисея, имѣетъ начало въ Иркутской губерніи. Направленіе ея на западъ и с.-з. ⁽²⁾. Длина теченія, въ

(1) По-тунгузски «Коту», по-якутски «Хатанга», а по-остяцки «Богналъ».

(2) У Мессершмидта, путешествовавшаго въ 1719 и 1727 г. (Neue Nord. Beiträge, III, 1782 г.), опредѣлены слѣдующіе пункты теченія этой рѣки:

Второе скалистое ущелье (вверхъ отъ устья)	65°51'
Устье Лѣтней рѣки, впадающей съ лѣва	65°53'
Порошинъ Камень на правомъ берегу	65°13'
Устье р. Порошины съ права	64°50'

предѣлахъ Туруханскаго края, до 3,300 вер. Впадаетъ въ Енисей, при с. Монастырскомъ, подъ $65^{\circ}47'$ с. ш. и $105^{\circ}57'$ в. д.; верстахъ въ семи выше устья отдѣляется отъ рѣки небольшая притока, текущая также въ Енисей. Весною глубина въ рѣкѣ весьма значительна, а въ обыкновенное время отъ 3 до 10 саж.; къ вершинамъ же становится гораздо мельче. Мѣстами есть ямы (корчаги), глубиною до 30 саж. и болѣе; и такіе водовороты, что плывущія карши втягиваются ко дну. Теченіе водъ, въ особенности въ началѣ лѣта, столь быстро, что пространство въ 1,200 вер. проплываютъ въ 48 часовъ, т. е. по 25 вер. въ часъ—скорость изумительная, производящая круженіе головы при взглядѣ на берега и деревья, которые мелькаютъ, наводя рябь на зрѣніе; лодка въ это время мчится, какъ щепка, повертываемая водоворотами въ

Ху островъ	64°27'
Черемховъ быкъ, на правой сторонѣ	64°34'
Жданиха на правой сторонѣ	64°14'
Семеновскій островъ	64°3'
Устье Чистковой съ правой стороны	63°39'
Устье Лѣтней съ лѣвой стороны	63°42'
Сажень Быкъ на правой сторонѣ	64°7'
Половскій Быкъ съ лѣвой	64°4'
Рѣчка Кочеризма съ правой стороны	64°12'
Левкомъ камень	63°39'
Рѣчка Размакниха съ правой стороны	63°48'
Юстинниха сопка на правой сторонѣ	63°47'
Рѣчка Пановка съ лѣвой	63°23'
Островъ Гулешовъ	63°16'
Рѣчка Ларивониха съ лѣвой стороны	63°9'
Дурновъ-Яръ съ правой стороны	62°50'
Кочорово ущелье съ лѣвой стороны	62°28'
Рѣчка Средняя Кочорова съ лѣва	62°10'
> Верхняя Корочова съ лѣва	61°26'
Скалистый берегъ Курбукачанъ съ права	61°16'
Кривой волокъ	60°27'
Рѣчка Большая Ерома съ лѣва	60°23'
Логинава заимка съ лѣва	59°5'
Краска Шивера	58°34'
Соснова Шивера	58°25'
Анкудиново ущелье съ права	58°20'
Дер. Василова на правой сторонѣ	58°11'

разныя стороны. Съ іюля мѣсяца, когда вода приходитъ въ межень, теченіе становится нѣсколько тише. Тогда обозначаются два значительныхъ порога, изъ коихъ главный называется Оронъ, въ разстояніи отъ устья на 210 вер. Въ этомъ мѣстѣ рѣка, встрѣтивъ хребетъ, разливается, образуя широкой бассейнь, коего воды сливаются и съ шумомъ прорываются черезъ хребетъ порожистымъ ущельемъ, усѣяннымъ, на разстояніи полутора верстъ, камнями большею частію громадной величины. Чтобы пробраться чрезъ этотъ порогъ въ меженную воду нужна опытность, безъ этаго здѣсь не разъ гибли частныя и казенныя довольно значительныя палубныя лодки. Обыкновенно пробираются около лѣваго берега. Въ 1862 г. въ первый разъ два плота съ графитомъ проплыли порогъ и посрединѣ рѣки благополучно. Ниже этого порога, верстъ на 60, есть другой, во многомъ сходный съ первымъ, но онъ не представляетъ столь упорной преграды водѣ. Въ 15 верстахъ ниже этого послѣдняго порога берега суживаются до 150 саж. и мѣсто это называется «щѣки». Къ вершинамъ берега рѣки, большею частію отлогіе, покрыты сосновымъ лѣсомъ, а на остальномъ пространствѣ рѣка стремится между отвѣсными скалами, высота коихъ доходитъ до 90 саж. Громоздясь въ дикомъ величіи, скалы эти, состоящія изъ темнобурого песчаника и гранита, представляютъ мѣстами видъ грозныхъ замковъ, или крѣпостей, съ многочисленными углубленіями и пещерами; иной разъ между скалъ, на площадкѣ покрытой зеленью и мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ, выдавшаяся скала принимаетъ видъ башни или развалины, а отдѣльные камни принимаютъ формы сфинксовъ и пр. Въ 30 верстахъ отъ устья Тунгузки, на вершинѣ отвѣснаго скалистого берега, часть отдѣлившейся скалы представляетъ совершенное подобіе сидящаго монаха. Инородцы, въ давнія времена, проплывая эти мѣста на своихъ легкихъ берестяныхъ вѣткахъ, бросали на скалу въ даръ, посредствомъ стрѣлъ—бѣлокъ и соболей. Есть около берега

и такія мѣста, гдѣ на версту, или болѣе, идетъ «лещацъ» т. е. сплошная масса песчаника, или глинистаго сланца, обточенная сверху и представляющая видъ мозаическаго пола. Повороты рѣки не круты, но представляютъ опасность къ плаванію по случаю подводныхъ камней и быковъ. Рѣка вскрывается большею частію ранѣе р. Енисея, а именно между 9 и 15 мая; въ вершинахъ же ледъ ломается ранѣе. Весеннія воды достигаютъ въ вышину до 5 саж. и болѣе. Во время хода льда, въ поворотахъ или сѣуженныхъ мѣстахъ, русло рѣки иногда запруживается льдинами до дна на пространствѣ 300 и болѣе сажень; вслѣдствія сего быстро поднявшаяся вода стремится по ущельямъ и раздоламъ, сворачивая вѣковые камни и затопляя лѣса. При образованіи такого рода искусственной плотины, ниже ея, русло рѣки превращается на нѣкоторое время въ незначительную рѣчку; но это величественное явленіе природы продолжается недолго; скопившаяся вода, начиная сливаться въ видѣ водопада вскорѣ напоромъ своимъ прорываетъ плотину, и страшная масса льда съ грохотомъ мчится впередъ, увлекая на пути камня, потрясая берега и насаживая на нихъ льдины цѣлыми горами во всевозможныхъ формахъ. Примѣчено, что лѣтомъ въ меженную воду вода прибываетъ иногда внезапно на аршинъ и болѣе. Льдомъ покрывается рѣка въ концѣ сѣнября и ни позже 7 октября. Въ большомъ порогѣ вода однакожъ никогда не замерзаетъ. До 1845 взводъ по р. Тунгускѣ большихъ казенныхъ лодокъ съ хлѣбомъ, происходившій въ концѣ лѣта, сопровождался всегда великими трудностями. Обыкновенно лодку, съ тяжестію 400 пуд., тянули 4 — 5 чело- вѣкъ казаковъ, а въ порогахъ въ лямку вставало до 30 чело- вѣкъ. Пространство 1,200 вер. проходили въ 40 и 43 дня, если впрочемъ ходу лодки способствовали попутные вѣтры. Рабочіе шли въ лямбахъ большею частію по лѣвому берегу, какъ болѣе для ходьбы удобному; но и тутъ имъ нерѣдко приходилось цѣпляться по скаламъ и закраинамъ съ большою

опасностию. Случалось что на откосѣ, гдѣ оказывался стремительный напоръ воды лодка быстро отбрасывалась назадъ, и въ это время изъ оплошавшихъ казаковъ кто нибудь падалъ съ разшибленною головою. Отъ сильнаго упора ногъ о камни и вообще трудной ходьбы у рабочихъ иногда до того распухали ноги, что не входили въ бродни.

Главнѣйшіе притоки Нижней Тунгузки, съ правой стороны, рѣки: 1) Сѣверная; 2) Жданиха, 3) Тишкова, 4) Горѣлая и 5) Туруга; съ лѣвой стороны: 1) Лѣтняя 2) Енохина, 3) Верхняя Лѣтняя, 4) Таймуръ и 5) Свѣтлая. Рѣка *Сѣверная* вытекаетъ изъ трехъ значительныхъ озеръ, лежащихъ отъ устья ея на сѣверо-востокъ, въ 480 вер. Первое изъ нихъ Павлово—лежитъ на сѣверѣ; длина его 45, а ширина до 19 верстѣ. Второе, въ разстояніи отъ Павлова 30 вер. и соединенное съ нимъ рѣчкой, называется «Матино»; положеніе его на сѣверо-востокъ, длина до 52 вер., а ширина до 16 вер. Третье «Калуцкое», въ разстояніи отъ Матина на 15 вер., лежитъ на югъ и съ Матинымъ соединяется притокомъ; длина Калуцкаго до 55, а ширина до 24 вер.; изъ этого послѣдняго озера начинается теченіе р. Сѣверной. Берега у означенныхъ нами озеръ возвышенны, въ особенности у Калуцкаго, къ которому съ юго-востока и сѣверо-запада подошли весьма значительныя горы. Не болѣе какъ чрезъ 100 вер. отъ устья р. Сѣверной, встрѣтивъ на пути значительный хребетъ, называемый «Сѣверной камень», стремится верстѣ на пять ущельями, наконецъ сливается между камней, обширнымъ водопадомъ, производя оглушающій шумъ, орошая окрестность брызгами и водяною пылью. На всемъ этомъ пространствѣ вода никогда не замерзаетъ; впрочемъ и ниже до самаго устья, отъ быстроты теченія, остаются во многихъ мѣстахъ полыньи въ продолженіи всей зимы. Глубину этой рѣки, за немногими исключеніями, можно полагать отъ 1½ до 3 саж. Р. *Жданиха*, по-тунгузки «Студенчана», течетъ на сѣверо-востокъ, на разстояніи 400 вер. въ устьяхъ она

не имѣть болѣе 40 саж. ширины. Р. *Горьлая*, по тунгузски «Виви», течетъ на югъ, на растояніи 550 вер. Замѣчательна тѣмъ, что отъ устья своего въ 250 вер. протекаетъ чрезъ длинное и узкое озеро, именуемое «Амоть». Длину озера полагаютъ до 60, а ширину до 3 вер. При небольшой ширинѣ эта рѣка имѣетъ значительную глубину и возвышенные, мѣстами скалистые, берега. Пороговъ по рѣкѣ нѣтъ. Говорятъ, что въ недалекомъ растояніи отъ рѣки во многихъ мѣстахъ горѣлъ каменный уголь, отъ чего и самая рѣка получила названіе Горѣлой. Р. *Туруна*, весьма значительная, беретъ начало подъ 65° с. ш. На протяженіи своемъ, около 700 вер., принимаетъ нѣсколько притоковъ и впадаетъ въ Тунгузку въ 2,000 вер. отъ устья послѣдней, довольно суженнымъ русломъ, имѣющимъ не болѣе 80 саж. ширины. Теченіе водъ довольно быстрое. Р. *Таймуръ*, протяженіе которой полагаютъ до 680 вер., а ширину до 45 саж., замѣчательна тѣмъ, что къ устью, на растояніи 50 вер., течетъ между совершенно отвѣсными скалистыми берегами, въ которыхъ пласты разныхъ каменныхъ породъ идутъ горизонтально, съ необыкновенною правильностію. Названіе рѣка получила отъ соленого озера, лежащаго отъ нее довольно близко.

Въ 1859 г. открытъ на лѣвомъ берегу Тунгузки, верстахъ въ 450 выше ея устья, графитъ, который залегаетъ отъ самаго берега внутрь онаго на неизвѣстное пространство, будучи прикрытъ сверху роговикомъ. Ширина площади до 150 саж.; въ глубину пластъ графита простирается на 6 арш.; по испытаніи онъ оказался средняго качества, землянистаго излома. Пріискъ принадлежитъ купцу М. Сидорову. Графитъ ломается штукаами до 5 и даже до 12 пуд. Минеральныя богатства Нижней Тунгузки и ея притоковъ не ограничиваются этимъ; въ ней находятъ иногда породы аметистовъ, яшмы, раух-топаза и отличные образцы мѣдной, руды. На правомъ берегу, въ 200 верстахъ отъ устья, открытъ превосходнаго качества точильный камень.

Курейка ⁽¹⁾ получаетъ начало изъ оз. Нума 1-го, находящагося отъ Енисея на в.-с.-в. слишкомъ въ 500 вер. Отъ вершинъ, на пространствѣ 400 вер. или даже болѣе, рѣка течетъ между возвышенными скалистыми берегами. Тутъ ширина рѣки не превосходитъ 40 саж.; а глубина простирается отъ 8 до 30 саж., въ особенности въ такъ называемыхъ корчагахъ. Теченіе водъ весьма быстро, особенно въ утесистыхъ берегахъ, гдѣ лодка въ часъ проплываетъ до 13 вер. Отъ устья, вверхъ по рѣкѣ, на разстояніи 60 вер., ширина рѣки отъ 300 до 350 саж.; на этомъ пространствѣ берега пологіе, съ хорошими сѣнными покосами, а самое русло не имѣетъ болѣе 7 саж. глубины. Значительная прибыль водъ, которою сопровождается идущій весной по р. Енисею ледъ, производя сильнѣйшій напоръ, вгоняетъ массу водъ со льдами въ р. Курейку, разрушаетъ ея ледъ и производитъ въ ней обратное теченіе, конечно не надолго. Иногда столько набивается въ Курейку енисейнаго льда, что не только русло, но и самые берега покрываются горами льдинъ на значительную высоту. Изъ пяти пороговъ замѣчательны только три, расположенные одинъ отъ другаго чрезъ 10 — 15 вер. Первый, и самый главный порогъ отъ устья рѣки, находится въ 137 вер. Приближаясь къ нему, за полверсты слышенъ шумъ, происходящій отъ напора водъ на скалы. По мѣрѣ приближенія, открывается замѣчательный ландшафтъ: съ сѣвера, между горными хребтами, въ довольно крутыхъ берегахъ, густо поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ, извивается рѣка свѣтлою лентою; близъ порога она выбѣгаетъ изъ-за мыса и течетъ спокойно; но вотъ водное зеркало около скалъ, находящихся посреди рѣки, какъ-бы надломилось; еще шагъ, и масса водъ, какъ будто съ яростью, бросается между этими скалами и по обѣимъ сторонамъ ихъ; но встрѣчая на каждомъ шагу громадные камни и сжатая въ скалистыхъ берегахъ, она

⁽¹⁾ По-тунгусски «Нума», по-остячки «Кулейга».

мечется блѣдно-зелеными клубами и падаетъ каскадами, орошая окрестность мельчайшею водяною пылью; отъ напора водъ береговья скалы издають глухой гулъ. Въ этомъ мѣстѣ паденіе воды, на пространствѣ 60 саж. по теченію рѣки, доходитъ до 5 саж. Пробившись такимъ образомъ чрезъ скалы, р. Курейка разливается почти на 350 саж. въ ширину, образуя весьма глубокий бассейнъ, надъ которымъ берега возвышаются покрайней мѣрѣ на 60 саж. Вода въ Курейкѣ, подобно другимъ горнымъ рѣкамъ, весьма чиста и прозрачна. Покрывается льдомъ Курейка въ первыхъ числахъ сентября, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вода стремится чрезъ пороги. Вблизи главнаго порога, на лѣвомъ берегу рѣки, открытъ въ 1861 г. тѣмъ же М. Сидоровымъ другой графитовый приискъ; толщина графитоваго пласта у рѣки оказалась 5 арш. Судя по осколкамъ графита, находимымъ не въ дальнемъ растояніи отъ р. Сухой Тунгуски, можно предполагать, что графитовая жила тянется въ сѣверу на значительное пространство.

Хантайка вытекаетъ изъ значительнаго озера того же имени, расположеннаго отъ р. Енисея въ 160 верстахъ. Направленіе ея на западъ и юго-западъ; эта, весьма незначительная по ширинѣ и глубинѣ, рѣка протекаетъ между горъ, и, подобно Курейкѣ, скатывается съ двухъ значительныхъ пороговъ.

Дудина, подобно Хантайкѣ, довольно незначительна; она вытекаетъ изъ болотъ и, направляясь на западъ и юго-западъ, впадаетъ широкимъ устьемъ въ Енисей подъ 68°30' с. ш.; длина ея теченія не болѣе 200 вер., а глубина къ устью отъ 2 до 3½ саж. Теченіе водъ въ рѣкѣ довольно спокойное; берега отлогіе; цвѣтъ воды бѣловатый. Вскрывается отъ льдовъ большею частію послѣ Енисея, а замерзаетъ ранѣе.

Гольчиха, по-самоѣдски «Сыаджягга», вытекаетъ изъ незначительнаго озера и стремится по направленію на юго-западъ; длину теченія ея полагають до 400 вер. Протекая

по открытымъ тундрамъ незначительною рѣкою, она только къ устью расширяется до 400 саж. и вливается въ Енисейную губу въ 140 вер. ниже Толстаго-Носа.

Глубока, по-самоѣдски «Джурэ», подобно Гольчихѣ, протекая по тундрамъ, по направленію на юго-западъ, впадаетъ въ Енисей, при самомъ его устьѣ. Ширина ея отъ 150 до 400 саж. Берега Глубокой, также какъ Гольчихи, круты; теченіе водъ довольно спокойное. Отъ лдянаго покрова Глубока и Гольчиха освобождаются не болѣе какъ на мѣсяцъ; толщина льда бываетъ иногда столь значительна, что въ мелкихъ мѣстахъ онъ ложится на самое дно. Глубину полагаютъ какъ въ той, такъ и въ другой рѣкѣ отъ 2 до 5 сажень.

Переходимъ теперь къ описанію лѣвыхъ притоковъ Енисея.

Елогуй въ вершинахъ образуется изъ мелкихъ рѣчекъ и, направляясь на востокъ, чрезъ 120 вер. принимаетъ, съ правой стороны, рѣч. Колу, вершина которой подходитъ къ р. Сыму и Колу; далѣе отъ Колы, чрезъ 200 вер., Елогуй поворачиваетъ на сѣверъ и съ лѣвой стороны принимаетъ рѣч. Коксу; отсюда, уклонившись на западъ, раздѣляется на два рукава и впадаетъ въ Енисей подъ 63°19' с. ш. Ширина этой рѣки не превышаетъ 450 саж., а въ верхней части теченія менѣе 60 саж. Глубина рѣки не превышаетъ 2 саж. Цвѣтъ воды бѣловатый и мутный; берега низки, и весною, съ прибылью водъ на Енисей, затопляются до рч. Коксы; до этаго же мѣста натальвается и ледъ изъ Енисея; самое теченіе водъ Елогуя въ это время становится обратнымъ, или вовсе прекращается верстъ на 200 отъ устья.

Туруханъ вытекаетъ изъ небольшого озера и направляется на югъ; чрезъ 100 вер. принимаетъ, съ лѣвой стороны, рѣч. Блудную, а потомъ еще ниже, чрезъ 70 вер., рѣч. Маковиху, вытекающую изъ довольно порядочнаго озера и впадающую въ Туруханъ съ лѣвой стороны. Далѣе по

теченію, версть чрезъ 60, съ правой стороны, впадаетъ въ Туруханъ рѣч. Чулкова. Съ этаго мѣста Туруханъ поворачиваетъ на юго-востокъ и, описавъ полукругъ, направляется на сѣверъ; затѣмъ впадаетъ въ значительную протоку р. Енисея, называемую «Большой-шаръ». На послѣднемъ пространствѣ, т. е. отъ рѣч. Чулковой, изъ нѣсколькихъ притоковъ болѣе замѣчательна рѣч. *Большая Балха*, впадающая въ Туруханъ съ лѣвой стороны, въ 160 вер. разстоянія отъ устья. Длина теченія Турухана не болѣе 670 вер., а ширина отъ 30 до 70 с. При устьѣ однакоже онъ становится нѣсколько шире. Глубина, въ вершинахъ, отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ саж., а отъ устья Б. Балхи 3 и мѣстами 6 саж. Теченіе водъ, которыя имѣютъ цвѣтъ красноватый, довольно спокойное; берега, на разстояніи 150 вер. отъ устья, крутояры, но затопляются весенними водами; къ вершинамъ они становятся выше, но отлоги; по берегамъ, состоящимъ изъ рыхлой глины и иловатаго песку, во многихъ мѣстахъ просачиваются желѣзистые ключи и ржавныя топи. Значительныя мели, встрѣчающіяся по Турухану, въ особенности въ концѣ лѣта, препятствуютъ ходу даже такихъ лодокъ, которыя несутъ груза 500 пуд. Вскрывается Туруханъ позже Енисея и, подобно Елогую, принимаетъ обратное теченіе отъ напора енисейныхъ водъ; въ это время по руслу Турухана наталкиваются льды версть на 300 отъ его устья и въ поворотахъ рѣки иногда являются цѣлыя ледяныя горы. Покрывается льдомъ Туруханъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября; толщина льда не превышаетъ 7 четвертей. Въ началѣ зимы значительное количество выпавшихъ снѣговъ одавливаетъ тонкій ледъ, вслѣдствіе чего на немъ выступаетъ вода, препятствующая ѣздѣ на оленяхъ до января мѣсяца.

Большая Хета ⁽¹⁾ получаетъ начало изъ мелкихъ тундренныхъ озеръ. Направленіе ея на сѣверъ и сѣверо-востокъ,

(1) По-харацки *Хеталъ*, а по-самоѣдски *Кетара*.

длина теченія до 600 верстъ; глубина въ обыкновенное время отъ 2 до 4¹/₂ саж.; ширина отъ 150 до 200 саж., а при впаденіи въ Енисейную губу, противъ Крестовскаго зимовья, еще значительнѣе; берега крутоярые, теченіе довольно быстрое; вскрывается въ концѣ мая и въ первыхъ числахъ іюня; прибыль весеннихъ водъ не превосходитъ 2 саж.; покрывается льдомъ въ концѣ первой или въ началѣ второй половины сентября; толщина льда достигаетъ до 2¹/₂ арш.

Пелятка ⁽¹⁾ вытекаетъ изъ тундръ, въ разстояніи отъ устья на 500, или 600 вер.; направленіе ея болѣе на сѣверъ нежели на сѣверо-востокъ.

Яра принимаетъ начало изъ оз. «Юболтай»; течетъ почти параллельно съ р. Пеляткою и впадаетъ, верстъ на 30 сѣвернѣе ея, въ Енисейную губу; длина теченія около 700 вер.; ширина отъ 130 до 200 саж., а при устьяхъ болѣе версты. Последнія двѣ рѣки, подобно р. Хетѣ, имѣютъ глубину отъ 2 до 4 саж.

Замѣчательно, что берега описанныхъ нами лѣвыхъ притоковъ Енисея преимущественно обрывисты. Главнѣйшая причина этаго заключается въ томъ, что рыхлая почва береговъ, состоящая изъ глины и илистаго песка, сколько отъ дѣйствія весеннихъ водъ и жаркихъ солнечныхъ лучей, столько же отъ просачивающихся въ оной ржавыхъ ключей, постоянно обваливается. Плавая по рѣкѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, можно замѣтить, какъ масса земли, отрываясь отъ берега, съ шумомъ катится въ рѣку, и отхлынувшая вода значительнымъ валомъ стремится на другую сторону. Такіе обвалы, расширяя русло рѣки, дѣлаютъ его мельче.

Изъ всѣхъ описанныхъ нами притоковъ р. Енисея особенно изобильны рыбою рр. Нижняя Тунгузка, Курейка и всѣ рѣки, впадающія въ Енисейскую губу. Изъ рѣкъ Туруханскаго края,

(1) По-юрацки «*Палэта*», по-самоѣдски «*Папатта*».

непосредственно впадающихъ въ океаническіе заливы, кромѣ Енисея, замѣчательны: Тазъ, Пяси́на, Таймыра, Хатанга и Анабаръ.

Тазъ ⁽¹⁾ беретъ начало подъ 62° с. ш. и 103° в. д., изъ двухъ незначительныхъ озеръ, называемыхъ по-остяцки «Кольды-Поарэль.» Версть чрезъ 60, принявъ съ правой стороны, незначительный притокъ, состоящій изъ рѣч. Неколькокъ, вытекающей изъ небольшого озера того же названія, Тазъ, весьма значительными извилинами, направляется на западъ; но чрезъ 200 или 240 вер. поворачиваетъ на сѣверъ и въ этомъ направленіи, имѣя значительные изгибы, постепенно расширяется въ Тазовскую губ. Длину теченія Таза, за исключеніемъ губы, считаютъ въ 1,100 верстъ. До впаденія рѣч. Григорки ширина Таза до 120 саж., но далѣе она постепенно расширяется, образуетъ множество протоковъ съ низменными островами; за Тазовскимъ селеніемъ ширину рѣки полагаютъ въ 380 саж., а къ самой губѣ до 3 верстъ. Не смотря на значительное протяженіе, рѣка однакоже довольно мелководна; въ вершинахъ напимѣръ глубина водъ не превосходитъ 3½ арш., а у селенія Тазовскаго 2½ саж.; теченіе водъ довольно быстро весною, когда разливъ достигаетъ до 7 печ. саж., но въ меженную воду очень медленно. Въ вершинахъ Таза оба берега нѣсколько возвышены, но далѣе къ устью они становятся плоскими; завсѣмъ тѣмъ правый берегъ замѣтно выше лѣваго; отъ береговъ, состоящихъ изъ иловатой глины и песка, почти на всемъ протяженіи рѣки выдвигаются отмели, перека́ты и опечки. Рѣка покрывается льдомъ, у Часовенскаго зимовья, въ послѣднихъ числахъ сентября и въ началѣ октября; ледъ большею частью встаетъ гладко, и только въ протокахъ бываютъ иногда тороса. Въ первыхъ числахъ ноября вода въ рѣкѣ, за исклю-

(1) По-остяцки «Докъ», по-юрацки «Ями-тазу», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Ворго-колды».

ченіемъ верховьевъ, портится (замираетъ), теряетъ свою прозрачность и цвѣтъ ея становится красноватымъ; налитая въ стаканъ, она, какъ-бы отъ мыла, начинаетъ пузыриться; постоявъ нѣсколько часовъ вода даетъ осадокъ желѣзистой окиси вмѣстѣ съ охрою. При употребленіи этой воды чувствуется боль въ горлѣ и желудкѣ. Въ теченіи зимы ледъ на рѣкѣ, частію отъ снѣговъ, а болѣе всего отъ убыли водъ, осѣдаетъ и пропускаетъ на поверхность воду, которая вскорѣ и замерзаетъ; такая «наледь» въ теченіе зимы повторяется три и четыре раза, вслѣдствіе чего толщина льда достигаетъ 3 арш. и болѣе. Вскрытіе рѣки происходитъ во второй половинѣ мая. Во время прохожденія льда многіе протоки забиваются до дна, а на островахъ надвигаются цѣлыя груды онаго. Во второй половинѣ іюня вода проходитъ въ межень.

Изъ притоковъ рѣки Таза замѣчательны съ правой стороны: р. *Большая Ширта* и *Мэсо*; съ лѣвой — р. *Толжа*, протяженіе которой полагаютъ до 500 верстъ, р. *Большая Сылка* и *Шуръ*, изъ коихъ послѣднія двѣ, протекая по направленію на сѣверо-востокъ, подобно Тазу, довольно мелки. Теченіе водъ въ означенныхъ нами плоскобережныхъ притокахъ Таза весьма медленно, зимою вода въ нихъ точно также портится какъ и въ р. Тазѣ.

По вскрытіи ледяного покрова въ Тазѣ начинаютъ wpłyвать значительныя скопища морскихъ рыбъ. Сначала идетъ икряной осетръ, потомъ чирь, нельма, пелятка и мokusунъ. Омули, стерляди и сельдя въ Тазѣ не бываетъ. Зимовавшія въ вершинахъ Таза и южныхъ притокахъ его рыбы таймень, налимъ, сорога, окунь, ершъ, язь, елецъ выплывая въ Тазъ, также совершаютъ въ это время переходы. Въ концѣ сентября и въ первыхъ числахъ октября морскія рыбы сплываютъ обратно въ море, а рѣчныя поднимаются по южнымъ притокамъ Таза на зимнія стоянки. Такимъ образомъ въ рѣкѣ не остается ни одного живаго существа.

Пяси́на (*) вытекаетъ изъ озера Пяси́на и стремится, версть на 15, между ущелій. Образовавъ около зимовья Введенскаго узкую петлю, далеко вытянутую на западъ, рѣка направляется на сѣверо-востокъ, а отъ устья Пыры на сѣверо-западъ; далѣе къ морю теченіе ея прямо по меридіану на сѣверъ. Устье рѣки полагаютъ подъ $73^{\circ}39'$ с. ш.; длину теченія до 1,000 вер.; ширина рѣки въ вершинахъ 80 саж., а чрезъ 200 вер., достигаетъ до 3 вер.; къ устью же еще болѣе расширяется. Теченіе водъ, въ особенности въ началѣ лѣта, быстрое; цвѣтъ воды нѣсколько бѣловатый и мутный; за исключеніемъ вершинъ, на остальномъ пространствѣ берега пологіе; дно песчаное; рѣка покрывается льдомъ въ началѣ первой половины октября, а къ устью ранѣе; ледъ достигаетъ 3 арш. толщиною и болѣе, а потому, въ мелкихъ мѣстахъ, вода промерзаетъ до дна; въ вершинахъ же, отъ быстроты теченія, вода, въ продолженіи цѣлой зимы, не замерзаетъ. Вскрытіе льдовъ на Пясиной происходитъ между 15 и 20 іюня, а къ устью въ половинѣ іюля мѣсяца; прибывъ весеннихъ водъ незначительна, а потому и затопляются только тѣ берега, которые низки.

Притоки р. Пясиной, съ правой стороны, рр. *Чорная* и *Дуды́нта*, съ лѣвой *Агана* и *Пыра*. Р. *Чорная* вытекаетъ изъ оз. Матушкина, и, направляясь на сѣверо-западъ, впадаетъ въ Пяси́ну, во ста верстахъ отъ устья послѣдней; длина теченія Чорной около 220 вер. Только въ вершинахъ, гдѣ Чорная незначительною рѣкою пробилась чрезъ ущелья хребта «Путора́мы», теченіе ея быстро, а далѣе къ устью воды ея катятся спокойно. Съ лѣвой стороны Чорная имѣетъ притокъ, истекающій изъ оз. Собачьяго, которое въ окружности имѣетъ около 60 вер. Р. *Дуды́нта* получаетъ начало изъ незначительнаго озера, называемаго «Салэ», находящагося въ 250 вер. отъ вершинъ р. Боганиды на сѣверо-

(*) По-самойдски «*Кинты*». Нѣкоторые впрочемъ называютъ ее «*Няміэ*».

западной сторонѣ. Отъ истока Дудынта направляется на сѣверо-востокъ, но вскорѣ, а именно версть чрезъ 60, поворачивается на юго-востокъ, потомъ на югъ; отъ впаденія же р. Авама до самаго устья течетъ на западъ. Въ вершинахъ ширина рѣки не болѣе 35 саж., а къ устью она расширяется на 150 саж. Русло состоитъ изъ перекатовъ (водитъ); отъ этаго на мелкихъ мѣстахъ глубины не болѣе 2 арш., а по ямамъ отъ 3 до $6\frac{1}{2}$ саж.; берега большею частію пологи; цвѣтъ воды прозрачный, нѣсколько бѣловатый; покрывается льдомъ въ вершинахъ въ концѣ августа и въ первыхъ числахъ сентября; а къ устью въ концѣ послѣдняго мѣсяца ледъ бываетъ толщиною до $3\frac{1}{2}$ арш., а потому рѣка, во многихъ мѣстахъ, промерзаетъ до дна. Вскрывается Дудынта въ концѣ первой половины іюня; весенняя прибыль водъ не превышаетъ $3\frac{1}{2}$ арш. и скатывается весьма скоро. Упомянутая нами р. *Авамъ* получаетъ начало изъ остроговъ хребта Путорама, посредствомъ двухъ истоковъ; одинъ изъ нихъ, «Ондодома», течетъ на сѣверо-западъ, а другой, «Чокко» — на сѣверъ; отъ соединенія этихъ притоковъ Авамъ, пробившись чрезъ незначительный хребетъ, течетъ на сѣверо-западъ; длина теченія не болѣе 280 вер.; ширина къ устью до 60 саж.; берега пологіе, покрыты рѣдкимъ лиственнымъ лѣсомъ; ложе болѣе каменистое, нежели песчаное; глубина незначительна и зимою ледъ, во многихъ мѣстахъ, промерзаетъ до дна. Р. *Агана* получаетъ начало изъ мелкихъ озеръ, лежащихъ подъ 71° с. ш., протекаетъ, на разстояніи 350 верстъ, между плоскихъ береговъ, и будучи вообще довольно мелка, замѣчательна тѣмъ, что вскрывается ранѣе р. Пясиной. Р. *Пыра* вытекаетъ изъ озера, находящагося не въ дальнемъ разстояніи отъ р. Агапы; устье Пыры можно полагать подъ $72\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. По направленію, глубинѣ и свойству береговъ, она имѣетъ большое сходство съ р. Агапою. Въ 1856 г. въ устьяхъ Пыры обмелилось до 10 бѣлугъ, которые и достались на съѣденіе самоѣдамъ.

Р. *Верхняя Таймыра* ⁽¹⁾, иначе *Горбита*, получает начало подь 73° с. ш., въ недалекомъ разстояніи отъ р. Пясиной; направленіе ея сначала на с.-в., а потомъ склоняется на сѣверъ, и подь 73°59' с. ш. впадаетъ въ оз. Таймырь. Теченіе ея довольно спокойное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно быстрое. Въ 120 вер. отъ устья ширина, въ лѣтнее время, не превосходитъ $\frac{1}{3}$ вер., но ниже, къ устью, она расширяется до полуверсты; впрочемъ къ концу лѣта, съ убылью водъ, ширина рѣки суживается; глубина на упоминаемомъ пространствѣ отъ 3 до 5 саж. Въ 150 верстахъ, а можетъ быть и болѣе, выше устья въ Верхнюю Таймыру, съ правой стороны, впадаетъ р. *Большая Логата*, получающая свое начало изъ незначительныхъ возвышенностей, въ разстояніи отъ устья верстъ на двѣсти.

Р. *Нижняя Таймыра* вытекаетъ изъ сѣверо-западнаго края оз. Таймырь. О величинѣ этого озера, посѣщеннаго Миддендорфомъ, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Направленіе Нижней Таймыры сѣверное; длина теченія верстъ сто. Устье рѣки (въ томъ мѣстѣ гдѣ находилась прежде землянка), считаютъ подь 75°35' с. ш. Лучшія свѣдѣнія о Таймырѣ находятся въ путешествіи Миддендорфа ⁽²⁾.

Р. *Хатанга* ⁽³⁾ получаетъ начало изъ трехъ озеръ: Люкшени, Тампаки и Камешки, находящихся между 68° и 69° с. ш. Направленіе рѣки главнѣйшимъ образомъ на сѣверо-востокъ; длина теченія, за исключеніемъ губы, до 600 вер.; только отъ устья р. *Монюра* Хатанга дѣлается болѣе или менѣе значительною рѣкою. По сліяніи съ р. Хетою, ширина ея доходитъ до 530 саж., а къ самой губѣ отъ 3 до 5 вер. и болѣе; глубина отъ 4 до 10 саж., въ томъ мѣстѣ гдѣ Хатанга пересѣкая хребетъ Путорама (между 71° и 72°

⁽¹⁾ По-самойдски *Битай*.

⁽²⁾ Путеш. Мидденд. ч. I. Отд. I, стр. 90 и 91.

⁽³⁾ По-якутски «Котуй».

с. ш.) стремятся между ущелий съ неимоверною быстротою, есть такіе омуты (корчаги), въ которые надплывшій предметъ немедленно втягивается ко дну и потомъ выбрасывается уже ниже, верстахъ въ пяти, совершенно изуродованнымъ о подводные камни. Далѣе къ сѣверу за хр. Путорамой лѣвый берегъ рѣки, состоящій изъ песка и глины, низовъ, а правый, будучи каменистъ, довольно возвышенъ ⁽¹⁾; русло рѣки песчаное; острововъ довольно. Между 72° и 75° с. ш. воды Хатанги смѣшиваются уже съ морскими въ широкой Хатангской губѣ, которая къ морю раздвигается почти на 200 вер. По измѣренію Прончищева, глубина въ губѣ отъ 9 до 12 саж.; посрединѣ ея два острова. Морской приливъ и отливъ совершаются правильно. Покрывается льдомъ Хатанга не въ дальнемъ разстояніи отъ губы въ концѣ первой половины сентября; но случается, что при теплой осени опять взламывается потому, что здѣсь просторъ для вѣтровъ. Толщина льда достигаетъ до 3 арш., только въ ущельяхъ хреб. Путорамы воды Хатанги не замерзаютъ. Ледяной покровъ рѣка сбрасываетъ въ началѣ второй половинѣ іюня; разливъ весеннихъ водъ бываетъ довольно значителенъ и лѣвый берегъ затопляется иногда версты на двѣ, тогда и теченіе водъ довольно быстро, но въ концѣ лѣта онѣ катятся уже спокойно. Главнѣйшіе притоки Хатанги, съ лѣвой стороны: р. *Попигай*, а съ правой: рр. *Хета*, *Балахна* и *Новая*. *Попигай* образуется изъ двухъ вѣтвей называемыхъ: «Хомичъ» и «Россоха», которыя пробившись чрезъ хребетъ «Путорами», тотчасъ соединяются. Отъ этого мѣста до самого устья Попигай течетъ на сѣверо-западъ и вливается въ Хатангу, при началѣ самой губы. Къ вершинамъ ширину Попигая полагаютъ въ 300 саж., а глубину вообще отъ 4 до 10 саж., прозрачныя, нѣсколько бѣловатаго цвѣта воды, стремятся довольно быстро, сначала въ скалистыхъ, а потомъ въ низменныхъ берегахъ;

(1) У Хатангскаго селенія 70 — 90.

Попагай покрывается льдомъ въ первой половинѣ сентября, а вскрывается во второй половинѣ іюня. Прибыль весеннихъ водъ довольно значительна. Р. *Хета* вытекаетъ изъ озера «Аянъ-Амутинъ», которое имѣетъ длины около 20 вер. и находится между 68° и 69° с. ш., не въ дальнемъ разстояніи отъ истоковъ Хатанги. Пробившись чрезъ хреб. Путо-раму Хета направляется на востокъ и с.-в. и впадаетъ въ Хатангу; извиваясь между горъ рѣка имѣетъ русло каменистое, состоящее изъ перекастовъ, а потому и глубина въ ней простирается отъ 1 до 5 саж.; ширина отъ 200 до 450 саж.; вода прозрачна; песчаныхъ мелей, откосовъ и острововъ довольно; правый берегъ выше лѣваго и мѣстами утесистъ. Въ сѣверныхъ предѣлахъ покрывается льдомъ во второй половинѣ сентября; толщина льда вообще до 2 арш., и чрезъ это рѣка, во многихъ мѣстахъ, промерзаетъ до дна, отъ чего выступающая вода на поверхности льда образуетъ наикипи, утолщающія ледъ иногда до 2 саж. Вскрытіе рѣки происходитъ между 28 мая и 8 іюня; прибыль весеннихъ водъ довольно значительна. Самый значительный притокъ Хеты есть р. *Баганида*, вытекающая изъ трехъ озеръ, расположенныхъ на сѣверѣ между 72° и 73° с. ш. Крайнее, лежащее къ сѣверу, не болѣе 20 вер.; среднее до 30 вер. въ длину и почти столько же въ ширину; третье, расположенное отъ средняго къ югу, верстъ на 15, имѣетъ, въ длинномъ концѣ, около 60 вер., а глубины отъ 3 до 6 саж. Изъ этого послѣдняго озера ⁽¹⁾ рѣка направляется на югъ и принимаетъ въ себя, верстъ чрезъ 30, съ лѣвой стороны, незначительный притокъ, изливающийся изъ оз. Томскаго; далѣе, а именно отъ зимовья Филиповскаго (подъ 70°44' с. ш.), рѣка начинаетъ уклоняться на юго-западъ и, образовавъ полукругъ, впадаетъ въ р. Хету. Въ вершинахъ Баганида имѣя видъ незначительной рѣчки, течетъ, по перекастистому руслу, довольно тихо; но

(1) Назовемъ его «Мордвиново».

отъ зимовья Филиповскаго она начинаетъ разширяться и становится быстрѣе. Цвѣтъ воды прозрачный; покрывается льдомъ Баганида въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября; въ ней также во время зимы, отъ промерзанія воды до дна, дѣлаются значительныя накипи; всерывается въ концѣ первой или въ началѣ второй половины іюня; толщина льда не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ аршинъ ⁽¹⁾.

Р. *Балахна* (по-самоѣдски *Фясседянгу*) вытекаетъ изъ озера этого же названія, расположеннаго въ 330 вер. отъ вершинъ Баганиды и не въ дальнемъ разстояніи отъ озера Таймыръ; положеніе Балахнинскаго озера на сѣверо-востокъ; ширина его около 50 вер., а длина неизвѣстна. Мѣсто, гдѣ изливается изъ него рѣка, находится около юго-западнаго конца озера. Направленіе Балахны на ю.-в. и в. Замѣчательною рѣкою она становится верстъ за полтора отъ своего устья, которымъ она вливается въ Хатангскую губу около $72\frac{3}{4}$ с. ш. Длина теченія Балахны не болѣе 450 вер. Не вдалекѣ отъ своего устья Балахна принимаетъ съ лѣвой стороны рѣч. Вадѣвскую, которая вытекаетъ изъ озера этого же названія. Вадѣвское озеро, почти круглое, разстояніемъ не болѣе 20 вер., окаймлено возвышенными берегами. Ниже рѣч. Вадѣвской, съ правой стороны, вливается въ Балахну другой притокъ, — рѣч. Безгомонная, которая также вытекаетъ изъ озера, по величинѣ болѣе значительнаго, нежели Вадѣвское, окруженнаго берегами довольно плоскими. При самомъ устьѣ Балахны есть еще незначительный притокъ, съ лѣвой стороны, вытекающій изъ озера, называемаго

⁽¹⁾ Относительное положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ Баганида и Хета сближаются наиболѣе, Миддендорфъ нашелъ: 1) съ половины дороги между Мезенскимъ и Налтановымъ 1-мъ къ Мезенскому 70° , къ Налтанову Лѣтнему 220° ; 2) отъ Налтанова Лѣтняго къ Мезенскому 74° . По направленію верхней части Хеты 335° пель-компасъ, и 3) отъ Хатангскаго погоста селеніе Крестовское на устьѣ Хеты $54\frac{1}{2}^{\circ}$, Жданиха 193° , Козачье 201° . Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ Хатангу, съ лѣвой стороны, почти противъ устья р. Хеты, вливается небольшая рѣчка, изобилующая солью.

Орговымъ, длинный конецъ котораго полагаютъ въ 40, а ширину въ 25 вер.; положеніе этого озера на ю.-в. и в. Глубина въ немъ незначительна. Р. *Новая*, вершины и направление которой неизвѣстны, вливается въ Хатангскую губу подъ $74^{\circ}15'$ с. ш. имѣя въ устьяхъ до 250 саж. ширины. Говорятъ, что берега этой рѣки плоски и песчаны. Напротивъ устья р. Новой въ Хатангской губѣ находится природная каменная арка, возвышающаяся надъ уровнемъ воды до 9 саж. Иностранцы, въ нѣмомъ благоговѣніи къ столь странному на сѣверѣ явленію природы, прикладывали къ аркѣ, въ прежнія времена, стрѣлы и звѣриныя шкуры.

Р. *Анабаръ* беретъ начало въ Якутской области, между 66° и 67° ш., образуясь тамъ изъ двухъ источниковъ, изъ коихъ одинъ,—западный, называется собственно Анабаръ и бассейномъ своимъ сближается съ притоками р. Хатанги, а другой восточный—р. Кономка, вытекаетъ изъ однихъ источниковъ съ западными притоками р. Оленека. Всѣ эти вѣтви соединяются въ одну рѣку между 68° и 69° ш. Направление Анабара на сѣверо-западъ. Длину теченіе этой рѣки можно полагать въ 900 вер.; ширина ея въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ вер. Мелководная, но довольно быстрая, она въ вершинахъ течетъ большею частію въ отлогихъ берегахъ, которые къ югу, а именно выше притока рѣч. Дориха, имѣютъ грунтъ, состоящій по большей части изъ чернозема и торфа, поросшаго древесными и травяными кореньями, а къ устьямъ берега становятся каменисты и песчаны. Опечковъ, мелей и острововъ (послѣдніе только въ сѣверныхъ предѣлахъ) по рѣкѣ встрѣчается довольно; есть даже незначительные пороги. Во времени покрытія водъ льдами и вскрытія отъ оныхъ Анабаръ сходствуетъ съ р. Поигамемъ, съ тою разницею, что весенній разливъ перваго бываетъ еще менѣе значителенъ. Въ лѣтнюю пору отъ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, препятствующихъ своею силою естественному теченію водъ, или отъ дождей, падающихъ въ юж-

ныхъ предѣлахъ, происходитъ иногда въ Анабарѣ довольно значительная прибыль водъ.

Достойно замѣчанія, что всѣ рѣки за полюсомъ въ началѣ зимы дѣлаются мелководны, а къ концу ея онѣ представляютъ рядъ котловинъ, вовсе или по большей части отдѣльныхъ одна отъ другой, между которыми ледъ образуетъ крѣпкія плотины, простирающіяся въ мелкихъ рѣкахъ до дна и примерзающія къ нему, отъ чего на поверхности ледяного покрова образуются наледи. Въ такихъ рѣкахъ какъ Анабаръ, Пяси́на, Хатанга и Хета это явленіе замѣчается только въ вершинахъ. Еслибъ верхнія теченія рѣкъ не были въ связи съ болѣе или менѣе обширными озерами, то безъ сомнѣнія онѣ зимою точно также бы изсякали, какъ это мы замѣчаемъ въ незначительныхъ рѣчкахъ. Въ теплые лѣтніе дни самая высшая температура въ упомянутыхъ нами рѣкахъ бываетъ до 13°; но это продолжается нѣсколько дней; зимою температура воды понижается почти до 0. При этомъ нужно замѣтить, что грунтъ земли на днѣ рѣкъ остается постоянно талымъ на нѣсколько футовъ въ глубину. Системы водъ рр. Пясиной, Хатанги и Анабара отличаются изобиліемъ рыбы. Едва успѣютъ эти рѣки освободиться отъ льдовъ, какъ значительныя скопища морскихъ рыбъ уже стремятся по нимъ и расходятся по притокамъ; но въ концѣ августа рыбы начинаютъ выплывать обратно въ море. Чирь идетъ прежде всѣхъ, за нимъ сельдь, сигъ, потомъ пелятка; харьюзъ плыветъ послѣ всѣхъ. Ко второй половинѣ сентября рѣки окончательно пустѣютъ отъ рыбы, только въ рѣдкихъ мѣстахъ, по глубокимъ ямамъ, остаются на зимовки болѣе склонныя въ рѣчной водѣ — таймень и сигъ. Впрочемъ и другіе роды рыбъ, кромѣ сельди, повидимому охотно живутъ во время зимы въ устьяхъ рѣкъ Хатанги, Балахны и Попигая.

Въ западной половинѣ Туруханскаго края озеръ очень довольно, но всѣ они не велики и не заслуживаютъ особеннаго вниманія; только на сѣверѣ есть довольно значительное

озеро, называемое «*Хибетту*», или *Хитское*. Оно находится вер. въ 200 отъ р. Таза, растянута въ направленіи меридіана; длина до 40, а ширина не болѣе 5 верстъ; глубина отъ 1 до 3½ саж.; берега крутые. Изъ рыбъ чирь, пелятка и щука водятся здѣсь въ изобиліи.

Изъ многочисленныхъ озеръ, расположенныхъ между рѣками Тазомъ и Туруханомъ, замѣчательно только небольшое озеро *Парусово*, въ которомъ водится преимущественно одной породы рыба, называемая «момзикъ». Говорятъ она походить нѣсколько на ельца, но голова какъ у тайменя; величиною не болѣе 4 вершковъ.

Изъ множества озеръ, находящихся въ восточной полосѣ края, болѣе замѣчательны слѣдующія:

Оз. *Мантуйское* и *Пеляжье*; онѣ расположены другъ отъ друга не въ дальномъ растояніи по лѣвой сторонѣ р. Курейки, а отъ Енисея въ 140 — 160 верстахъ. Первое изъ нихъ, растянута въ направленіи къ сѣверо-востоку, имѣетъ въ длину до 40, а въ ширину до 5 вер.; второе, будучи нѣсколько менѣе, находится къ востоку отъ перваго; оба онѣ не глубоки, окружены возвышенными берегами. Изъ рыбъ въ нихъ водится по большей части сигъ, пелятка, щука и окунь.

Три озера *Нума* находятся на среднемъ теченіи Курейки и имѣютъ круглое очертаніе. Самое большое и самое западное изъ трехъ озеръ имѣетъ въ окружности до 460 вер. Съ восточной стороны отъ него расположены одно за другимъ еще два озера, нѣсколько менѣе перваго. Самое крайнее къ востоку, посредствомъ вытекающей изъ него рѣки Ядунъ, чрезвычайно извиистой, соединяется съ среднимъ, а это послѣднее, въ свою очередь, изливается, чрезъ незначительный, но порожистый и быстрый протокъ, въ главное озеро. Протокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что принимаетъ въ себя довольно значительную рѣку. Черезъ нижнее и самое большое изъ озеръ Нума проходитъ, какъ кажется, р. Курейка. Всѣ три озера окружены горами, изобилуютъ всякаго рода рыбою,

не исключая и осетровъ. Къ сожалѣнію мы не можемъ представить объ этихъ весьма замѣчательныхъ озерахъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Оз. *Есей* находится къ с. отъ Курейки, на одномъ изъ истоковъ Хатанги. Оно имѣетъ круглую форму и въ окружности до 180 вер., берега отлогіе, покрыты таловымъ и лиственнымъ лѣсомъ; глубина озера отъ 1 до $3\frac{1}{2}$ саж.

Оз. *Некынды* ⁽¹⁾, къ ю.-в. отъ Есейскаго, съ которыми имѣетъ почти одинаковую величину, расположено между холмистыхъ береговъ, поросшихъ лиственнымъ и березовымъ лѣсомъ; глубина его до $3\frac{1}{2}$ саж. Съ сѣверо-западной стороны вытекаетъ изъ этого озера рѣч. Монюра, впадающая въ р. Хатангу, а съ другой стороны, какъ утверждаетъ, рѣка Пошфоринъ, которая, направляясь на юго-востокъ, чрезъ 150 или 190 верстъ, впадаетъ въ р. Вилюй. Такимъ образомъ оз. Некынды составляетъ пунетъ, посредствомъ котораго соединяются двѣ значительныя рѣчныя системы.

Оз. *Шурынды* находится на юго-востокъ отъ оз. Некынды верстъ на 60 или на 100 и въ растояніи отъ р. Вилюя верстъ на 30. Величина его подобна величинѣ Есею, берега возвышенные, покрыты лѣсомъ. На озерѣ находится нѣсколько острововъ.

Въ описанныхъ нами трехъ озерахъ изъ рыбъ водятся преимущественно сигъ, пелятка, налимъ, окунь, сорога и щука.

Оз. *Хантайское*, по-тунгузски *Пайторма*, расположено въ 200 вер. отъ р. Енисея, по направленію на востокъ, въ верховья р. Хантайки, пр. притока Енисея; длина его около 90, а ширина отъ 5 до 15 вер.; глубина отъ $1\frac{1}{2}$ до 6 саж., берега мѣстами отлогіе, поросшіе лѣсомъ.

На сѣверъ отъ Хантайскаго озера, въ 30 или 50 верстахъ, между горными хребтами начинаются такъ назы-

⁽¹⁾ Озеро по-остяцки «Де», по-тунгузски «Амуть», по-якутски «Кѣль», по-самоѣдски «Турку», по-юрацки «То», а на-остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Ту».

ваемые Норильскія озера, коихъ числомъ шесть; изъ этихъ озеръ *Некома* имѣтъ въ длину около 85 вер., а въ ширину отъ 1 до 2 вер.; посредствомъ незначительнаго притока оно соединяется съ оз. *Давыдовымъ*, отстоящимъ отъ Некома на сѣверо-востокъ верстахъ въ 20. Озеро Давыдово имѣтъ длины около 40, и ширины отъ 2 до 3 верстѣ. Отъ Давыдова къ сѣверу верстѣ въ 15 находится третье озеро, называемое *Быстрое*, которое въ окружности имѣтъ до 80 вер.; на немъ три острова, покрытые лиственнымъ лѣсомъ. Это послѣднее озеро соединяется съ Давыдовымъ посредствомъ незначительной рѣчки, называемой «Сянь». На сѣверо-западъ отъ оз. Быстраго, въ разстояніи 30 вер., находится оз. *Матушкино*,—восточный конецъ котораго загибается къ сѣверо-западу; длина послѣдняго верстѣ на 70, а можетъ быть и болѣе; ширина отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ верстѣ. Съ озеромъ Быстрымъ оно соединяется незначительнымъ притокомъ. Такимъ образомъ оз. Быстрое, получая воды изъ двухъ притоковъ, въ свою очередь изливается съ западной стороны въ довольно стремительномъ потокѣ, незамерзающемъ даже во время зимы. Этотъ источникъ называется рѣч. Быстринка (по-самоѣдски Нюнюдстія). Черезъ 20 вер. отъ озера онъ впадаетъ въ рѣч. Рыбную, вытекающую изъ оз. Кето и вливающуюся въ оз. Пяшно. Оз. *Кето* находится на юго-западной сторонѣ оз. Давыдова, огибая послѣднее въ видѣ полумѣсяца; длина его около 70, а ширина отъ 2 до 8 вер. Всѣ описанныя нами шесть озеръ довольно глубоки, такъ что въ нѣкоторыхъ по измѣренію, оказалось 30 саж. глуб. Цвѣтъ воды этихъ озеръ чрезвычайно прозраченъ; берега гористы и мѣстами утесисты, только восточные берега оз. Матушкина, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега оз. Давыдова нѣсколько отлоги. Протоки, посредствомъ которыхъ озера соединяются между собою, стремятся, большею частію, между утесистыхъ расщелинъ, и отъ быстроты никогда не замерзаютъ.

Оз. *Пяшино* расположено отъ оз. Быстраго на сѣверъ,

въ разстояніи 30 или 40 вер. Фигура его напоминаетъ неполный мѣсяцъ. Окружность озера можно полагать до 180 вер.; съ южной и восточной стороны оно окружено незначительными горами, поросшими лѣсомъ; на остальномъ пространствѣ берега плоски. Вообще это озеро довольно мелководно и только около сѣверо-восточнаго берега глубина въ немъ встрѣчается въ 5 и 6 саж.; озеро покрывается льдомъ одновременно съ озерами Матушеинимъ, Кето и Давыдовымъ, а именно въ послѣднихъ числахъ сентября, а вскрывается въ первой половинѣ іюня; толщина льда достигаетъ до 2 аршинъ. Изъ рыбъ, которыми вообще изобилуютъ вся группа озеръ, начиная съ Хантайскаго и окончивая Пясинымъ, встрѣчаются: кунджа двухъ видовъ и особаго вида чирь, называемый мокчугоръ, необыкновенно жирный и вкусный.

Оз. *Илькано*, находящееся къ в. отъ р. Пясины и къ с. отъ р. Дудыпты, довольно глубоко и имѣетъ въ окружности до 200 вер. Берега его возвышены; оно покрывается льдомъ въ концѣ сентября. Изъ этого озера беретъ начало рѣч. Угарная, впадающая въ правый притокъ Дудыпты.

Оз. *Мордвиново* или *Крулое*, о которомъ было выше упомянуто, находится въ верховьяхъ р. Боганиды, къ ю.-з. отъ Верхней Таймыры; оно однимъ концомъ лежитъ на сѣверъ, а другимъ на юго-западѣ, длина его около 55, а ширина до 40 верстъ. Западные берега его возвышены; глубина отъ 2 до 4 саж., между тѣмъ какъ въ сосѣдственномъ съ нимъ озерѣ Томскомъ глубина доходитъ до 8 сажень. Упоминаемыя три озера изобилуютъ всякаго рода рыбою за исключеніемъ осетра, сельди и омуля ⁽¹⁾.

Наконецъ *Таймырское* озеро извѣстно только изъ описанія Миддендорфа.

(1) Начиная отъ 72° с. ш. къ сѣверу въ озерахъ находится множество морскихъ вшей «*Monoculus arcticus*».

Въ западной полосѣ края, начиная съ 63° с. ш., почти до самаго моря, тянутся тундренныя болотистыя мѣста ⁽¹⁾ и небольшія озера; вода въ нихъ прѣсная и прозрачная, но отзывается гнилостію. Въ восточной половинѣ видны тѣже тундренныя болотистыя мѣста, расположенныя между вѣтвей горъ и покрытыя нерѣдко лѣсомъ. Эти болота и мелкія озера служатъ основаніемъ большей части рѣкъ. Къ сѣверу между 70° и 74° с. ш. тундренныя болота, пересекаемыя впрочемъ незначительными холмами и рывинами, тянутся верстъ на 80 и болѣе. По такимъ тундрамъ, во многихъ мѣстахъ, первый слой составляетъ мутный ледъ, а подъ нимъ уже слѣдуетъ грунтъ. При этомъ нужно замѣтить, что по болотистымъ мѣстамъ не вездѣ въ изобиліи растутъ оленій мохъ.

68° с. ш. можно считать предѣломъ, гдѣ прекращаются подземныя источники и ключи ⁽²⁾, за исключеніемъ соляныхъ. Въ южной половинѣ края замѣчается довольно желѣзистыхъ ключей, которые, просачиваясь изъ подъ земли, образуютъ «водиги», съ осадкомъ охры; послѣднія не замерзаютъ и зимою. Изъ соляныхъ ключей, которыми изобилуетъ въ особенности восточная половина края, по одной р. Нижней Тунгузкѣ можно насчитать до десяти. Въ 60 или 70 верстахъ отъ устья р. Сѣверной, на правомъ берегу, въ разстояніи отъ онаго не болѣе полуверсты, находится пять источниковъ, весьма богатыхъ солью. Кромѣ того, присутствіе соляныхъ ключей замѣчено въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: близъ устья р. Тольки, впадающей съ лѣвой стороны въ Тазъ, по рѣкамъ Хатангѣ (около устья Хеты) и Анабару.

Туруханскій край, расположенный почти весь за полярнымъ кругомъ и простирающійся до 78° с. ш., при открытой

(1) Болото по-остяцки «Хокътоль», по-юрацки «Лѣгэ» по-тунгузски «Тагинъ» на остяцко-согодскомъ нарѣчій «Катыпасъ-сыръ».

(2) Источникъ по-остяцки «Юкчесъ», по-тунгузски «брекачанъ», по-юрацки «моде», на остяцко-согодскомъ нарѣчій «унчыла».

покатости къ Ледовитому морю, не встрѣчая защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ, отличается суровостію и измѣнчивостію климата. Уже подъ 56° с. ш. въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ $+14^{\circ}$ Р., ртуть быстро опускается до -22° Р. Лѣтніе жары подъ этимъ градусомъ широты доходятъ до $+29^{\circ}$, а зимнія стужи до -40° . Въ дер. Сумароковой, расположенной при р. Енисей, подъ $61^{\circ}39'$ с. ш., и притомъ фут. на 590, если не болѣе, выше Туруханска, зимою иногда нѣсколько дней сряду бываютъ морозы въ -38° .

Относительно Туруханска имѣются наблюденія академика Миддендорфа за пять зимнихъ мѣсяцевъ въ 1843 и 1844 г. Присовокупляя къ этимъ наблюденіямъ свои собственныя за 1859 и 1860 г., мы сознаемся впрочемъ, что за три зимніе мѣсяца наблюденія дѣлались нами безъ соблюденія въ точности необходимыхъ въ этомъ случаѣ условій.

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	За годъ.
1843 и 1844 г.	-22,1	-24,8	-13,9	-7,0	—	—	—	—	—	—	—	-13,6	—
1859 г.	-24,2	-13,0	-7,5	-3,6	0,9	11,2	15,9	3,5	-1,6	-7,7	-17,9	-23,9	-5,8
1860 г.	-23,9	-14,9	-8,9	-2,0	2,8	10,5	13,9	4,0	-1,9	-6,2	-20,6	-24,8	-0,6
Средн. 1856 и 1860 г.	-24,0	-13,9	-8,2	-2,8	1,8	10,8	14,9	3,7	-1,7	-6,9	-19,2	-24,3	-5,8

Изъ наблюденій 1859 и 1860 г. видно, что средняя температура Туруханска для зимы (декабрь, январь и февраль) $-20,7$; для весны (мартъ, апрѣль и май) $-3,0$; для лѣта (іюнь, іюль и августъ) $-9,8$; для осени (сентябрь, октябрь и ноябрь) $-9,2$; годовая температура изъ наблюденій двухъ лѣтъ $-5,8$.

Чтобы дать лучшее понятіе о климатѣ Туруханска, сравнимъ его среднюю температуру съ другими сѣверными мѣстностями.

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ.
Устьянскъ	—30,2	—14,5	6,5	—20,6	—13,0
Нижне-Колымскъ.	—26,2	—10,5	8,3	—11,7	—10,0
Якутскъ.	—31,1	—7,7	11,5	—9,0	—9,1
Туруханскъ	—20,7	—3,0	9,8	—9,2	—5,8
Мелкая губа на западномъ берегу Новой земли	—71,7	—8,6	3,2	—6,2	—5,8
Березовъ	—17,1	—11,6	11,6	—2,9	—3,4

Метеорологическія замѣтки, имѣющіяся у насъ за 1858, 1859 и 1860 годы, показываютъ, что въ г. Туруханскѣ среднимъ числомъ бываетъ:

Число дней.								
Яс- ныхъ.	Пере- мѣн- ныхъ.	Пас- мур- ныхъ.	Оъ силь- номъ вѣтрѣ.	Дожд- ли- выхъ.	Снѣж- ныхъ.	Съгро- зою.	Число пургъ.	
Январь	12	9	10	7	—	3	—	5
Февраль	11	8	9	8	—	2	—	1
Мартъ	12	5	14	19	—	6	—	1
Апрѣль	12	7	11	14	2	4	—	—
Май	6	8	17	23	4	7	1	2
Іюнь	18	3	9	19	3	—	2	—
Іюль	21	8	2	9	4	—	3	—
Августъ	9	6	16	18	10	—	1	—
Сентябрь	3	8	19	22	6	9	—	2
Октябрь	5	10	16	14	2	16	—	6
Ноябрь	14	6	10	8	—	14	—	9
Декабрь	15	7	9	6	—	6	—	6
Въ годъ	188	85	142	167	31	67	5	32

Судя по приведеннымъ замѣткамъ и основываясь на рассказахъ жителей, климатъ г. Туруханска измѣнчивъ, т. е. въ одни и тѣ же мѣсяцы температура бываетъ весьма различна. Къ самымъ измѣнчивымъ мѣсяцамъ надобно отнести февраль, мартъ, іюль и декабрь.

Въ заключеніе приведемъ числа, когда температура воз-духа была ниже 0°.

	Въ послѣдній разъ весною.	Въ первый разъ осенью.	Число дней. между этими морозами.
Въ 1859 г.	31 мая	27 іюля	57
» 1860 »	24 мая	30 іюля	67

Разсмотримъ теперь какими явленіями сопровождаются времена года.

Во всей южной половинѣ края въ концѣ февраля и въ мартѣ мѣсяцѣ при юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ ⁽¹⁾ выпадаетъ значительное количество снѣга. Стада куропатокъ начинаютъ обратный перелетъ на сѣверъ.

Первая половина апрѣля отличается ясною погодою; тогда бывають дни, когда на солнцѣ $+14^{\circ}$ тепла. Изъ птицъ прилетаютъ первые сныгири, за ними орлы. Во второй половинѣ апрѣля, въ самыхъ южныхъ предѣлахъ края, снѣгъ, отъ выпадающихъ дождей, становится рыхлымъ, текутъ ручьи, образуются значительныя проталины и начинается перелетъ лебедей. Въ этоже время въ Туруханскѣ, при сильныхъ порывистыхъ южныхъ, юго-восточныхъ и восточныхъ вѣтрахъ, дождь смѣняется нерѣдко сильнѣйшею пургою, зато въ ясные и тихіе дни, которые впрочемъ случаются рѣдко, въ полдень бываетъ до $+10$ и даже до $+16^{\circ}$ тепла. При ослѣпительномъ свѣтѣ, происходящемъ отъ отраженія снѣгами, въ чистомъ и необыкновенно прозрачномъ воздухѣ чувствуется приближеніе весны. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля начинается прилетъ гусей; вмѣстѣ съ ними появляется иногда, весьма рѣдкій въ Туруханскѣ гость — скворецъ и нѣсколько чаекъ; но послѣднія при первомъ же сѣверномъ вѣтрѣ скрываются. Интересно видѣть, съ какою радостью встрѣчается въ Туруханскѣ появленіе каждой новой птицы, или весенней воды. Не разъ было замѣчено нами, что въ эту пору, даже въ тихій и ясный день, всетаки съ сѣвера какъ-бы вѣетъ холодомъ, а иногда потянетъ оттуда такой вѣтерокъ, что показавшаяся вода покроеется льдомъ. За всѣмъ тѣмъ въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая слой снѣга, доходящій зимою до полутера аршина и болѣе, осѣдаетъ и отъ про-

(1) Жители называютъ ю.-в. вѣтеръ — обѣдникъ, ю.-з. — шолонникъ, с.-в. — полуночникъ, с.-з. — глубникъ.

зительныхъ порывистыхъ вѣтровъ размягчается; въ озерахъ показывается вода.

Но окончательное разрушеніе ледянаго царства происходитъ только во второй половинѣ мая. Отъ западныхъ, сѣверо-западныхъ и даже южныхъ вѣтровъ постоянно падаетъ снѣгъ и дождь. Въ воздухѣ чрезвычайная сырость и мгла. Иногда на дню бываетъ нѣсколько перемѣнъ въ погодѣ и вѣтрахъ. Несмотря на возвращающіеся морозы, вода постоянно прибываетъ. Между 8 и 15 мая вскрывается Енисей, а вслѣдъ за нимъ и Нижняя Тунгузка. Тогда стоитъ только разнестись тучамъ, стихнуть холоднымъ вѣтрамъ, и пустынная природа мгновенно перерождается. Такъ 20 мая 1860 года, при -2° Р., падалъ снѣгъ и природа имѣла еще зимній характеръ, а чрезъ 4 дня въ воздухѣ, насыщенномъ испареніями и прейсполненнымъ электричества, засверкали молніи и раздались громовые раскаты. На слѣдующій день, при 28° тепла, гроза повторилась, а 31 мая на солнцѣ было уже 30° тепла. Появленіе, послѣ продолжительной сумрачной и убійственной непогоды, блестящаго, лучезарнаго, почти беззакатнаго солнца, осыпающаго землю своими животворными лучами, дѣйствуетъ необыкновенно отрадно на человѣка, отупѣвшаго среди мертвенной пустоты. Едва ли гдѣ на другихъ точкахъ земнаго шара привѣтствуется весеннее солнце съ такою радостію какъ на крайнемъ сѣверѣ. Въ тоже время туруханскій житель замѣчаетъ и совершенное отсутствіе ночи съ ея блестящими свѣтилами, которыя впрочемъ становятся незамѣтными еще съ 7 мая. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая изъ подъ бурлящаго, размягченнаго снѣга струятся ручьи; свинцовый цвѣтъ воды отъ солнечныхъ лучей получаетъ блескъ и голубой оттѣнокъ; согрѣтый воздухъ переполняется нѣжною влагою, а отъ земли струятся испаренія; изъ норъ вылѣзаютъ разныхъ родовъ мыши, бурундуки и стремятся черезъ разлившуюся воду на возвышенныя мѣста. Голодные

собаки начинают рыскать, отыскивая себѣ добычу. Въ это же время слѣдуетъ настоящій разливъ енисейныхъ водъ, поднимающихся отъ 8 до 12 саж.; р. Туруханъ сливается съ ними верстъ за сто выше своего устья. Весь таловый лѣсъ, расположенный вокругъ Туруханска на разстояніи 150 верстъ, затопляется иногда до вершинъ деревьевъ (¹). Быстро пробивается на пригрѣвахъ трава и домашній скотъ разсыпается по окрестности. Стаи гусей, лебедей, всевозможныхъ породъ утокъ, сементугъ, плишекъ и проч. кружатся въ воздухѣ или безъ остановки стремятся на сѣверъ и сѣверо-западъ, чтобы скорѣе сѣсть на гнѣзда; въ воздухѣ непрерывно слышится шумъ и свистъ отъ взмаха ихъ крыльевъ, весьма различный отъ шума полета пронизывающихъ воздухъ хищныхъ птицъ. Вся окрестность наполняется тысячами различныхъ голосовъ; въ этомъ живомъ, неподражаемомъ хорѣ къ разнообразнымъ голосамъ птицъ присоединяются рѣзкій свистъ бурундука, какъ-бы дѣтскій крикъ зайца, журчаніе ручья, шумъ водопадовъ, низвергающихся съ возвышенныхъ енисейныхъ береговъ. Въ ложбинахъ вода, поднимаясь все выше и выше, врывается въ какой-нибудь оврагъ и начинаетъ наполнять его съ шумомъ; не проходитъ и двухъ часовъ, какъ безжизненная котловина принимаетъ совершенно другую фizioномію: тамъ обрушаются нагроможденные другъ на друга льдины, трещать, ныряютъ и ломаются плывущія деревья. Самая земля какъ-бы высказываетъ свое возрожденіе отъ девяти-мѣсячнаго оцѣпенѣнія: на низкихъ песчаныхъ мѣстахъ, почти на каждомъ шагу, вода, пузырясь, выбивается въ небольшія круглыя отверстія; въ иныхъ мѣстахъ изъ подобныхъ отверстій вода стремится въ видѣ небольшихъ фонтановъ. Въ Туруханскѣ — даже сѣрая, покачнувшаяся коловольня можно сказать оживаетъ, окруженная тысячами щебещущихъ стрижковъ, и вся эта картина,

(¹) Самая большая вода, по увѣренію жителей, бываетъ чрезъ 3 или 4 года.

какъ - бы вновь вышедшая изъ рукъ Творца, охватывается блѣдно-голубымъ небомъ, испещреннымъ нѣжно - золотистыми прозрачными облаками.

Наступаетъ іюнь: быстро вытягиваются изъ нагрѣтой земли толстые пучки чемерицы, яркая зелень выбивается повсюду. Къ этому времени, а иногда нѣсколько ранѣе, приплываютъ въ Туруханскъ два, три судна, и населеніе города, дотолѣ непримѣтное, приходитъ въ движеніе. Въ первыхъ числахъ іюня вполнѣ одѣвается лѣсъ и сбываютъ воды, р. Туруханъ принимаетъ прежнее теченіе, а потому барка съ казеннымъ хлѣбомъ, приплывающая около 20 іюня, уже не безъ труда достигаетъ города. Въ первыхъ же числахъ іюня начинаютъ садить въ огородахъ рѣпу, рѣдьку, картофель и свеклу; земля оттаиваетъ тогда на пол-аршина, а на мѣстахъ, защищенныхъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и на три четверти; несмотря на близость мерзлой почвы овощи родятся порядочно. Намъ случилось однажды видѣть рѣпу вѣсомъ въ 8 фунт., но картофель и свекла бываютъ мелки; а у капусты внутренніе листы едва успѣваютъ загнуться въ маленький вилокъ, да и то только въ благопріятное лѣто. Въ 1859 г. около города, на солнечной сторонѣ, 5 іюня посѣяно было 9 ф. ячменя; къ 18 іюня онъ вышелъ, около 17 іюня выколосился, а въ первыхъ числахъ августа цвѣлъ; но 25 августа, по случаю наступившихъ холодовъ, его должны были снять недозрѣвшимъ. По умолоту оказалось однакоже зерна $1\frac{1}{2}$ пуда. Успѣшный исходъ произрастенія ячменя можно отнести только къ жаркому лѣту и позднему наступленію первыхъ морозовъ. Точно тѣмъ же можно объяснить и урожай рѣпы, рѣдьки, брюквы и даже капусты, состоящей изъ зеленыхъ безвкусныхъ листьевъ, подлѣ $68^{\circ}30'$ с. ш. Съ 2-го по 12 іюня въ Туруханскѣ солнце ночью не исчезаетъ съ небосклона; только въ теченіи 2-хъ полуночныхъ часовъ, оно теряетъ всякій блескъ и катится на горизонтъ, будучи видимо только до половины; затѣмъ снова начинаетъ подниматься; впрочемъ въ этотъ

промежутки времени солнце большею частию бывает задернуто облаками. Въ концѣ первой половины іюня дневной жаръ достигаетъ до 28° и болѣе. Еслибъ не было по временамъ сѣверныхъ вѣтровъ, то отъ избытка земныхъ испареній воздухъ былъ бы удушливъ и заразителенъ. Птицы прячутся на своихъ гнѣздахъ. Появляются мириады комаровъ и различныхъ мухъ. Погода стоитъ преимущественно ясная. Мимолетныя ночи, похожія скорѣе на утро, тихи и невыразимо прекрасны; кажется, что часа на два все что есть на землѣ, послѣ непомѣрной 22-часовой дѣятельности, погружается въ глубокий сонъ. Это самое лучшее время года въ Туруханскѣ.

Но въ то самое время, когда въ Туруханскѣ, подъ широтою 65°55', совершается столь поразительное возрожденіе природы, между 71 и 72° с. ш. нѣтъ еще и признаковъ тепла, хотя солнце тамъ не сходитъ съ горизонта, начиная отъ мая до второй половины іюля. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ здѣсь стоитъ наполовину ясная погода, при рѣдкихъ и небольшихъ сѣверныхъ вѣтрахъ. Блескъ снѣговъ, освѣщаемыхъ яркимъ солнцемъ, дѣлается невыносимо-ослѣпительнымъ. Во второй половинѣ мая, съ явленіемъ гусей, наступаетъ переломъ зимы: небо заволакивается тучами, начинаются тѣ же атмосферическія явленія, какія происходятъ въ Туруханскѣ во второй половинѣ апрѣля, съ тою разницею, что здѣсь, какъ въ болѣе сѣверныхъ и безлѣсныхъ странахъ, юго-восточные, южные и юго-западные вѣтры бываютъ сильны, приносятъ снѣгъ, пурги и только изрѣдка дождь. Въ концѣ мая сильные туманы то тяготеютъ надъ землею пасмурными облаками, то превращаются въ снѣгъ, слякоть и дождь; повременамъ появляются иней. Такая погода, при постоянной сырости воздуха, продолжается почти въ теченіи всего іюня, въ особенности ближе къ берегамъ моря. За всѣмъ тѣмъ въ концѣ первой половины іюня, когда гуси и лебеди садятся на гнѣзда, рѣки начинаютъ вскрываться, а въ гористыхъ мѣстахъ, на пригрѣвахъ, появляется тощая зелень, которую вызываютъ показывающіеся

изрѣдка солнечные лучи. Въ тѣ рѣдкіе промежутки, когда проясняется небо, воздухъ дѣлается такъ прозраченъ, что отдаленные предметы представляются съ поразительною, отчетливостію.

За полярнымъ кругомъ, а въ особенности ближе къ морю въ лѣтнюю пору вѣтры бываютъ днемъ часто очень переменчивы и по видимому имѣютъ совершенно мѣстный характеръ, такъ что направленіе вѣтра въ одной мѣстности совершенно различно отъ направленія его въ другой сосѣдней, да и кромѣ того, послѣ небольшого промежутка, смѣняется за частую противоположнымъ. По мѣрѣ приближенія къ морю, какъ напримѣръ подѣ 75° шир., грозы въ теченіи лѣта случаются весьма рѣдко и притомъ дѣйствуютъ слабо; за то росы, въ теплые дни іюля, бываютъ обильныя.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ то время, когда подѣ 71 и 73° шир., въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ близъ устьевъ Оби, Устьянска и Нижнеколымска, материкъ омывается уже Ледовитымъ моремъ, въ восточной половинѣ Туруханскаго края, онъ еще продолжается къ сѣверу до 78° с. ш., вслѣдствіе чего на немъ, подѣ тою же широтою, гдѣ въ упоминаемыхъ нами мѣстностяхъ нѣтъ никакой растительности и земля почти не оттаиваетъ, является значительное разнообразіе во флорѣ, въ особенности между горъ и лѣсовъ, по притокамъ рѣкъ Хеты, Боганиды и Хатанги, гдѣ земля оттаиваетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на аршинъ и болѣе. Тутъ, уже въ началѣ второй половины іюня, изъ подѣ тающаго снѣга начинаютъ показываться первыя листья растеній, въ началѣ іюля они уже цвѣтутъ, а во второй половинѣ этого мѣсяца растительность травъ достигаетъ иногда до 1¼ арш. въ вышину и въ это же время, въ теплое лѣто, дозрѣваютъ нѣкоторыя ягоды, какъ то морошка, красная смородина, голубика, черника, шиеша, а равно и сѣмяна въ шишкахъ лиственницы и ольхи. Ростъ лиственницы, въ описываемой нами мѣстности, бываетъ столь медленъ, что въ теченіи 10 лѣтъ она достигаетъ не болѣе 2½ арш. высоты. Въ началѣ

іюля случаются грозы, сопровождающіяся мелкимъ градомъ, а въ концѣ падаютъ дожди и наступаютъ туманы, смѣняемые инеями; быстрыя рѣки, а въ особенности ручьи, становятся или мелки или совершенно исчезаютъ. Въ лучшую лѣтнюю пору, подходя иногда въ какому нибудь озеру, обставленному густымъ лиственничнымъ пахучимъ лѣсомъ, окаймленному блѣдно-желтымъ или бѣлымъ пескомъ, а мѣстами яркимъ ковромъ зелени, и распустившихся цвѣтовъ, и видя, какъ отражается въ его спокойной, зеркальной поверхности яркое солнце и мелкая рябь прозрачныхъ облаковъ, какъ снуютъ и кружатся насѣкомыя, какъ около берега спокойно расхаживаютъ кулики, по водѣ плыветъ лебедь, подзывая слѣдующій за нимъ выводокъ встревоженнымъ, но мелодическимъ голосомъ, невольно забываешь что эти яркіе и разливающіе вокругъ теплоту, лучи солнца исчезнутъ при первомъ дуновеніи сѣвернаго или сѣверо-западнаго вѣтра, прозрачное голубое небо, отъ надвинувшихся тучъ, сдѣлается мутно-свинцоваго цвѣта, тонкою пылью понесутся дожди, забушуетъ пурга, засвиститъ и завоетъ порывистый вѣтеръ, оборветъ, уничтожитъ и развѣетъ разноцвѣтный растительный уборъ, не свойственный сѣверной природѣ; и земля, покинутая всѣмъ что живетъ солнцемъ, надолго покроется бѣлымъ саваномъ. Иногда даже такіа явленія происходятъ въ самой срединѣ кратковременнаго лѣта, такъ напримѣръ: въ 1850 г. отъ сѣверо-западнаго вѣтра, съ 6 іюля поднялась пурга и продолжалась 4 дня, въ заключеніе послѣдовалъ легкій морозъ; 7-го іюля 1857 г. отъ сѣвернаго вѣтра поднимавшаяся пурга продолжалась трое сутокъ; въ лѣсу навалило снѣгу на поларшина, а по открытымъ тундрамъ сдѣлались заструги. Оба случая сопровождались гибелью множества птицъ. Окончательно же ложится снѣжный покровъ не ранѣе какъ въ концѣ августа и даже въ первыхъ числахъ сентября, и только на открытыхъ тундрахъ зима наступаетъ нѣсколько ранѣе.

Далѣе къ сѣверу, между 73 и 78° с. ш., по берегамъ

Ледовитаго моря, несмотря на то, что солнце не сходить съ небосклона съ половины апрѣля по 15 іюля, въ теченіи краткаго лѣта, можно насчитать только отъ 6 до 10 теплыхъ дней. Хотя въ это время года сѣверные вѣтры дуютъ рѣдко, но зато и южные, вмѣсто тепла, приносятъ только сырость и дождь. Остальныя времена года сливаются въ одну мрачную картину, когда представишь себѣ, что отъ наносимыхъ съ моря густыхъ тумановъ, дождей и жестокихъ пургъ по цѣлымъ мѣсяцамъ невидна небесная свода, когда, наконецъ, наступаетъ длинная ночь съ оцѣняющими морозами, и пустыню покидаютъ даже дикіе звѣри.

Переходъ отъ мрачнаго сѣвера къ Туруханску, во время лѣта, будетъ казаться переходомъ въ благословенную страну. Это легко себѣ представить, вспомнивъ на примѣръ, что въ 1859 году 7 и 8 іюля дневной жаръ достигалъ до 32° въ тѣни и 40° на солнцѣ; тогда воздухъ, преисполненный испареніями и дымомъ отъ горѣвшихъ лѣсовъ, былъ нѣсколько дней неподвиженъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ бываютъ грозы, которыя однакожь непродолжительны. Градъ вообще выпадаетъ рѣдко и притомъ мелкій. Въ концѣ іюля травы достигаютъ полнаго созрѣванія; на луговыхъ мѣстахъ многія травы вырастаютъ до полутора аршинъ вышины, а между тальниками на влажныхъ мѣстахъ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Наступаетъ сѣнокосъ. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что на луговыхъ непоемныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ ростъ травы бываетъ вообще гораздо медленнѣе нежели въ залежахъ и другихъ нетронутыхъ мѣстахъ. Случается, что въ лугу, гдѣ дотолѣ была некое, а трава достигала до $1\frac{1}{2}$ арш., по скошеніи оной, на слѣдующій годъ ростъ ея простирается не болѣе какъ на $2\frac{1}{2}$ четверти, а если и затѣмъ трава была скошена, то на третій годъ она вырастаетъ не болѣе какъ въ $1\frac{1}{2}$ четверти. Отъ появившейся, на смѣну комара, злой моши, работы въ полѣ дѣлаются затруднительными, при необходимости надѣвать на лицо душную сѣтку. Вѣтры бываютъ хотя большею частію и сѣвер-

ные, но теплые. Къ концу мѣсяца дѣлаются видны нѣкоторыя звѣзды первой величины, ночи становятся замѣтнѣе: наступаютъ густые туманы, зелень темнѣетъ; иногда растительность покрывается серебристымъ инеемъ. Съ появленіемъ въ концѣ іюля легкихъ утреннихъ морозовъ могучее развитіе природы сдерживается. Къ этому времени поспѣваютъ ягоды: душистая княжника (*Rubus arcticus*), черная и красная смородина, голубика, черника и морошка. Замѣчено, что въ одно лѣто не родятся всѣ породы ягодъ. Намъ случилось въ окрестностяхъ Туруханска находить зрѣлую малину, но вкусъ ея далеко уступаетъ той, которая родится въ умеренныхъ странахъ. На рябинѣ ягоды тоже не всегда рождаются, бываютъ мелки и никогда недозрѣваютъ. Шишки на хвойныхъ деревьяхъ осѣменяются въ первыхъ числахъ августа, но не на каждомъ. Кедровыхъ орѣховъ родится мало, да и самыя ядра ихъ бываютъ мелки и водянисты. Изъ грибовъ въ самомъ городѣ рождаются иногда шампиньоны, а въ окрестностяхъ множество разныхъ другихъ породъ.

Двѣ трети августа погода стоитъ постоянно сумрачная, поднимаются сильныя вѣтры съ юга, сѣверо-запада и востока; иногда вѣтеръ въ теченіи дня, переменяется нѣсколько разъ и, какъ говорится, обходитъ колесомъ, но это бываетъ не всегда. Южный вѣтеръ, въ особенности осенью, продолжаетъ дуть недѣлю и болѣе; смѣняется онъ большею частию западнымъ. Послѣ восточнаго вѣтра всего рѣже бываетъ сѣверный, за то послѣдній почти постоянно приноситъ ясную погоду и холодъ. Отъ выпадающихъ въ августѣ мѣсяцѣ дождей, въ воздухѣ появляется пронзительная сырость, увеличиваемая усиливающимися туманами; древесный листъ и трава быстро желтѣютъ. Еще въ началѣ августа отлетаютъ стрижи, за ними прибрежныя птицы (кулики и пр.) и вся мелкая птица, самая мошка летаетъ только до заката солнца; съ 25 августа начинаются инеи, а къ концу мѣсяца отлетаютъ гуси.

Туруханскій инородецъ совершенно равнодушно встрѣчаетъ

печальную осень; а между тѣмъ, съ приближеніемъ сентября, все чаще-и-чаще заволакивается небо, сѣрые облака взгромождаются въ нѣсколько слоевъ и ходятъ низко; восточные и преимущественно западные порывистые и холодные вѣтры быстро разоблачаютъ лѣсъ, густые туманы не расходятся иногда по нѣскольку дней, дожди и снѣгъ падаютъ въ перемежку, лоскомъ ложится могучая трава, желтѣютъ на лиственницѣ иглы и опадаютъ. Со второй половины сентября отлетаетъ послѣдняя птица, а именно лебедь и появляются морозы, достигающіе до -5° . Часто въ непроницаемой мглѣ крутимаго въ воздухѣ снѣга слышатся жалобные крики запоздавшихъ лебедей. Къ концу мѣсяца морозы усиливаются, прекращается всякое сообщеніе и р. Туруханъ покрывается льдомъ; прилетаютъ съ сѣвера куропатки и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается восьмимѣсячная суровая зима.

Въ первой половинѣ октября, при южныхъ вѣтрахъ, изрѣдка бываютъ еще дожди, но большею частію во весь мѣсяцъ падаетъ снѣгъ. Между 10 и 25 числами покрывается льдомъ р. Енисей; морозы достигаютъ до 24° .

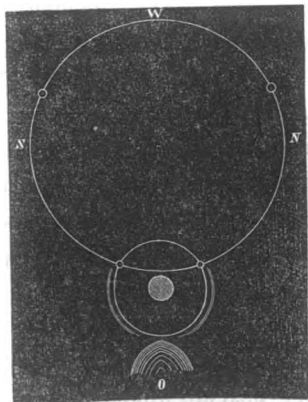
Первая половина ноября отличается изобильнымъ выпаденіемъ снѣга; во второй половинѣ сильные морозы смѣняются пургами. *Пурга* ⁽¹⁾—не вьюга и не бурань; эти послѣднія явленія природы могутъ назваться такъ сказать прелюдіями пурги и на нихъ вовсе не обращаетъ вниманія инородецъ и ѣдетъ спокойно по открытымъ тундрамъ; но когда наступаетъ въ сѣверныхъ предѣлахъ настоящая пурга, т. е. когда на землѣ и въ воздухѣ происходитъ хаосъ отъ крутимаго жесткаго и превращеннаго въ пыль снѣга, когда этою снѣговою пылью застилаетъ глаза, захватываетъ дыханіе, когда она проникаетъ въ мельчайшія скважины платья, сбиваетъ человѣка и оленя съ ногъ, словомъ, когда, по мѣстному выраженію, «пурга загремѣла» или «настала темная пурга», тогда и человѣкъ и животныя ищутъ спасенія гдѣ только

(1) По-остяцки «Хыдэнь», по-юрацки «Хаатъ».

могутъ; звѣри и единственная зимующая птица — сова, прячутся гдѣ-нибудь подъ заборъ или подъ берега рѣчекъ; инородецъ также останавливается, крѣпко привязываетъ на ремни оленей и ложится на санки головою противъ вѣтра: тоже дѣлаютъ и олени. И лежитъ инородецъ спокойно сутки, двое и четверо, не вставши, даже не покуривши страстно любимого имъ табаку; только по временамъ онъ передвигаетъ съ мѣста на мѣсто санки для корма оленей.

Пурга въ сѣверныхъ предѣлахъ бываетъ большею частію между 15 ноября и 15 января. Пурга не прекращается ранѣе сутокъ; случается, что она продолжается три, шесть и, при нѣкоторыхъ промежуткахъ, даже 12 дней сряду. За то когда очистится небесный сводъ, для глазъ путешественника отърывается сѣверное густо-синее небо съ яркосвѣтящеюся луною и блестящими звѣздами. На сѣверной сторонѣ небосклона появляется какъ-бы блѣдное прозрачное облачко; по мѣрѣ того, какъ оно начинаетъ отдѣляться отъ земли, свѣтъ его усиливается и представляется въ видѣ лучистаго свода. Не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ эти лучи, вырастая, преобразовываются въ болѣе свѣтлыя полосы по направленію къ зениту; они то исчезнутъ, то зардѣютъ вновь блѣдно-розовымъ, а иногда и радужными цвѣтами, какъ-бы волшебный огонь внезапно освѣтилъ ихъ сзади; переходы или, такъ сказать, игра свѣта представляется иногда въ видѣ лучезарнаго или огненнаго клуба; случается, что сѣверное сіяніе принимаетъ видъ коллонады. Надобно замѣтить, что переходя чрезъ зенитъ, оно нѣсколько утрачиваетъ силу цвѣтовъ и представляется большею частію въ видѣ легкаго тонкаго пара, мгновенно измѣняющагося. Чѣмъ сильнѣе бываетъ сѣверное сіяніе, тѣмъ темнѣе становится небо. При тихой и ясной погодѣ, или при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, оно продолжается всю ночь. Рѣдко, но случается, что сѣверное сіяніе прекращается разомъ, какъ-бы втянутое въ глубину неба. Это доселѣ необъясненное явленіе природы начи-

нается съ первыхъ чиселъ ноября и оканчивается въ мартѣ мѣсяцѣ. Кромѣ сѣвернаго сіянія, въ этихъ странахъ примѣтенъ нѣкоторый свѣтъ во время сумрачной ночи, происходящій не отъ бѣлизны свѣговъ. 25 ноября 1859 г. намъ случилось быть свидѣтелями слѣдующаго небеснаго явленія: въ 6 час. вечера, при 28° холода и небольшомъ восточномъ вѣтрѣ, на восточной сторонѣ небосклона образовалась огромная фигура, въ видѣ шатра; внутри ея дугообразно проходили яркія радужнаго цвѣта полосы. Нижняя часть явленія, гдѣ оканчивались дуги, была не такъ ярка, какъ суженная и обращенная на западъ; отъ этой послѣдней простирался по небу, по направленію къ западу, нѣсколько овальный кругъ, блѣдно-облачнаго цвѣта; посреди его блистала луна, казавшаяся, противъ обыкновеннаго, нѣсколько менѣе. Съ внѣшней стороны этого круга до половины его, отъ востока, тянулись дугообразныя полосы блѣдно-радужнаго цвѣта, какъ-бы для образованія новаго круга. Отъ самой луны, по направленію къ западу, простирался громаднѣйшій правильный кругъ также облачнаго цвѣта; въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ этотъ кругъ пересѣкалъ первый, нѣсколько эллиптическій кругъ, замѣчались ярко-радужнаго цвѣта пятна, какъ-бы означающія смычки; точно такія же пятна, только нѣсколько блѣднѣе,

были и на противоположной западной сторонѣ громаднаго круга. Явленіе это, видѣнное нами въ г. Туруханскѣ, продолжалось не болѣе 12 минутъ.

Для наглядности прилагаемъ чертежъ.

Въ декабрѣ погода въ Туруханскѣ стоитъ болѣе ясная, и морозы при безвѣтріи достигаютъ иногда до 40° ; воздухъ въ это время такъ густъ, что ста-

новится труднымъ для дыханія; народъ говоритъ что на дворѣ

«копотъ». Земля и ледяной покровъ надъ водами, а равно 'деревья, растрескиваясь, издають глухой гулъ. Далеко слышенъ звѣнящій ударъ топора. Желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ ломается какъ стекло; деревья, въ особенности приспособленныя соковы, становятся крѣпки какъ желѣзо, даже огонь въ кострѣ горитъ вяло. Въ первой половинѣ этого мѣсяца день бываетъ не болѣе 3½ часовъ, а солнце, выкатывающееся почти на самомъ югѣ, проходитъ по небосклону въ теченіи 2 часовъ. Въ концѣ января морозы смягчаются и погода, какъ въ этомъ, такъ и слѣдующемъ мѣсяцѣ, бываетъ ясная, при вѣтрахъ большею частію сѣверныхъ и южныхъ.

Въ заключеніе присоединяемъ здѣсь свѣдѣнія о томъ, какія понятія имѣють инородцы о временахъ года.

У инородцевъ годъ состоитъ, по большей части, изъ 13 мѣсяцевъ, хотя немногіе имъ знаютъ полный счетъ; нѣкоторые, какъ напримѣръ самоѣды и тунгузы, зиму и лѣто раздѣляютъ какъ-бы на два отдѣльныхъ года и кромѣ этого тунгузы, во время лѣта, не видятъ надобности раздѣлять время по мѣсяцамъ. Названій днямъ у инородцевъ нѣтъ. Получивъ, напримѣръ, приказаніе везти начальника, инородецъ спрашиваетъ у русскихъ: много-ли дней нужно ждать, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, ведетъ счетъ днямъ на рубежѣ. Только между нѣкоторыми крещеными якутами можно встрѣтити исчисленіе времени по обычаю, принятому у русскихъ, на такъ называемомъ «пасхалѣ»; это — палочка, сдѣланная изъ дерева, или изъ мамонтовой кости, длиною въ четверть; середина ея толще нежели концы; будучи шестигранною, она образуетъ 12 продольныхъ линій, на коихъ сдѣланы поперечные нарѣзы, означающіе число дней въ каждомъ мѣсяцѣ. Праздничные дни, для различія, означаются особыми знаками, наприм. въ январѣ новый годъ означенъ знакомъ L, Богоявленіе Господне †, и пр. Всѣхъ праздниковъ на пасхалѣ значится 50, а дней 365. О присоединеніи дня въ высокосномъ годѣ узнають у священника. Названіе мѣсяцовъ можно видѣть изъ нижеслѣдующаго:

	У остяков.	У тазовских остяков.	У врангов.	У карасинских самойдов.	У азамских самойдов.	У долгань.	У тунгусов.	У якутов.
Январь...	Дождь холодеет. Поморозь солнца.	Чель Сыгальбитын яра.	Хыдаво яры. Второй зимний.	Касаай дери. Средина года.	Сесусинг. Заря передь выхо- дом солнца.	Мону бога. Холодный мѣсяцъ.	Гыльдина. Пора, ког- да начинается от- блеск свѣтовъ отъ солнечныхъ лучей.	Куштатъ сиряи. Время первого вы- явления солнца.
Февраль...	Сюндимъ. Проморозь бѣлки.	Котмыя яра.	Совою нагово яры. Третий зимний.	Хентуа.	Тайгай чуй ин- кирта. Выходъ солнца.	»	Гыльдина холода. Пора, когда дни становятся продол- жительнѣе.	»
Мартъ...	Дювъ. Прилетъ орла.	Лимби яратъ. Орлиный мѣсяцъ.	Лимбо яры. Прилетъ орла.	Сайводо динна. Проморозь орла.	Хмусунгъ. Движение солнца дугообразное.	Туранъ бога. Половина холод- ного, половина теплаго времени.	Мире. Время вазета.	»
Апрѣль...	Ти бингусъ. Прилетъ гуся.	Тепа яра. Гусиный мѣсяцъ.	Судъ яры. Теленъ оленыхъ самокъ.	Ляби дери. Прилетъ орла.	Тагу яры.	»	Ногонимъ. Время когда ломается ледъ.	»
Май...	Будубель. Вскрытѣ льды на Енисей.	Шина тонса. Прилетъ утки.	Сово яры. Прилетъ гуся.	Нади дери. Рождение оленъ телатъ.	Сенгиты. Тамнѣ свѣта.	Нолкени бога. Рождение оленыхъ телатъ.	Мучинъ. Молча на дерев- нхъ распускается.	Тугуту ярыо каа сараръ мл. Прилетъ гусей.
Июнь...	Коонгокъ.	Ютелькюмъ яратъ. Время плаванія на лодкѣ.	Совоглуминъ яры. Разлитіе водъ.	Нааръ дери. Ловъ рыбы.	Бам кычада ин- кирта. Вскрытѣ рѣчекъ.	Ногонимъ бога. Весенніе водъ.	По случаю тѣмъ не считаютъ нуж- нымъ исчислять время мѣсяцами (?).	Баликъ сиряи кю- сарара. Пора промысла рыбы.
Июль...	Кугубунгъ лимъ. Время когда лив- нетъ утка.	Каочъ яратъ. Лѣтний мѣсяцъ.	Вашуи яры. Уловъ тира.	Тоодола дери. Средина лѣта.	Коу инкирта. Первые иней.	Мучинъ бога. Ползненіе мошекъ.	»	Оголокъ сараръ мл. Время, когда гу- синые саки лива- ютъ.
Августъ...	Бонтуалдокъ лимъ. Первое руно олен- ной.	Шина чамта яра. Пора, когда лив- нетъ утка.	Тархъ яры. Изнешеніе комаровъ.	Сюбута дери. Первый свѣтъ.	Миртапчанъ. Оленья гонка.	»	»	Касъ бараръ мл. Отлетъ гусей.
Сентябрь...	Бонгома. Замерзаніе рѣчекъ.	Хоралъ яра.	Гирей яры. Отлетъ лебеди.	Отудай дери. Гонка оленя.	Гуттеа кычада. Рыболовъ.	Хирюа ханъ бога. Время замерзанія рѣчекъ.	Харгунъ. Паденіе свѣта.	Атыръ сиряи. Начало гонки оленя.
Октябрь...	Холкыкытъ. Замерзаніе Енисея.	Аралъ яратъ.	Иланъ хорый яры. Конечіе оленъ гонки.	Могули. Начало оленъ гонки.	Серосангъ кычада. Начало темной пори.	Хундиринъ бога. Конечіе оленей гонки.	Шонканъ. Пора, когда об- жигаются оленя.	Кыа атыри сиряи куль татеръ. Конечіе оленей гонки.
Ноябрь...	Бай холкыкытъ. Короткій день.	Калта чамъ яра.	Яра яры. Первый зимній.	Дертими. Короткій день.	Кайбарабу кычада. Темная пора.	Уримды бога. Первая половина темной пори.	Уримды. Темная пора.	Карата кунъ мл. Темная пора.
Декабрь...	Коттыкъ. Дни крѣпнѣютъ. Дождь холодеетъ. Поморозь солнца.	Камчатъ тамъ яра.	Панада яры. Темная пора.	Косоголоай. Время платанъ исака.	Таруа. Пора зори.	Боритъ бога. Вторая половина темной пори.	Боритъ.	Ортокъ кытими. Средній зимній мѣсяцъ.

(?) Между некоторыми родимъ тунгусовъ считается 13 мѣсяцевъ и лѣтніе носятъ слѣдующіе
имена: — пора когда исчезаютъ комары; скороматъ — замерзаніе рѣчекъ.

названія: чаруанъ — время добыванія сока изъ дерева; канкычъ — время жариванія саранъ;

Не будет казаться лишнимъ если мы помѣстимъ здѣсь

слѣдующія инородческіе слова, относящіяся до физич. географіи.

	На остякомъ.	На остяко-самойскомъ.	На крацкомъ.	Барас-самойскомъ.	Амал-самойскомъ.	Тунгускомъ.	Якутскомъ.
Востокъ	Тунгунек.	Чотты атармо. Иначе: Интамбелъ мери.	Пайнати; иначе люомъ чана мери.	Хоунизъ. Восточн. вѣтеръ.	Каунизъ. ✓ Восточн. вѣтеръ.	Кемьмака.	Алгаратиты. Восточный вѣтеръ.
Западъ	Виснѣ.	Полъ былатоу. Запад. вѣтеръ.	Наромче мери.	Наруди.	Данкуръ или. Тундренный вѣтеръ.	Барннѣт.	»
Югъ	Утыл бакъ.	Ялнѣ квоненбатъ. Южн. вѣтеръ.	Иба мерка.	Фелду.	Коттуд.	Догани; иначе: Одмиверенъ шолантъ.	Котту.
Сѣверъ	Тунмбанкъ.	Тактевѣ квоненбатъ. Сѣв. вѣтеръ.	Гермамерка.	Умъ.	Гармутъ.	Омнѣт.	Юнгиты.
Весна	Мръ.	Шетръ.	»	Нара.	Сѣвер. вѣтеръ.	Омьлена.	Сасъ.
Лѣто	Силъ.	Таго.	Та.	То.	Конгуаму.	Догани.	Салнъ.
Осень	Бокди.	Ора.	Гыр.	Отту.	Мутуу.	Шивилена.	Бюгю.
Зима	Бытъ.	Кетъ.	Сирры.	Сира.	Кубуа.	Тугона.	Кыгитъ.
Солнце	И.	Чалъ.	Ялъ.	»	Коу.	Шуку.	Бомъ.
Луна	Бытъ.	Ирато.	Иры.	Дир.	Немкартѣ.	Бота.	Ня.
Звѣзды	Боона.	Пякъ.	Хабарта.	»	»	Токи.	»
Земли	Банкъ.	Чюоти.	Я.	Мамору.	Моу.	Дункра.	»
Дождь	Улсъ.	Свора.	Сарю.	»	»	Тыгда.	Самыр.
Снѣгъ	Тикъ.	Сиръ.	Сиръ.	Сыру.	»	Халгаратъ.	Баръ.
Годъ	Сигъ.	Потъ.	По.	»	»	Антани.	»

Зимою, когда вся страна имѣетъ мрачный пустынный и какъ-бы мертвый характеръ, когда небо покрыто бурными или свинцового цвѣта тучами, а въ воздухѣ кружатся или поло-сами несутся хлопья снѣга, когда повсюду глухо, пусто, мрачно, Туруханскій край представляется путешественнику безконечно-печальною и однообразною пустынею, почти совершенно лишенною органической жизни. Но съ наступленіемъ лѣта, когда зелень и цвѣты украшаютъ и холмы и тундры, полярная природа возбуждаетъ въ сердцѣ отрадныя чувства.

Всматриваясь въ растительное царство Туруханскаго края, мы увидимъ, что особеннаго вниманія заслуживаютъ хвойныя деревья, которыми покрыта почти половина края, и которыя облегаютъ преимущественно скаты горъ, отлоги оныхъ и сухія долины. Въ послѣднее 50-лѣтіе въ краѣ, отъ лѣсныхъ пожаровъ, во многихъ мѣстахъ образовались значительныя площади, поросшія густымъ березнякомъ. Чернолѣсье встрѣчается преимущественно въ западной полосѣ края по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Хвойныя деревья, величественныя на взглядъ, въ южныхъ предѣлахъ края достигаютъ въ вышину до 24 аршинъ и болѣе, а въ толщину до $1\frac{1}{4}$ аршина; одна только пихта не бываетъ выше 6 саж. и толще 7 вершковъ. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу высота и объемъ деревьевъ становится менѣе; за всѣмъ тѣмъ въ восточной половинѣ края, подъ 72° с. ш., встрѣчаются лиственничныя деревья въ 15 арш. вышины и 5 вершковъ толщины. Невольно удивляешься силѣ растительности этого дерева, въ особенности когда корни онаго, углубленные въ землю не болѣе 6 или 7 вершковъ, имѣютъ подъ собою вѣчный ледъ; но еще удивительнѣе то, что подъ упоминаемою нами широтою, лѣтъ 200 и даже 150 назадъ, лиственничный лѣсъ былъ гуще и простирался къ сѣверу почти до 75° с. ш. Силу такой растительности въ прежнее время можно объяснить только тѣмъ, что въ немъ, отъ густоты деревъ, задерживалось довольно значительное количество снѣговъ. Нынѣ,

когда лѣса эти стали довольно рѣдки, то и снѣгу въ нихъ задерживается мало. Большею частію лиственничныя деревья вызабаютъ на корню и, засохнувъ, валяются отъ вѣтровъ. На смѣну ихъ молодыхъ побѣговъ встрѣчается очень мало. Изъ лиственныхъ лѣсовъ, по величинѣ, занимаетъ первое мѣсто береза, имѣющая тонкія вѣтви съ мелкими и рѣдкими листьями. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу это дерево становится низкимъ, угловатымъ и корявымъ, съ искривленными сучьями, наклоненными нѣсколько къ землѣ. Напротивъ того, осина, достигающая въ южныхъ предѣлахъ края до 12 верш. въ толщину, растетъ прямо и за полярнымъ кругомъ; листъ на ней еще рѣже нежели на березѣ. Густолиственная ольха растетъ постоянно весьма тѣсными купами, состоящими изъ нѣсколько десятковъ деревьевъ; дерево это имѣетъ два вида. Тальникъ, густо разрастающійся по низкимъ прибрежнымъ мѣстамъ, встрѣчается трехъ видовъ. Бѣлоталь, съ довольно ровнымъ стволомъ, вытягивается сажень на 5 и даже болѣе, хотя толщина его у корня не болѣе 6 вершковъ; сучья и вѣтви его группируются только около вершины. Остальные виды тальника, извѣстные подъ названіемъ раkitника и малахитника, имѣютъ въ вышину не болѣе 4 $\frac{1}{4}$ саж., а въ толщину 4 верш.; къ тому же у раkitника листья какъ-то особенно мелкие и чувствительны къ холоду. Густолиственная ива достигаетъ въ вышину до 7 саж., а въ толщину до 12 вершковъ; стволъ ея аршина на два или на три отъ корня обыкновенно развѣтвляется. Между 63° и 69° с. ш. сердцевина ивы имѣетъ цвѣтъ темный и бываетъ большею частію пуста.

Теперь обратимъ вниманіе на крайній предѣлъ растительности каждаго изъ встрѣчающихся въ крайъ деревьевъ, съ означеніемъ мѣстныхъ названій:

	На остяцкомъ языкѣ.	Остяцко-са- моѣдскомъ.	Юрацкомъ.	Тунгуз- скомъ.	Предѣлы расти- тельности.	
					Въ за- падной полов.	Въ во- сточной полов.
Богарышникъ	>	>	>	>	>	62°
Тополь . . .	>	>	>	>	>	62°
Сосна	Эй.	Чюль-по.	>	Нянта.	64°	66°
Кедръ	Хай.	Тытыгъ.	Тыды.	Тавтмканъ.	65°20'	69°
Рябина . . .	Сюнидъ.	Саниль-то.	Няль-яна оде ня.	>	66°	68°
Пихта	Конингъ.	Нюлга.	Хады- янта.	Шокта.	67°	69°
Осина	Ыль.	Пиль-по.	Пипса.	Хулъ.	67°	69°
Черемха . .	Балиндъ.	Муля. (На самоѣдскомъ мня).	Одепа.	Талу.	68°	69°
Ель	Дышъ.	Куты.	Хады.	Ашикта.	69°	70°
Береза . . .	Уосъ.	Ква. (На са- моѣдск. куа).	Хо.	Челбанъ.	70°	71°
Ольха	Сонга.	Сугороль-но.	Ная.	Дульку.	70°	73°
Листовникъ	Сезъ.	Тюмы.	Харово.	Иракта.	67°	73°
Ива	Дэлитъ.	Нярга. (На самоѣдскомъ неяга).	Нэро.	Секта.	70°	73°
Тальникъ . .					70°	75°

Изъ приведенной таблицы оказывается, что въ запад-
ной половинѣ края древесная растительность оканчивается,
если не принимать въ соображеніе кустовъ ивы, тальника
и ольхи, подъ 67° с. ш.; въ восточной половинѣ, напротивъ,
растительности этой можно полагать границу 72° с. ш.; а
по рѣкамъ Боганидѣ и Дудыптѣ она простирается даже до
73° с. ш. Столь сѣверное распространеніе древесной рас-
тительности въ этой послѣдней половинѣ края можно объ-
яснить тѣмъ, что материкъ вдается здѣсь въ сѣверу до 78°
с. ш., тогда какъ въ западной половинѣ онъ оканчивается
подъ 72° с. ш. Сообразно положенію морскихъ береговъ и
растительная линія собственно дремучихъ лѣсовъ (тайги) на
материкѣ также изгибается, а именно, въ восточной поло-

винѣ для нихъ крайній предѣлъ 66°, а въ западной 63° с. ш.

Изъ кустарниковъ намъ извѣстны предѣлы слѣдующихъ видовъ.

	Въ запад. по- ловинѣ края.	Въ во- сточной.
Жимолость	—	63°
Калина	65°	65°
Малинникъ ⁽¹⁾	66°30'	65°
Смородина черная ⁽²⁾	68°	68°
Шиповникъ	70°	72°
Можжевельникъ	70°	73°
Багульникъ (<i>Ledum palustre</i>).	70°	73°
Смородина красная	70°30'	73
Березовый ерникъ (<i>Betula fruticosa</i>)	71°30'	74°40'

Кромѣ этаго въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ являются слѣдующія стелянціяся растенія: спанцоватый ерникъ (*Betula nana*), таволга иволистая (*Spiræa salicifolia*), шикша (*Empetrum nigrum*).

Въ отношеніи низкорослыхъ ягодныхъ растений распре-
дѣленіе выходитъ слѣдующее:

	Въ запад. половѣ	Въ восточ. половѣ
Клюква (по-остяцки «Амболъ», по-тунгузски «Шимикта»)	63°	»
Княжника (<i>Rubus arcticus</i>).	69°	68°
Водяница	69°	68°
Черница	68°	71°
Голубица (по-остяцки «Хусъ», по-юрацки «Аиндерма», по-тунгузски «зиектагинъ»).	69°	71°
Брусника (по-остяцки «Эль», по-юрацки «Энчитыйъ», по-тунгузски «химикта»)	69°	72°
Морошка (по-тунгузски «бачи», по-якут. «отонъ»).	70°	73°

⁽¹⁾ По-тунгузски «моронго», по якутски «хогунъ».

⁽²⁾ По-остяцки «вйи», а красная «спидякугитъ», по-тунгузски черная «алу», красная «пча».

Изъ дикихъ животныхъ въ Туруханскомъ краѣ водятся бѣлые и черные медвѣди, росомахи, волеи, лисицы, песцы, голубые и обшенинные, выдры, сохатые, олени, горные бараны, собаки, колонки, горностаи, ластки, бурундуки, зайцы, бѣлки и разныхъ родовъ мыши. Здѣсь мы ограничимся только тѣми замѣтками, которыя собраны нами на мѣстѣ въ отношеніи быта или свойствъ упомянутыхъ животныхъ.

Бѣлый медведь (1) водится по берегамъ и островамъ Ледовитаго моря; онъ такъ силенъ, что поймавъ моржа, вытаскиваетъ его на берегъ, хотя моржъ вѣситъ 40 пудъ. Главную пищу медвѣдя составляютъ рыба и нерпа. Замѣтивъ во льду отверстіе, въ которое вылазятъ изъ воды нерпа или тюлень, медвѣдь нагребаетъ тутъ груды снѣга, за которую и ложится, пропустивъ подъ снѣгомъ въ проруби лапу; какъ скоро появится морское животное, медвѣдь зацѣпляетъ его своими когтями и бросаетъ далѣе; въ другое время, почуявъ въ ледяныхъ забояхъ нерпу, вышедшую спать или щениться, медвѣдь тихо подкрадывается и всѣмъ тѣломъ бросается на животное; придавливая жертву, медвѣдь повидимому желаетъ сохранить въ ней кровь, столь имъ любимую. Лѣтомъ медвѣдь не безъ удовольствія пожираетъ мышей, вѣроятно въ видѣ лакомства, ибо для удовлетворенія голода онъ съѣдаетъ до 5 пудовъ моржоваго сала. Случается, что медвѣдь верстъ за 400 отходить отъ моря внутрь материка. Въ давнія времена, когда по берегамъ Хатангской губы, обитали еще жители медвѣдей убивали въ значительномъ количествѣ стрѣлами; нынѣ этого промысла не существуетъ.

Черный медведь (2) обитаетъ въ лѣсныхъ мѣстахъ. Лѣ-

(1) По-юрацки «Сиръ ворга», по-самойдски «Сиръ гарка», по-якутски «Юримэгэ».

(2) По-остяцки «Кой» или «Кибаагъ» по-юрацки «Паридина» или «Ворга», по-самойдски «Вого» или «Гарко», по-тунгуски «Апачи» «Кути» и «Обишигъ» по-якутски «Эге», на остяцко-самойдскомъ языкѣ: «Корго» и «Сыгалагма».

томъ, когда птица начинаетъ линять, медвѣдь заплывъ въ озеро, распугиваетъ ее и за тѣмъ съ большою ловкостію производитъ ея ловлю по берегамъ. Кромѣ этого на гусей медвѣдь охотится, во время осени, слѣдующимъ образомъ: подмѣтивъ мѣсто привала птицъ, медвѣдь, во время ночи, укрывается тамъ подъ ворохомъ нарванной имъ травы и хвоста и хватаетъ изъ прилетѣвшаго стада перваго ближайшаго къ нему гуся. Въ крайности черный медвѣдь питается и рыбою, которую ловить по мелкимъ рѣчкамъ въ то время, когда она скатывается въ Енисей. Въ этомъ случаѣ медвѣдь иногда набрасываетъ въ рѣчку траву, какъ-бы изъ желанія сдѣлать что-то въ родѣ преграды. Весною для ловли бурундуковъ медвѣдь ложится на спину и начинаетъ свистѣть, удачно подражая звукамъ самки этихъ маленькихъ животных; прибѣжавшій на этотъ звукъ самецъ рѣдко ускользаетъ отъ ловкой лапы медвѣдя. Этотъ способъ приманивать бурундуковъ переняли у медвѣдя и Остяки. Блуждая иногда близъ зимовья, медвѣдь нискогда не трогаетъ ни коровъ, ни лошадей.

Россомаха (¹), отличаясь злостью и лукавствомъ, лазаетъ отлично по деревьямъ и столь же ловко плаваетъ. Она ловитъ мышей, зайцевъ, куропатокъ и тетеревовъ. Во время зимы россомаха вытаскиваетъ изъ охотничьихъ ловушекъ попавшаго туда звѣря, но самая любимая ея пища олень. У проложенной оленями тропы, россомаха взбирается на дерево и выжидаетъ когда звѣрь подойдетъ: затѣмъ вдругъ прыгаетъ ему на спину и впивается въ нее острыми когтями; помѣтавшись, олень вскорѣ падаетъ. Иногда россомаха точно также бросается на сохатаго; тутъ начинается жестокая травля: могучій звѣрь съ разгорѣвшимися, почти огненными глазами, съ пѣною у рта, несется по лѣсу, бьется о деревья и ломаетъ ихъ. Напрасно старается онъ сбросить рогами своего

(¹) По-остяцки «Кунъ», по-ярацки «Игинней», по-самоѣдски «Бигоды», по-якутски «Сіэганъ», по-тунгузски «Дентана», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Югончы».

врага; росомаха, какъ пѣвка, прилипаетъ къ его шеѣ и съ невѣроятнымъ остервенѣніемъ продолжаетъ грызть шею сохатаго до тѣхъ поръ, пока онъ не свалится мертвымъ. Жители промышляютъ росомаху капканами въ незначительномъ количествѣ. Шкура звѣря большею частію употребляется ими для украшенія собственнаго платья.

Волкъ (1), встрѣчающійся только въ сѣверныхъ предѣлахъ края, и кажется имѣть два вида; по крайней мѣрѣ одинъ сѣрый, т. е. имѣть на спинѣ черноватую продольную полосу, а другой, съ болѣе длинною, мягкою и пушистою шерстью, отличается рыжеватыми на спинѣ полосами и бѣлою шерстью на брюхѣ и подъ горломъ. Изрѣдка встрѣчаются волки съ бѣлою шерстью во всю спину и цѣнятся гораздо дороже противъ сѣрыхъ. Самая большая длина волка 2 арш. 12 вершковъ. Рыская по тундрамъ, гдѣ чаще всего встрѣчаются какъ дикіе, такъ и домашніе олени, волкъ чуетъ свою добычу по вѣтру верстъ за семь. Голодный волкъ ѣстъ мышей и даже пожираетъ гнилое дерево, бросается на человѣка, врывается въ его жилище и хватаетъ собаку; однакожъ, несмотря на страшный голодъ, волкъ никогда не бросается на оленей, случайно подошедшихъ къ его норѣ, а удаляется и даже на значительное разстояніе оттуда, для того только, чтобъ не обнаружить своего гнѣзда.

Лисица (2) съ наступленіемъ лѣта подвигается ближе къ сѣверу на тундры, а на зиму возвращается обратно въ лѣса.

(2) По-остяцки «Кыѣты», по-юрацки «Сармико», по-самоѣдски «Самэ» или «Улада», по-тунгуски «Гушко», по-якутски «Беро», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Чумбяз».

(2)	<i>Бѣлодушка.</i>	<i>Сиводушка.</i>	<i>Бурая.</i>	<i>Черная.</i>
По-остяцки . .	Когань.	Бальбисъ когань.	Сютни когань.	Тун-когань.
» юрацки . .	Тонэ.	Хорката.	Хабаторита.	Пары-тонэ.
» самоѣдски	Тотлэ.	»	»	»
» тунгуски.	Шулѣки.	»	Ракуанъ комнома.	Комнома шулѣка..
» якутски. .	Сагылъ.	»	»	»

По мнѣнію самоѣдовъ образовалась изъ тальника.

Лучшій сортъ этого звѣря встрѣчается около Таза; впрочемъ и тѣ лисицы, которыя ловятся въ сѣверныхъ предѣлахъ, довольно пушисты. Бурныхъ и черныхъ въ промыслѣ бываетъ самое незначительное количество. Звѣрь этотъ такъ чутокъ, что въ открытомъ мѣстѣ, зимою, безъ затрудненія находить, подъ глубокимъ снѣгомъ, спрятанныя лѣтомъ яйца. Случается, что голодная лисица бросается на песца и давить его.

Песецъ (¹) водится преимущественно въ сѣверныхъ предѣлахъ края по берегамъ и островамъ Ледовитаго моря, и рѣдко доходитъ до 65° с. ш.; питается выбрасываемыми моремъ, или задавленными медвѣдемъ морскими животными; но болѣе всего ѣстъ мышей; даже зимою, когда мыши живутъ обыкновенно подъ снѣгомъ, и только дѣлаютъ въ снѣгу маленькія отверстія для воздуха, песецъ, почуявъ, посредствомъ этой скважины, присутствіе мыши, немедленно ее отрываетъ. Однакожъ случается, что по временамъ песецъ не ловитъ и мышей, а получаетъ склонность къ пожиранию рыбы или падали. Лѣтомъ онъ охотится на обильныхъ гусей и утокъ, а также на куропадокъ. Подобно лисицѣ, песецъ любитъ птичьи яйца, и страсть къ отысканію ихъ простирается у него до такой степени, что почуявъ зимою мѣсто стараго гнѣзда, отрываетъ оное и съѣдаетъ яичныя скорлупы. Осенью песецъ отъ моря идетъ на тундры или вверхъ по Енисею и называется «ходовымъ». Въ это время песцы бываютъ столь жадны, что пожираютъ другъ друга. Ходъ песцовъ вверхъ по Енисею происходитъ ночью; они бѣгутъ по берегу, иногда близъ самой воды; но какъ скоро ледъ на рѣкѣ всталъ, то песецъ тотчасъ перебирается на лѣвую сторону рѣки. Случается, что песецъ, гнѣздившійся по тундрамъ, направляется на востокъ и переплываетъ Енисей. Въ концѣ февраля сам-

(¹) По-остячки «Айгѣнъ», по-юрэчки «Наго», по-самоѣдски «Саттара», по-тунгусски «Чатыра», по-якутски «Бенкорсы», на-остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій: «Нуль-юка». Песецъ, по мнѣнію самоѣдовъ, образовался изъ снѣга и если будетъ ѣсть его, то не умреть.

ки принимаются расчищать отъ снѣга норы, вырытыя по каменистымъ тундрамъ, не глубже полутора аршинъ; отъ гнѣзда, которое внутри ничемъ не занимается, идетъ пять или шесть выходовъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ песцы обхаживаются и въ это время нейдутъ въ ловушки, но за то, по окончаніи любовной пары, бросаются на приманку съ жадностію. Въ это время однакожь ихъ не промышляютъ потому, что шкурка ихъ начинаетъ портиться и получаетъ названіе «гагарки». Раздѣлившись попарно, песцы заготовляютъ около норы значительный запасъ мышей. Въ срединѣ мая самки приносятъ отъ 3 до 17, а иногда и до 20 щенковъ, покрытыхъ черною шерстью. Въ это время самецъ покидаетъ гнѣздо навсегда; впрочемъ и самка остается при дѣтяхъ не болѣе 3 недѣль. Четырехъ-недѣльный песецъ называется «копанецъ». Двухъ-мѣсячный, съ шерстью, которая начинаетъ нѣсколько бурѣть, получаетъ названіе «норника»; во второй половинѣ августа, у песца шерсть по спинѣ образуется крестомъ, кофейнаго цвѣта, а по брюху и бокамъ еще болѣе бурѣетъ, тогда звѣрекъ получаетъ названіе «крестоватика» ⁽¹⁾; въ концѣ сентября темныя полосы на спинѣ песца блѣднѣютъ и принимаютъ свинцовый цвѣтъ, тогда песецъ называется «синякъ» ⁽²⁾; къ 1 октября шерсть на песцѣ значительно увеличивается и на срединѣ спины остается только небольшая полоса, блѣдно-пепельнаго цвѣта; въ эту пору своего возраста песецъ называется «недопесокъ»; къ ноябрю мѣсяцу звѣрь входитъ въ полный возрастъ и шерсть на немъ становится бѣлая, густая, мягкая и пушистая, хотя и безъ оси.

Голубой песецъ ⁽³⁾ составляетъ особый видъ, хотя кромѣ шерсти нѣтъ не отличается отъ бѣлаго песца. Начиная отъ норника, шерсть на голубомъ песцѣ изъ чернаго цвѣта

⁽¹⁾ По-ирански «Тагинъ-ого».

⁽²⁾ По-остяцки «Бесиль-тѣга», по-ирански «Тагинъ-аго».

⁽³⁾ По-ирански «сэнганого», по-самойдски «сэнко сатара», по-якутски «кара-кырса».

постепенно переходит въ свинцовый, а въ полномъ возрастѣ дѣлается темно-фіолетовая, очень легко выцвѣтающая, въ особенности отъ солнечныхъ лучей. Въ теченіе 8 или 12 лѣтъ случается, что песецъ щенится два раза въ году, а именно весною и осенью. Этотъ годъ называется промышленнымъ, и заранѣе узнается потому, что песецъ лѣтомъ отъ гнѣздъ не удаляется, а дѣти, принесенныя имъ весною, отъ гнѣздъ разбѣгаются ранѣе обыкновеннаго. У песцовъ родившихся осенью упоминаемые переходы въ выцвѣтаніи шерсти совершаются скорѣе. Бываютъ годы, когда песецъ, подобно другимъ животнымъ, дичаетъ, воѣгаетъ въ зимовья и бросается на людей.

Выдра ⁽¹⁾ водится болѣе въ южныхъ предѣлахъ края и притомъ въ небольшомъ количествѣ.

Сохатый ⁽²⁾ встрѣчается изрѣдка въ южныхъ предѣлахъ края. Любимая его пища ягоды, въ особенности рябина. Охотятся за этимъ звѣремъ только одни тунгусы, опытные и ловкіе стрѣлки, потому что охота на сохатаго несравненно опаснѣе нежели охота на медвѣдя. Одна только мѣткость выстрѣла спасаетъ охотника отъ ярости звѣря, который ударомъ копыта перешибаетъ дерево, живущее въ окружности 4 четверти.

Олень ⁽³⁾ обитаетъ по всему краю. Онъ дѣлится на два вида: одинъ живетъ почти постоянно въ лѣсахъ, другой, напротивъ, проводитъ въ нихъ только самое суровое время зимы, когда наступаетъ темная пора, а затѣмъ удаляется обратно въ тундры къ берегамъ моря; поэтому мы и будемъ называть первыхъ лѣсными, а послѣднихъ тундренными. Лѣсной

(1) По-остяцки «сталъ», по-иранцки «шенза», по-тунгусски «дэюкунъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «тетъ».

(2) По-остяцки «кай», по-иранцки «хаворто», по-якутски «улыкыль», по-тунгусски «гонглей» иначе «токи», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «кесэбуретъ».

(3) По-остяцки «салъ», по-иранцки «илинчъ», по-самоѣдски «тмъ» или «бахи», по-тунгусски «боуаъ», по-якутски «кылъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «мачинъ атъ».

олень гораздо больше тундреннаго, самые рога¹ его вѣтвистѣе и вѣсятъ до 16 фун.; толстыя ноги его оканчиваются круглыми и широкими копытами. Вообще длина лѣснаго оленя достигаетъ до 2¹/₂ арш., а тѣло вѣситъ отъ 7 до 12 пудъ. Съ наступленіемъ лѣта, когда появится мучительный оводъ и жаръ, лѣсной олень взбирается на высокіе открытые хребты, наприм. Сѣверный и Лѣтній Камень. У тундреннаго оленя, несмотря на то, что онъ менѣе лѣснаго, станъ красивѣе, а стройныя тонкія ноги оканчиваются не столь широкими копытами; рога вѣсятъ до 13 ф., а тѣло до 6 пудъ. Тѣже причины, которыя заставляютъ лѣсныхъ оленей взбираться лѣтомъ на хребты, побуждаютъ тундреннаго оленя искать прохлады и спасенія отъ насѣкомыхъ въ открытыхъ тундрахъ и на берегахъ Ледовитаго моря. Съ марта мѣсяца онъ уже постепенно начинаетъ подвигаться на сѣверъ извѣстными передовымъ оленямъ путями. По лѣснымъ мѣстамъ тундренные олени идутъ не столь значительными табунами какъ по тундрамъ. Табунный вожакъ всегда почти отличается рослостію и бываетъ преимущественно изъ рода самокъ. Дорога у оленей большею частію одна и таже. Задніе табуны идутъ по слѣдамъ прежде прошедшихъ. Если передніе табуны разбились отъ нападенія волковъ или охотниковъ, то задніе избираютъ новый путь. Олени, бродившіе въ западной .полосѣ края, съ наступленіемъ весны, большею частію переходятъ на восточную. По увѣренію инородцевъ, есть еще олени «морскіе», которые никогда не удаляются съ сѣверныхъ тундръ. Ростомъ они менѣе тундренныхъ, а самки ихъ не имѣютъ вовсе роговъ. Обстоятельство это представляемъ вниманію натуралистовъ.

У оленя прекрасныя открытыя большіе глаза, которые дѣлаются еще лучше когда звѣрь разгорится во время движенія или внимательно всматривается; однакожь, въ минуту опасности, онъ не довѣряетъ зрѣнію, точно также какъ не довѣряетъ и слуху, несмотря на то, что послѣдній органъ такъ

хорошо развитъ у оленя, что онъ кажется легко различаетъ поступъ небольшого звѣря отъ шороха птицы. Больше всего это кроткое и простодушное животное полагается на свое обоняніе; и дѣйствительно, при встрѣчномъ вѣтрѣ, олень ощущаетъ запахъ пороха за 7 верстъ и далѣе, а присутствіе непріятеля за три и даже пять верстъ. Въ тихую погоду, а въ особенности въ лѣсу, этого не замѣчается; равнымъ образомъ не почуетъ олень присутствіе непріятеля даже за 100 саж., если только послѣдній находится отъ него за вѣтромъ, а потому волкъ, нападая на оленей, несмотря на темноту, изловчается такъ, что подходя къ табуну становится противъ вѣтра. Черезъ это волкъ, ворвавшись въ стадо оленей, выбираетъ въ жертву лучшаго. Рѣдко случается, чтобы олень вздумалъ защищаться отъ когтей волка; единственное спасеніе его—это бѣгство. Бываетъ иногда, что волкъ бѣгаетъ за оленемъ по двое и по трое сутокъ. Трусливый и бестолковый бѣглець скачетъ куда попало; волкъ напротивъ, при поворотахъ оленя, старается пересѣчь ему дорогу и послѣдній сколько не напрягаетъ силъ, но никогда почти не уходитъ отъ своего врага. Нанавѣ случайно на такую травлю, инородцы легко убиваютъ обоихъ животныхъ. Намъ случалось, въ теплую погоду, подъѣзжать къ стаду дикихъ оленей довольно близко. Услышавъ шорохъ и въ тоже время замѣтивъ движущіяся санки съ людьми, олени тотчасъ отбѣгали, но сдѣлавъ полукругъ, вновь приближались иногда сажень на 80. Вѣроятно они не успѣвали сначала почувствовать обоняніемъ присутствіе человека и движущуюся массу принимали за стадо оленей; но потомъ, увѣрившись въ противномъ, прискакивали, словно уязвленные, и обращались въ бѣгство, какъ говорится, со всѣхъ ногъ.

Соболь ⁽¹⁾ водится въ лѣсныхъ мѣстахъ и преимуще-

⁽¹⁾ По-остяцки «эрь», по-юрацки «тось», по-самоѣдски «тоссу», по-тунгусски «чанканъ или «дэнькэ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «си»

ственно по притокамъ Подкаменной, Сухой и Нижней Тунгузокъ. Соболь имѣетъ двѣ разновидности: у одной горло желтоватое, а у другой сѣрое. Бѣлый соболь, какъ и лисица, встрѣчается весьма рѣдко. Соболь, звѣрь хищный, хитрый, чуткій, дикій и злой. Будучи разъяренъ, онъ ворчитъ и выгибаетъ хвостъ. При тщательномъ разсмотрѣніи на шкурѣ соболя оказывается три сорта волосъ: первый длиною отъ 1½ до 2 дюймовъ, называемый осью; другой короче перваго вътрое, нѣжный, называемый подсадомъ, цвѣтъ его отъ темно-желтаго до чернаго; третій, при самомъ тѣлѣ, густой и нѣжный волосъ, называемый пухомъ или водою, цвѣта темно-желтаго, сѣраго, сѣроватаго, или голубовато-сѣраго. Пухъ этотъ придаетъ всей шкурѣ блескъ. Впрочемъ туруханскій соболь встрѣчается большею частію съ желтоватымъ подсадомъ, а потому достоинствомъ своимъ уступаетъ енисейскому. Соболь живетъ преимущественно въ густыхъ уединенныхъ лѣсахъ. Бѣгаетъ такъ быстро и дѣлаетъ такіе скачки, что собака не въ состояніи его схватить. Съ удивительною ловкостію онъ взбирается на высокія сосны или лиственницы, перескакиваетъ съ одного дерева на другое и укрывается отъ преслѣдованія человѣка или собаки. Въ открытыхъ мѣстахъ соболь ищетъ спасенія подъ камнями, упавшими деревьями, или въ дуплахъ, а иногда и въ выгнившей сердцевинѣ дерева. При такихъ различныхъ средствахъ къ спасенію соболь достается не безъ труда охотнику. Орелъ иногда хватаетъ испуганнаго соболя и тотчасъ бьетъ его клювомъ въ голову. Случается, что тунгусы ловятъ молодыхъ соболей живыми и они, привыкнувъ къ людямъ, дѣлаются ручными. Соболь ловитъ мышей, горностаевъ, зайцевъ, куропатокъ, иногда и бѣлку, а зимою отыскиваетъ рябчиковъ и тетеревей, зарывшихся въ снѣгъ; весною поѣдаетъ яйца птицъ и птенцовъ, питается также ягодами и преимущественно рябиною. На добычу выходитъ рано утромъ или вечеромъ. Во время холодной зимы соболь лежитъ въ продолженіи двухъ недѣль въ гнѣздѣ и

какъ-бы засыпаетъ. Въ январѣ мѣсяцѣ соболя собираются кучами для случки; время это продолжается отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль. Въ концѣ апрѣлѣ самка соболя рождаетъ отъ 3-хъ до 5-ти дѣтенышей. Къ зимѣ соболь достигаетъ обыкновенной величины.

Колонка ⁽¹⁾, небольшой, но длинненькій звѣрекъ, достигающій до 12 дюймовъ, водится болѣе въ южныхъ мѣстныхъ предѣлахъ края. Хотя красная довольно пушистая шерсть колонка и даетъ прекрасный мѣхъ, но кажется цѣнность его увеличивается по случаю пушистости хвоста, отличающагося твердыми волосками, изъ коихъ и выдѣлываются всѣмъ извѣстныя кисти. Кромѣ ружья добываютъ колонка планками и черканами.

Горностаѣ ⁽²⁾ живетъ во всемъ краѣ, кромѣ самыхъ сѣверныхъ его предѣловъ преимущественно около рѣчекъ. Не разъ случалось видѣть опрометью летящаго тетерева, на коемъ, вцѣпившись за горло зубами, сидѣлъ горностаѣ. Мстительность этаго звѣрька, въ особенности относительно похитителей его дѣтей, не разъ подмѣчали инородцы. По шерсти тазовскій горностаѣ считается лучшимъ.

Ластка ⁽³⁾ отличается отъ горностаѣ только бѣлымъ хвостикомъ; будучи смирна, она водится большею частию около Человѣческихъ жилищъ, гдѣ и питается мышами. Мѣстные жители считаютъ грѣхомъ убить это безвредное животное.

Бурундукъ ⁽⁴⁾ въ половину менѣе обыкновенной бѣлки, но нравомъ съ нею сходенъ. Чрезъ спину, покрытую желтоватыми волосками, отъ шеи до хвоста идутъ пять черныхъ

(1) По-остяцки «кытъ».

(2) По-остяцки «Кулэбъ», по-ярацки «піэ», по-тунгузски «делекъ», по-самоѣдски «фіэда», иначе «буреро», по-якутски «горнокъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «куръ».

(3) По-ярацки «таивосэда-піэ», по-тунгузски «мухутукоръ».

(4) По-остяцки «кобъ», по-ярацки «надругу», по-тунгузски «ульгули», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «себяленъ».

паралельныхъ полосокъ. Хвостъ, длиною съ тѣло, покрытъ попеременно бѣлыми, черными и желтоватыми волосками, на самомъ же концѣ бѣлый. Звѣрекъ этотъ скоро дѣлается ручнымъ и распложается въ домахъ. Любимая пища его конопляное сѣмя и кедровые орѣхи. Когда послѣдніе начинаютъ дозрѣвать, бурундукъ влѣзаетъ на дерево, отгрызаетъ шишки и потомъ, вылуцивъ орѣхи, таскаетъ ихъ про зимній запасъ за отвислыми, на подобіе мѣшковъ, щеками.

Бѣлка (1) въ Туруханскомъ краѣ бываетъ двухъ сортовъ: краснохвостка и чернохвостка (2), у первой по спинѣ шерсть рыжевато-бурая; она водится большею частію въ западной полосѣ края, ближе къ сѣверу; а у послѣдней сѣрая, съ примѣсю волосковъ темно-кирпичнаго цвѣта. Эта послѣдняя держится болѣе въ южныхъ предѣлахъ и въ восточной полосѣ края. Встрѣчается бѣлка и съ бѣлою шерстью, но рѣдко. Звѣрекъ этотъ ежегодно совершаетъ переходы изъ одной мѣстности въ другую и достигаетъ иногда 67° с. ш. Такое удаленіе бѣлки на сѣверъ происходитъ только въ тѣ годы, когда тамъ на хвойномъ лѣсѣ встрѣчаются сѣмяна. Бѣлка въ скудные годы ѣстъ молодые побѣги сосны и черезъ это до того засаживаетъ ротъ смолистымъ веществомъ, что дѣлается неспособною владѣть челюстями и умираетъ. Замѣчено, что бѣлка не только во время переходовъ, но и въ самыхъ гнѣздахъ гибла иногда во множествѣ отъ холода и недостатка пищи. Въ такъ называемые плодовые годы, бѣлка начинаетъ «гониться» мѣсяцемъ ранѣе, а именно въ концѣ января, а въ мартѣ уже приноситъ дѣтей. Въ апрѣлѣ она снова обгуливается. Въ эту пору самцы часто бросаютъ свои гнѣзда и проводятъ ночи въ чужихъ. Гнѣздо устраиваетъ себѣ бѣлка на вѣтвистомъ деревѣ, изъ древеснаго моха, устилая внутреннюю пустоту шерстью

(1) По-остяцки «сакъ» или «сакодъ», по-кряцки «тарегъ», по-тунгуски «улюки» или «короманъ», по-якутски «ластикъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «табэги».

(2) По-тунгуски чернохвостка «огнзема», а краснохвостка «икза».

и пухомъ. Въ одномъ гнѣздѣ, имѣющемъ подраздѣленія, живутъ иногда три и четыре бѣлки, имѣющія обыкновеніе ложиться туда въ послѣднихъ числахъ октября, когда лѣтняя шерсть замѣняется новою, болѣе пушистою. Изъ гнѣзда вылезаетъ бѣлка рѣдко, днемъ, а въ сильные морозы и вовсе не выходитъ. Даже стукъ по дереву не заставитъ ее высунуть голову изъ норы.

Заяцъ ⁽¹⁾ водится во всемъ краѣ, кромѣ сѣверныхъ его предѣловъ, но живущій около р. Таза, по мягкости и пушистости шерсти, считается лучшимъ. Тонкая вѣжная шерсть зайца, идущая прямо къ тѣлу безъ всякаго подсада, не терпитъ сырости, а потому заяцъ, въ дождливую погоду, всегда ложится подъ валежникъ. Прокладывая съ осени по снѣгу тропу, онъ бѣгаетъ по ней постоянно, въ особенности во время морозовъ, съ намѣреніемъ согрѣться. Чѣмъ холоднѣе утро, тѣмъ чаще повторяются скачки зайца. Чтобы онъ сталъ дѣлать, еслибы не было проторенной тропы? Не только хищные звѣри, но даже лѣсная сова и орелъ находятъ въ зайцѣ возможность къ удовлетворенію голода. Для жителей этотъ звѣрекъ доставляетъ весьма важное пособіе въ продовольствіи, а шкурою охраняетъ ихъ отъ холода.

Мышь ⁽²⁾ водится по всему краю, но преимущественно въ сѣверныхъ его предѣлахъ. Сколько можно предполагать, она бываетъ пяти и даже шести видовъ, такъ наприм.: пеструшка обыкновенная (*Lemmus vulgaris*), пеструшка рыжая (*L. rutilus*), пеструшка домоводка (*L. oeconomus*) и пеструшка голубая или водяной кротъ (*L. amphibius*). Всѣ онѣ питаются травою, ягодами и кореньями, которые и запасаютъ себѣ на зиму ⁽³⁾.

⁽¹⁾ По-остяцки «бэс», по-юрацки «няво», по-тунгузски «мундуканъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «нѣма».

⁽²⁾ По-остяцки «боунались», по-юрацки «ниси», по-самоѣдски «стомуку», по-якутски «кутуякъ», по-тунгузски «шивырконтъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «тама». У русскихъ слыветъ подъ названіемъ «буторья».

⁽³⁾ Жители утверждаютъ, что мышь въ отмщеніе за взятые у нее запасы непремѣнно что нибудь испортитъ у похитителя и потомъ удавится.

По временамъ мыши переходятъ съ одного мѣста на другое, и тогда переплываютъ всгрѣющіяся на пути рѣки, при чемъ нерѣдко ихъ погибаетъ множество. Не говоря о плаваніи, нѣкоторыя изъ мышей отлично ныряютъ. Къ числу такихъ можно отнести преимущественно живущаго на лѣвой сторонѣ Енисея такъ называемаго *крота*. Шерсть на его спинѣ темно-баштановаго, а по брюху желтоватаго цвѣта, необыкновенно мягкая, довольно плотная и шелковистая; острая мордочка, веселенькіе черные живые глазки, наконецъ живость и ловкость этого звѣрка дѣлали бы его интереснымъ еслибъ не было противнаго крысятаго хвоста ⁽¹⁾. Зимой и лѣтомъ мыши живутъ въ норахъ, гдѣ нѣкоторыя, въ особенности по низкимъ мѣстамъ, и гибнуть нерѣдко во время весенняго разлива водъ, захватившаго еще не оттаевшую нору. Порою между мышами существуетъ что-то въ родѣ повальной болѣзни, по крайней мѣрѣ объ этомъ можно судить по цѣлымъ кучамъ мертвыхъ мышей.

Нерпа ⁽²⁾, мелкой породы, живетъ по берегамъ моря и въ устьяхъ Таза, Енисея и Хатанги. Въ прежнее время нерпа подымалась по Енисею верстъ за 500 отъ устья. По словамъ здѣшнихъ жителей, нерпа обгуливается въ августѣ, а дѣтей, воихъ бываетъ два, родитъ въ ледяныхъ забояхъ въ декабрѣ. Если это такъ, то у нерпы, на одномъ году, бывають двое родовъ. Кромѣ случайной поимки въ сѣтяхъ, другого промысла нерпы здѣсь не бываетъ.

Кромѣ нерпы, по пустыннымъ берегамъ и островамъ Ледовитаго моря водятся *морскіе коты* (*Phoca ursina*) и *моржи* (*Trichechus rosmarus*).

Бѣлуха ⁽³⁾ (*Delphinopterus leucas*) кажется бываетъ двухъ видовъ, по крайней мѣрѣ въ Енисейской губѣ, куда животныя

(1) Такая же по величинѣ и цѣту шерсти, но съ едва примѣтнымъ хвостомъ, мышь водится и по тундрамъ.

(2) По-юрачки «сы», по-остячки «уя».

(3) По-юрачки «Быборка».

въ іюлѣ мѣсяцѣ входятъ значительными рунами; изъ числа улавливаемыхъ бѣлухъ, у одной кожа бываетъ синевато-пепельнаго цвѣта, а другой желто-бѣловатая. Бѣлуха лѣтомъ рождаетъ двухъ дѣтей, которыхъ въ первое время носить на себѣ и кормить молокомъ, находящимся въ двухъ сосцахъ подъ самымъ брюхомъ. Во второй половинѣ августа изъ Енисейной губы она удаляется въ море. Изъ жителей человека два или три ловятъ иногда бѣлуху сѣтью, связанною изъ бичевы, длиною въ 10, а шириною въ 2 сажени; полавшая въ сѣть бѣлуха, лишившись свободы въ хвостѣ, немедленно умираетъ. Кромѣ шкуры, употребляемой жителями на упряжь къ оленямъ, изъ бѣлухи вынимается до 18 пудъ сала, которое или употребляется въ пищу, или же идетъ на освѣщеніе жилища.

Изъ птицъ ⁽¹⁾ извѣстны намъ слѣдующія породы:

Вертиголовка обыкновенная (*Junx torquilla*).

Кукушка ⁽²⁾ (*Cuculus canorus*).

Орлы ⁽³⁾ прилетаютъ въ мартѣ и живутъ по всему краю, исключая самыхъ сѣверныхъ предѣловъ. Ихъ встрѣчается три вида: обыкновенный, сѣроватый и бѣлохвостъ. До вскрытія рѣкъ орлы питаются зайцами, а при нуждѣ вытаскиваютъ даже изъ ловушекъ наживу. Лѣтомъ на мелкихъ озерахъ достаютъ попавшую въ сѣть рыбу. Не ограничиваясь этимъ, орелъ нерѣдко хватаетъ плавшаго на поверхности воды осетра или тайменя. Бывали случаи, что вцѣпившись когтями въ одну изъ этихъ рыбъ довольно значительной величины, орелъ не имѣлъ силъ вытащить оную на берегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высвободить своихъ когтей. Послѣ долгихъ усилій онъ обыкновенно распускалъ крылья и начиналъ кри-

(1) Птица по-остяцки «Асоль», по-тунгуски (Чинкарь) «Аракунь», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Тилчирель суря».

(2) По-остяцки «Кокбынь», по-юрацки «Хуччи», по-тунгуски «Кукти», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Шааголя».

(3) По-остяцки «Діѵ», по-юрацки «Лямбѣ», по-тунгуски «гушь».

чать; тогда въ помощь къ нему прилеталъ другой орелъ, вѣрный товарищъ, и немедленно вдѣплялся въ рыбу. Одна-кожъ дѣло оканчивалось тѣмъ, что оба измученные орла вмѣстѣ съ рыбою умирали, если только боковымъ вѣтромъ не прибывало ихъ къ берегу. Всѣ вообще инородцы оказы-ваютъ орлу нѣкоторое почтеніе. Якуты убѣждены, что чело-вѣкъ, убившій орла, непременно почувствуетъ болѣзнь въ рукахъ.

Ястребъ ⁽¹⁾ (*Falco palumbarius*).

Коршунъ ⁽²⁾ (*F. milvus*).

Соколъ ⁽³⁾: балабанъ (*F. lanarius*).

» рябикъ (*F. peregrinus*).

» чеглокъ (*F. subbuteo*).

» пустельга (*F. tinunculus*).

» копчикъ (*F. vespertinus*).

Прилетаютъ только на лѣто.

Сова ⁽⁴⁾ пугачъ (*Strix bubo*).

» (*S. nyctea*).

» ночная (*S. ulula*).

Двѣ породы совъ живутъ круглый годъ даже около устьевъ р. Хитанги и вершинъ Боганиды.

Дроздъ ⁽⁵⁾ черный (*Turdus merula*).

» сѣрый (*T. pilaris*).

» берега (*T. viscivorus*).

» пѣвчій (*T. musicus*).

Прилетаютъ въ маѣ,

Иволга желтая (*Oriolus galbula*).

Варакушка (*Motacilla svecica*).

Трасогузка бѣлая (*M. alba*).

Плишка (*Anthus campestris*).

Крапивникъ (*Sylvia troglodites*).

Жаворонокъ лѣсной (*Alauda arborea*).

а отлетаютъ въ авгу-

стѣ. Только нѣкото-

рыхъ достигаютъ до

⁽¹⁾ По-остяцки «Бынтетангъ», по-юрацки «Ханинчу», по-тунгузски «Умыль».

⁽²⁾ По-остяцки «Каангъ», по-юрацки «Хаоновой», по-тунгузски «Умбыль», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «корпила-кыла».

⁽³⁾ По-остяцки «Хингытъ», по-юрацки «Хановой».

⁽⁴⁾ По-остяцки «Хый», по-тунгузски «Умыль».

⁽⁵⁾ По-остяцки «Хасъй», по-юрацки «Тысса», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Палша».

- Жаворонокъ полевой (*A. arvensis*).
 Синица хвостовка (*Parus caudatus*).
 Зимородокъ обыкновен. (*Alcedo ispida*).
 Ласточка деревенская (*Hirundo rustica*).
 » стрижокъ (*H. riparia*).
 » косатка (*H. alpus*).
 Щюрка (*Merops apiaster*).
 Подорожникъ овсянка (*Emberiza citrinella*).
 Пуначка (*E. nivalis*).
 Желтоватый (*E. aurea*).
 Дурачокъ (*E. cia*).
 Воробей обыкновенный (*Fringilla domestica*). Года три появился въ Туруханскѣ и живетъ постоянно.
 Щегленокъ (*F. carduelis*).
 Зябликъ (*F. coelebs*).
 Вьюренъ (*F. montifringilla*).
 Горный (*F. montana*).
 Полевой (*F. nivalis*).
 Сибирскій воробей (*Pyrrhula rosea*).
 Снегирь ⁽¹⁾ (*Pyrrhula loxia*). Прилетаетъ стадами въ концѣ марта, но вскорѣ на лѣто удаляется къ сѣверу.
 Клестъ (*Loxia curvirostris*).
 Кедровка ⁽²⁾ (*Nucifraga caryocatactes*). Живетъ постоянно въ тайгѣ даже за полярнымъ кругомъ.
 Воронъ ⁽³⁾ (*Corvus corax*). Живетъ постоянно по лѣсамъ и даже по сѣвернымъ тундрамъ.
 Ворона ⁽⁴⁾ (*C. cornix*).
 Ворона черная (*C. corone*).
 Грачъ (*C. frugilegus*).

65° с. ш.; большая часть проводить лѣто въ южныхъ предѣлахъ.

Проводятъ лѣто болѣе въ южныхъ предѣлахъ края.

Прилетаютъ на лѣто.

⁽¹⁾ По-остяцки «Токдудъ», по-ярацки «Лимпъ-сегганпъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчьи «Тонгуоръ», по-тунгузски «Угульдивунъ».

⁽²⁾ По-остяцки «Туголя», по-ярацки «Нарынга», по-тунгузски «Онголо», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчьи «Казыра».

⁽³⁾ По-остяцки «Кыль», по-ярацки «Харнасъ», по-тунгузски «Оли».

⁽⁴⁾ По-остяцки «Колэттъ», по-ярацки «Варргъ», по-тунгузски «Тураки».

Галка пѣгая (*C. davuricus*).

Сорока (*C. pica*).

Сиворовка (*Coracias garrula*).

Перепелки (*Coturnix vulgaris*).

Удаты обыкновенный (*Urupa erops*).

Появляются из-
рѣдка и далѣе 65°
с. ш. не долетаютъ.

Куропатка ⁽¹⁾, въ хозяйственномъ быту жителей, занимаетъ не послѣднее мѣсто, а потому мы и поговоримъ объ этой птицѣ поподробнѣе. Лѣтомъ она вся изъ-желто-коричневая, а зимою (съ сентября мѣсяца), подобно зайцу, становится бѣлою, съ блѣдно-желтымъ отливомъ, по крайней мѣрѣ такъ кажется въ сравненіи съ снѣговою поверхностію. Въ Туруханскомъ краѣ куропатка бываетъ трехъ видовъ:

Таловка самая большая; глаза ея окружены блѣдно-желтыми бровями. Питается, въ теченіи всей зимы, молодыми таловыми побѣгами и мочкою. На вѣсъ она бываетъ до 2 фунтовъ.

Березовка нѣсколько меньше таловки; имѣетъ вокругъ глазъ брови красноватыя; держится болѣе около березняка, отъ котораго и питается во время зимы мочкою. На вѣсъ не превышаетъ 1½ фунтовъ.

Ольховка, или табарка, менѣе прежде описанныхъ. Около глазъ не имѣетъ цвѣтной каемки. Водится по чернолѣсью; питается преимущественно ольховою мочкою. Она очень смирна. На вѣсъ не болѣе 1¼ фунтовъ.

Съ марта мѣсяца куропатка начинаетъ перелетъ въ сѣверные предѣлы края, гдѣ и плодится по тундрамъ и даже около береговъ моря. Назадъ возвращается въ началѣ сентября. Летаетъ табунами въ продолженіи всей зимы. Въ сильные морозы любитъ по-шею зарываться въ снѣгу. Въ Енисейскій округъ рѣдко долетаетъ. Улавливаемая петлями и загоняемая въ сѣти куропатка служитъ для жителей значительнымъ подспорьемъ въ прокормленіи себя.

(1) По-остячки «Асупъ», по-юрачки «Хантэй», по-тунгузски «Хелеки», по-самоѣдски «Аббо», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «у».

Глухарь ⁽¹⁾ (*Tetrao uragallus*).

Тетеревъ ⁽²⁾ (*T. tetrix*).

Рябчикъ ⁽³⁾ (*T. bonasia*). Водится болѣе въ южныхъ предѣлахъ края. Бываютъ годы когда рябчикъ и тетерева встрѣчаются изрѣдка.

Журавль ⁽⁴⁾ (*Grus vulgaris*). Прежде, въ теченіи 30 лѣтъ, замѣчали только одинъ разъ. Нынѣ, въ послѣдніе три года, во 2-й половинѣ мая, постоянно прилетали въ Туруханскъ три журавля.

Куликъ ⁽⁵⁾ лѣсной (*Scolopax rusticola*).

- » барашекъ (*S. gallinago*).
- » морской (*S. melanura*).
- » дупель (*S. major*).

Коростель дергачъ (*Rallus crex*).

Куликъ воробей (*Tringa minuta*).

Зуекъ (*Charadrius hiaticula*).

- » (*Ch. morinellus*).
- » (*Ch. interpres*).
- » (*Ch. apricarius*).
- » (*Ch. helveticus*).

Зуекъ (*Actitis hypoleucis*).

Песочникъ (*Aedialites curonicus*).

Травникъ (*Totanus calidris*).

Порученникъ (*T. stagnatilis*).

Чернышъ (*T. ochropus*).

Курухтанъ (*Machetes pugna*). Самцы съ виду походятъ на

Живутъ постоянно, подалѣе 68° с. ш. не залетаютъ. Первый вѣсить до 12 ф., а послѣдній до 3½ фунт. Этихъ птицъ промышляютъ ружьями и петлями по токамъ.

Кромѣ морскаго кулика, всѣ остальные, во время лѣта, бываютъ только въ юговосточныхъ предѣлахъ.

По всему краю.

⁽¹⁾ По-остяцки «Кыйрыть», по-юрацки «Сенча», по-тунгузски «Хороки».

⁽²⁾ По-остяцки «Дытть», по-тунгузски «Хороки»; русскіе называютъ палыникъ.

⁽³⁾ По-остяцки «Сю», по-юрацки «Пекэ», по-тунгузски «Улунъ».

⁽⁴⁾ По-остяцки «Хэлъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Карра», по-тунгузски «Гага», по-якутски «Туруа».

⁽⁵⁾ По-остяцки «Баа», по-юрацки «шягъ», по-тунгузски «декали», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «вѣчча».

русскаго пѣтуха, только перья на нихъ неодинаковы; едвали изъ сотни найдется два, которые имѣли бы сходство въ цвѣтѣ пера. На току также кружатся и бьются какъ русскіе пѣтухи. Самка большею частію бываетъ сѣренькая.

Всѣ они пролетаютъ на лѣто въ самые сѣверные предѣлы.

Тупикъ (*Alca arctica*).

Зазбойникъ (*A. torda*).

Гагара ⁽¹⁾ большая (*Colymbus arcticus*).

› черноголовая (*C. glacialis*).

› хохлушка (*C. cristatus*).

› поганка (*C. auritus*).

› сѣверная (*C. septentrionalis*).

› чистякъ (*C. grylle*).

Лѣтомъ водятся по всему краю въ предѣлахъ растительности лѣсовъ.

Пыжикъ кайра (*Urio. troile*).

› свистунъ (*U. gryllus*).

› чуикъ (*U. carbo*).

› (*U. arca*).

Пестрый (*U. perdix*).

Чайка ⁽²⁾ рыбакъ (*Larus jetagactus*).

› темная (*L. fuscus*).

› дымчестая (*L. capus*).

› полярная (*L. glaucus*).

Во время лѣта водятся по всему краю.

Эта послѣдняя чайка видомъ менѣе другихъ, перомъ бѣлѣе, края крыльевъ черные и такіе же пятна по спинѣ; клювъ черный. По разсказамъ жителей она прилетаетъ съ моря около 1 іюня, гнѣздится и улетаетъ обратно къ морю съ паденіемъ снѣга. Прочія чайки, съ появленіемъ въ сѣверныхъ предѣлахъ весною, питаются ловлею мышей и маленькихъ птичекъ.

↳ Лебедь ⁽³⁾ (*Cygnus olor*), прилетаетъ парами, нѣсколько позже

(1) По-остяцки «бить», по-юрацки «нюни», по-тунгузски «уокъ», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «ваачиба».

(2) По-остяцки «бить», по-юрацки «нюню», по-тунгузски «уеконъ», по-самоѣдски «нюанъ».

(3) По-остяцки «тигъ», по-тунгузски «гагель», по-самоѣдски «денкуа», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «чингы»,

гуся, преимущественно съ юго-восточной стороны. Выбираетъ самыя уединенныя мѣста по сѣвернымъ тундрамъ, и тотчасъ же устраиваетъ гнѣзда. Яицъ болѣе четырехъ въ гнѣздѣ не бываетъ. Дѣтей выводятъ въ началѣ первой половины іюля. Если убьютъ самку, то оставшійся лебедь непремѣнно обливается на томъ же мѣстѣ, гдѣ разстался съ товарищемъ. Замѣчали, что лебедь и на слѣдующій годъ прилеталъ на это мѣсто и почти все лѣто одиноко плавалъ, издавая по временамъ зычный крикъ и тихое, какъ-бы замирающее, гоготанье. Отлетаетъ поздно, а именно въ первой половинѣ сентября, когда бываютъ уже первые заморозы. Главная причина поздняго отлета лебеда заключается въ безсиліи дѣтей его, медленно оперяющихся. Такъ иногда дѣтняки поднявъ молодыхъ направляются въ путь, но молодежь, нѣсколько отлетѣвъ, за усталостію, опускается на воду. Садятся съ ними и старые, но чрезъ нѣсколько часовъ поднимаются вновь, призывая въ дорогу и дѣтей своихъ; молодые только покрикиваютъ, но не трогаются съ мѣста. Долго кружатся старыя лебеди около дѣтей своихъ и наконецъ улетаютъ изъ вида; но чрезъ нѣсколько времени опять возвращаются. Такъ иногда они бьются по нѣскольку дней съ своими дѣтьми, наконецъ чувство самосохраненія беретъ верхъ и дѣтняки улетаютъ одни. Не разъ случалось встрѣчать по берегамъ Енисея и озерамъ обезсилѣвшихъ молодыхъ лебедей, которые погибали съ наступленіемъ первыхъ морозовъ. Съ прилета добываютъ лебедей тѣми же способами какъ и гусей. Облинявшаго лебеда инородцы ловятъ посредствомъ накидыванія петли, по озерамъ, плавая на вѣткахъ. Запримѣтивъ гнѣздо этой птицы, осторожно ее спугиваютъ, и затѣмъ одинъ изъ охотниковъ ложится около гнѣзда, просовывая правую руку въ средину онаго; будучи хорошо прикрытъ травою, охотникъ, съ возвращеніемъ лебеда на гнѣздо, начинаетъ легонько пошевеливать подъ нимъ яица, и затѣмъ, пользуясь замѣшательствомъ недоумѣвающей птицы, хватается ее за ноги и наноситъ удары

палкою. На помощь въ охотнику является товарищъ и лебедь надаётъ мертвымъ. Нѣкоторые инородцы изъ шкуръ лебедя шьютъ платье. Пухъ лебяжій съ выгодною могъ бы идти въ продажу, еслибъ инородцы отдѣляли его чисто.

Гусь ⁽¹⁾ *гуменникъ* (по-остяцки «ды-тимъ», по-юрацки «конгаль-тека», по-юрацки «тиникъ», по-тунгузски «энима»), складомъ и величиною походить на дворового гуся. Самый большой вѣситъ 12½ фунт. У стараго гуся бываетъ на шеѣ въ родѣ гривы, или ожерелья, изъ пушистыхъ перьевъ.

Короткошей, видомъ такой же какъ и гуменникъ, только шею имѣетъ покороче, да голосъ потише.

Ворогуй (по-остяцки «ханы-тимъ», по-тунгузски «легли»), строенъ, ловокъ и остороженъ, ныряетъ какъ гагара; головка у него небольшая съ темнокарими прекрасными глазами, у коихъ вѣки ярко-желтаго цвѣта; клювъ блѣдно-розовый, отъ него по лбу идутъ угломъ бѣлыя, а по головѣ кофейнаго цвѣта перушки; на шейкѣ пепельнаго цвѣта небольшія полоски блѣдно-глинистаго и бѣлаго цвѣтовъ; крылья, спина и хвостъ почти стальнаго цвѣта; ноги ярко-желтыя; по зобу бѣлыя перья перемѣшаны съ черными, около хвоста изъ бѣлыхъ перьевъ перемычка; это самецъ. Ворогуй очень смиренъ и прилетаетъ съ юговостока.

Плеханъ (по-юрацки «сенгры»), нѣсколько болѣе ворогуя; по бѣлому зобу разбросаны черныя пятнушки, клювъ утиный, пепельнаго цвѣта; глаза черныя съ бронзоваго цвѣта ободочкомъ. Прилетаетъ позже гуменника.

Чикунъ, *пискунъ* или *писоногъ* (по-юрацки «сяку») видомъ кажется поменьше ворогуя, но также строенъ; головка его небольшая, покрыта отъ клюва черными перушками, въ видѣ полоски, идущей до половины длинной шеи, отъ чего и хохолокъ на затылкѣ черный; отъ глазъ такія же черныя

(1) По-остяцки «тимъ», по-юрацки «эпто», по-самоѣдски «дѣбу», по-тунгузски «юмники», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «тека».

полоски, тонко-отороченныя бѣлыми перушками, идутъ подъ исподъ головки, оставляя около клюва бѣлыя пятна; клювъ, нѣсколько загнутый къ низу, коротокъ; шея шоколаднаго цвѣта, съ золотистымъ отливомъ; по спинѣ и крыльямъ перо чернаго цвѣта съ бѣлыми пятнами. Чикунъ смиренѣе ворогуя, и прилетаетъ съ юго-востока, позже всѣхъ упомянутыхъ гусей. Проводить лѣто на крайнемъ сѣверѣ по тундрамъ. Во время перемѣны этою птицею пера—жители убиваютъ ее палками.

Черный гусь, кажется, менѣе чикунъ, но похожъ на него складомъ; спина, крылья и хвостъ чернобурыя, а брюхо и зобъ свѣтлобурые, ноги похожи на утинныя; голосъ не сходствуетъ съ гусинымъ. Будучи смиренъ, живетъ попарно, или въ одиночку, въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ края. Прилетаетъ въ первой половинѣ мая съ востока и даже сѣверо-востока, отъ этого между жителями слыветъ подъ названіемъ морскаго. Къ осени онъ становится очень жиренъ. Гуса этого вообще встрѣчается мало.

Съ начала весны, прежде всѣхъ гусей летитъ на сѣверъ гуменникъ. Летъ его чрезъ Туруханскъ начинается въ концѣ апрѣля и продолжается до половины мая. На сѣверныхъ тундрахъ появляется въ началѣ послѣдняго мѣсяца. За гуменникомъ слѣдуютъ остальные гуси. Пискунъ, какъ сказано, прилетаетъ послѣдній. По замѣчанію жителей высокій летъ гусей предвѣщаетъ весну холодную и продолжительную, напротивъ, если гуси летятъ низко и часто присаживаются на проталины, то слѣдуетъ ожидать тепла. Подъ широтою Туруханска, останавливаются для приплода только одни гуменники и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Съ прилета на сѣверныя тундры, когда вся мѣстность бываетъ еще покрыта снѣгомъ, гуси ищутъ себѣ пристанища между небольшими хребтомъ, по проталинамъ, откуда вылетаютъ на тундры въ началѣ іюня. Къ 1 іюля у дѣтниковъ появляются выводки. Съ этого же времени начинаютъ линять холостые, а дѣтники—во 2-й половинѣ іюля. Прежде всѣхъ перемѣняетъ

перо ворогуѣ, за нимъ гуменникъ, потомъ чикунъ, наконецъ плеханъ. Въ это время гуси собираются по рѣчкамъ и озерамъ большими стадами. Самцы всегда облиниваютъ прежде самокъ; избѣгая хищнаго звѣря, гусь сидитъ тогда, большею частію, около воды, прикурнувши, словно больной. Поднимается въ путь сначала гуменникъ, и притомъ не ранѣе какъ въ исходѣ августа; за нимъ отлетаютъ прочіе; чикунъ поднимается послѣ всѣхъ. Будучи чувствительнѣе лебедя къ холоду, гуси, поспѣвая въ дорогу, бросаютъ на пути довольно молодыхъ выводковъ, которые и погибаютъ, или становятся добычею хищныхъ звѣрей и даже собакъ. Не всѣ гуси летятъ на югъ: иные на юго-востокъ. Надобно замѣтить, что гуси, лебеди и даже утки, во время отлета, всегда пользуются сѣвернымъ или другими попутными вѣтрами, и не присаживаясь летятъ даже по двое сутокъ. Туруханскіе жители имѣютъ въ обычаѣ прощаться съ гусями, причемъ просятъ ихъ прилетать «на прокъ». Съ наступленіемъ же весны, когда гуси начинаютъ появляться, жители привѣтствуютъ ихъ, называя разными ласкательными именами, въ родѣ кормильца; къ этому прибавляютъ: «еще насъ застали въ живыхъ». Извѣстно что гуси весною летятъ низко, и завидѣвъ человека тотчасъ загогочатъ: эти звуки жители считаютъ отвѣтомъ со стороны гусей на дѣлаемые привѣтствія. Въ привѣтѣ Туруханскаго жителя слышится вся безотрадная его жизнь, которую нерѣдко спасаетъ прилетъ гуся.

Съ весны на проталинахъ, гдѣ присаживаются гуси, ставятъ для поимки ихъ капканы, клещи, петли и даже «поставушные луки», т. е. натянутую на лукъ стрѣлу; но этотъ промыселъ не можетъ назваться прибыльнымъ. Совсѣмъ другое бываетъ въ промыслѣ облинявшаго гуся. Въ этомъ случаѣ избравъ рѣчку, гдѣ довольно скопилось мелкаго гуся, устраиваютъ на отлогомъ берегу, сажень на 40 отъ воды, изъ сѣтей, поставленныхъ на колья, въ видѣ дворика, съ отверстіемъ въ видѣ прохода (вороты), обращеннаго къ рѣкѣ. Если

при этомъ входѣ земля неровная, то подкладываютъ жердочки и устилаютъ дерномъ для того, чтобы гуси не затруднялись въ проходѣ. Снаружи къ землѣ стѣнки дворика обставляютъ таловыми прутьями, воткнутыми въ землю; отъ воротцевъ дворика идутъ два крыла, устраиваемыя изъ сѣтей же, растянутыхъ на колья: одно полукругомъ прямо къ водѣ и даже на сажень въ рѣву, а другое вдоль по берегу, на протяженіи 60 или 80 саж. За крыльями протянутыхъ сѣтей, прикрывшись таловыми прутьями, прячутся два охотника; третій же, «подъемщикъ», лице, отъ котораго зависитъ выгонъ гусей на берегъ къ длинному крылу, помѣщается въ «вѣткѣ» (1), на противоположномъ берегу, и также прикрывается таловыми прутьями. Въ то время, какъ устраивается такимъ образомъ «заколъ», двое промышленниковъ вверхъ по рѣкѣ, верстъ за 30 и болѣе, и оттуда плывя на вѣткахъ, начинаютъ осторожно гнать все болѣе и болѣе увеличивающееся стадо гусей. Съ приближеніемъ послѣднихъ къ длинному береговому крылу, для подъемщика наступаетъ важный моментъ — заставить гусей выйти на берегъ и слѣдовать близъ сѣточной стѣнки, по направленію къ воротцамъ дворика. Если онъ не сумѣетъ изловчиться, то цѣлое стадо, иногда состоящее изъ тысячи гусей, проплываетъ мимо. Не шевелясь и даже притаивъ дыханіе, подъемщикъ, сидя на своей вѣткѣ, впивается глазами во всѣ дѣйствія передоваго гуся, какъ-бы желая угадать его помыслы. Съ своей стороны гусь, замѣтивъ человѣка, уклоняется къ берегу, и тутъ-то происходитъ та нѣмая таинственная сцена, бросающая то въ жаръ, то въ холодъ подъемщика. Впившись глазами, разгорѣвшимися отъ внутренняго волненія, онъ съ какою-то нѣмою угрозою начинаетъ слегка помахивать талинкою. Въ какой-то странной нерѣшительности находится тогда передовой гусь. Приподнявъ высоко голову и осматриваясь внимательно, онъ какъ-будто

(1) Маленькая лодочка.

готовъ подняться и улетѣть. Съ полнымъ безмолвіемъ стоитъ и все оторопѣвшее, плотно стѣснившееся стадо. Но вотъ подъемщикъ снова помахиваетъ вѣткою, и передовой гусь, какъ-то торопливо, выходитъ на берегъ; за нимъ взбирается и цѣлое стадо. Если гуси, устремившіеся вдоль по крылу, начали сильно напирать на сбѣточную стѣнку, то скрывшійся за нею караульщикъ съ великою осторожностію погрозитъ имъ прутикомъ. Случается, что передовые гуси подойдя къ воротцамъ самага дворика, не рѣшаются идти далѣе. Въ этомъ случаѣ повторяется тотъ же маневръ помахиванія вѣточкою. Едва половина гусей успѣла попасть во дворикъ, какъ караульщики, вооруженные палками, съ великою ловкостью, принимаются бить заднихъ. Бываетъ, что гуси, поднятые на берегъ, возвращаются обратно и тогда изъ 1000 гусей дѣлается добычею охотниковъ не болѣе 10.

По озерамъ уловъ линялыхъ гусей происходитъ слѣдующимъ образомъ: выгнавъ, посредствомъ собакъ, выпущенныхъ по берегамъ, всѣхъ гусей на озеро, охотники, устранивъ собакъ, садятся на вѣтки и начинаютъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, кружиться около гусей, повидимому не желающихъ табуниться. Однакожь, послѣ нѣсколькихъ круговъ, слѣаемыхъ охотниками, гуси постепенно собираются въ кучу и начинаютъ поворачиваться на одномъ мѣстѣ кругомъ, слѣдуя движеніямъ лодокъ. Это называется «учить гусей». Когда наконецъ гуси успѣли освоиться нѣсколько съ охотниками, послѣдніе, выстроившись трехугольникомъ, начинаютъ осторожно гнать стадо къ устроенному на берегу «заколу», куда и вгоняютъ такимъ же образомъ, какъ описано выше. Иногда, согнавъ гусей въ кучу и продолжая кружить ихъ, ограничиваются тѣмъ, что принимаются бить эту птицу стрѣлами, выбирая для этаго самыхъ заднихъ гусей. При соблюденіи такого правила, а въ особенности при ловкости стрѣлка, убивающаго cadaго гуся на повалѣ, иногда болѣе половины стада дѣлается добычею охотниковъ.

Битыхъ гусей, какъ есть въ перьяхъ, только выногрощенныхъ, сохраняютъ въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ. Если яма была глубокая и хорошо завалена землею, то гуси не портятся, хотя и пахнутъ земляною сыростию. При употребленіи ихъ обвариваютъ кипяткомъ. Если кожа гуся подопрѣла, то снятыя перья выстѣ съ пухомъ бросаются. Пухъ, хотя и несовсѣмъ чистый, снимаютъ большею частію съ тѣхъ гусей, которые были добыты весною; съ нихъ же снимаютъ и пѣуры выстѣ съ пухомъ, изъ которыхъ жители выдѣлываютъ для себя одѣла.

Есть крестьяне, какъ напримѣръ обитающіе по р. Ва-лахнѣ, которые круглый годъ кормятся почти одними гусями, а вытапливаемый изъ нихъ жиръ употребляютъ для освѣщенія.

Утка ⁽¹⁾ крикковая (*Anas clangula*), вѣсомъ бываетъ до 6½ фунт.

» Селезня (A. boschas), вѣсомъ бываетъ до 3½ фун.

» Шилохвость (A. acuta). Изъ этой породы примѣчены здѣсь желтобрюхія, которыя впрочемъ встрѣчаются рѣдко. Шилохвость не крикаетъ а свиститъ, преклоня въ это время голову къ водѣ. Вѣсомъ бываетъ до 2½ ф.

» Связъ свистунъ (A. penelope), вѣсомъ въ 2 фунт.

» Гачка или гага (A. molissima);

» Турпанъ (A. fusca).

» Широконоска (A. clypeata); вѣсомъ 1¼ фунт.

» Черная ⁽²⁾ (A. fuliginosa); вѣсомъ 2 фунт.

» Савка ⁽³⁾ (A. hiemalis) прилетаетъ съ сѣверо-востока; бываетъ двухъ видовъ. Дѣтей выводить позже всѣхъ.

(1) По-остяцки «бэнь, бэндэ»; по-юрацки «нэбы» по-самоѣдски «нэгу»; по-тулгузски «чипкарь»; на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «шипа».

(2) По-остяцки «амга», по-самоѣдски «логды данаго», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «олика».

(3) По-остяцки «сога», по-юрацки «гагу».

Утка Чирокъ ⁽¹⁾ (*A. querquedula*), вѣсомъ $\frac{3}{4}$ фунта.

› Гурка (*A. strepera*).

› Крохаль ⁽²⁾ большой (*Mergus merganser*) вѣсомъ бываетъ въ 4 фунта.

› Лутокъ (*M. albellus*) вѣсомъ до $1\frac{1}{4}$ фунта.

› Гоголь бѣлопестрый, головка черная, хлюбь бѣлая вѣсомъ въ $1\frac{1}{2}$ фунта.

Перечисливъ породы утокъ, мы сдѣлаемъ описаніе такъ называемой утки «гребенухи.» Самецъ этой породы величиною съ кряковную утку, голова длинная, почти плоская, покрытая пепельнаго цвѣта перушками съ хохломъ; ушныя скважины довольно большія и открытыя около клюва, который на концѣ суженъ, голова оканчивается горбомъ; шея короткая, покрытая бѣлыми перьями съ небольшою желтизною; спина отъ шеи пестрая, а къ хвосту черная; близъ шилообразнаго хвоста перемычка изъ бѣлыхъ перьевъ; крылья скорѣе кофейнаго, нежели чернаго цвѣта съ бѣлыми крапинами, хлюбь черная; ноги короткія, желтовато-глинистаго цвѣта. Кричитъ подобно крохалю. Самка похожа на кряковную утку и кричитъ на подобіе словъ: ко́пъ, ко́пъ.

Въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ, во время лѣта, говорятъ, появляется еще особаго рода черная утка, которую однакожъ намъ не привелось видѣть. Надобно замѣтить, что большая часть утокъ водится преимущественно въ предѣлахъ растительности лѣсовъ; по открытымъ же тундрамъ ихъ бываетъ мало. Говорятъ, что близъ устья р. Хатанги нѣкоторыя утки весною прилетаютъ съ моря. Ловъ этой птицы происходитъ, большею частію, силами, прикрѣпленными къ деревянному обручу, опущенному на озеро. По срединѣ обруча сажаютъ иногда чучелу.

По рѣкамъ Енисею, Хатангѣ, Пясиной и отчасти Тазу водятся слѣдующія породы рыбъ ⁽³⁾:

⁽¹⁾ По-остяцки «хдои», по-тунгузски «никичанъ».

⁽²⁾ По-остяцки «хдъ», по-тунгузски «подера».

⁽³⁾ Рыба по-остяцки «исъ», по-юрацки «халъ», по-тунгузски «ольдо», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «ыныя».

	По- остяцки.	По- юрацки.	По- самоѣдски.	На остяцко- самоѣдскомъ языкѣ.	По- тунгуски.
Осетръ (Acipenser sturio)	Остырь.	Эна.	Беганъ.	Квэокоръ.	Тина.
Стерлядь (A. ruthenus)	Укъ.	Хон.	Хрикокеу.	Ноты.	Шенэжо.
Рогатка (Cottus dicegans)	»	»	»	»	»
Таймень (Salmo hucho)	Тотъ.	Неда хали.	Тэнё.	Муётди.	Джели.
Семужка (S. eriox) .	Люнь.	»	Нера.	»	»
Чирь (S. nasus) . . .	Тякты.	Адурчэ.	Бэдыди.	Ынга.	Ведрешель.
Шокуръ, иначе ва- лекъ (S. Schocur).	»	»	»	»	»
Максунъ (S. mихun)	Кылибъ.	Симбукчи.	Фалка.	Кёуръ.	Анга.
Сигъ (S. lavaretus) .	Тотогъ.	Палкуръ.	Сига.	Чукора.	Шури.
Нельма (S. nelma) . .	Сюль.	Сявотта.	»	Венди.	Нера.
Пелятка (S. coregonus)	Агдэ.	Пая.	Таштаръ.	Шитти.	Укучанъ.
Омуль (S. autumnalis)	Донгай.	»	»	»	»
Харьюзъ (S. thymalus)	Люнь.	»	»	»	Ширючанъ.
Ленокъ (S. coregonoides)	Бытнэ.	»	»	»	Дзыботконъ.
Тугунъ (S. tugun) . .	Тугунъ.	Хальмэръ. халэ.	Камэро.	Мунка.	»
Ряпушка (S. albula).	»	»	»	»	»
Куньжа (S. trutta) . .	Люнь.	»	»	»	»
Сельдь (Clupea harengus)	Бонгту.	Хамэръ.	»	»	»
Пискарь (Cyprinus gобio)	—	—	—	—	нэрю.
Карась (Carassius vulgaris)	Сяль.	Юммы.	—	Туты.	Колемизъ.
Налимъ (Gadus lota).	Кэсь.	Нюэ.	Нюню.	Нюни.	Сеганъ.
Язь (Cyprinus idus) .	Кольгитъ.	Лаггорка.	—	Лага.	Польвана.
Вьюнъ	Атыгъ.	Холы.	—	Нени.	Уря.
Щука (Esox lucius) .	Куръ.	Пырэй.	Дюддадо.	Пичча.	Гутькоръ.
Окунь (Perca fluviatilis)	Теа.	Нега.	Богодо- андэ.	Киза.	Экочонъ.
Ершъ (P. cernua) . .	Хэлькъ.	—	—	Нырша.	Кангчи.
Сорога (Leuciscus rutilus)	Билингитъ.	Лысу.	—	Пэча.	Негачанъ.
Елецъ	Какъ.	Эдикко.	—	Кру энти.	Хигнео.

Морской осетръ нѣсколько отличается отъ енисейнаго; цвѣтъ его кожи, въ особенности по хребту, на немъ темнѣе и по бокамъ встрѣчаются черныя пятна; носъ болѣе острый, тѣло дрябло и состоитъ на половину изъ жира. Приготовленный въ балыкѣ онъ скоро портится, или истекаетъ до того, что остаются одни волокна. Икра въ немъ постоянно встрѣчается незрѣлою; первоначальное зарожденіе ея происходитъ ранѣе нежели у рѣчнаго. Енисейный осетръ, напротивъ, не столь жиренъ, мясо его бѣловатѣе и нѣсколько плотнѣе, а икра, въ іюлѣ мѣсяцѣ, встрѣчается довольно зрѣлою и можетъ быть приготовлена въ прокъ, въ видѣ паюсной. На вѣсъ онъ не бываетъ болѣе 5 пудъ; менѣе 25 фун. осетръ называется «чалбышемъ». Изъ осетра, который вѣситъ отъ 1 до 2 пудъ, вынимается клею отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта. У икрянаго осетра клею всегда на половину менѣе. Четырехъ-пудовый осетръ даетъ зрѣлой икры до одного пуда. Исключая Енисея и Таза осетръ не заходитъ ни въ одну изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море. Если въ Хатангѣ иногда и появляется осетръ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ, и далѣе устьевъ ея нейдетъ. Осетры живущіе по рр. Нижней Тунгузкѣ, Курейкѣ и нѣкоторымъ значительнымъ озерамъ, расположеннымъ отъ Енисея на востокъ, бываютъ нѣсколько суха.

Костеръ (по мнѣнію жителей молодой осетръ). Отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что у него хребетъ идетъ небольшимъ горбомъ; брюшная полость бѣловатѣе, а чешуя нѣсколько шореховата. Эта рыба, подобно морскому осетру, слаба тѣломъ и постоянно суха. Въ то время когда начинаютъ въ ней образовываться молоки, она на вѣсъ бываетъ до 13 фунтовъ.

Стерлядь туруханская отличается отъ обыкновенной: хребетные щиты ея въ четверо крупнѣе пропорціонально каждой величинѣ рыбы; въ хрящахъ окаменѣлость; носъ тупѣе. Эта рыба попадается въ р. Нижней Тунгузкѣ въ $1\frac{1}{2}$ аршина и болѣе, а вѣсомъ въ пудъ. Тѣло ея не такъ плотно. Въ каменистыхъ рѣкахъ она нѣсколько вкусна; улавливаемая же

въ рѣкахъ, гдѣ почва илиста рыба эта имѣетъ непріятный землянистый запахъ. Лѣтъ 40 назадъ ходившіе вверху по р. Нижней Тунгузкѣ казаки, во время осени и тонкому льду, налавливали тамъ стерляди по три тысячи пудъ, если не болѣе.

Рогатка видомъ и вкусомъ походить на налима, только брюхастѣе и хвостомъ потоньше; на головѣ четыре твердыс, коническіе бугорка, отъ которыхъ рыба и получила свое названіе. Величина ея, по большей части, 4 и 5 вершковъ. Водится только въ устьяхъ Хатанги и Ледовитомъ морѣ.

Таймень достигаетъ 5 пуд. и болѣе. Принадлежитъ къ хищнымъ рыбамъ, таймени глотаютъ иногда плавающихъ въ водѣ гусей. Икра въ немъ блѣдно-желтаго цвѣта.

Чиръ имѣетъ длину до 5 четвертей, а на вѣсъ до 15 фун.; чиръ же отличающіеся особенною горбатостію хребта и называемые въ отличіе «макчугорами», вѣсятъ до 30 фунтовъ. На вкусъ эта рыба кажется лучшею изъ всѣхъ. Икра въ чирѣ бываетъ бѣлая, не крупная и отличнаго вкуса; не отъ того ли чиръ съ жадностію пожираютъ выметанную самками ихъ икру. По словамъ жителей, въ сѣверныхъ предѣлахъ края, озернаго осетра, во всякое время года, можно встрѣтить съ икрою, которая бываетъ мелка и смѣшана съ жиромъ.

Валекъ ростомъ достигаетъ до 2 четвертей, тѣло его нѣсколько округлено; голова небольшая, коническая, съ тупымъ носомъ; въ жабрахъ четыре перепонки; блѣдно-ранжевая кожа на тѣлѣ покрыта серебристою чешуею.

Моксунъ сутулымъ и горбатымъ видомъ отличается отъ другихъ рыбъ; верхняя губа у него нѣсколько длиннѣе нижней. Самый большой моксунъ вѣситъ не болѣе 8 фунт. Жители обыкновенно полагаютъ на пудъ 10 моксуновъ. Тѣло этой рыбы крѣпче, чѣмъ у сига; цвѣтъ икры блѣдно-красный. Живетъ и по многимъ значительнымъ озерамъ.

Нельма, довольно извѣстная рыба, отличается нѣжностію мяса. На вѣсъ она бываетъ въ пудъ и болѣе. По озерамъ встрѣчается весьма рѣдко.

Пелятка, не превосходящая 8 вершковъ дл., изобилуетъ въ нѣкоторыхъ озерахъ.

Сизъ попадаетъ вѣсомъ до 5 фунтовъ.

Омуль имѣетъ отъ 4 до 7 вершковъ длины, а вѣсомъ до 4 фунтовъ.

Харьюзъ живетъ преимущественно въ быстрыхъ рѣкахъ, текущихъ по каменистой почвѣ.

Ленокъ, иначе форель, съ яркobaгрянистою отѣнкою по бокамъ и брюшной полости, живетъ, подобно харьюзу, въ каменистыхъ рѣкахъ.

Сельдь, вливаемая по р. Енисею, имѣетъ отъ 4 до 5¹/₂ вершк., а входящая въ р. Хатангу и ея притоки достигаетъ въ длину до 7 вершковъ. Подобно другимъ морскимъ рыбамъ, во время хода по упоминаемымъ рѣкамъ, сельдь мечетъ икру. Еслибы не теченіе водъ, то, при солнечномъ днѣ, можно было бы замѣтить, что вода, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обѣлена отъ молокъ самцовъ. Во время такого хода сельдь истребляется не только тайменемъ, щукою, но даже и нельмою; даже вороны и чайки хватаютъ ее изъ воды.

Тугунъ видомъ походить на снѣтка, съ такою же мягкою бѣлою чешуею. Ростомъ отъ 1 до 2¹/₂ вершковъ; вкусенъ; икра въ немъ мелкая, красноватаго цвѣта. Приготовленіе его на подобіе килекъ было бы недурно.

Означенныя нами морскія рыбы мечутъ икру или въ послѣднемъ лѣтнемъ, или въ первыхъ двухъ осеннихъ мѣсяцахъ, а именно (1):

Сельдь	} Со второй половины августа по 1-е октября.
Тугунъ	

(1) Рыбы расположены по порядку метанія икры, начиная отъ тѣхъ, которыя метаютъ икру ранѣе.

Нельма
Моксунъ
Валекъ
Пелятка
Омуль
Сигъ
Чиръ

Въ концѣ сентября и первой половинѣ октября.

Примѣчаніе. Стремленіе рыбъ въ эту пору вверхъ по рѣкѣ, для метанія икры, объясняется тѣмъ, что онѣ ищутъ къ оплодотворенію ея потребной температуры въ водѣ.

Въ обозначенныхъ нами періодахъ метанія икры бываютъ нѣкоторыя отклоненія, зависящія отъ климатическихъ особенностей. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что морскія рыбы мечутъ икру большею частію на глубинѣ рѣки, а вышедшія изъ оплодотворенной икры рыбки большею частію скатываются зимою же въ низовья Енисея, останавливаясь для пищи въ куряхъ. Изъ этихъ рыбъ, въ началѣ слѣдующаго лѣта, встрѣчаются молоденькіе осетры, нельмы, чирь и сиви, величиною въ одинъ и полтора дюйма; тогда какъ рѣчныя рыбы, напримѣръ щука, вырастаютъ въ это же время вдвое болѣе.

Семга встрѣчается только въ устьяхъ Енисея. *Кунжа* встрѣчается двухъ видовъ. Въ длину достигаетъ до 12 вершковъ и болѣе. Водится по каменистымъ рѣкамъ и озерамъ. Видѣнная нами имѣла бронзовый цвѣтъ, съ довольно яркими бланжевыми пятнышками по бокамъ, брюшная полость блѣдно-бланжеваго цвѣта; подъ верхнею гладкою кожицею замѣтна другая болѣе яркая, съ мелкою чешуею; голова конической формы; въ рту зубы какъ у тайменя, а въ жабрахъ четыре перепонки; икра крупная какъ горохъ, цвѣтомъ подобная золотистому стеклярусу.

Вьюнъ, водящійся въ Енисеѣ, бываетъ трехъ видовъ: одинъ, длиною около 5 дюймовъ, имѣетъ спину пепельнаго цвѣта, а брюшную полость желтоватаго цвѣта; глаза у него столь малы, что жители считаютъ его слѣпымъ. Мясо этого вьюна нѣсколько горько, живетъ по ямамъ, зарывшись въ песокъ. Жители достигаютъ его изъ этихъ ямъ и хранятъ въ берестяныхъ коробкахъ, наполненныхъ водою, ежедневно

перемѣняемою съ прибавленіемъ песку. Выюна этотъ служить наживою для переметовъ. Другой видъ выюна обыкновенный, пепельнаго цвѣта, а третій нѣсколько бѣловатый. Последніе два рода не бываютъ длиннѣе 4 вершковъ.

Карась встрѣчается большею частію въ озерахъ. Въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ эта рыба попадаетъ вѣсомъ въ 30 фун. и болѣе. Озерный карась въ метаніе икры опредѣленнаго времени не имѣетъ, а выпускаетъ ее понемногу.

Обратимъ теперь вниманіе на метаніе икры щукою, что, какъ извѣстно, происходитъ въ концѣ мая и первой половинѣ іюня. Въ это время щука, плавая по разлившейся водѣ забирается въ лѣсную чащу, перескакиваетъ чрезъ лѣсины, или наконецъ, соединившись въ небольшія партіи, начинаетъ метать икру слѣдующимъ образомъ: нѣсколько щукъ становятся въ рядъ; двѣ или три самки отдѣлившись начинаютъ перескакивать впередъ и обратно чрезъ стоящихъ самцовъ. Сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, во время которыхъ изъ рыбъ выпло необходимое количество икры, щуки присоединяются къ прочимъ и стоятъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, подобно больнымъ. Затѣмъ подобный же маневръ совершаютъ другія. Въ это самое время когда выпущенная самками икра оплодотворится самцами — вода на томъ мѣстѣ дѣлается мутна и бѣловата, какъ-бы смѣшанная съ молокомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что для наибольшаго сохраненія жизни въ молокахъ требуется извѣстной степени теплота, и что при малѣйшемъ измѣненіи этой температуры, всякій признакъ жизни въ нихъ исчезаетъ. Для молокъ щуки необходима температуры $+2^{\circ}$ Р., для молокъ окуня $+15^{\circ}$ Р.

При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ всякое движеніе молокъ, распущенныхъ въ водѣ, прекращается: у щуки въ 8 м. 10 секун., а у окуня въ 2 мин. 40 сек. Слишкомъ низкая температура замедляетъ движеніе молокъ; температура слишкомъ высокая ихъ усиливаетъ; но та и другая можетъ наконецъ совершенно ихъ уничтожить; впрочемъ не распу-

ценныя въ водѣ молоки, сохраняютъ жизненность при низкой температурѣ гораздо долѣе. Упавшая на дно, или наспѣвшая на травѣ оплодотворенная щучья икра начинаетъ пахнуть; на четвертыя сутки, изъ полопавшихся икринокъ выходятъ рыбки, а самая кожа икры, покрытая слизью, остается на мѣстѣ. Около бывшаго своего вмѣстелища стоитъ молодая рыбка дня три или четыре и затѣмъ, когда почувствуетъ въ себѣ довольно силы, подилываетъ къ берегамъ.

Всѣ рѣчныя рыбы, выметавъ икру, истощенныя плывутъ на мелкія озера, изобилующія кормовыми мѣстами, на которыя потомъ, по инстинкту, является и молодежь, занимая всѣ береговыя мѣста, между тѣмъ какъ рослая рыба ходитъ на глубинѣ, какъ-бы избѣгая нарушить безмятежное состояніе маленькихъ рыбъ.

Изъ рѣчныхъ рыбъ даже окуни и ерши далеко не имѣютъ здѣсь тѣхъ качествъ, какими отличаются они въ Европейской Россіи; только одинъ елецъ можетъ считаться вкусною рыбою. Замѣчательно присутствіе его къ мелкимъ озерамъ, гдѣ наѣвшись онъ любитъ стоять почти на самой поверхности воды на солнечномъ приекѣ, и чрезъ это нерѣдко, для собственной погибели, остается въ озерѣ на зимовку, если не найдетъ какой-либо лазейки для ухода въ рѣку. Извѣстно, что при первомъ шумѣ елецъ выскакиваетъ изъ воды, иногда аршина на полтора; въ это время случается что онъ попадаетъ въ проплывающія лодки рыбопромышленниковъ; подобный случай у жителей считается предвѣстникомъ смерти кого-либо изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ. Говорятъ, что елецъ перескакиваетъ иногда и чрезъ городьбу, преграждающую ему путь по рѣкѣ.

Изъ пресмыкающихся встрѣчаются въ Туруханскомъ краѣ лягушка (*Rana temporaria*) и мелкая ящерица, крайній предѣлъ распространенія которыхъ можно полагать 66° с. ш.

ГЛАВА П.

Населеніе края.

Послѣ казаковъ, проникшихъ въ Туруханскій край послѣ открытія Сибири, русское населеніе края стало увеличиваться пришлыми и бѣглыми людьми, которыхъ привлекали сюда слухи о богатствѣ звѣриныхъ промысловъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ заселенія края, лѣтъ за полтораста тому назадъ, мы передадимъ рассказъ одного изъ потомковъ прежнихъ поселенцевъ края. «Прадѣдушка нашъ казакъ Лаптуковъ, говорилъ нашъ пращуръ, находился на Есейскомъ озерѣ для усмиренія взбунтовавшихся тунгусовъ. Когда, послѣ принятыхъ мѣръ, инородцы эти поуспокоились, то Лаптуковъ ѣздилъ оттуда съ ясаками въ Якутскую область, гдѣ и получилъ отставку. По возвращеніи въ Туруханскій край Лаптуковъ, чрезъ Есейское озеро, перебрался на р. Пясины и здѣсь основалъ себѣ жилище. Ласковостію и гостепріимствомъ онъ не только приобрѣлъ дружбу окрестныхъ самоѣдовъ, но даже вошелъ съ ними въ родственныя связи — женившись на 16-лѣтней дочери одного изъ этихъ дикарей. Дѣвушка оказалась умною, преданною и отличною хозяйкою. Впослѣдствіи, когда она освоилась съ русскимъ языкомъ и бытомъ, Лаптуковъ обвѣнчался съ нею с. Дудинкѣ. Въ это время ему было 70 лѣтъ. Отъ этой четы родилось 19 человекъ дѣтей, изъ коихъ осталось живыхъ 5 сыновей и столько же дочерей. Всѣ дѣвицы вышли замужъ за пришлецовъ, прибывшихъ съ р. Енисея и поселившихся по рр. Дудынтѣ и Пясиной».

Въ 1727 г. въ Мангазейскомъ уѣздѣ считалось всего 658 податныхъ душъ. Основываясь на этомъ, можно предполагать, что тогдашнее русское населеніе края состояло не болѣе какъ изъ 1500 душ. обоего пола, значительная часть котораго была сосредоточена въ сѣверныхъ его предѣлахъ. Развалины зимовьевъ, встрѣчаемыхъ близъ Енисейной губы, и по усть-

ямъ рѣкъ Хатанги, Пясиной и даже по берегамъ моря служатъ тому доказательствомъ. Утверждаютъ, что лѣтъ за сто назадъ, а можетъ быть и болѣе, одно судно, плывшее изъ Архангельска, было затерто льдомъ и команда, которой было не мало, выбравшись на берегъ, осталась тутъ же на постоянномъ жительствѣ.

Съ причисленіемъ 19 января 1782 г. Туруханскаго края къ Томской губерніи Тобольскаго намѣстничества, считалось въ немъ тунгусовъ 1,282, юраковъ и самоѣдовъ 640, остяковъ 351. Якутовъ, обитающихъ близъ Туруханска, 127 душъ; сколько же было таковыхъ инородцевъ въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ края, — неизвѣстно.

Выше г. Туруханска населеніе, образовавшееся отчасти изъ монастырскихъ служителей, было столь незначительно, что зимою сообщеніе съ Туруханскомъ было крайне затруднительно. Къ устраненію сего, въ 1811 г. состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта о заселеніи этой половины края (1). Въ 1812 г. на двухъ большихъ судахъ и столькихъ же баркахъ приплавленъ былъ народъ, большею частію изъ Боготольскаго и Краснорѣчинскаго заводовъ. Въ предположенныхъ къ заселенію пунктахъ оставляли по три и по четыре семьи, снабжая поселенцевъ необходимыми домашними орудіями и хлѣбомъ; кромѣ этого каждой семьѣ давалась корова и лошадь. Тѣмъ изъ поселенцевъ, которые не были женаты, назначались въ сожительство поселенки, которыхъ также было выслано достаточное число. Случалось конечно, что нѣкоторые изъ мужчинъ не хотѣли жениться на предложенныхъ невѣстахъ, или на оборотъ женщины отказывались выходить за предложенныхъ мужчинъ, но горячія розги тотчасъ же выгоняли подобную дурь. Импровизованныя, такимъ образомъ, пары, по данной, отъ комиссара выпискѣ, немедленно были обвѣнчаны. Къ несчастію большая часть поселенцевъ, не успѣвъ устроить

(1) Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ, стр. 158.

жилищъ и приготовить достаточнаго количества корма для скота, лишилась большей части онаго, а оставшійся въ живыхъ, за недостаткомъ хлѣба, былъ съѣденъ. За исключеніемъ этого обстоятельства новопоселенцы не потерпѣли въ первую зиму особыхъ бѣдствій и только три или четыре человѣка замерзли; но это случилось отъ непривычки и неопытности во время путешествій на сосѣдственные станки. Въ 1813 и 1814 годахъ сдѣлана была новая присылка народа для заселенія остальныхъ пунктовъ на пути къ Туруханску; причемъ новопоселенцамъ также были оказаны необходимыя пособія. Однакоже, несмотря на производимый чрезъ казаковъ надзоръ за домообзаведеніемъ народа, и несмотря на выдачу имъ хлѣба по 2 п. на взрослую и 1 пуд. на малолѣтнюю душу, болѣе половины переселенцевъ вымерло. Оно и немудрено, если взять въ соображеніе, что эти люди, жившіе дотолѣ на волѣ, въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, очутились вдругъ прикованными съ суровой странѣ, посреди всевозможныхъ лишеній и трудностей, въ особенности при отбываніи подводъ, за неимѣніемъ лошадей и собакъ. Съ 1817 г., послѣ посѣщенія Туруханскаго края полковникомъ Камаевымъ, было приложено болѣе попеченій объ устройствѣ жителей. За всѣмъ тѣмъ прибывавшее русское населеніе начало устраиваться болѣе надежнымъ образомъ только съ 1820 г. Но тутъ выразились послѣдствія насильственныхъ браковъ: жены начали рѣзать мужей, а мужья женъ. Были и такіе, которые убивали собственныхъ дѣтей. Въ замѣнъ сосланныхъ по этому случаю въ каторжную работу и умершихъ людей, однакоже прибывали новыя поселенцы; но такъ какъ большая часть ихъ состояла изъ бродягъ, то въ послѣдствіи одни ушли по билетамъ и не возвращались болѣе ⁽¹⁾, а другіе по неспособности къ здѣшней трудовой

(1) Дѣти этихъ поселенцевъ, выбывшіе съ родителями, одважѣ состоятъ и донынѣ въ крестьянскомъ окладѣ, и общество по необходимости платитъ за нихъ подати въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на то, что убылыхъ насчитывается до 20 душъ.

жизни выселены отсюда начальствомъ; остались большею частью одни раскольники и то преимущественно изъ духоворцевъ (¹).

Столь трудное заселеніе въ безлюдномъ краѣ заставило Правительство сложить съ новопоселенцевъ долгъ въ 9,552 р. ас., выданныхъ имъ въ ссуду, и затѣмъ избавить какъ водворенныхъ уже, такъ и тѣхъ, которые бы впоследствии водворились, отъ подушной и оброчной подати (²).

Въ настоящее время въ Туруханскомъ краѣ считается наличныхъ жителей обоого пола 7,329 душъ. Составъ этого населенія распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	По г. Туруханску.		По краю.		Всего.	
	Муж.	Ж.	Муж.	Ж.	Муж.	Ж.
Дворянъ потомственныхъ	1	—	—	—	1	—
» личныхъ	6	6	—	—	6	6
Приказно-служителей	2	4	—	—	2	4
Духовенства бѣлаго.	7	5	11	12	18	17
Монашествующихъ	—	—	3	—	5	—
Монастырскихъ служителей.	—	—	10	7	10	7
Мѣщанъ.	25	20	45	51	70	71
Государственныхъ крестьянъ	2	2	616	488	618	490
Ссылно-поселенцевъ.	22	15	100	75	122	90
Казаковъ.	46	33	27	20	73	53
Остяковъ.	—	—	888	716	888	716
Тунгусовъ.	—	—	847	640	847	640
Самодовъ.	—	—	557	536	557	536
Юраковъ.	—	—	185	158	185	158
Долганъ.	—	—	303	270	303	270
Якутовъ.	—	—	279	289	279	289
Итого.	111	85	3,871	3,862	3,982	3,347

(¹) Замѣчательно, что духоворцы, не выждавъ разрѣшенія на подаемую ими просьбу, о выселеніи ихъ въ Амурскую область, въ 1862 г. пораспродали все свое домохозяйство и вышли въ Енисейскъ. Къ счастью тамъ оправдались ихъ пламенные надежды, и они получили ожидаемое разрѣшеніе.

(²) Истор. Минист. Внутр. Дѣлъ, стр. 158 и 159.

По 10-й переписи противъ объясненнаго числа душъ, было болѣе на 1,013 д., а именно мѣщанъ 16, крестьянъ 249, поселенцевъ 740, остяковъ 4 и тунгузовъ 4 души: но эта разность произошла главнымъ образомъ отъ того, что 537 душъ поселенцевъ и 199 крестьянъ выбыли въ Якутскую и Приморскую области, а многіе находятся частію въ безъизвѣстной отлучкѣ, или на временномъ причисленіи въ разныхъ мѣстахъ Енисейской губерніи, или наконецъ просто выбыли по билетамъ. И такъ большая часть поселенцевъ, недобровольно высылаемыхъ для водворенія въ Туруханскій край, не привязывается въ немъ къ осѣдлости, а при первой возможности выбываетъ обратно.

По вѣроисповѣданіямъ наличное народонаселеніе края распредѣляется такъ:

	По г. Туруханску.		По краю.		Всего.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Православныхъ	89	75	2,648	2,224	2,737	2,299
Раскольниковъ } скопцовъ безпоповской секты субботниковъ	18	9	21	19	39	28
	2	—	4	3	6	3
	1	1	—	—	1	1
Римско-католиковъ	1	—	—	—	1	—
Шаманствующихъ	—	—	1,198	1,016	1,198	1,016
	111	85	3,871	3,262	3,982	3,347

При означенномъ количествѣ населенія края приходится слишкомъ 255 квадр. верстъ на каждую душу.

Въ отношеніи пропорціональности половъ замѣчаемъ значительный перевѣсъ въ мужескомъ полѣ, а именно на каждыя 100 душъ мужчинъ приходится 86 женщинъ. Въ частности, преобладаніе женскаго пола, и то въ незначительномъ количествѣ, встрѣчается только у якутовъ.

Движеніе неселенія въ край весьма трудно выслѣдить даже приблизительно, потому что не только у инородцевъ, приняв-

шихъ св. крещеніе, но даже у нѣкоторыхъ крестьянъ дѣти, зачастую, умираютъ не крещеными. О числѣ умершихъ и освященныхъ бракахъ нечего и говорить, потому что и между русскимъ населеніемъ встрѣчаются иные супруги, которые живутъ по три и по четыре года невѣнчанными. Если церковные документы не могутъ, въ этомъ случаѣ, дать удовлетворительныхъ свѣдѣній, то свѣдѣнія, собранныя формальнымъ порядкомъ тоже не объясняютъ истины, потому что иной инородческій староста самъ положительно не знаетъ много ли у него считается ясачныхъ душъ. Последнія три народныя переписи разумѣется въ этомъ случаѣ могли бы оказать существенную пользу, но замѣченныя уже невѣрности по 8-й и 9-й ревизіямъ, съ отсутствіемъ нѣкоторыхъ инородческихъ родовъ, неудовлетворительныя свѣдѣнія о прибывающихъ и убывающихъ поселенцахъ, — все это мало представляетъ надежды къ разъясненію настоящаго предмета. За всѣмъ тѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ собранныхъ нами свѣдѣній въ отношеніи движенія населенія, оказывается, что на 1,000 душъ въ годъ рождается 48 и умираетъ 40 человекъ. Приращеніе слѣдовательно оказывается всего на 0,8%, между тѣмъ какъ въ южныхъ предѣлахъ Енисейской губерніи такое приращеніе бываетъ въ годъ на 1,4% и болѣе. Родится мальчиковъ болѣе чѣмъ дѣвочекъ. Приращенію населенія много прѣпятствуетъ между русскимъ населеніемъ недостатокъ невѣсть; притомъ же родители, имѣя нужду въ рабочихъ рукахъ, держатъ дочь до тѣхъ поръ пока она начинаетъ распутничать. Впрочемъ крестьяне охотно брали бы и беременныхъ дѣвицъ, еслибъ онѣ находились по близости, а то иногда за ними нужно ѣхать за 300 или за 400 верстъ. Смертность между дѣтьми до 4 и даже до 6-лѣтняго возраста чрезвычайно велика. Уже въ утробѣ матери на ребенкѣ отражаются тѣ лишенія, которымъ подвергается его мать отъ непомѣрной стужи, худой одежды, и неменѣе плохого помѣщенія. а иногда и отъ дурной пищи, или непосильной работы.

Съ появленіемъ на свѣтъ ребенокъ, слабый и хилый, валяясь въ грязныхъ вонючихъ тряпкахъ, со связанными руками, почти постоянно находится въ жилищѣ лишенномъ свѣта, а вмѣсто чистаго воздуха вдыхаетъ за частую дымъ и смрадъ, неизбѣжный въ плохихъ курныхъ избахъ. Вмѣсто солнечнаго благотворнаго тепла ребенку чаще приходится испытывать стужу и пронзительность сквознаго вѣтра. Даже съ наступленіемъ лѣта, когда вся природа оживаетъ, дитя осужденъ испытывать терзанія отъ всевозможнаго рода насѣкомыхъ. Напрасно своимъ крикомъ онъ призываетъ мать: она вся погружена въ заботы по приготовленію съѣстныхъ запасовъ на продолжительную зиму и ей некогда не только помочь бѣдному ребенку, но даже накормить его. При такихъ условіяхъ здѣшняго быта, нельзя не удивляться, что есть хотя небольшое приращеніе населенія. Впрочемъ приведенная нами цифра относится только къ тѣмъ годамъ, когда между жителями не было повальныхъ болѣзней. Надобно замѣтить, что горячки здѣсь бываютъ почти ежегодно, но дѣйствіе ихъ довольно слабо. Заболѣвшій обыкновенно, при соблюденіи нѣкоторой осторожности, оправляется чрезъ недѣлю и даже ранѣе. Впрочемъ были годы когда смертность была значительна. Такъ напримѣръ въ 1842 и 1846 годахъ въ южныхъ предѣлахъ края вымеръ лучшій рабочій народъ. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какія намъ удалось по этому предмету собрать на мѣстѣ.

	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Умерло.
	Ч и с л о л и ц ѣ .		
Въ 1832 г. отъ гнилой горячки	512	328	184
» 1836 г. отъ простудной горячки и чесотки. . . .	124	117	7
» 1841 г. отъ простудной и гнилой горячки	98	66	32
» 1842 и 1843 г. отъ желудочной и простудной горячки	228	187	41

	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Умерло.
Въ 1836 г. отъ простудной го- рячки	37	33	4 ⁽¹⁾
» 1853 г. отъ чесотки . . .	85	82	4
» 1854 г. отъ простудной и гнилой горячки	234	190	44
» 1856 и 1857 гг. отъ про- студной горячки	118	107	13
	1,436	1,109	329

Изъ другихъ болѣзней встрѣчаются корь и скарлатина, но рѣдко; напротивъ ревматизмъ и ломота въ членахъ, въ особенности въ нижнихъ конечностяхъ, золотуха, головныя боли являются гораздо чаще. Отъ нечистоты нѣкоторые жители страдаютъ язвами блѣднаго цвѣта на берцахъ. Цынга, которую слѣдуетъ отнести къ болѣзнямъ климатическимъ, на коренныхъ жителей имѣетъ вліяніе столь незначительное, что они отъ нее не умираютъ. Впрочемъ между бѣднѣйшими остяками смертные случаи отъ цынги бывають отчасти вслѣдствіе свойственной имъ лѣни, а отчасти отъ недостатка свѣжей животной пищи. Эти же самые инородцы чаще другихъ страдаютъ скорбутомъ. Грыжа бываетъ не только у взрослыхъ, но и у дѣтей. Искривленіе позвоночнаго столба примѣчено только у инородцевъ; у нихъ же встрѣчается воспаленіе вѣкъ, изрѣдка запоры, присутствіе солитера и сифилитическая болѣзнь съ климатическими недугами. Всего губительнѣе для жителей Туруханскаго края, въ особенности для инородцевъ, появленіе оспы, противъ которой врачебныя пособія донинѣ остаются безъуспѣшными. Нѣкоторые опыты показываютъ, что даже въ лѣтнее время прививаемая коровья оспа хотя и производитъ на инородческихъ дѣтяхъ видимую сыпь, но вмѣсто естественнаго хода сыпь эта воспаляется,

(¹) По рассказамъ жителей въ 1842 и 1846 годахъ по Верхнеинбатскому участку, какъ между русскими, такъ равно и между инородцами, отъ горячки умерли лучшіе работники.

зрѣетъ и засыхаетъ въ теченіи не болѣе 5 дней, между тѣмъ какъ у русскихъ дѣтей таже самая коровья оспа совершаетъ обыкновенный свой ходъ.

Чему приписать столь странное явленіе и столь слабое дѣйствіе коровьей оспы на полудикихъ жителей сѣвера? и почему послѣ хорошаго на нихъ дѣйствія оспенной матеріи они не предохраняются, даже и на короткое время, отъ вліянія природной оспы?

Говоря объ оспѣ, мы считаемъ умѣстнымъ представить свѣдѣнія о ходѣ этой болѣзни, бывшей въ послѣдній разъ между жителями Туруханскаго края въ 1851 и 1852 годахъ, взятыхъ изъ официальныхъ источниковъ.

	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Умерло.
Русскихъ	951	762	189
Иностранцевъ	965	423	542
	1,916	1,185	731

Направленіе распространенія этой болѣзни было кажется съ юго-запада. Въ южныхъ предѣлахъ края, а въ особенности между русскимъ населеніемъ, смертность была не такъ значительна, въ сравненіи съ сѣверными предѣлами края. Тамъ по зимовьямъ, гдѣ было населеніе изъ 10 и 15 человѣкъ, осталось 2, 3 и много четыре человѣка, а инныя зимовья совершенно опустѣли. Между иностранцами дѣйствіе оспы по истинѣ было ужасное. Безъ всякаго пособія, даже безъ главнаго спутника въ жизни иностранца—огня, въ холодной куртѣ, или въ шалашѣ занесенномъ снѣгомъ, среди вонючихъ отрепьевъ лежитъ напримѣръ убогое семейство остяка. На обнаженныхъ частяхъ тѣла этихъ несчастныхъ кожа во многихъ мѣстахъ, отъ непрерывнаго чесанья, ободрана; по сторонамъ видны кровавыя пятна и слѣды кровавой харкотины, слизанной голодною собакою. Всклоченныя густыя пряди волосъ, отдѣлившіяся у многихъ вмѣстѣ съ кожей отъ головы, лежатъ въ беспорядкѣ. Картина медленной смерти, нарушаемая, по временамъ, глухими стонами и кашлемъ, завываніемъ собаки

и свистомъ вѣтра, невыразимо печальна въ суровой пустынѣ. Умираетъ возлѣ матери любимый ею сынъ—единственный ее кормилецъ, а она даже не видитъ и не чувствуетъ этой потери, находясь въ такомъ оцѣпенѣломъ состояніи, что страхъ отъ появленія волка, почуявшаго свою добычу, мгновенно исчезаетъ, и въ ея воспаленномъ мозгу хищное животное представляется въ видѣ входящей въ ея жилище черной женщины, которая, по понятіямъ остяковъ, вноситъ съ собою смерть. Въ то же время, въ сѣверныхъ предѣлахъ края встрѣчаются иныя картины смерти. Инородцы, уstraшенные гибельнымъ дѣйствіемъ оспы и уже ощущая на себѣ ея дѣйствіе, бросаютъ родной чумъ и стремятся на своихъ быстроногихъ оленяхъ въ самыя отдаленныя мѣста съ надеждою избѣгнуть неминуемой смерти; но смерть преслѣдуетъ ихъ по пятамъ и бѣглецы умираютъ на пути, сидя на санкахъ. Такъ въ далекой, холодной, сумрачной странѣ безслѣдно гибнетъ человѣчество, не возбуждая даже ни въ комъ состраданія.

Замѣтимъ кстати здѣсь, что жители края вообще представляютъ себѣ болѣзнь-оспу въ видѣ женщины съ длинными золотистыми волосами. Если эта женщина явилась къ больному оспоу въ красномъ платьѣ, то онъ не умретъ. Въ сѣверныхъ предѣлахъ края существуетъ преданіе, что въ 1852 г. эта таинственная женщина, посѣщая жилища инородцевъ, высказывала, что она по зимнему пути должна быть на р. Енисей для того, чтобы и тамъ посѣтить человѣческія жилища. Рассказываютъ также, что одинъ больной иноходецъ, увидѣвъ однажды эту женщину, схватилъ лукъ и пустилъ въ нее стрѣлу. Хотя смѣльчакъ этотъ и умеръ, но съ того же времени началось прекращеніе и оспы. Между русскимъ населеніемъ существуетъ обычай заболѣвшему по истеченіи 3 дней идти въ баню и тамъ париться. Нечего говорить о томъ, какія бываютъ отъ этого послѣдствія.

Назначеніе для Туруханскаго края медика, снабжаемаго медикаментами на счетъ суммъ Приказа Общественнаго При-

зрѣнія, Правительствомъ безъ сомнѣнія было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы дать жителямъ необходимыя врачебныя пособія; но цѣль эта повсе не достигается, если взять въ соображеніе мѣстныя условія. Такъ напримѣръ между жителями появляется повальная болѣзнь. Пока дойдетъ объ этомъ вѣсть до мѣстнаго начальства, пока оно распорядится командированіемъ медика, проживающаго въ Туруханскѣ, болѣзнь, совершивъ опустошенія, можетъ прекратиться. Даже въ самомъ г. Туруханскѣ помощь медика становится бесполезною потому, что больной не можетъ выполнить самаго обыкновеннаго требованія врача въ отношеніи пищи, бѣлья и помѣщенія, не говоря объ уходѣ за больнымъ. Какое же послѣ этаго можетъ быть оказано вспомошествованіе больнымъ инородцамъ, обитающимъ въ отдаленныхъ тайгахъ и тундрахъ, которые иногда, при одномъ извѣстіи о существующей болѣзни, стараются укрыться въ отдаленныхъ мѣстахъ, да и самыя условія быта этихъ людей совершенно противудѣйствуютъ медицинѣ. Отъ пронзительной сырости и холода больному невозможно найти убѣжище въ чумѣ. Кромѣ сухой, часто испорченной рыбы у остяка нѣтъ другой пищи. Не понимая русскаго языка, инородецъ не можетъ уразумѣть совѣта медика. Достигнуть по возможности цѣли въ успѣшномъ леченіи заболѣвшихъ, по нашему мнѣнію, можно было бы не столько учрежденіемъ въ Туруханскѣ больницы, сколько опредѣленіемъ трехъ или четырехъ лекарскихъ учениковъ въ разныя части края. Еще лучше, если эти люди будутъ взяты и обучены изъ мѣстныхъ жителей. Для содержанія убогихъ или дряхлыхъ поселенцевъ правительство отпускаетъ кормовыя деньги. Тоже самое должно бы сдѣлать и въ отношеніи содержанія убогихъ и немощныхъ инородцевъ бѣднѣйшихъ ордъ, если уже правительство рѣшилось поддерживать принятую надъ ними опеку. Въ заключеніе намъ остается сказать, что на обученіе высылаемыхъ въ здѣшній край оспенниковъ нужно обратить особенное вниманіе. Этого требуетъ важность самаго дѣла; бывшіе же оселѣ оспенники оказались повсе непонимающими своего дѣла

Самое лучшее время для прививанія оспы июнь и первая половина июля. Въ это время оспопрививатель можетъ начать свое дѣло отъ границы Енисейскаго округа и постепенно спускаясь внизъ по р. Енисею доплыть до послѣднихъ нунаторъ населенія. Кромѣ русскихъ, оспа можетъ быть привита и тѣмъ инородческимъ дѣтямъ, которыя находятся при своихъ родителяхъ, вышедшихъ для рыболовства на Енисей. Что же касается до тѣхъ инородцевъ, которые остаются въ тайгахъ, то объ оспопрививаніи имъ впредь до назначенія фельдшеровъ и думать нечего.

Замѣчательно, что изъ русскаго населенія есть нѣкоторые лица, которые достигаютъ до 80-лѣт. возраста, а между якутами, обитающими на сѣверѣ, встрѣчаются и такіе, которыми насчитываютъ 90 лѣтъ и болѣе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ такая старость составляетъ конечно рѣдкое исключеніе. Браковъ бываетъ въ годъ среднимъ числомъ, принимая въ расчетъ 10-лѣтнюю сложность, 46, т. е. 9 браковъ на 100 человекъ; но цифры эти, взятые изъ метрическихъ книгъ, конечно ниже истины уже потому, что тутъ исключены супружества язычниковъ.

Находящійся почти въ центрѣ края заштатный г. Туруханскъ расположенъ въ 2-хъ верстахъ отъ р. Турухана и въ 8-ми вер. отъ впаденія его въ р. Енисей, подл. 65°56' с. ш. и 105 в. д., въ 1084 вер. отъ окружнаго города Енисейска. Небольшая возвышенность, на которой разбросаны строенія города, и которую полагаютъ надъ уровнемъ моря въ 618 пар. фут., лежитъ среди болотъ, озеръ и протоковъ, образуемыхъ рр. Енисеемъ и Туруханомъ. Вся окрестность, покрытая преимущественно тальникомъ, представляетъ безконечную равнину; только на востокѣ синѣется хвойный лѣсъ, опоясывающій берега Енисея, да расположенныя за нимъ по р. Нижней Тунгузѣ горы.

Исторія Туруханска представляетъ мало интереса. Промышленные люди, открывавшіе на сѣверо-востокѣ новыя земли, нашли, что мѣста около рѣкъ Пура и Таза изобильны собо-

лями и вслѣдствіе сего рѣшились поселиться въ сихъ дикихъ мѣстахъ и построили себѣ нѣсколько остроговъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сказавшись царскими служителями, царскимъ именемъ собирали ясакъ и удерживали оный для себя⁽¹⁾.

Для изслѣдованія сей земли, равно какъ и для открытія торговли съ самоѣдами и остяками и для zaloженія въ принадлежащихъ имъ мѣстахъ укрѣплений отправленъ былъ въ 1598 г. въ край нѣкто Федоръ Дьяковъ и съ нимъ двое тобольскихъ цѣловальниковъ. Они совершили порученіе съ желаннымъ успѣхомъ, достигли даже р. Енисея и собрали съ самоѣдовъ и прочихъ обитателей тамошней страны первый ясакъ. Кончина царя Θεодора Іоанновича, послѣдовавшая въ томъ же году, остановила дальнѣйшія по сему предмету предпріятія.

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ приказалъ сложить на 1600 г. со всѣхъ сибирскихъ жителей обыкновенную подать, а съ языческихъ народовъ ясакъ, и поощрялъ тамошнихъ воеводъ къ утвержденію въ Сибири новыхъ владѣній. Слѣдствіемъ сего было отправленіе изъ Tobольска письменныхъ головъ князя Мирона Шаховскаго и Данилы Хрипунова съ 100 казаками для zaloженія въ Самоѣдской землѣ, на р. Тазѣ, новаго города Мантазен, названнаго симъ именемъ какъ полагаютъ, отъ обитавшаго въ томъ мѣстѣ самоѣдскаго племени Маказэ, а по другимъ извѣстіямъ—отъ запаснаго магазина, устроеннаго тамъ въ 1601 г. для храненія провіанта, безденежно выдаваемого самоѣдамъ. Кн. Шаховской и Хрипуновъ, по прибытіи своемъ въ Березовъ, не нашли тамъ готовыхъ морскихъ судовъ, а потому и принуждены были употребить къ строенію оныхъ отправленныхъ съ ними въ походъ казаковъ. Суда были построены плоскодонныя, длиною въ 12 саж., обѣ одной палубѣ, пазы были укрѣплены деревянными гвоздями. На нихъ можно было ходить греблею и парусами. На четырехъ таковыхъ судахъ

⁽¹⁾ Сибир. истор. Фяшера, стр. 204.

(называемых кочи) и на двухъ небольшихъ коломенкахъ кн. Шаховской въ 1600 г. поплылъ внизъ по р. Оби, но изъ Обской губы, гдѣ суда были повреждены, припасы подмочены, а часть изъ нихъ и вовсе утоплена, Шаховской, продолжая свой путь, вмѣсто Таза попалъ въ другую рѣку (вѣроятно Пурь). Замѣтивъ ошибку, онъ принужденъ былъ выдти на берегъ и отправился сухимъ путемъ, въ чемъ помогли ему самоѣды, давшіе подъ кладъ своихъ оленей. На одинъ день отъ восточнаго берега р. Пура попалась ему на встрѣчу другая партія самоѣдовъ, которая, убивъ 30 человекъ казаковъ, разграбила всѣ запасы и принудила Шаховскаго бѣжать съ 60 человекъ на оленяхъ, съ душою да тѣломъ. Думаютъ, что самоѣды къ сему поступку были подучены зырянскими торговыми людьми, которые опасались, что торги ихъ съ Самоядью чрезъ прибытіе русскихъ придутъ въ упадокъ ⁽¹⁾.

Это несчастное происшествіе не остановило русскихъ. На слѣдующій годъ отправленъ былъ туда же кн. Василій Мосальскій-Кольцовъ и Савлукъ (Влукъ Пушкинъ) съ наименованіемъ ихъ Мангазейскими воеводами. Для путешествія ихъ назначено было построить въ Верхотурьѣ десять кочей, двѣ большія мореходныя лодки и два дощаника, которые должны были имѣть 8 якорей. Кромѣ этаго отряжено изъ Тобольска литвы, казаковъ и стрѣльцовъ 100 человекъ, изъ Сургута 30, да изъ Березова 70, а всего 200 человекъ. Наконецъ изъ Тобольска отдана пушка скорострѣльная и три затинныхъ съ надлежащимъ количествомъ пороха, ядеръ и свинца и столько же велѣно взять оружія изъ Березова, а для управленія имъ назначенъ пушкаръ ⁽²⁾.

Воеводы эти благополучно достигли въ тоже лѣто до мѣста своего назначенія, но г. Мангазея, будто бы до прибытія ихъ, былъ уже основанъ на восточномъ берегу Таза, въ 200 вер.

⁽¹⁾ Сибир. Исторія Фишера, стр. 205 и 206.

⁽²⁾ Сибир. исторія Миллера, гл. 5, § 33.

отъ Тазовской губы, кн. Шаховскимъ и Хрипуновымъ. Почему и въ лѣтописяхъ Сибирскихъ эти лица показаны подъ 1600 г. воеводами и основателями сего города, а за ними слѣдуютъ подъ 1601 и 1602 г. воеводы кн. Мосальскій и Влукъ Пушкинъ (1). Въ 1603 г. посланъ въ Мангазею новый воевода Ѳедоръ Булгаковъ, причемъ дана ему всякая церковная утварь, состоящая изъ образовъ и книгъ, и кромѣ этого велѣно взять изъ Березова священника съ его семьею. Въ наказѣ накрѣпко повелѣвалось ему воспретить приходящимъ изъ Россіи купцамъ прокрадываться въ волости самоѣдскія и тѣмъ, ко вреду таможи, производить торги, для удобнаго же отправления торга между русскими и самоѣдами, построить въ Мангазеѣ гостинный дворъ. Въ 1607 году городъ Мангазея распространилъ свои владѣнія такъ далеко, что не только живущіе около Таза самоѣды, но и многіе изъ остяковъ и самоѣдовъ у р. Енисея, также нѣсколько тунгусовъ, бродившіе по р. Нижней Тунгузѣ, обложены были ясакомъ (2).

Тогда же близъ устья р. Турухана построено зимовье, которое въ послѣдствіи и переименовано въ г. Туруханскъ.

Низовья р. Енисея обысканы промышленниками въ 1610 г. Они, вступивъ въ общество съ иностранными мангазейскими торговыми людьми, пошли съ ними сухимъ путемъ подлѣ р. Турухана къ Туруханскому зимовью. Здѣсь построивъ кочи, они поплыли внизъ по р. Енисею и чрезъ 4 недѣли, а именно въ послѣднихъ числахъ іюня, дошли до устья р. Енисея. Прошло пять недѣль, прежде нежели партія эта могла пуститься въ море: ибо устье Енисея отъ сѣверныхъ вѣтровъ покрыто было льдами, между которыми попадались глыбы толщиною въ 30 саж. Наконецъ юго-западнымъ вѣтромъ льды были отнесены въ море и промышленники поплыли къ р. Пяси-

(1) Сибир. Вѣстн. 1821 г., ч. XV.

(2) Сиб. Ист. Фишера, стр. 233.

дѣ (1). Путешествіе это кончилось тѣмъ, что на всю Пясинскую Самоядь въ 1614 г. былъ положенъ ясакъ (2).

Извѣстно что англичане и голландцы въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія много разъ дѣлали покушенія для открытія пути чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. Нѣкоторые изъ этихъ мореплавателей вѣроятно посѣщали и сѣверо-западную Сибирь. На колокольномъ города Туруханска есть два колокола, похожіе на корабельные, съ надписями на голландскомъ языкѣ. Вѣроятно они во время этихъ путешествій завезены были сначала въ г. Мангазею.

Корнелій Най около 1599 г. командовавший экспедиціею, прибывъ къ остр. Вайгачу, встрѣтилъ тамъ русскихъ промышленниковъ, которые сказывали ему, что изъ Холмогоръ ежегодно нѣсколько людей отправляется моремъ не только къ устью Оби, но даже къ устью Енисея. Архангелогорцы и самые англичане съ голландцами, плававшие до самаго г. Мангазея, отправлялись обыкновенно мимо острова Калгуева, чрезъ Вайгацкій проливъ и Карское море, изъ котораго входили въ устье р. Мутной. Бассейнъ водъ этой рѣки перерѣзываетъ мысъ Елмалъ (Ялмалъ). Пройдя 5 дней по р. Мутной и чрезъ два озера, въ окружности каждое отъ 10 до 12 вер., доходили до волока, гдѣ чрезъ перешеекъ около 2 вер. перетаскивали кочи въ оз. Зеленое, изъ котораго истекаетъ р. Зеленая, и по ней спускались въ Обскую губу (3).

Въ 1620 г. однакожь плаваніе по Сѣверному океану было воспрещено въ томъ предположеніи, что покупая пушные товары отъ кочующихъ инородцевъ торговые люди затрудняли сборъ ясака (4).

Мангазейскій воевода Дмитрій Похожей, по прошенію

(1) Ист. Фипера, стр. 237.

(2) Всѣ окрестная мѣста, чрезъ которыя эта рѣка протекаетъ, назывались тогда Пясида, что на языкѣ самоѣдовъ значить ровная, безлѣсная земля.

(3) Записки В. Латкина, ч. 1, стр. 122 и ч. 2, стр. 41.

(4) Опис. Енис. губ. Степанова, ч. II, стр. 122.

тамошнихъ купцовъ, хотя и настояль у Правительства объ отмѣнѣ такого воспрещенія, но оное всетаки не потеряло своей силы.

Торговья сношенія имѣли значительное вліяніе на заселеніе г. Мангазеи. Онъ состоялъ тогда изъ немалаго количества обывательскихъ домовъ и деревянной крѣпости, выстроенной четырехугольникомъ, въ которой находились церковь во имя Св. Троицы. Кромѣ этой, крѣстпостной, въ городѣ еще были двѣ церкви, одна Пресв. Богородицы, а другая Макарія Желтоводскаго чудотворца. Для охраненія жителей города состоялъ въ немъ московскій гарнизонъ. Провизія для нижнихъ чиновъ, а равно и военные снаряды, присылались изъ Тобольска по Иртышу и Оби на 8 или 10 круглыхъ судахъ.

По словамъ Степанова (Опис. Енис. губ. ч. II, стр. 125) г. Мангазея сгорѣла въ 1619 г. и управленіе его перенесено въ острогъ Туруханскій, съ возвышеніемъ сего послѣдняго въ достоинство города. Спасскій говоритъ напротивъ, что тамошняя крѣпость разрушена и гарнизонъ оттуда выведенъ въ 1662 году.

Въ памяти, данной, по указу царя Алексея Михайловича, 12 іюня 1664 г., Мангазейскому служилому человѣку Сидору Яковлеву, между прочимъ, сказано: «а на Туруханѣ въ сѣзжей избѣ стряпчему и воеводѣ Родіону Михайловичу Павлову подали челобитную» и проч. ⁽¹⁾. Наконецъ въ краткомъ показаніи о воеводахъ изд. 1791 г. значится, что Мангазея оставлена въ 1662 г. Слѣдовательно уничтоженіе г. Мангазеи можно съ достовѣрностію отнести къ этому времени, тѣмъ болѣе, что Фишеръ (Въ Ист. Сиб. стр. 279, 390 и 403) пишетъ: бывшій г. Мангазеѣ въ 1642 г. пожаръ нѣсколько способствовалъ къ совершенному запустѣнію сего мѣста. Къ тому же, ничего не было тягостнѣе, какъ возить провіантъ и прочіе припасы изъ Тобольска Тазовскимъ заливомъ: ибо на этомъ пути суда

⁽¹⁾ Дѣла Турух. троицк. монастыря.

не только садились часто на мель и тѣмъ затрудняли доставку припасовъ, но даже вовсе иногда совсѣми людьми пропадали или отъ самайди терпѣли убійства и грабежъ. Наконецъ соболи перевелись скорѣе у Таза нежели у р. Енисея, который безпрерывно подавалъ новые способы къ обогащенію.

Чтобы покончить съ этимъ первымъ городомъ въ Восточной Сибири, мы, за неимѣніемъ другихъ болѣе подробныхъ о немъ свѣдѣній, рѣшаемся привести рассказъ объ истребленіи его, слышанный нами отъ одного юрацкаго старшины. По словамъ этого инородца, въ Мангазеѣ было 4 улицы и до 200 домовъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли два и три этажа. Кромѣ двухъ церквей, состоящихъ въ центрѣ города, и одной колокольни, была еще третья, помѣщавшаяся за городомъ на сѣверной сторонѣ у кладбища. На южной сторонѣ города находились пороховой и винный подвалы, два хлѣбныхъ магазина, состоящіе изъ 15 отдѣленій. Острогъ, заключавшій въ себѣ 4 отдѣленія, былъ обнесенъ въ два ряда бревенчатымъ частоколомъ. Гостинный дворъ, въ которомъ круглый годъ производилась торговля, состоялъ изъ 20 лавокъ. Два питейныхъ дома существовали конечно не для одного названія. Кромѣ казаковъ въ городѣ находилась особая военная команда. Хлѣбные запасы доставлялись въ Мангазею изъ Березовскаго округа посредствомъ р. Таза и Пура на небольшихъ палубныхъ лодкахъ; этимъ же путемъ приплывала большая часть торговцевъ. Юраки, по словамъ старшины, раздѣлялись тогда на четыре управы, въ которыхъ насчитывалось до 2,500 чумовъ, при четырехъ князьяхъ. Ясакъ уплачивался Юраками въ самомъ городѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ. До тѣхъ поръ, пока отходившіе отъ Мангазеи инородцы не разсѣвались окончательно по необозримымъ тундрамъ, они, по своему многочисленію, постоянно стѣсняли другъ друга въ промыслѣ оленя. Всякій спѣшилъ пользоваться временемъ и тѣ, кои шли впереди, оставляли заднихъ безъ всякой добычи. Чрезъ это однажды, послѣ уплаты ясаковъ, два рода перессорившись принялись за ножи

и стрѣлы. Въ одинъ день было убито 130 человекъ и столько же ранено. Князья, напрасно старавшіеся примирить враждующихъ, сочли нужнымъ лично донести о происшедшемъ Мангазейскому воеводѣ. Тотчасъ было послано къ инородцамъ 30 человекъ казаковъ съ приказаніемъ собираться къ порогу. Казаки позволили себѣ съ инородцами крутыя мѣры: нѣкоторыхъ били, и иныхъ принялись вязать. Раздраженные такими поступками Юраки перерѣзали до 25 человекъ казаковъ и бѣжали. Узнавъ объ этомъ, воевода взялъ до 100 человекъ казаковъ, столько человекъ жителей, и пустился вмѣстѣ съ четырьмя князьями за инородцами въ погоню, но проѣздивъ 8 дней возвратился безъ успѣха. Во время этихъ разѣздовъ одинъ изъ инородческихъ князей бѣжалъ и достигнувъ до Юраковъ объявилъ имъ, что за убійство казаковъ надобно ожидать всѣмъ казни. Вѣсть эта быстро разнеслась по всѣмъ инородческимъ кочевьямъ. Страхъ мучительной смерти, желаніе выручить своихъ князей, а главное убѣжденія бѣжавшаго отъ воеводы князька и ободренія шамановъ, заставили собравшихся инородцевъ рѣшиться на истребленіе русскихъ. Юраки принялись вооружаться съ лихорадочною дѣятельностію. На пути къ городу были приняты всѣ мѣры къ предосторожности. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ краткій промежутокъ ночи, когда все народонаселеніе спало, инородцы, въ числѣ 3,000 человекъ, подступили къ городу; одна половина оцѣпила его кругомъ, а другая бросилась въ центръ населенія. Въ нѣсколько часовъ почти всѣ жители были истреблены и самый городъ, подоженный во многихъ мѣстахъ, былъ объятъ пламенемъ. Имущество горожанъ, нѣсколько прятанныхъ людей, скотъ и пр. были жертвою огня. Инородцы, кромѣ вина, ничѣмъ не воспользовались, считая грѣхомъ что-либо взять отъ умершаго.

Мы однакожъ сомнѣваемся, чтобы приведенное нами обстоятельство объ истребленіи Мангазейцевъ было вполне справедливо. Не можетъ быть, чтобы столь важное событіе

не было занесено въ лѣтописи. Нынѣ все мѣсто, гдѣ находился городъ, заросло березникомъ и только въ иной ямѣ высунувшійся гнилой конецъ бревна, да находимыя человѣческія и конскія кости свидѣльствуютъ о прошломъ.

Съ построеніемъ Туруханскаго острожка Мангазейскіе казаки мало по малу распространяли свои открытія далѣе. Такъ въ 1605 г. часть отряда, достигнувъ устья Сыма и Каса, впадающихъ въ р. Енисей, встрѣтила находящихся уже тамъ, подъ начальствомъ воеводы Молчапова, казаковъ, которые, завладѣвъ нѣсколькими ордами остяцкими, выстроили острогъ Кетскій. Несмотря на то, казаки Мангазейскіе не хотѣли уступить имъ победѣнныхъ. Началась ссора, въ которую вмѣшались самыхъ дикарей, имѣющихъ болѣе расположенія къ Мангазейцамъ, потому что они собирали дань по 6 соболей съ человѣка, а Кетскіе по 12. Отъ имени остяковъ поданы были настоящія и подложныя жалобы въ Москву. Данники желали избавиться отъ притѣснителей. Такъ какъ жалобы эти пришли въ Москву во время междоусобицы, то онѣ были разсматриваемы царевичемъ Владиславомъ, отвѣтъ котораго былъ неудовлетворителенъ. Новыя просьбы на имя Пожарскаго, Трубецкаго и Заруцкаго оставлены въ 1612 г. безъ дѣйствія. Тяжба эта кончилась, чрезъ 12 лѣтъ, присоединеніемъ данниковъ къ острогу Кетскому (1).

Въ 1614 г. Мангазейскіе казаки перешли Енисей близъ устья р. Нижней Тунгузки и, подвигаясь вверхъ по рѣкѣ, сблизились чрезъ дружелюбные привѣты до того съ Тунгусами, что 18 родовъ, безъ всякаго боя, согласились приносить въ годъ отъ 1 до 12 соболей съ человѣка (2).

Въ 1620 г. Мангазейцы нашли нѣсколько тунгусовъ въ верхнихъ мѣстахъ р. Вилюя, которые сообщили имъ первое, хотя весьма темное, извѣстіе о якутахъ на р. Ленѣ. Манга-

(1) Енис. губери. Степанова, ч. II, стр. 123.

(2) Тамъ же стр. 124.

зейцамъ много помогали въ покореніи дикарей ватаги промышленныхъ людей. Эти ватаги, изъ корыстныхъ видовъ, пренебрегая всевозможныя опасности, таскались повсюду, но за то нѣкоторые изъ нихъ оплачивались жизнію при схваткахъ съ Тунгусами. Нѣкій Пенда, собравъ въ Туруханскѣ 40 человѣкъ, шатался по Нижней Тунгузкѣ 3 года, прежде нежели пришолъ къ Чечуйскому волоку. Пройдя волокъ, онъ плылъ р. Леною до того мѣста, гдѣ впослѣдствіи построено было г. Якутскъ. Оттуда сею же рѣкою поднялся до устья Куленги, потомъ Бурятскою степью къ Ангартѣ, гдѣ вступивъ на суда, чрезъ Енисейскъ обратно прибылъ въ Туруханскъ. О томъ, какъ велики иногда были подобныя партіи, можно видѣть изъ вѣдомости, посланной изъ Туруханска въ Мангазею въ 1626 г., гдѣ упоминается, что 22 казака пошли съ 189 человѣками на Нижнюю Тунгузку, да 44 каюка съ 312 человѣками на Подкаменную Тунгузку (¹).

Надобно замѣтить, что съ 1621 г., въ теченіи 4-хъ лѣтъ, былъ весьма значительный уловъ соболей. Чрезъ это Тунгузскіе князья Амуръ, Иркийей и Тасей первые начали платить ясакъ. За ними вызвались и другіе. Съ верхнихъ и нижнихъ мѣстъ р. Енисея, съ Подкаменной Тунгузки и другихъ рѣкъ выходили Тунгусы во множествѣ. Нѣкоторые были одѣты въ соболы шубы, у другихъ лыжи соболями подбиты были (²).

Въ 1630 г. Мангазейскіе казаки, въ числѣ 30 человѣкъ, подъ предводительствомъ Мартина Васильева, учинили первый походъ къ Якутамъ, поднявшись по р. Нижней Тунгузкѣ, а потомъ Вилюемъ внизъ по Ленѣ. Якуты, называвшіеся тогда Эко, увидѣвъ пришлецовъ съ густыми окладистыми бородами и длинными волосами, производящихъ неслыханную ими стрѣльбу изъ ружей, немедленно изъявили покорность и согласіе на платежъ дани. Мартинъ Васильевъ, возвратив-

(¹) Сибир. истор. Фитера, стр. 306 и 361.

(²) Тамъ же, стр. 379.

пійся на слѣдующій годъ въ Мангазею, посланъ былъ съ 6 товарищами въ Москву съ донесеніемъ о покореніи новаго народа. Тамъ посланные, между прочимъ, высказали готовность покорить весь якутскій народъ, если только имъ дадутъ въ помощь 40 человекъ, да жалованье съ провіантомъ на 3 года. Предложеніе не было отвергнуто и въ 1632 г. посланъ былъ въ Тобольскъ указъ. Однакожъ при новомъ походѣ Васильева оказалось, что онъ заботился болѣе о собственной нежели о государевой пользѣ: ибо давъ въ казну отъ 5 до 6 сороковъ соболей удержалъ для себя и своихъ товарищей 306 соболевыхъ мѣховъ, кромѣ другой мягкой рухляди. Почему новымъ указомъ Васильевъ съ товарищами устраненъ отъ всякихъ посылокъ, и на р. Лену велѣно назначить одного изъ боярскихъ дѣтей съ 40 человекъ (1).

Петръ Бекетовъ въ 1632 г. посланъ былъ съ партіею казаковъ, подъ предводительствомъ Галкина, внизъ по р. Ленѣ къ тунгусскимъ родамъ: Долганскому и Жиганскому, которые и обложены тогда же ясакомъ. На слѣдующій годъ партія казаковъ рѣшилась идти вверхъ по р. Варѣа и обложить ясакомъ живущихъ по ней тунгусовъ; но едва они достигли до устья р. Вилюя, какъ Степень Корытовъ, съ партіею мангазейскихъ казаковъ, встрѣтился съ ними и взявъ судно ихъ принудилъ самихъ подчиниться ему. Усилившись такимъ образомъ, Корытовъ раздѣливъ свою партію на двѣ части: одну послалъ внизъ по р. Ленѣ на р. Алданъ. Предъ этимъ онъ принудилъ одного Долганскаго князца Дикангу не только заплатить ясакъ, но и дать ему одного изъ сыновей своихъ въ залогъ вѣрности, хотя онъ и зналъ что князецъ уже отдалъ ясакъ въ Якутскѣ. Послѣ этого Корытовъ поплылъ вверхъ по р. Алдану на р. Амгу, при которой находилось много якутовъ, обложенныхъ уже ясакомъ изъ Якутска. Корытовъ однакожъ не взирая на это требовалъ, чтобы они

(1) Сибир. истор. Фитера, стр. 362.

ясакъ платили ему. Якуты, презрѣвъ требованіе, убили посланныхъ отъ него 5 человекъ и обязались между собою впредь ясакъ не платить никому. До этого бунта, происходившаго въ сентябрѣ 1633 г., якуты сѣвернѣе р. Олекмы не кочевали. Едва только якуты были усмирены—Галкинъ вздумалъ отмстить Корытову, который отъ р. Амги долженъ былъ возвращаться по вскрытіи рѣкъ въ г. Мангазею. Для этого онъ нарядилъ 27 человекъ казаковъ съ приказаніемъ быть при устьѣ р. Алдана. Какъ скоро Корытовъ прибылъ туда весною 1634 г., то, увидя стерегущихъ его людей, принялъ намѣреніе пробраться силою, въ чемъ и успѣлъ, убивъ одного казака и поранивъ нѣсколько изъ своихъ противниковъ. Затѣмъ поплылъ внизъ по р. Ленѣ (¹).

Галкинъ, свѣдавъ о происшедшемъ, взялъ съ собою 40 чел. и нагналъ Корытова за день ѣзды отъ устья р. Вилюя. Подолгомъ сопротивленіи Корытовъ наконецъ сдался и былъ отвезенъ въ Якутскъ. Всѣ находившіеся при немъ аманаты, ясакъ, взятый силою съ кн. Диканги и съ другихъ, платившихъ онѣй въ Якутскъ, были отобраны, оставлены только тѣ соболи, которые были имъ собраны у р. Вилюя съ тунгусовъ, не платившихъ еще дани и вымѣненные на товары. Затѣмъ Корытовъ высланъ чрезъ Енисейскъ въ Мангазею.

Въ это время между Мангазейскими и Енисейскими воеводствами изъ за преобладанія надъ якутами происходили жестокія ссоры. Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить права на собраніе съ якутовъ ясака, представляя на то свои резоны. Распри эти продолжались до тѣхъ поръ, пока въ 1861 г. не присланы изъ Москвы якутскіе воеводы, которые и присоединили къ своему воеводству всю р. Лену (²).

Подобныя распри не разъ причиняли казакамъ значительный вредъ и отъ самыхъ инородцевъ, въ особенности отъ

(¹) Сибир. Истор. Фишера, стр. 365—370.

(²) Сиб. Истор. Фишера, стр. 370, 371.

дикихъ, но храбрыхъ тунгусовъ; такъ напримѣръ посланный изъ Тобольска въ 1633 г. боярскій сынъ Воинъ Шаховъ съ 40 человекъ казаковъ, послѣ зимовки въ г. Мангазеи, отправился на другой годъ вверхъ по р. Нижней Тунгукѣ, гдѣ однакожъ вновь зазимовалъ вмѣстѣ съ мангазейскими казаками, находившимися тутъ подъ предводительствомъ черкаса Остафья Колова. Между этими партіями вскорѣ произошла ссора. Шаховъ хотѣлъ подчинить себѣ мангазейцевъ; но эти послѣдніе не обращали на него вниманія и весною отошли на р. Вилюй, гдѣ при устьѣ рѣч. Тукуна у нихъ было зимовье. Тамъ они по обыкновенію держали аманатовъ изъ нѣкоторыхъ тунгусскихъ родовъ и принимали отъ выходившихъ тунгусовъ ясаки и десятину. Шаховъ, приблизившись къ Туканскому зимовью, обобралъ съ нѣкоторыхъ тунгусовъ ясаки. Огорченные этимъ тунгусы взбунтовались и перебили множество русскихъ, причемъ Коловъ потерялъ наибольшую часть своего отряда (1).

Возраставшее вліяніе мангазейцевъ на племена, бродившія по притокамъ р. Енисея, удобства сношенія посредствомъ этой рѣки съ Енисейскимъ острогомъ, наконецъ сборы ясаковъ по рр. Вилюю и Ленѣ, давали Туруханскому острогу значительныя преимущества предъ отдаленною Мангазеею. Это объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что еще въ 1622 или 1623 г. Архіепископъ Кипріянь намѣревался построить въ Туруханскѣ монастырь во имя Преображенія Господня. Впрочемъ предположеніе это по неизвѣстнымъ причинамъ не состоялось, и вмѣсто монастыря выстроена въ Туруханскѣ въ 1655 г. деревянная церковь подъ тѣмъ же именемъ съ двумя придѣлами Пресв. богородицы Одигитріи и Св. Петра, Алексѣя и Филиппа (2). Не мало способствовало оживленію Туруханска и то, что русскіе купцы начали являться на Ени-

(1) Сибир. Истор. Фишера, стр. 371.

(2) Сибир. Истор. Фишера, стр. 304.

сей не чрезъ Мангазею, а по открытому ими новому пути, чрезъ Вахъ на Елогуй; тогда же въ Туруханскѣ открылась ярмарка во время лѣта. Еще задолго до 1660 г. въ Туруханскомъ зимовѣ проживали по полугоду и болѣе Мангазейскіе воеводы для принятія ясаковъ привозимыхъ туда лѣтомъ казаками. Таможенные надзиратели оставались постоянно въ Туруханскѣ. Выше было объяснено нами, что г. Мангазея уничтоженъ въ 1662 г.; съ этого времени и Туруханскій острогъ переименованъ въ городъ. По преданіямъ для основанія города были избраны три мѣста: настоящее, гдѣ существуетъ Туруханскъ и мѣста, на которыхъ расположены селеніе Манастырское и станокъ Шарохинскій. Брошенный жребій рѣшилъ вопросъ гдѣ быть городу. Название Туруханска кажется произошло отъ кочевавшаго вблизи тунгусскаго хава Туру. Около 1677 г. въ городѣ построены четыре башни по прямой линіи, на которыхъ находились четыре пушки, желѣзные котлы, для приготовленія горячей воды, и камня на случай осады. Отрядъ солдатъ, состоявшій изъ 100 чел., вѣроятно перемѣщенъ былъ въ Туруханскъ изъ Мангазеи. Впрочемъ, по преданію, отрядъ этотъ назначенъ былъ въ городъ вслѣдствіе троекратнаго приступа къ нему «Чуди», которая впрочемъ каждый разъ возвращалась не достигая своей цѣли по случаю внезапной слѣпоты. Въ память столь чудеснаго избавленія отъ непріятеля поставлены были на сѣверной сторонѣ города кресты. Западная часть города называлась посадскою, а восточная Кокуй. 17 марта 1785 г. Туруханску данъ гербъ: въ зеленомъ полѣ серебряный песецъ, «потому, что оной округи песцы наилучшими почитаются». 18 марта 1804 г. гербъ этотъ измѣненъ. Въ щитѣ, раздѣленномъ горизонтально, на двое, въ верхней половинѣ велѣно изобразить гербъ Томска, къ вѣдѣнію котораго онъ причисленъ, а въ низшей, въ красномъ полѣ серебрянаго песка, обращеннаго въ правую сторону.

Во все время существованія Туруханска уѣзднымъ горо-

домъ, казаки, по прежнему, составляли лучшую часть его народонаселенія. Отъ другихъ жителей они постоянно отличались неутомимостію, крѣпостію силъ, смышленостію и преданностію начальству. Не разъ возникавшія между полудикими племенами возмущенія, въ особенности у Тунгусовъ, прекращались посредствомъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые при этомъ поплачивались и жизнію. Они же посылались изъ Туруханска въ Енисейскъ съ почтою. По малолюдству жителей на р. Енисей, а главное по недостатку собакъ, казаки совершали эти командировки зимою большею частію пѣшкомъ. Они же отряжались въ разные концы для сбора съ инородцевъ ясака, причемъ иногда за оказываемыя инородцамъ притѣсненія имъ приходилось класть и свои головы. Такъ однажды Тунгузскій князецъ Лумба, въ ордѣ котораго считалось до 50 ясачныхъ душъ, перебилъ всѣхъ казаковъ, жившихъ на р. Хетѣ. Командированный для наказанія бунтовщиковъ сержантъ Смирновъ, съ помощію окрестныхъ инородцевъ принудивъ Лумбу явиться къ себѣ со всею ордою, подошелъ къ нему и сказалъ: «Ну, Лумба, не спрятаешься ты ни въ землѣ, не уйдешь и въ небо», и съ этими словами Смирновъ одною рукою ударилъ Лумбу дубовою тростью, а другою подхватилъ его на кинжалъ. За тѣмъ истреблена была и вся орда этого князька. Многіе изъ казаковъ, отправляя должности комисаровъ при казенныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, не разъ испытывали чрезвычайныя трудности; такъ напримѣръ при взводѣ на разстояніи 1,200 вер. казеннаго транспорта съ хлѣбомъ по р. Нижней Тунгузкѣ, наполненной порогами. Случалось что эти распорядители казеннаго хлѣба сами претерпѣвали голодъ и даже голодную смерть; такъ наприм. въ Подкаменной Тунгузкѣ и близъ р. Хеты. Находясь однажды при магазинѣ расположенномъ при р. Нижней Тунгузкѣ, казаки, во время продолжительной весны пріѣвъ всѣ запасы и даже оленьи кожи, въ избѣжаніе голодной смерти, рѣшились съѣсть, по обоюдному

согласію, одного изъ товарищей, на кого падеть жребій; но обреченный на эту долю спасся только тѣмъ, что выйдя изъ зимовья, съ намѣреніемъ обмытъ предъ смертію свое тѣло—увидѣлъ стоявшаго вблизи звѣря—сохатаго, который и былъ тотчасъ же убитъ, къ общей радости голодующихъ. Что же касается до несчастныхъ солдатъ, пришельцевъ въ Туруханскѣ, то они отъ суровости климата, а еще болѣе отъ бездѣйствія и отъ неимѣнія растительной пищи, заболѣвали цингою и, какъ говорятъ туруханскіе старожилы, ежегодно умирали на половину. Для отвращенія подобной смертности, а также для излеченія оцынявшихъ, заставляли ихъ бѣгать, сажали въ наземную холодную воду, принуждали пить отваръ изъ вываренной пихты, нѣкоторымъ даже втыкали спицы въ ноги; несмотря однакожъ на подобныя мѣры солдаты умирали по прежнему. Начальство, предвидя подобныя случаи устраивало съ осени «зимовникъ», т. е. довольно обширную яму, которая закрывалось сверху досками. Въ этотъ-то зимникъ въ теченіи зимы и накладывалось до 40 тѣлъ умершихъ солдатъ.

Торговля дѣла города были, въ теченіи XVIII столѣтія, въ цвѣтущемъ положеніи, сколько отъ изобилія всякаго рода звѣря, столько и отъ значительнаго числа обитавшихъ въ краѣ инородцевъ. Для торговли пріѣзжали въ Туруханскъ не только енисейскіе, но даже иркутскіе и московскіе купцы. Ярмарка, существовавшая съ 29 іюня, въ теченіи 2 недѣль, кипѣла жизнью. Кромѣ гостинаго двора, состоявшаго изъ 25 лавокъ, многіе торговцы помѣщались на открытомъ воздухѣ, занимаясь шитьемъ кафтановъ, рубахъ, сапогъ и пр. для продажи. Въ 25 верстахъ отъ Туруханска на Енисейной протоцѣ, называемой «кабачкомъ» или «дворцомъ» существовала особая ярмарка; тамъ помѣщалось иногда до 200 тунгузскихъ и остяцкихъ лодокъ, выплывавшихъ съ рухлядью изъ р. Нижней Тунгузки.

Объединеніе края было одною изъ главнѣйшихъ причинъ

къ переименованію Туруханска въ 1822 г. изъ окружнаго въ заштатный городъ; при этомъ и сожжены были всѣ старыя дѣла присутственныхъ мѣстъ. Съ закрытіемъ города, послѣдовавшемъ 18 апрѣля 1823 г., какъ-бы закрылись всѣ жизненныя его силы: строенія начали разрушаться, народонаселеніе отъ разныхъ причинъ умалилось и среди его появилась бѣдность; торговая дѣятельность почти прекратилась.

До 1829 г. Туруханскъ былъ мѣстомъ ссылки политическихъ и государственныхъ преступниковъ. Такъ здѣсь находились въ ссылкѣ: кн. Шаховской, Николай Бобрищевъ-Пушкинъ, Сергей Кравцовъ и Иванъ Абрамовъ. Первые два были вскорѣ въ Енисейскъ, а послѣдніе два умерли въ Туруханскомъ краѣ.

Въ 1829 г. для города отмежевано подъ усадьбу 37 дес. 1,500 саж., сѣнныхъ покосовъ 1329 дес. 947 кв. саж., лѣсныхъ угодій 423 дес. 1,533 кв. саж., а всего съ неудобною землею 2,285 дес. 1836 кв. саж. Удобныхъ мѣстъ для рыбныхъ ловель около Туруханска нѣтъ; только въ началѣ зимы въ р. Туруханѣ, посредствомъ перегораживанія оной, добывается налима и сороги до 400 пуд., а потому рыба жителями большею частію покупается или ловится на чужихъ пескахъ.

Въ настоящее время жилыхъ домовъ въ Туруханскѣ считается 47, изъ коихъ чиновникамъ принадлежатъ два, духовенству три, мѣщанамъ 13, казакамъ 14 и поселенцамъ 15-ть Церквей православнаго исповѣданія 2, изъ коихъ одна каменная, а другая деревянная, да третья походная церковь, учрежденная въ 1852 г. съ миссіонерствомъ. Церкви вообще очень бѣдны. Часовня деревянная одна. Семь ветхихъ деревянныхъ лавокъ, винный и два хлѣбныхъ магазина, соляная стойка, питейный домъ, домъ для училища и деревянный тюремный замокъ. За исключеніемъ 8 или 9 порядочныхъ домовъ, все остальное жалкія лачужки, разбросанныя

какъ попало и торчащія лѣтомъ среди навоза и всевозможной нечистоты, а зимою чернѣющіяся изъ подъ сугробовъ снѣга. Несмотря на прорытіе чрезъ городъ канавъ, лѣтомъ здѣсь постоянная грязь, а мостки во многихъ мѣстахъ до того обветшали, что человѣкъ идетъ по нимъ какъ по клавишамъ.

Изъ окружающихъ городъ маленькихъ озеръ—одно оказывается цѣлебнымъ. Это такъ называемое Вшивое, иначе Подбанное озерко, лежащее на южной сторонѣ возлѣ самаго города. Въ окружности оно имѣетъ не болѣе 100 саж.; глубиною отъ 2-хъ до 5 арш. Вода въ немъ, при небольшой желтизнѣ, довольно чиста, мягка и безвкусна. Въ теченіи лѣта въ немъ бываетъ множество мелкихъ разнаго рода насѣкомыхъ, а зимою живутъ такъ называемыя вши, состоящія на взглядъ изъ пузыря и затѣмъ певертывающіяся на шейкѣ головки, снующія безпрестанно въ водѣ то поднимаясь въ верхъ, то опускаясь внизъ, не выходящія ни на поверхность воды, ни на берегъ. Эти насѣкомыя не исчезаютъ и при покрытіи озера весенними водами. Въ 1827 г. лекарь Яроцкій писалъ о многихъ случаяхъ пользы отъ этой воды на скотѣ и людяхъ. Въ особенности дѣйствіе этой воды состоитъ въ обнаруженіи испарины, легкомъ поносѣ и высыпи на кожу въ родѣ корьной.

Для употребленія жители берутъ воду изъ упомянутыхъ выше мелкихъ озеръ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока вода въ озерѣ, переполненномъ разнаго рода насѣкомыми, не испортится окончательно. Затѣмъ они переходятъ къ другому.

Размѣщеніе жителей по краю можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

	Въ Верхне-инбатскомъ участкѣ.		По р. Тазѣ и въ Дудинскомъ участкѣ.		Всего по краю.	
	Число.	Въ нихъ дворовъ.	Число.	Въ нихъ дворовъ.	Число.	Въ нихъ дворовъ.
Селеній.	2	25	3	11	5	36
Станковъ	26	162	26	85	54	247
Сельбищъ или такъ называемыхъ зимовьевъ	—	—	44	67	44	67
	28	187	73	163	103	350

Кромѣ этого у инородцевъ:

	Въ Верхне-инбатскомъ.	Въ Дудинскомъ.	Итого.
Юртъ	28	38	66
Чумовъ.	295	575	870
	313	613	936

Русское населеніе, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточивается на р. Енисей; такъ, отъ границы Енисейскаго округа до Туруханска на разстояніи 612½ вер. находится 28, а ниже Туруханска къ Енисейной горѣ и далѣе, на разстояніи 820 вер.—30 населенныхъ пунктовъ. Въ южныхъ предѣлахъ края станки состоятъ изъ 3-хъ, 8 и даже 12 домовъ, а отъ Туруханска къ сѣверу изъ 1—2 и много 4-хъ домовъ. Тѣ зимовья, которыя находятся на сѣверо-востокъ при рр. Пасиной, Боганидѣ, Хетѣ, Хатангѣ и Анабарѣ—большую частію разбросаны другъ отъ друга на значительномъ пространствѣ.

Въ столь суровой странѣ какъ Туруханской край жилище составляетъ для человека одно изъ главнѣйшихъ условій жизни. Еще въ южныхъ предѣлахъ края у русскаго населенія встрѣчаются довольно порядочныя и просторныя избы,

въ которыхъ печь по большей части кирпичная съ трубою и топится по бѣлому, а въ окнахъ преимущественно вставлены стекла. При нѣкоторой опрятности и самая сырость въ этихъ избахъ не такъ чувствительна. Для домашняго скота устраиваются теплые дворы или сараи, на которыхъ, по обыкновенію, сверху складывается сѣно. Но въ сѣверныхъ частяхъ края, гдѣ холодъ ощутительнѣе, пурги сильнѣе и самая зима продолжительнѣе, устройство избъ далеко не удовлетворяетъ самымъ необходимымъ условіямъ для существованія человѣка, осужденнаго проводить въ нихъ большую часть времени года. Послѣ продолжительнаго путешествія на крайнемъ сѣверѣ путешественникъ, утомленный лежанкою въ душномъ балкѣ (повозкѣ), прозябшій какъ говорится до костей, съ одурѣвшею головою, съ томительнымъ и какимъ-то болѣзненно-раздражительнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ приѣзда къ зимовью: наконецъ передокъ балка поднимается къ верху иногда столь круто, что путешественникъ со страхомъ хватается окоченѣлыми руками за балочныя дуги; это означаетъ, что экипажъ подымается на угорь, а вотъ и самое зимовье. Крошечная дверка балка уже открыта и въ ней болтаются ноги завязшаго путешественника; заворотившаяся камлѣя препятствуетъ ему вылезть; путешественникъ задыхается и только наконецъ, при посторонней помощи, выходитъ на свѣтъ Божій. Осмотрѣвшись, онъ прежде всего видитъ предъ собою двѣ, три сумрачныя человѣческія фигуры съ зазженною лучиною. При свѣтѣ огня ясно обрисовывается безобразная куча сложенныхъ въ стопу бревенекъ, занесенныхъ со всѣхъ сторонъ снѣгомъ. Вступая въ зимовье путешественникъ спускается сначала въ яму, потомъ, согнувшись; какъ говорится въ три погибели, входитъ въ сѣни; они столь низки, что приходится идти сгорбившись; за всѣмъ тѣмъ голова идущаго непрерывно касается бревенчатого потолка убраннаго иномъ и осыпающимся снѣгомъ. По бокамъ сѣней находятся низкіе бревенчатые анбарушки съ

дверками, на подобіе небольшого ставня; въ одной изъ анбарушекъ помѣщаются собаки; тамъ онѣ спятъ на ледяномъ полу, образовавшемся изъ ихъ мочи. Повидимому собачье жилище никогда не очищается, и ледъ тамъ едвали совершенно растаиваетъ лѣтомъ. Какое же должно быть зловоніе тутъ въ теплое время. Другая анбарушка служитъ кладовою для домашняго скарба. Дверь, ведущая въ избу, немного чѣмъ болѣе тѣхъ, которыя находятся у анбарушекъ. Внутренность избы, сложенной изъ тонкаго лѣса, который отъ дыма весь почернѣлъ, вовсе не привлекательна. Отъ площадки съ рыбьимъ жиромъ и горѣвшей въ ней свѣгильни больше смрада и копоты чѣмъ свѣта. Въ переднемъ углу, или надъ окномъ, въ небольшомъ поставцѣ, стоитъ образъ, отъ времени столь почернѣвшій, что не возможно разобрать лика святаго. Небольшая, сбитая изъ глины печь стоитъ безъ трубы; надъ челою ея, на подкладинахъ сушатся дрова. Въ окнахъ вмѣсто рамъ вставлены льдины, отъ таянія которыхъ идетъ сырость и стекаетъ постоянно вода. По стѣнамъ тянутся полки. Къ самому потолку на шестахъ развѣшаны для сушки сѣти. Но вотъ печь затопляется; къ челу, изъ котораго выходитъ пламя, подвигается повѣшанный на крюкѣ котелъ съ рыбою для проголодавшагося путешественника; внутренность избы наполняется дымомъ, который не успѣваетъ выходить въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ. Изъ непривыкшихъ глазъ текутъ потоки слезъ. Къ тому же въ верхней половинѣ избы становится такъ жарко, что разгорается голова. Смола разогрѣвшаяся на потолкѣ, начинаетъ капать вмѣстѣ съ сажею. Можно бы прилечь, но и тутъ бѣда: изъ стѣнъ, плохо проконопаченныхъ ужасно дуетъ. Если погода безвѣтренная, то дымъ изъ избы исчезаетъ скоро; напротивъ, во время пурги, когда вѣтеръ со свистомъ врывается въ потолочное отверстіе, дымъ не находя выхода, до того наполняетъ жилище, что въ немъ и дышать невозможно; отворенная въ избѣ дверь хотя и способствуетъ выходу дыма, но за то въ это

время уже нельзя въ избѣ найти мѣста, чтобы согрѣться.

Въ такихъ случаяхъ подобную русскую хату съ удовольствіемъ можно промѣнять на опрятную якутскую юрту, и дѣйствительно, нѣкоторые якуты и долгане, обитающіе въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ края, живя постоянно въ продолженіи зимы на одномъ мѣстѣ, около рыбной рѣчки или озера, имѣютъ очень помѣстительныя и удобныя юрты ⁽¹⁾. Жилища эти устраиваются очень просто. Къ четыремъ столбамъ, связаннымъ сверху перекладинами, приставляются со всѣхъ четырехъ сторонъ наклонно плахи, которыя и образуютъ стѣны. На перекладину или мотню настилагся потолокъ скатомъ на двѣ стороны; на стѣны и потолокъ настилагся мохъ и земля. Полъ состоитъ изъ такихъ же плахъ. Почти по срединѣ юрты чуваль «гокъ»; основаніемъ коего служитъ ящикъ, набитый пескомъ; это какъ бы очагъ; отъ этого очага къ потолку въ прорубленное тамъ отверстіе, поставлены наклонно три плахи и на нихъ наложенъ довольно толстый слой глины; самое отверстіе въ потолокъ съ трехъ сторонъ имѣетъ навѣсъ или загородку, сплетенную изъ прутьевъ и промазанную глиною; навѣсъ этотъ служитъ какъ бы началомъ трубы, которая снаружи юрты устраивается изъ досокъ; съ лѣвой стороны чувала находится въ вертикальномъ положеніи шестъ, верхній конецъ котораго утвержденъ въ потолокъ, а нижній въ полъ, по срединѣ шеста придѣланъ крюкъ, по якутски «колдонъ», на которомъ вѣшается котелъ — «солуръ». Смотря по надобности, котелъ поворачивается къ огню или отодвигается въ сторону. Хорошо устроенный чуваль не дымить и нагрѣваетъ юрту такъ, что можно въ ней сидѣть въ легкомъ платьѣ. Между основныхъ столбовъ юрты по бокамъ устраиваются нары; онѣ состоятъ изъ насыпной въ загородки земли, прикрытой сверху древес-

(1) Юрта по-остяцки Бангусъ, по-юрацки Пямять, по-самоедски Камюдо, по-тунгусски Голіома.

ными вѣтвями; у болѣе состоятельныхъ хозяевъ эти нары всегда покрыты оленьими шкурами. Дверь устраивается позади чувала; сдѣланное для этого отверстіе завѣшивается ровдугою. За дверью небольшія сѣни. У многихъ якутовъ, въ особенности расположенныхъ по рр. Хетѣ, Баганидѣ и Хатангѣ, по примѣру русскихъ, устроены весьма маленькія и плохія бани, въ которыхъ эти инородцы съ удовольствіемъ не только моются, но даже парятся вѣниками, связанными изъ тонкихъ таловыхъ прутьевъ.

У остяковъ, преимущественно безъоленныхъ, также встрѣчаются юрты, но тѣсныя и грязныя. Обыкновенно остякъ, по избраніи удобнаго мѣста для рыбной ловли, вырываетъ сначала въ землѣ яму, которая и служитъ основаніемъ юрты; сверху земли кладется нѣсколько вѣнцовъ изъ тонкихъ бревешекъ, а крыша, по большей части, дѣлается изъ берестяныхъ щитовъ, застилаемыхъ сверху дерномъ. Въ ней есть также чуваль, нары и окошечко со вставною льдиною. Выбравшись однажды изъ юрты, остякъ уже никогда въ нее не возвращается, считая прежнее жилище поганымъ. Для лѣта остяки устрояютъ, изъ берестяныхъ щитовъ, балаги, или балаганы ⁽¹⁾. Для приготовленія таковыхъ щитовъ береста предварительно вываривается и потомъ сшивается въ штуки; каждая штука или «тиска» имѣетъ въ длину 5 арш., а въ ширину 3 четверти. Берестяныя тиски, кромѣ балагановъ, употребляются остяками для покрытія лодокъ; наконецъ изъ этихъ же тисковъ устраиваются въ балаганахъ особыя конуры, для предохраненія себя во время сна отъ комаровъ. Для оленей, если таковыя у остяка имѣются, устраивается на лѣто особый изъ бревенъ сарай съ крышею, внутри котораго по угламъ, за небольшою загородкою, постоянно поддерживается курево.

(1) По-остяцки «бангусъ», по юрацки «хандеръ-мятъ», по-тунгузски «Гулема», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Кумаръ».

Всѣмъ остальнымъ инородцамъ, ведущимъ бродячую жизнь, жилищемъ служить чумъ ⁽¹⁾. У остяковъ, тунгусовъ и у бѣдныхъ юраковъ устройство чума очень простое,—нѣсколько жердей ставятъ наклонно другъ ко другу и обкладываютъ снаружи нюкомъ, т. е. покровомъ, сшитымъ изъ оленьихъ шкуръ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ (ровдуга); только верхъ оставляется незакрытымъ для свободного прохожденія дыма; снаружи, около земли чумъ лѣтомъ обкладывается мохомъ, а зимою снѣгомъ. Въ старину у нѣкоторыхъ тунгусовъ нюкъ окрашивался краскою и вышивался узорами. Полъ въ чумѣ обыкновенно устилается вѣтвями, а въ серединѣ кладется нѣсколько камней и на нихъ устраивается очагъ; у болѣе состоятельныхъ инородцевъ камни замѣняются желѣзнымъ листомъ. Между бѣднѣйшими тунгусами и остяками существуютъ иногда чумы съ одною берестяною покрышкою. Чумы самоѣдовъ и состоятельныхъ юраковъ, сохраняя извѣстную конусообразную форму, просторны и теплы. Когда на избранномъ зимою мѣстѣ останавливается самоѣдъ, то женщины тотчасъ берутъ короткія лопатки и разгребаютъ снѣгъ до земли. На очищенной такимъ образомъ площадкѣ начинаютъ ставить наклонно четырехгранные шесты «нгу», и затѣмъ сверху накидывать ровдужныя полотна, «дй», прикрывая одно за другимъ и прижимая сверху шестами до тѣхъ поръ, пока не будетъ закрытъ весь чумъ; между шестами, съ одной стороны, оставляется отверстіе на столько, чтобы согнувшійся человѣкъ могъ свободно въ него пролезть,—это входъ «нуй», прикрывающійся снаружи двумя сшитыми оленьими шкурами. По срединѣ чума, имѣющаго въ поперешникѣ до 8 арш. и болѣе, кладется на полѣнья желѣзный листъ «тори», на которомъ и разводится огонь. Во кругъ очага лежатъ доски, а далѣе, къ стѣнамъ, плетенки изъ таловыхъ прутьевъ, съ насланными на нихъ оленьими

(1) По-остяцки «косъ», по-юрацки «мятъ», по-самоѣдски «мэ», по-тунгусски «дю».

шкурами шерстью вверхъ; стѣнки чума снизу обкладываются снѣгомъ. Отъ входа у очага постоянно лежитъ куча мелко наколотого супнику «фа»; лѣтомъ же, когда самоѣды и юраки заходятъ далеко на сѣверъ, вмѣсто дровъ накладываются кучи ерника. Въ одномъ чуму проживаютъ, по обычаю, двѣ или даже три семьи. У юраковъ чумы содержатся гораздо опрятнѣе нежели у самоѣдовъ.

Не многочисленные потомки туруханскихъ мѣщанъ большею частію низкорослы, косноязычны и золотушны; въ характерѣ ихъ нѣтъ и тѣни самостоятельности или предприимчивости. При крайней неопрятности они довольно лѣнны. Кажется о чемъ бы болѣе имъ заботиться какъ не о достаточномъ заготовленіи корма для скота, который даетъ имъ возможность доставать деньги, тѣмъ болѣе что въ Туруханскѣ лѣто коротко и погода бываетъ измѣнчива, но мѣщанинъ, очень хорошо понимая это, всетаки кончить тѣмъ, что не сдѣлаетъ и половиннаго запаса сѣна, да и тотъ иногда, по безпечности хозяина, сгниетъ, или отеребится въ неогороженныхъ зародахъ скотомъ, вслѣдствіе чего къ веснѣ скотъ, прокармливаемый таловою корою, до того истощаетъ что едва передвигаетъ ноги. Въ семейной жизни мѣщанинъ смахиваетъ вообще на инородца. Возвратившись, на примѣръ, домой, онъ отправляется въ избу, а жена его распрягаетъ коня. Наслѣдуя отъ отцовъ своихъ значительные долги за казенный хлѣбъ ⁽¹⁾ и въ тому же задолжавъ повсюду гдѣ только возможно было взять въ долгъ—мѣщане пробиваются кое-какъ. Единственное средство къ существованію ихъ состоитъ въ полученіи отъ казны до 1200 руб. въ годъ за отбываніе почтовой и обывательской гоньбы, но и въ этомъ случаѣ они, по неимѣнію хорошихъ лошадей, приглашаютъ къ себѣ въ помощь казаковъ и тѣмъ сами себя лишаютъ куса хлѣба.

(1) На 20-ти человѣкахъ мѣщанъ состоитъ въ 1863 г. въ долгу за казенный хлѣбъ 2,639 р.

Крестьяне Туруханскаго края принадлежать къ двумъ рѣзко различающимся между собою типамъ.

Потомки первоначальныхъ заселенцовъ края, когда-то вступавшихъ въ бракъ съ инородками, сохранили въ лицѣ выраженіе азіатское, а въ словахъ неправильность рѣчи, происходящую иногда отъ коснязычности; они отличаются тупостію, безпечностію, легкомысліемъ и подобострастіемъ, соединеннымъ съ нехитрымъ лукавствомъ. Къ этому типу относятся всѣ крестьяне, живущіе въ сѣверныхъ предѣлахъ края. Жалкій инородческій костюмъ этихъ крестьянъ съ вонючею неопредѣленного цвѣта рубахою и сумрачный, какъ-бы истомленный видъ, съ повуренною головою какъ-то не располагаютъ въ его пользу пріѣзжаго.—Но не торопитесь осуждать туруханскаго крестьянина. Всмотритесь въ бытъ атаго человѣка. Будучи еще ребенкомъ, онъ медленно развивается въ туманной средѣ, не зная ни ласкъ, ни удовольствій дѣтства. Въ грязной, сумрачной и угарной избушкѣ лежа гдѣ нибудь въ углу, онъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ суровой зимы прислушивается только къ завываніямъ пронзительнаго вѣтра и къ шуму пурги. Безконечно печальная снѣжная равнина не привлекаетъ его взора. Съ самаго дѣтства чувства его притупляются. Суровость климата, отсутствіе животворныхъ солнечныхъ лучей, недостатокъ пищи, задерживая развитие физической природы человѣка, поставляетъ его въ какое-то тупое страдательное положеніе. Воображеніе исчезаетъ и самая кровь обращается въ немъ весьма медленно. Въ пору возмужалости эти люди едвали бываютъ знакомы съ чувствомъ страстной любви; по крайнѣй мѣрѣ описываемые нами крестьяне женятся скорѣе для удовлетворенія животной потребности. Зачастую женихъ до самаго дня брака не знаетъ своей невѣсты. Освященіе брака церковью происходитъ иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ. Не ошибемся, если скажемъ въ заключеніе, что всѣ мысли этихъ людей вертятся большею частію около

своего убогаго хозяйства, а удовольствіе въ жизни состоитъ въ животномъ пресыщеніи себя пищею.

Сойдутся они между собою и вы слышите слѣдующій разговоръ:

— А что товарищъ, дородно ли промышлялъ?

«Маленько промышлялъ, отвѣчаетъ крестьянинъ.

— А что ушканъ?

«На проходъ идетъ.

— Вишь! на прокъ пожалуй ничего не добудешь!

«Худо будетъ, если рыба не падетъ.

— Какъ не худо. Хлѣбъ изъ казны брать животомъ нѣтъ; наготово пропадай; тошно парень, будетъ голодовка.

Для полной характеристики жителей мы приводимъ въ примѣръ слѣдующіе случаи.

Одинъ изъ крестьянъ, проживавшій близъ Енисейной губы, однажды въ проѣздъ свой выше по Енисею увидѣлъ въ первый разъ стоячее дерево. «Такъ вотъ оно, какъ растетъ лѣсина,» говоритъ крестьянинъ, обходя кругомъ дерева и крестясь, «ну, слава Богу, пришлось таки на своемъ вѣку посмотрѣть на Божіе твореніе.»

Другой крестьянинъ, и притомъ старшина, однажды получилъ приказъ явиться въ Туруханскъ, гдѣ онъ сроду не бывалъ. Долго уклонялся онъ отъ этой поѣздки, наконецъ долженъ былъ отправиться. Крѣпко заныло у него сердце, когда на прощаньи жена начала завывать голосомъ и причитать словно надъ покойникомъ; но еще горше ему было слышать по дорогѣ отъ крестьянъ сожалѣнія въ родѣ слѣдующихъ: «вернешся ли ты къ намъ живымъ, али нѣтъ.» Приѣзжаетъ староста въ городъ и кланяется всякому встрѣчному чуть не въ поясъ, лицо его блѣдно и вся фигура выражаетъ робость; но не прошло и двухъ дней, какъ тотъ же самый человѣкъ свободно разговаривалъ и такъ громко хохоталъ, что глядя на него и другіе невольно смѣялись.

— Да отъ чего жъ ты, староста, по приѣздѣ-то словно убитый былъ, спрашиваетъ его пріятель.

«А отъ того и былъ, говоритъ староста, уже нѣсколько подвыпивши, что братъ мой Иванъ также ѣхалъ въ городъ и ѣхалъ, сударикъ мой, въ распутицу, ровно два мѣсяца. Приѣзжаетъ, а начальника на бѣду нѣтъ—въ отлучкѣ. Только къ концу лѣта удостоился видѣть власть. Встрѣча была такая что у него и ноги подкосились, и еслибъ онъ не повалился ницъ, то пришлось бы упасть, а власть, видя это, говоритъ: «кланяются скотина образу, а я говоритъ, не образъ, да и что мнѣ въ твоихъ поклонахъ.» Однако на другой день начальство, вывязывая кое-что изъ шали и подавая ее обратно брату, отпустило его домой съ пожеланіемъ благополучнаго пути. Усердно помолился Богу покойникъ братъ и тотчасъ же отправился въ дорогу. Пробираясь чрезъ тундры по первому зимнему пути, едва не замерзъ,—четверо сутокъ пролежалъ въ снѣгу во время пурги, и, вотъ, послѣ годовой отлучки, завидѣлъ онъ родное гнѣздо. Ну, говоритъ, слава Богу, а у самага сердце такъ и стучаетъ; видно чуюло оно что не видаться ему больше съ женою. Умерла сердечная съ тоски и печали, да и какъ было бабѣ не убиваться, когда цѣлый годъ не получала объ мужѣ никакой вѣсти, а тутъ оленишки отъ болѣзни, да отъ волковъ пораспропали, да двое дѣтей отъ горячки померло. Такъ вотъ оно, сударикъ ты мой, какъ узналъ все это братъ, такъ и самъ скоро свернулся.

Крестьяне, живущіе въ южныхъ предѣлахъ края, и происшедшіе большею частію отъ поселенцевъ, отличаются нѣкоторымъ благообразіемъ и крѣпостію силъ. Смышленость въ хозяйствѣ безъ сомнѣнія переніла къ нимъ отъ родителей. Склонные къ ироничности, лукавству, зависти и злословію, они въ тоже время проявляютъ много здраваго смысла и самостоятельности въ своихъ поступкахъ. Проживая на станкѣ тремя или болѣе семьями, эти люди слѣдятъ другъ за другомъ,

и чрезъ это всякое пополазновеніе къ преступленіямъ и проступкамъ становится почти невозможнымъ, но въ тоже время поджигаемые завистію, они постоянно враждуютъ между собою и скрываютъ другъ отъ друга свою добычу; отъ этого у крестьянина никогда не узнаешь правды объ успѣхахъ его промысла.

Если у крестьянина южной части Туруханскаго края есть добрая изба, одна или двѣ лошади, столько же коровъ и нѣсколько собакъ, необходимыя рыболовныя и звѣроловныя принадлежности и, въ добавокъ, если онъ не состоитъ должнымъ за казенный хлѣбъ, то такой человѣкъ считается зажиточнымъ. Намъ случилось видѣть одного старика-поселенца, который получивъ, сверхъ уплаты за казенный хлѣбъ, изъ выдаваемыхъ прогонныхъ денегъ за обывательскую гоньбу, — 40 р., считалъ себя на верху всякаго благополучія; въ особенности онъ радовался тому, что можетъ приобрѣсти на эти деньги частнаго хлѣба.

Ни празднествъ, ни особыхъ забавъ, а равно умѣнья играть на какомъ-либо инструментѣ у крестьянъ не встрѣчается; даже пѣсни, которыя иногда они поютъ, не представляютъ ничего особеннаго. Къ вину и чаю крестьяне имѣютъ большую склонность.

Обитающихъ въ Туруханскомъ краѣ инородцевъ можно раздѣлить на три разряда: 1) на осѣдлыхъ, 2) кочевыхъ и 3) бродячихъ. Къ *первому* разряду принадлежатъ якуты, живущіе по р. Енисею на станкѣ Шорохинскомъ. Ко *второму* разряду могутъ быть отнесены большая часть якутовъ якутской затундренной управы, нѣкоторая часть долганъ и бѣдныхъ, безоленныхъ тунгусовъ, которые по временамъ года переходя съ мѣста на мѣсто проживаютъ въ юртахъ. Къ *третьему* разряду принадлежатъ всѣ остальные инородцы, которые постоянно бродятъ по разнымъ мѣстамъ.

Всѣ вообще инородцы составляютъ особенное сословіе.

Въ вѣроисповѣданіи они пользуются совершенно свободою, но принимающіе христіанство получаютъ трехлѣтнюю отъ платежа ясака льготу. Отъ рекрутской повинности всѣ инородцы свободны; они могутъ по собственной волѣ поступать въ сословіе крестьянъ или мѣщанъ. По закону инородцамъ предоставлено право управляться по собственнымъ, родовымъ обычаямъ, каждому племени свойственнымъ. Каждое племя раздѣляется на роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ семействъ и имѣющіе въ главѣ своей наиболѣе свѣдущаго между ними или состоятельнаго человѣка, а иногда просто хорошаго промышленника, способнаго прокармливать двѣ или три семьи, а при нуждѣ быть защитникомъ своего рода, что особенно было важно въ тѣ времена, когда туруханскіе инородцы находились между собою въ раздорахъ. При каждомъ значительномъ родѣ, а иногда при двухъ и трехъ родахъ, принадлежащихъ къ одному племени, въ послѣдствіи правительствомъ образованы инородческія управы, во главѣ которыхъ поставлены старшины. Туруханскіе инородцы мало утратили изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ. Глава семейства, попрежнему, считаетъ жену свою рабою ибо пріобрѣтаетъ ее какъ вещь. Будучи отцомъ, инородецъ располагаетъ по усмотрѣнію и участію дѣтей, а въ особенности дочерей. Права собственности у инородцевъ распространяются на оленій скотъ, и домашнюю утварь, но не на земли и прочія угодья, пользование которыми совершенно свободно.

Въ Туруханскомъ краѣ существуютъ слѣдующіе роды:

	По 8 переписи.		По 10 переписи.		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Работ.
<i>Роды: Остяки.</i>					
Подкаменно-Тунгусский	96	41	51	30	21
Верхнеинбатский	221	151	305	256	120
Нижнеинбатский	162	84	100	98	70
<i>Остяко-самодские.</i>					
Баихинский	109	51	117	91	53
Тымско-Карагонский	325	152	271	201	130
Карасинский	52	23	47	41	17
<i>Юраки.</i>					
Тазовский	166	99	156	135	75
Береговой	73	34	29	23	14
<i>Самодские.</i>					
Карасинский	112	58	142	139	54
Хантаиский	118	57	117	106	60
Авамский	197	105	242	213	100
Вадьевский	44	19	56	78	28
<i>Тунгусские.</i>					
Подкаменно-тунгусский	61	33	52	44	23
Жиганский	73	26	74	70	37
Боганидский	57	23	59	49	28
Чаногирский и Панкагирский	131	72	175	96	64
Усть-Туржский	36	22	37	22	14
2-й Лётный	86	32	97	85	38
3-й Лётный	59	29	48	40	24
4-й Лётный	58	40	61	40	28
Нижнечумский и присоединенный къ нему					
1-й Лётный	41	27	36	33	16
Илимпейский	208	101	212	160	96
<i>Долганские.</i>					
Долгано-эзейский	170	80	195	187	67
Долгано-тунгусский	91	35	108	83	40
<i>Якутские.</i>					
Нижне-затундренский Якутский	208	172	63	272	114
Шорохинский	19	8	216	17	6
	2976	1574	3066	2610	1332

Южная половина края занимается остяками и тунгусами, а сѣверная юраками, самоѣдами, якутами, долганами и отчасти тунгусами. Впрочемъ размѣщеніе инородцевъ видно изъ слѣдующаго.

Въ южной половинѣ края.

Остяки:

Подкаменно-тунгуз-
скаго рода.

Верхнеинбатскаго
рода.

Нижнеинбатскаго ро-
да.

Наихинскаго рода.

Тымскаго и Кара-
конскаго родовъ.

По обѣимъ сторонамъ Подкаменной
Тунгузки и по берегамъ Енисея.

По р. Енисею и его притокамъ,
именно по рр. Елогуя, Бахтѣ и пр.

По обѣимъ берегамъ Енисея, начи-
ная отъ р. Елогуя до устьевъ р. Су-
хой Тунгузки и по вершинамъ этой
послѣдней.

По р. Турухану и притокамъ онаго.

По обѣимъ сторонамъ р. Таза, начи-
ная отъ Вершинъ до Часовенскаго зи-
мовья и по притокамъ этой рѣки.

Тунгусы:

Подкаменно - тунгуз-
скаго и нижнечум-
скаго родовъ.

Чапогирскаго и Пан-
кагирскаго родовъ.

Илимпейскаго рода.

Между рѣкъ Подкаменной и Ниж-
ней Тунгусокъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣкъ Ниги-
неи, Тунгузки и Сѣверной, а также
близь озера Войволи.

Около вершинъ р. Курейки и по
мѣстамъ, гдѣ расположены озера Укить,
Некынды и Войволи.

Усть-турыжскаго ро-
да.

По обѣимъ сторонамъ р. Турыги
(притока Нижней Тунгузки) и по хреб-
тамъ въ вершинахъ р. Курейки.

Въ сѣверной половинѣ края.

Боганидскаго рода.	Между рѣкъ Боганиды и Хеты.
2-го Лѣтняго рода.	По рѣкамъ Хетѣ, Боганидѣ и Аваму.
3-го Лѣтняго и Жиганскаго родовъ.	Между озеръ Давыдова, Быстринскаго и Матушкина.
4-го Лѣтняго рода.	Между рѣками Курейкою и Хантайскою и около озеръ Мантуйскаго, Сухарихи и Хантайскаго.

Ю р а к и:

Тазовскаго рода.	Между Енисеемъ и Тазомъ.
Береговаго рода.	По обѣимъ сторонамъ Енисейной губы.
Карасинскаго Остячскаго рода.	За полярнымъ кругомъ по обѣимъ сторонамъ Енисея.

С а м о ѣ д ы:

Карасинскаго рода.	Начиная отъ р. Хантайки на сѣверъ по тундрамъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ Енисея.
Хантайскаго рода.	
Авамскаго рода.	По сѣверо-восточнымъ тундрамъ между рр. Дудыпты, Авама и озера Таймырь.
Вадѣевскаго рода.	Въ вершинахъ рр. Дудыпты и Бадахны.
Долгано-есейскаго рода.	По обѣимъ сторонамъ рр. Хатанги и Хеты.
Долгано - тунгусскаго рода.	Между озеръ Матушкина и Быстринскаго и по тундрамъ около вершинъ р. Авама.

Я к у т ы:

Нижне - затундренскаго рода.	По берегамъ рр. Хатанги, Хеты, Агапы и Анабара.
------------------------------	---

Тунгусы называютъ себя «аваньки», русскихъ «рускаль», юраковъ «тога», якутовъ «яко». По преданіямъ, они обитали прежде въ южныхъ предѣлахъ края. Въ то время, когда они еще не были покорены русскими, между племенами ихъ были постоянные раздоры и побоища. Тѣ которые не надѣялись на свою силу примыкали къ бойцу, ловко владѣющему отказомъ и столько же ловко отражающему удары противника, даже и въ такихъ случаяхъ если они наносились отказомъ или стрѣлами на разстояніи длины оленьей шкуры. Еще и донинѣ сохраняется въ памяти какъ нѣкоторые изъ тунгусовъ были столь ловки, что на лету хватали стрѣлы, пускаемыя въ нихъ. Часто подобный удалецъ съ непостижимою ловкостію, посредствомъ небольшого щитика, умѣлъ отражать удары, наносимые пятью или даже шестью противниками, до тѣхъ поръ, пока у нихъ не истощался весь запасъ стрѣлъ. Боецъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ промышленникомъ, рыскалъ зачастую во время зимняго промысла въ одной ровдужной пареѣ и всю добычу свою раздѣлялъ съ окружающими, а эти послѣдніе, какъ бы въ изъясненіе своей преданности, предлагали предводителю въ замужество своихъ дочерей. Подобныхъ партій, которыя впоследствии образовали особые роды, было довольно. Между ними, или, правильнѣе, между предводителями родовъ, вслѣдствіе кровныхъ обидъ, какими считалось на примѣръ убійство брата, отца (женщины во время нападенія не убивались), похищеніе жены или дочери, происходили почти постоянныя стычки. Въ случаѣ смерти предводителя, окружающіе его искали спасенія въ отдаленныхъ мѣстахъ и тамъ затаивали свою месть до удобнаго случая. Въ затундренномъ якутскомъ родѣ въ настоящее время существуютъ еще потомки трехъ братьевъ тунгусовъ, называвшихся «сидимилэръ». Въ свое время эти три тунгуса были славные бойцы; отъ стрѣлъ ихъ много легло тунгусовъ да и русскихъ было ими довольно перебито. Въ началѣ прошлаго

столѣтія комисаръ Тюпринъ, съ помощію священника, уговорилъ этихъ тунгусовъ окреститься и поселиться на р. Хатангѣ при устьѣ р. Жданихи, гдѣ русскіе поселенцы были всѣ перебиты. Тунгусы окрестились и остались жить на указанномъ мѣстѣ, принявъ фамилію Тюпринныхъ. Мѣдная икона, которою благословилъ ихъ комисаръ, и понынѣ хранится ихъ потомками. Потомки Тюпринныхъ переобразовались въ Якутовъ, вѣроятно въ слѣдствіе брачныхъ союзовъ съ послѣднимъ народомъ.

Тунгусы роста средняго, имѣютъ грудь и спину широкія, цвѣтъ кожи исчерасна-смуглый, лицо болѣе круглое нежели продолговатое, съ умнымъ и смѣлымъ выраженіемъ, лобъ широкій, нерѣдко плоскій, глаза нѣсколько узкіе, черные или каріе, блестящіе; брови дугообразныя, носъ плоскій, скулы выдавшіяся, ротъ нѣсколько широкій, но выгибъ въ толстыхъ губахъ очень характеристичный. Прежде, въ видѣ щегольства, нѣкоторые носили на лицѣ узоры изъ оленьей жиры, натертой углемъ. Типическія черты первобытнаго тунгуса однакожъ нѣсколько измѣнились, конечно оттого, что многіе изъ этихъ инородцевъ брали себѣ въ жены якутокъ и долганокъ, а самыя тунгузки имѣли любовныя связи съ проживавшими прежде между ими казаками. Черныя весьма жесткіе и прямые волосы, нечесанные отъ рожденія, какъ мужчины, такъ ровно и женщины собираютъ на затылкѣ въ пучокъ и затягиваютъ ремнемъ «чиряптумъ» или заплетаютъ въ косу «чильча». Бороду и усы, которые у мужчинъ растутъ весьма рѣдко, они выщипываютъ для того, чтобы во время холодовъ не образовалось ледяныхъ сосулекъ. У женщинъ лица въ молодости сохраняютъ миловидность, но подъ старость дѣлаются большею частію безобразными. Съ пылкостью характера тунгусы соединяютъ въ себѣ рѣдкія между инородцами черты—неустрасимость, отважность, ловкость, простосердечіе и сострадательность. Къ несчастію, эти хорошія

свойства быстро исчезаютъ. Тунеядство, лѣность, плутовство, пристрастіе къ вину «араги» становятся замѣтнѣе, въ особенности со смертію прежнихъ удалыхъ промышленниковъ, которые нерѣдко прокармливали двѣ или три семьи бѣдняковъ. У дикарей бѣдность скорѣе всего измѣняетъ нравы. Какъ мужчины, такъ и женщины одѣваются почти одинаково. Лѣтомъ тунгусъ носитъ ровдужный съ разрѣзью на переди кафтанчикъ — «дуды», а зимою тоже, но съ шерстью обращеннаго внутрь — «немагданъ»; у болѣе состоятельныхъ платье это по вороту, обшлаго и подолу убрано, въ видѣ каймы, разноцвѣтнымъ бисеромъ; изъ подъ каймы виситъ бахрама, сдѣланная изъ шкуры горнаго барана «майчуконъ». Нижнее платье — «хорьки», изъ ровдуги, покроємъ не разнится отъ русскихъ штановъ. Спереди отъ пояса висятъ ровдушныя рѣшетки въ видѣ кистей длиною въ четверть. Отъ шеи спускается нагрудникъ — «хальми» изъ ровдуги или пыжа (*), вышитый бисеромъ, съ опушкою по краямъ. Широкий кожаный поясъ вышитъ сплошь бисеромъ. Поверхъ нагрудника, чрезъ плечо, перевязь изъ ровдуги и также вышитая бисеромъ — связывается на лѣвомъ боку; тутъ же привѣшиваются чахольчики для табакерки или желѣзной трубки, большею частію собственного издѣлія, и особые мѣшечки для пуль, табаку, огнива и проч. Къ штанамъ, съ праваго бока, прикрѣплены ножны для вкладыванія ножа. На головѣ большая мѣховая шапка, опушенная росомахою и украшенная сверху бисеромъ, а на ногахъ вмѣсто чулковъ «чажи», изъ тонкихъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ, и сверхъ ихъ «унталь» нѣчто въ видѣ сапогъ, сшитыхъ изъ шкурокъ, снятыхъ съ ногъ оленя «камысы»; изъ камысовъ же приготовляются «чикульмы» въ родѣ ботинокъ, съ короткими голенищами изъ ровдуги, которыя къ колѣнамъ обертываются

(*) Болѣе ясное описаніе этихъ шкуръ читатель найдетъ въ статьѣ объ оленьемъ промыслѣ.

ремнемъ, лѣтняя ровдужная обувь называется «купыри». Женщины на головѣ носятъ вѣнчики изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на шеѣ ожерелья «удышикъ»; около пояса, прикрѣпленные на ремешкѣ и закрытыя сверху мѣдной трубочкой, иглы, жилы для шитья и наперстокъ.

Хозяйство у тунгуса, какъ и вообще у бродячихъ инородцевъ, весьма незатѣливо и находится подъ вѣдѣніемъ женщинъ. Къ числу необходимыхъ вещей относятся котелъ «каланъ» ножикъ, «пурта», наковка, и кое-какіе кузнечные инструменты, а также орудія для выдѣлки оленьихъ кожъ, рыбной и звѣриной ловли.

Когда беременная женщина «холбучъ» начнетъ испытывать первыя родовыя муки, то она немедленно отводится въ особо приготовленный для нея чумъ. Если роды трудны, то тунгусъ срубасть дерево и въ пень забиваетъ коль; но если и это не помогло, то призываетъ шамана. Рѣдко случается, чтобы при тунгузкѣ, во время родовъ, не присутствовала посторонняя женщина. Для очищенія себя родильница, по истеченіи 3 или 4 дней, должна перейти три раза чрезъ огонь. Новорожденного обмываютъ и кладутъ въ коробокъ, загнутый изъ тонковытесанной березы и обшитый снаружи оленью, или тайменью кожною; къ дужкѣ коробка привязываются разныя побрякушки. Ребенокъ — «кумыкаръ» получаетъ имя на третьемъ, а иногда и на шестомъ году, отъ родственника или случайно завернувшаго гостя. Когда между тунгусами жили казаки, завѣдывавшіе хлѣбными магазинами, то они въ шутку давали дѣтямъ странныя прозвища, напр. Верняуль, Цимбалды, Личарда, Навали и проч., а дѣвочкамъ: Дамка, Юлка, Чалка, и т. д.; разумѣется эти названія такъ и оставались. Тунгузскія же имена между мужчинами встрѣчаются слѣдующія: Дорменца, Боконца, Лабзяуль и проч. Впрочемъ, рѣдкій тунгусъ не получаетъ въ послѣдствіи другаго имени, сообразно своему образу жизни или качествамъ. Во время перекочевокъ коробокъ съ ребенкомъ виситъ у ма-

тери за плечами. Лаская дѣтей, тунгусы произносятъ: «Ойчо баргучи каръ одынды», т. е. какія вы миленькія; или: «О-ню! хутолома ниль гузякэ гузяпчу» т. е. о мои милыя, любезныя дѣти. Если матери некогда, то отецъ самъ вынетъ плачущаго ребенка изъ коробка, отогрѣетъ его передъ огнемъ и высушитъ, а уходя на промыселъ подѣлуетъ. Нужно ли послѣ этого говорить про любовь тунгусовъ къ своимъ дѣтямъ. Женщины вообще не очень плодovitы.

Въ бракъ тунгусы вступаютъ большею частію въ зрѣломъ возрастѣ, но бываютъ случаи, что и 70-ти-лѣтніе старики берутъ себѣ въ жены 12-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ. Сватовство начинается засылкою къ роднымъ дѣвушки свата или свахи, которые и условливаются о калымѣ. Размѣръ калыма зависитъ не столько отъ достатковъ жениха, сколько отъ достоинствъ невѣсты, т. е. отъ степени расторопности ея, знанія рукодѣлья и хозяйства; обыкновенно же калымъ состоитъ не менѣе какъ изъ 2-хъ и не болѣе 10 оленей, съ прибавленіемъ котла, ружья или 3—5 руб. денегъ. Случается, что женихъ вмѣсто калыма предлагаетъ въ замужство свою сестру или племянницу брату невѣсты. За дѣвушку, которая до замужества имѣла любовника, калымъ дается въ меньшемъ размѣрѣ. Достаточная невѣста приноситъ въ приданное пару новаго платья для своего мужа, нюкъ для чума, два или три оленя и кое-что изъ домашней утвари. Засватавъ невѣсту, тунгусъ ѣздитъ къ ней какъ къ своей женѣ. По окончательной уплатѣ калыма невѣста ѣдетъ верхомъ на оленѣ въ чумъ своего мужа; причемъ спускаетъ головной платокъ на самые глаза и склоняетъ голову, показывая этимъ подневольное свое положеніе. Оленя, на которомъ сидитъ молодая, ведетъ свать, который потомъ, пообеда прибывшую три раза въ кругъ новаго ея жилища, вталкиваетъ въ дверь, около которой молодая женщина тотчасъ и садится; но супругъ постепенно отодвигаетъ ее на середину чума и затѣмъ начинается угощеніе, въ которомъ первую роль играютъ сердце и языкъ оленя.

Мужъ называетъ жену «нюльги», а жена своего мужа «адышъ мини». Супруги спятъ нагими подъ одѣяломъ изъ оленьихъ шкуръ.

Освященіе брака церковью крещеный тунгусъ не считаетъ необходимою. Тунгусы-язычники смотря по состоянію имѣютъ иногда двѣ и три жены, которыя, изъ ревности, постоянно враждуютъ другъ противъ друга и чрезъ это вынуждаютъ иногда тунгуса колотить ихъ немилосердо. Чтобы отвратить семейныя распри, зажиточный тунгусъ ставитъ для каждой жены особый чумъ. Случается, что жена, полюбивъ другого, покидаетъ своего мужа; но тунгусъ отыщетъ бѣглянку и не ограничиваясь данною ей потасовкою, возьметъ съ соблазнителя двойной калымъ, да кое-что сорветъ и съ родныхъ своей измѣнницы. Въ прежнія времена ловеласы поплачивались за свои продѣлки даже жизнию.

На обязанности жены лежитъ отправленіе всего хозяйства, приготовленіе пищи и одежды, перевозка на оленяхъ домашнего скота, постановка чума, отысканіе, по указанію мужа, добытыхъ имъ оленей. Иногда тунгусъ изъ двухъ женъ отправляетъ одну къ родственникамъ на время промысла, выговаривая себѣ извѣстную долю.

Какъ бы не былъ бѣденъ тунгусъ, а для гостя онъ пожертвуетъ послѣдними запасами, за то и самъ явившись къ русскому знакомцу, говоритъ, съ свойственною дикарю непринужденностію: «антѣ бизегнашъ» — какъ живешь и «Ерома зитъ» — угощай меня! Если же русскій не отвѣтитъ на это радушнымъ гостепріимствомъ, то тунгусъ уже никогда къ нему не заглянетъ.

Между собою тунгусы привѣтливы и почтительны къ старшимъ, которыхъ называютъ «амаки» или атриконъ; тунгуса среднихъ лѣтъ «аки-дя дюмка; сынъ отца называетъ «ами», мать — «ани».

Какъ мужчины, такъ и женщины любятъ повеселиться. Образовавъ кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ палка, и взяв-

пись подъ руки, она переступаетъ чрезъ ногу въ тактъ, припѣвая: хечу, хечу, хай канъ хечу, хейра яхоръ чохъ, чохъ аэй-роски, эй! и такъ продолжаютъ плясать иногда цѣлую ночь, выталкивая изъ круга всякаго, кто замѣшается въ передвиженіи ногъ. Молодежь не упускаетъ въ это время случая поамурничать. Пѣсенъ у тунгусовъ нѣтъ. Поющій тунгусъ обыкновенно импровизируетъ, вспоминая какую нибудь встрѣчу, или поѣздку. Въ сказкахъ, которыя тунгусы охотно слушаютъ, говорится о богатыряхъ и происходившихъ между ними побоищахъ.

Тунгусы, какъ и всѣ инородцы, чрезвычайно боятся поваральныхъ болѣзней. Въ отношеніи другихъ недуговъ они нерѣдко говорятъ: «куликанъ зеугнаранъ», т. е. червь ѣстъ. Мы сами видѣли какъ одинъ шаманъ, придвинувъ больного къ оленьему теленку, ноги котораго были связаны и положены на костеръ, чрезъ нѣсколько минутъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ больнымъ подъ одѣяломъ, объявилъ, что онъ досталъ изъ тѣла больного «куликана», котораго тутъ же завернувъ въ бересту и бросилъ въ сторону; но какъ въ берестѣ оказался не червякъ, а кусочекъ оленьей жиры, то съ обманщика и были взысканы всѣ убытки, понесенные родными при леченіи больного, который чрезъ два дни померъ. Въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, какъ напр. ломотъ въ костяхъ, тунгусы ставятъ моксу, т. е. кусочикъ твердаго трута, кладутъ на больное мѣсто и зажигаютъ, или прошиваютъ кожу ниткою, натертою порохомъ, не оставляя однакожь оной въ тѣлѣ. Если больной слегъ, то семья ухаживаетъ за нимъ съ любовію и немедленно приглашаетъ шамана, жертвуя для этого послѣднимъ достояніемъ. Какъ скоро тунгусъ померъ, чумъ немедленно съ одной стороны раскрывается и въ снятый нюкъ зашиваютъ покойника «буни» въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ онъ померъ и кладутъ на лабазъ «пиривко», устроенный между двухъ или трехъ деревь въ сажень отъ земли; на этомъ помостѣ при покойникѣ кладутъ

принадлежащія ему вещи: винтовку безъ замка, лукъ съ оборванной тетивою, надломленные: отказъ, топоръ, трубку съ табакомъ и затѣмъ трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба «киривео гачинъ», съ боку привѣшиваютъ котелъ съ пробитымъ дномъ, въ который на горячіе уголья бросаютъ кусокъ оленьяго сала и нѣсколько табаку. Съ дерева, ниже лабаза, снимаютъ кору и даже оскабливаютъ ихъ ножами, обмазываютъ кровью убитаго оленя и, чтобы дикіе звѣри не могли добраться до покойника, вколачиваютъ на деревья острые желѣзные иглы.

Умершую женщину, чаще всего, по зашити въ оленью шкуру кладутъ на землю, вмѣстѣ съ принадлежащими ей вещами, среди которыхъ находится и посошокъ, и заваливаютъ деревьями.

Для покойниковъ христіанъ тунгусы вырываютъ могилы, въ которыхъ и хоронятъ ихъ, при соблюденіи означенныхъ обрядовъ.

Тунгусы очень боятся покойника, и если тунгусъ на него наткнется нечаянно въ лѣсу, то онъ пятится назадъ до тѣхъ поръ, пока могила мертвеца не скроется изъ его глазъ. Нерѣдко они нанимаютъ русскихъ похоронить мертвеца, въ особенности если сей послѣдній былъ шаманъ. За всѣмъ тѣмъ тунгусъ, проходя мимо могилы своего отца, или близкаго родственника, считаетъ обязанностію подойти къ ней и положить въ котелъ горячихъ угольевъ, сала и табаку.

Остяки называютъ себя тундыгетъ или просто «остякъ»; русскихъ именуютъ «кынчи», тазовскихъ остяковъ «лэ-гынъ», тунгусовъ «хенгба», юраковъ «дыгоготъ», якутовъ «яготонкъ». О происхожденіи своемъ, а равно о томъ изъ какихъ мѣстъ они пришли въ Туруханскій край, они ничего не знаютъ. Первое появленіе русскихъ на Енисей, по преданію, встрѣчено было остяками непріязненно: въ плывущую барку они пустили сотни стрѣлъ; въ отвѣтъ на это съ барки раздался выстрѣлъ и ядро ударило въ берегъ съ

такую силу, что яръ обвалился; это обстоятельство не мало содѣйствовало усмирению дикарей. Вскорѣ послѣ появленія русскихъ открылась между осяками повальная болѣзнь, отъ которой много изъ нихъ погибло; говорятъ однихъ лишь послѣ умершихъ было наложено нѣсколько вѣтокъ. Языкъ туруханскихъ осяковъ совершенно отличенъ отъ языка тазовскихъ и байхинскихъ осяковъ, которые называютъ себя шелэ-комъ, юраковъ «квялякнъ», самоѣдовъ — «кэилякнъ», тунгусовъ — «пампакнъ», а русскихъ «ружъ». Тазовскіе осяки утверждаютъ, что на р. Тазъ изъ южныхъ предѣловъ Березовскаго округа пришли изъ ихъ племѣ сначала три осяка: Кагалева, Тамелька и Сайготинъ съ намѣреніемъ извѣдать тамошнія мѣста. Впослѣдствіи эти осяки прикочевали на Тазъ уже съ своими родовичами. Мѣста по берегамъ Таза, начиная отъ р. Кудосея на сѣверъ, заняты были юраками, по этому между ними и пришлецами возникли столкновения. Чтобы оттѣснить юраковъ, осяки, по тѣмъ мѣстамъ гдѣ проходили туземцы, устраивали засѣки и встрѣчали юраковъ стрѣлами. Сколько не противились юраки, однакожъ претерпѣвая пораженія должны были удалиться на сѣверъ. Не съ одними юраками приходилось осякамъ имѣть дѣло. Енисейные осяки также тѣснили пришельцевъ. На рѣч. Байхѣ долгое время сохранялась листовница, около которой происходило между осяками побоище, окончившееся тѣмъ, что сургутскіе осяки (такъ называютъ енисейные осяки тазовскихъ) должны были отодвинуться къ вершинамъ Таза.

Ростъ осяковъ большею частію выше средняго, грудь возвышенна, голова посредственной величины, руки и ноги нѣсколько длинны, икры тощія, лобъ болѣе плоскій, нежели прямой, черные волосы на головѣ, никогда неподстригаемые и нерасчесываемые, всклокочены; только нѣкоторые изъ тазовскихъ осяковъ раздѣляютъ ихъ спереди на двѣ половины и заплетаютъ на затылкѣ въ косу, или просто завязываютъ ремнемъ. Лицо осяковъ смуглое, какъ-бы бо-

лѣзненное, нѣсколько продолговато; въ синихъ, сѣрыхъ, но еще болѣе черныхъ глазахъ, смотрящихъ изъ подлбья, замѣтна тупость или недовѣрчивость; ность прямой, скулы маловыдавшіяся; волосы, растущіе на бородѣ весьма рѣдко, уничтожаются посредствомъ выдергиванія или сбриванья ножами. Голосъ остяковъ рѣзкій, но не грубый. Лица женщины весьма сходны съ мужскими и отличаются только большею выразительностью. Не смотря на неопрятность и суровую жизнь, полную всевозможнаго рода лишеній, остяки, какъ видно, весьма мало утрачиваютъ наружный видъ, свойственный ихъ племени. Силою впрочемъ они нынѣ не отличаются, несмотря на то, что, по преданіямъ, у нихъ были прежде силачи. Беззаботливость, хвастливость, вспыльчивость, лѣнь—вотъ отличительныя черты остяка. Если онъ сытъ, то безпечно поетъ, если голоденъ—лежитъ и дремлетъ, а если и рѣшится идти къ магазину за хлѣбомъ, то не ускорить шага даже и въ такомъ случаѣ, если его прохватило холодомъ до самыхъ костей. Поплыветъ ли остякъ въ лодкѣ, и тутъ, гребнувъ раза два веслами, остановится и съ непопостижимою безпечностію начнетъ разнюхивать табакъ, или находясь съ товарищемъ заведетъ разговоръ, да притомъ о такихъ пустякахъ, на которыя кажется и дѣти не обратили бы вниманія. Глядишь, въ это время лодку снесло теченіемъ на прежнее мѣсто. Лѣтомъ, расположившись при рѣчкѣ остякъ до тѣхъ поръ не тронется на промыселъ, пока не истощатся всѣ его съѣстные запасы. На всѣ представленія своихъ домашнихъ остякъ говоритъ только: «да куда уйдетъ отъ меня рыба, пойду—и вся рыба будетъ моя.» Купить, на примѣръ, остякъ цвѣтнаго сукна, нашьетъ его на парку, повѣситъ лоскутъ на груди, сдѣлаетъ наговицы къ обуви и щеголяя въ этомъ нарядѣ на рыбьемъ или птичьемъ промыслѣ живо все перерветъ и измараетъ. Несмотря на отсутствіе всякой устойчивости въ своихъ дѣйствіяхъ, пожилые остяки, отличаются упорствомъ въ своихъ предразсудкахъ.

Только молодое поколѣніе, не чуждаясь русскихъ, склонно къ воспріятію полезныхъ нововведеній. Съ большою наклонностью къ любопытству остякъ соединяетъ страсть перенести вѣсть въ преувеличенномъ видѣ. За всѣмъ тѣмъ въ натурѣ остяка есть много простосердечія, не смотря на его наклонность къ обману, развивающемуся въ немъ преимущественно отъ нужды, лѣни и тяготѣющихъ на немъ казенныхъ долговъ.

Женщины, усвоивъ наслѣдственную лѣнь, грубость, нечистоплотность, столько же вѣтрены какъ и мужчины. Если остячка получила отъ мужа въ подарокъ шаль или нѣсколько аршинъ ситцу, то непременно обращаетъ это въ покрывало «вокшимъ», накидывая на голову, и по прошествіи недѣли, отъ покрывала остаются одни лоскутья.

Весь костюмъ остяка заключается, преимущественно, въ паркѣ, сшитой въ видѣ мѣшка съ рукавами, изъ оленьихъ кожъ шерстью наружу. Опоясавшись очень низко, остякъ подбираетъ парку со всѣхъ сторонъ, навѣшивая ее на поясъ. Рукава, суженные къ кистямъ рукъ, обыкновенно обвязываются въ этомъ мѣстѣ ремнями и оканчиваются рукавицами, которыя остякъ, въ случаѣ нужды, отворачиваетъ, просовывая руку въ сдѣланное около кисти отверстіе. Грудь около шеи постоянно открыта. На опояскѣ, концы которой, въ видѣ щегольства, распускаются, виситъ ножикъ, а въ сумкѣ огниво и трутъ. Послѣдній, по принятому всѣми инородцами обыновенію, готовится изъ переженной травы. Трубка кладется за пазуху. Иные остяки, во время морозовъ, надѣваютъ на голову шапку, сшитую изъ бѣличьихъ шкуръ. Нижнее платье заключается изъ однихъ короткихъ ровдужныхъ штановъ, на ногахъ сотуры, сшитыя изъ камысовъ. Чтобы сохранить теплоту у ногъ остякъ, какъ и всѣ остальные инородцы, обвертываетъ ступни, въ видѣ онучъ, сухою травою, заготовляемою для этого лѣтомъ. Для расчесыванія этой травы въ наимельчайшія пряди, дѣлаются гребни изъ жимоло-

сти. Инбатскіе остяки носятъ обувь просторную и тяжелую. Болѣе состоятельныя остяки любятъ обшивать парки и обувь разноцвѣтнымъ сукномъ, носятъ сапоги и рубахи, а иной щеголь купить разноцвѣтную шаль и развѣсить ее чрезъ плечо въ видѣ плаща. Щеголиха-остячка сошьетъ длинную рубаху изъ дабы, съ цвѣтнымъ верхомъ и прошвами по плечамъ, по подолу сдѣлаетъ обложку въ видѣ фалбары. Вообще же костюмъ женщинъ ничемъ не отличается отъ мужскаго; только между инородцами, бродящими около р. Таза, замѣчено, что женщины имѣютъ въ обычаѣ покрывать свои головы платками. Лѣтомъ остяки носятъ одни короткіе ровдужные кожаны; такимъ образомъ нижнія части тѣла, оставаясь голыми, выносятъ холодъ и мучительное терзаніе комаровъ.

Хозяйство остяка, за немногими исключеніями, также скудно, какъ и у большей части тунгусовъ.

Бѣдные остяки за неимѣніемъ хорошей теплой одежды и достаточнаго количества сѣстныхъ припасовъ, остаются зимою неподвижно въ своихъ землянкахъ около огня и питаются, кромѣ казеннаго хлѣба, зайцами, куропатками и порсою.

Для вспомошествованія беременной женщины при родахъ, остякъ заблаговременно приглашаетъ знакомую, но не старуху, такъ какъ остяки полагаютъ, что старуха бываетъ причиною появленія у ребенка грыжи. При потугахъ беременная остячка хватается за протянутую веревку и привстаетъ на ноги. Когда наступаютъ самыя роды, больная кладется на полъ и укрывается теплою одеждою. Если роды трудны, то бабка относитъ это къ тому, что роженица во время беременности видѣла испражненіе мужчины и принимается растирать половыя части и согрѣвать ихъ. У карасинскихъ остяковъ присутствующая при родинахъ компанія мужчинъ и женщинъ начинаетъ съ крикомъ бѣгать вокругъ чума роженицы и стучать, съ намѣреніемъ произвести въ больной испугъ и тѣмъ ускорить роды. Если и подобныя мѣры останутся безъ успѣха, то немедленно приглашается шаманъ. По-

собіе со стороны послѣдняго ограничивается тѣмъ, что онъ вокругъ чума роженицы развѣшиваетъ своихъ идоловъ, которые потомъ отъ роженицы и награждаются корольками, если она разрѣшилась благополучно. У новорожденного пуповина отрѣзывается гораздо дальше отъ живота, нежели у русскихъ. Родильница лежитъ предъ огнемъ у самаго выхода изъ чума дня три. Ребенокъ, обернутый въ лоскутья оленьей шкуры, большую часть времени проводитъ въ коробкѣ, имѣя подъ собою мелкое березовое гнѣлье, въ головахъ подушечку, а сверху бересту, сшитую вдвое и приерѣпленную снаружи ремнями. Кормленіе грудью ребенка продолжается до 4-хъ и даже до 5 лѣтъ. Если дитя не спитъ и плачетъ, то кладутъ на него лукъ и вѣрятъ, что это успокаиваетъ малютку. Находясь постоянно въ работѣ, въ особенности въ лѣтнюю пору, мать таскаетъ съ собою ребенка и чрезъ это послѣдній, испытывая терзанія насѣкомыхъ и рѣзкія переменны погоды, или умираетъ преждевременно, или развивается весьма медленно. Первая игрушка для подрастающаго ребенка есть лукъ и стрѣлы. Вообще остяки, подобно другимъ инородцамъ, очень любятъ своихъ дѣтей. Когда у бѣднѣйшихъ остяцкихъ вдовъ начали отбирать дѣтей и раздавать на воспитаніе русскимъ, то остальные остяки, изъ боязни чтобы и въ отношеніи ихъ дѣтей не поступили также, углубились въ лѣса, и только въ крайности выходили одни мужчины для приобрѣтенія хлѣба у крестьянъ.

Имена у остяковъ даются только мальчикамъ, да и это дѣлается скорѣе мимоходомъ, а не по необходимости. Между тазовскими остяками можно встрѣтить слѣдующія имена: «Ченгы нолы» лебяжья голова, «Пичэ нолы» топорья голова, «шипса сай» углочы глаза. Въ отношеніи названія дѣвушекъ или женщинъ говорятъ такъ: «чепгы нолы» лебяжьей головы-дѣвка. Дѣвушка около 13 лѣтъ уже перестаетъ говорить съ братомъ и начинаетъ ѣсть особо.

Заботясь о прокормленіи дѣтей, остякъ въ тоже время

предоставляетъ имъ дѣлать все что они хотятъ и весьма рѣдко прибѣгаетъ къ наказанію. Вслѣдствіе сего молодежь впоследствии становится строптивою и, какъ говорится, въ грошъ не ставитъ своихъ родителей, и на угрозы послѣднихъ отвѣчаетъ бранью, а при случаѣ и потасовкою. Чрезвычайно странно напримѣръ видѣть какъ молодой остякъ, послѣ долговременной отлучки изъ роднаго чума, возвратившись домой безъ всякаго привѣта и разговоровъ садится къ очагу и принимается за предложенную ему пищу, а мать въ это время распрягаетъ его оленей.

Если дѣвушка забеременѣла, то родители не обвиняютъ ее, но рассказывая о такомъ событіи всѣмъ родоничамъ, отыскиваютъ соблазнителя и заставляютъ его жениться на обольщенной дѣвушкѣ, или заплатить калымъ. Послѣднее кажется для родителей важнѣе самой чести и замужства ихъ дочери. Прижитый такимъ образомъ мальчикъ оставляется при матери, а дѣвочка отдается отцу.

Задумавъ жениться, остякъ отправляется самъ къ родителямъ избранной имъ невѣсты или посылаетъ свата. Если на спросъ послѣдняго выдать дѣвушку, родители ея молчатъ, то свать уходитъ и возвращается уже съ котломъ въ которомъ лежитъ калымъ, состоящій изъ денегъ или суена. Поставивъ котель предъ хозяевами, свать уходитъ, молча. Если родители невѣсты не довольны принесеннымъ калымомъ, то выкладываютъ его за двери чума. Тогда женихъ перемѣняетъ вещи или добавляетъ. Надобно замѣтить, что по принятому обычаю олень или 3 р. сер. считаются за одинъ калымъ; большой котель или халать нанковый—за два, суконный же жалать за три калыма. Нѣмая торговля между родителями невѣсты и женихомъ оканчивается иногда въ три и даже пять пріемовъ. Затѣмъ женихъ беретъ невѣсту къ себѣ и задаетъ пирушку, гдѣ, въ особенности если гости подвыпили немного, вскорѣ начинаются и пѣсни, въ которыхъ хотя и не замѣтливо, а все-таки чествуются женихъ и невѣста.

Надобно замѣтить, что тазовскіе остяки если и поютъ нѣсни; то большею частію шаманскія. Для примѣра приводимъ одну изъ нихъ:

Лоузъ кѳрроко,
Тоузъ мелоузъ,
Кагулло ынто,
Тыщѣ няррѣбо,
Пѳрокъ юкко
Ноппо пѣймо
Нильгисуурумъ
Номта чуучента
Нокколь суурумъ,

Кейсуру номтѣ Чугучента?
Номъ суру квопча;
Кандырсанъ чугу Чента
кумытко Чегучента.

Дьяволъ медвѣдь,
Крылатый дьяволъ
Санки, лукъ,
Стрѣлы хорей
Парку шапку,
Рукавицы пимы,
Крылатый звѣрь (дьяволъ подай)
Богу (говорить) стану:
Божьей птицѣ (помогающей въ
болѣзняхъ оленямъ)

Какъ птицу эту (назову)?
Божью птицу добуду.
О здоровьѣ человѣка попрошу.

Большую часть времени однакожъ остяки проводятъ въ разговорахъ и спорахъ о взаимныхъ задолженіяхъ; причемъ вспоминаютъ такіе долги, которые сдѣланы еще ихъ дѣдами или прадѣдами. Молодежь, непринимаящая въ этомъ участія, начинаетъ борьбу, или пробуетъ силу, перетягивая другъ друга на палкѣ, а иногда начинаетъ плясать съ припѣвомъ: «тыльчикъ ныльчикъ самаѣга» вотъ какъ, вотъ какъ хорошо; «тыльчикъ ныльчикъ кашника» вотъ эдакъ такъ худо. Изъ достаточнаго калыма родители иногда отдѣляютъ часть въ приданое за своею дочерью. Брачное ложе между молодыми супругами бываетъ по истеченіи нѣкотораго времени, когда супруги успѣютъ нѣсколько свыкнуться. Если невѣста очень молода, то супружеская связь наступаетъ иногда чрезъ годъ. Молодая дѣвушка, выданная за старика, видимо томится. Случается что остякъ, не найдя въ своей молодой женѣ цѣломудренности, начинаетъ требовать отъ ея родителей часть отданнаго имъ калыма и тогда между зятемъ и тестемъ возникаетъ ссора, продолжающаяся иногда нѣсколько лѣтъ.

Остякъ, по обычаю, никогда не рѣшится выбраться, или сдѣлать другую какую-либо непристойность въ присутствіи брата своей жены. Если у остяка жена оказалась добрая хозяйка, то онъ, изъ любви къ ней, даже рѣшается иногда раздѣлять ея труды; напротивъ, съ лѣнливою и упрямою бабою поступаетъ часто жестоко или наконецъ прогоняетъ вовсе. Иная остячка такимъ образомъ перебивается разъ пять замужемъ. По заведенному обычаю невѣстка не только не говорить съ родителями и братьями своего мужа, но даже не считаетъ приличнымъ въ присутствіи ихъ быть безъ покрывала. Когда нужно о чемъ переговорить съ этими родственниками, то молодая женщина дѣлаетъ это чрезъ своего мужа. У тазовскихъ остяковъ мужъ называетъ свою жену: «мать има» моя баба. Супруги всегда спятъ вмѣстѣ. Женщина въ глазахъ остяка всегда нечиста, а потому случилось ли ей перешагнуть чрезъ его лукъ или инныя вещи, онъ немедленно окуриваетъ ихъ дымомъ, сжигая для этого оленью шерсть. Вдова, у которой послѣ мужа не осталось родственниковъ, имѣющихъ право располагать ея дальнѣйшею судьбою, свободно выбираетъ себѣ мужа.

Когда умретъ остякъ, то, обмывъ его горячею водою, ноги складываютъ одну на другую, а руки протягиваютъ вдоль по бокамъ. Иногда, по желанію покойника, отрѣзываютъ у него волосы съ головы и отдаютъ шаману для прикрѣпленія къ идолу, затѣмъ надѣваютъ на умершаго то самое платье, которое онъ носилъ, и зашиваютъ его въ одѣяло. Умершій выносятся не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ, и кладется на лабазъ, устраиваемый какъ у тунгусовъ. При покойникѣ кладутъ всѣ его вещи въ поврежденномъ видѣ и нѣсколько убитыхъ оленей. Въ теченіи года родственники посматриваютъ не повредился ли лабазъ и не коснулись ли тѣла звѣри, причемъ кладутъ около покойника съѣстные припасы и табакъ, и отходя пускаютъ стрѣлу въ ближайшее дерево. Инбатскіе же остяки придерживаются ста-

рины и ставят покойниковъ въ выдолбленное на подобіе борти углубленіе въ стоячемъ деревѣ, которое и заколачиваютъ доскою. Прежде, когда остяки были позажиточнѣе, то съ покойниками клали ружья и деньги; нынѣ это уже вывелось. Погребеніе покойника сопровождается криками, стонами и плачемъ со стороны матерей и женъ. Такое оплакиваніе со стороны молодой вдовы считается однакожъ неприличнымъ; она даже не всегда исполняетъ обычай раздѣлять пополамъ подушку, на которой спала вмѣстѣ съ мужемъ, и цѣликомъ кладетъ ее въ голову покойнику. Какъ-бы въ видѣ траура по покойномъ, женщины въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцовъ не моютъ ни рукъ, ни лицъ, и ходятъ съ распущенными волосами. Въ случаѣ смерти шамана, тазовскіе остяки дѣлаютъ семь могилъ, изъ коихъ на шести ставятъ по палкѣ, съ развилками на верху, а въ седьмой кладутъ тѣло шамана, съ такими же церемоніями, какъ это дѣлается при похоронахъ обыкновеннаго остяка. На поверхности могилы ставятъ надъ шаманомъ доску съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ дьявола, имѣющаго голову человѣка, а туловище птицы. Идоловъ шамана складываютъ на санку и, обвязавъ ихъ крѣпко оленьими шкурами, ставятъ около могилы. По увѣренію остяковъ всѣ семь могилъ въ теченіи 7 лѣтъ охраняются дьяволами, которые потомъ разлетаются къ родственникамъ шамана.

Хотя нѣкоторые этнографы и считаютъ юраковъ и самоѣдовъ одноплеменниками, но мы, по крайней мѣрѣ говоря въ отношеніи туруханскихъ инородцевъ, полагаемъ, что первые составляютъ особое племя, несмотря на нѣкоторое сходство языка и обычаевъ. Юраки называютъ себя «ненсчэ» а русскихъ «люсэ», тазовскихъ остяковъ «хаби», самоѣдовъ «вай», якутовъ «манто», тунгусовъ «тынгу».

Юраки вообще болѣе низкаго нежели средняго роста и сложены весьма хорошо; только ноги у нихъ кривы и смотрятъ нѣсколько врозь, вѣроятно отъ привычки постоянно

держатъ ихъ подъ собою; въ лицѣ юраковъ есть монгольскій типъ, но болѣе походятъ они на татаръ; глаза бываютъ большею частію черные, открытые, съ длинными рѣсницами, волосы и брови также черные, носъ прямой, окладъ лица круглый, съ такимъ же подбородкомъ; волосы заплетаются въ двѣ косы, которыя къ концу связываются ремнями и убираются корольками; иные, впрочемъ, стригутъ ихъ до гола, оставляя только на макушкѣ хохолъ. Въ давнія времена юраки стригли голову на голо, подобно татарамъ. Юрачки красивѣе мужчинъ, хотя черты лица ихъ почти тѣже; ростомъ онѣ ниже мужчинъ, волосы зачесываютъ назадъ и заплетаютъ въ двѣ или три косы «танемы» ⁽¹⁾; болѣе щеголеватыя оставляютъ спереди косички, убирая ихъ пуговицами и корольками; въ ушахъ носятъ длинныя серьги ⁽²⁾, ручные пальцы любятъ украшать кольцами и перстнями, а шею ожерельемъ изъ корольковъ съ бляхами «отэ». Въ умственномъ отношеніи юраки едва ли чѣмъ уступаютъ тунгусамъ и несмотря на скромность, характеромъ гораздо тверже, а въ отношеніи аккуратности по своему хозяйству уступаютъ развѣ долганамъ. Лѣтомъ юраки одѣваются въ ровдужныя мальцы «мэро» «панэ» и штаны «мэро топка» ⁽³⁾ изъ такой же кожи. Мальца, имѣющая подобіе стихаря, для зимы шьется изъ оленьихъ шкуръ шерстью къ тѣлу; отверстіе, въ которое съ трудомъ пролезаетъ голова, имѣетъ воротникъ. Сокуй ⁽⁴⁾ «нявлуй гокка» подобіе мальцы, но съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что у него къ отверстію гдѣ пролѣзаетъ голова снаружи пришита мѣховая шапка, плотно охватывающая голову; пыжовые сокуи длиною до колѣнъ бываютъ двухъ родовъ: одни безъ украшеній носятъ обращенными шерстью внутрь, другіе съ узенькими

⁽¹⁾ По-самоѣдски «гаппа».

⁽²⁾ По-самоѣдски «куубэны».

⁽³⁾ По-самоѣдски «фоне».

⁽⁴⁾ По-самоѣдски «нуку» Наголовникъ у этого сокуя у самоѣдовъ оканчивается спереди надъ самымъ лбомъ остроконечнымъ угломъ, въ видѣ рога, снимаемаго изъ оленьихъ хвостовъ. Рогъ этотъ называется «гунгуку»

прошвами по бокамъ и спинѣ, а по подолу вышитыя краснымъ сукномъ со вставками разноцвѣтныхъ пыжовыхъ лоскутьевъ, въ видѣ ломанныхъ линій, и наконецъ отороченные къ краямъ подола собачиною, носятъ мездрую внутрь. На ноги юраки надѣваютъ сначала чулки, сшитыя изъ пыжей, а сверхъ ихъ длинные сотуры ⁽¹⁾ «шиву», выдѣланные изъ камысовъ и достигающіе почти до живота, гдѣ и прикрѣпляются къ поясу штановъ. За голениши сотуръ всегда закладывается трубка ⁽²⁾ «шаръ-шэ»; поясъ «ни», украшенный бисеромъ; къ нему привѣшиваются ножъ ⁽³⁾ «хиръ», табакерка изъ оленьяго рога и проч. Юрачки одѣваются опротно; у настоящей щеголихи парка ⁽⁴⁾ въ видѣ капота, съ небольшимъ назади перехватомъ, шьется изъ пыжей и покрывается разноцвѣтнымъ сукномъ, въ видѣ неправильныхъ шахматовъ; по подолу идетъ двойная изъ собачей шкуры опушка, а повыше ее прошвы изъ черныхъ и бѣлыхъ шкуръ, снятыхъ съ ногъ молодаго оленя; прошвы эти по краямъ искусно оторачиваются краснымъ сукномъ; на голѣвѣ шапка ⁽⁵⁾ «гавво», сшитая изъ разноцвѣтнаго сукна, и весьма походящая на старушечій чепецъ; спереди она обшивается собачиною или лисицею; исподнее платье «пялышэ» изъ ровдуги, на подобіе дѣтскихъ штановъ, спереди достать почти до шеи, а сзади до поясицы, и придерживается на помочахъ; на груди круглая мѣдная бляха ⁽⁶⁾ съ кольцами и пуговицами называется «ніэсэ». Отъ живота до колѣна на нижнемъ платьѣ басы, т. е. мѣдныя витыя украшенія, въ видѣ мелкихъ макаронъ, внизу ихъ кольца, за которыя прикрѣпляются сотуры, которые шьются съ прош-

(1) По-самоѣдски «файма».

(2) По-самоѣдски «саруди».

(3) По-самоѣдски «тага».

(4) По-самоѣдски «фаттама».

(5) По-самоѣдски «сомму».

(6) По-самоѣдски «бодяму».

вами, весьма красиво; на поясѣ, украшенномъ бисеромъ, висятъ на колечкахъ ножикъ и проч.

Когда наступитъ время родовъ у женщины, то для нея ставятъ особый чумъ. Пожилая женщина, приглашенная бабничать, наблюдаетъ, чтобы беременная спала какъ возможно менѣе. Говорятъ, при самыхъ родахъ жена обязана исповѣдаться своему мужу въ томъ, сохранила ли она супружескую вѣрность, и, въ противномъ случаѣ, обязана указать обольстителя, съ котораго и взыскивается за это нѣчто въ родѣ калыма. Подобное покаяніе роженицы необходимо будто-бы для облегченія самыхъ родовъ. Когда наступаетъ минута рожденія младенца, повивальная бабка ставитъ роженицу на ноги, обвязываетъ ее ремнемъ подъ мышками и концы ремня приерѣпляетъ къ чумовымъ палкамъ, такъ что бѣдная женщина не можетъ ни сѣсть, ни лечь, пока не разрѣшится отъ бремени. У новорожденного пуповина отрѣзывается его отцомъ и ножиемъ, употребляемый для этого, идетъ въ даръ повивальной бабкѣ. Разрѣшившаяся отъ бремени юрочка считается нечистою, принимаетъ пищу изъ рукъ бабки и лежитъ около дверей своего чума, иногда просто на голомъ полу; только по истеченіи трехъ или четырехъ дней роженица раздѣвается до нога и перейдя чрезъ разведенный огонь принимаетъ изъ рукъ мужа новое платье; старое же немедленно сжигается. Пока не упадетъ у ребенка по перевязанному мѣсту пупъ—юракъ низачто не тронется съ мѣста. Ребенокъ, по принятому вездѣ обычаю, помѣщается въ коробкѣ.

Молодой юракъ, задумавъ жениться, посылаетъ къ отцу избранной дѣвушки свата, изъ лицъ, наиболѣе почтенныхъ. Вооружившись посохомъ, у котораго снизу желѣзный наколечникъ, а сверху привѣшано кольцо, сватъ пріѣзжаетъ къ отцу неvěсты и подноситъ въ подарокъ волка или лисицу. Понявъ въ чемъ дѣло, хозяинъ или отказывается, или принимаетъ дары; въ послѣднемъ случаѣ сватъ, на другой день снова отдаривъ хозяевъ и будущую неvěсту, объясняетъ уже

положительно цѣль своего прихода. Если на спросъ отца дѣвушка пожелала сначала видѣть предлагаемаго ей въ женихи, то сей послѣдній приглашается въ гости. Рѣдко случается, чтобы дочь, видя желаніе родителей, вздумала упорствовать ихъ волѣ. Условившись въ уплатѣ калыма, сватъ оставляетъ свой посохъ у неvěсты и объявляетъ обо всемъ подробно жениху. У богатыхъ калымъ за неvěсту простирается до 70 оленей, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ шкуръ лисицъ, двухъ или трехъ аршинъ цвѣтнаго сукна и мѣднаго котла, а у бѣдныхъ калымъ не превышаетъ 5 оленей и нѣсколькихъ шкуръ песца. Если женихъ въ состояніи тотчасъ уплатить назначенный калымъ, то немедленно отправляетъ оный со сватомъ. Бываетъ и то, что съ согласія будущаго тестя уплачивается половинная часть калыма или двѣ трети, а остальное количество отсрачивается. Въ прежнія времена родители не спрашивали согласія дочери и выдавали ее замужъ по своему усмотрѣнію, а женихъ заплативши калымъ увозилъ неvěсту привязанною къ санкамъ. Достаточная неvěста, въ лучшемъ уборѣ съ покрытою головою въ сопровожденіи матери и свата пріѣхавъ къ жилищу жениха, ставитъ особый чумъ, въ которомъ молодые и проводятъ первую брачную ночь. Если неvěста оказалась цѣломудренною, то мужъ ея даритъ тещу хорошею лисицею и отвозитъ къ ея жилищу на лучшихъ бѣлыхъ оленяхъ, убранныхъ цвѣтнымъ сукномъ; въ противномъ случаѣ тещу отправляютъ домой на одномъ оленѣ въ плохой нартѣ, покрытой лохмотьями старой одежды. Несмотря на таковое очень чувствительное для родителей оскорбленіе, дочери мало заботятся о сохраненіи своей невинности. Послѣ брачной ночи молодой супругъ угощаетъ родныхъ своей жены лучшими кушаньями. Дѣвушка, за которую платится богатый калымъ, приноситъ въ свою очередь мужу всю необходимую для хозяйства посуду, достаточное количество съѣстныхъ запасовъ, санку съ тремя или четырьмя оленями, наконецъ новую пару довольно краси-

ваго мужскаго платья. Случается иногда, что юракъ, имѣя двухъ дочерей, предоставляет за младшую получить калымъ своему старшему сыну. Только чрезъ годъ по выходѣ замужъ молодая женщина начинаетъ посѣщать своихъ родителей и тогда отвозить имъ подарки.

Супруги почти всегда живутъ согласно. Мужъ бросаетъ жену только въ такомъ случаѣ, когда она не рождаетъ дѣтей, и въ такомъ случаѣ женится на другой. Если оставленная такимъ образомъ юрочка вышла вновь замужъ и начала рожать дѣтей, тогда первый ея мужъ требуетъ отъ новаго ея сожителя уплаты калыма, который впрочемъ не бываетъ значителенъ.

При назначеніи имени ребенку наблюдаютъ, чтобы въ одномъ родѣ не было двухъ одинаковыхъ именъ. Имена между юраками встрѣчаются слѣдующія:

Мужскія:	Женскія:
Писи (кротъ, мышь)	Нэку.
Пайдо (удалый)	Гырга.
Халя (рыба)	Майду.
Яву (счастье)	Хаймо.

Женщина въ своемъ быту ограничена во многихъ правахъ; такъ напримѣръ, разставивъ чумъ, она не смѣетъ первая войти въ оный; равнымъ образомъ не дозволяется ей обходить и вокругъ чума, ѣсть оленью голову, переходить дорогу во время переѣзда. Когда въ дорогѣ понадобится что-либо перевязать на саночномъ передкѣ, то женщина должна подлѣзать подъ ремни, за которые привязываются олени. Во время мѣсячнаго очищенія юрочка не смѣетъ ничего дѣлать для мужа и только потомъ, когда окурить себя дымомъ, снова раздѣляетъ ложе своего мужа.

Во внутреннихъ болѣзняхъ, въ особенности въ ломотѣ, юраки прижигаютъ больное мѣсто раскаленнымъ желѣзомъ. Юракъ, какъ и всѣ вообще инородцы, не войдетъ въ русскому въ зимовье пока не удостовѣрится, что тамъ нѣтъ боль-

ныхъ. Во время повальной болѣзни старики запрещаютъ родивичамъ играть или громко кричать: ибо на крикъ этотъ можетъ явиться дьяволъ, насылающій болѣзнь.

Если, несмотря на постановку новаго идола, а также на принесеніе жертвы въ видѣ убитаго оленя, кровью котораго обмазывается больной, — послѣдній померъ, то окружающіе, съ трудомъ побѣдивъ страхъ, тотчасъ принимаются за похороны. Прикрывъ сомѣнутые глаза покойника доскутомъ ровдуги, на которомъ нашиты два королька, они одѣваютъ его въ лучшее платье, покрываютъ оленьими шкурами и увязавъ плетеными ремнями выносятъ ногами впередъ въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ. Если вынести покойника въ дверь, то онъ, по мнѣнію юраковъ, этимъ путемъ можетъ придти въ чумъ и кого-либо утащить. Отвозятъ умершаго на той самой санкѣ, гдѣ лежали у этого человѣка идолы. Женщины и молодые люди не участвуютъ въ похоронахъ. Если близъ становища находится лѣсъ, то въ немъ дѣлаютъ для погребенія умершаго лаазъ, въ противномъ случаѣ готовятъ срубъ и кладутъ въ оный покойника лицомъ къ землѣ. Такъ-какъ по убѣжденію юраковъ, человѣкъ послѣ смерти продолжаетъ жить въ землѣ, то съ покойникомъ кладутъ всѣ его принадлежности, но только въ поврежденномъ видѣ. Срубъ заваливаютъ хворостомъ. Олени, на которыхъ везли покойника, отводятся вмѣстѣ съ санкою нѣсколько въ сторону и убиваются ударомъ топора по лбу; въ бока ихъ и задъ втыкаются три деревянныхъ кола. Обезображенныхъ такимъ образомъ оленей вмѣстѣ съ санками заваливаютъ также хворостомъ. Участвовавшіе въ похоронахъ непременно окуриваются дымомъ. Чтобъ уничтожить окончательно опасные слѣды соприкосновенія съ покойникомъ, приглашаютъ иногда и шамана, который въ этомъ случаѣ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: предъ разложеннымъ около чума огнемъ усаживается на положенныя доски и ударивъ въ бубень до 30 разъ начинаетъ пѣть; въ припѣвахъ онъ

выражаетъ сначала сожалѣніе о смерти покойнаго, потомъ проситъ его не портить счастья людямъ и не покушаться на ихъ жизнь; въ заключеніе шаманъ обходитъ вокругъ костра, продолжая колотить въ бубенъ и подувать на огонь, куда участвовавшіе въ похоронахъ бросаютъ рукавицы, топорща и прочія вещи, которыя могли касаться покойника. Имя покойника въ разговорахъ никогда не упоминается; если нужно объ немъ что нибудь сказать, то говорятъ обинякомъ, осмѣливавшійся назвать по имени покойника считается врагомъ родни умершаго. Въ память по усопшемъ нѣсколько времени неподвязываютъ ремней у нижней обуви, а вдовы, сверхъ обыкновенныхъ своихъ двухъ косъ, во всю жизнь носятъ на вискѣ третью, не заплетенную.

Если юраки боятся обыкновенныхъ покойниковъ, то суевѣрный страхъ ихъ усиливается со смертію шамана. Чтобы скрыть отъ этого опаснаго покойника слѣды своего передвиженія, приглашаютъ другаго шамана, который, не ограничиваясь колоченіемъ въ бубенъ, дѣлаетъ на возвратномъ пути отъ могилы по деревьямъ засѣки, изъ коихъ каждая знаменуетъ извѣстнаго ему дьявола, или, говоря словами юраковъ, шаманъ оставляетъ на караулѣ духовъ съ обязанностію не пропускать по этой дорогѣ покойника.

Другъ съ другомъ юраки довольно вѣжливы. При свиданіи молодой человѣкъ, послѣ поклона, цѣлуетъ пожилаго въ щеки три раза. Собравшись въ компанію, ведутъ неумолкаемую бесѣду, или слушаютъ сказки, за что хорошаго рассказчика и награждаютъ подарками.

Не имѣя въ настоящее время возможности передать особенно интересныя, мы ограничимся слѣдующимъ рассказомъ. Одинъ парень у лѣснаго дьявола обманомъ увезъ бочку вина и предложилъ ее встрѣтившимся юракамъ, съ такими словами: «пейте сколько хотите, а за вино послѣ заплатите». Обрадовались юраки и до того напились, что къ вечеру всѣ померли. На утро прибывшій парень забралъ все ихъ имѣніе и скотъ.

Изъ пѣсень намъ извѣстны слѣдующія:

Манэ немъ хоровадомъ.

Опой ойвоми

Не семь уни тоня

Не ебэми уни тоня

Немъ хоровадомъ

Хуне на хонгу

Опой арка, выпъ малъ

Матъ мровы

Чэкимъ мяка на

Нэ ачеки тоня

Слоота та сыръ коко

Уды та малэ мерэ.

Паны падовы

Чэкынія мынъ гудомъ

Сялъ мирія

Нидомъ писи донгу

Сенянанъ та хунананта

Опай тадебэ таясь

Чеки тадебэ пензеръ совой

Нумъ ханавы

Сялъ иры энгуда

Нара ямбада то

Ебта совой

Ани чики мякононтъ хаморгазе

Ніянодской

Ніай дэнчеку.

Ситы мы идомчэ мирми энгу

Я жену хотѣлъ бы (1)

Одна голова.

Отца у меня нѣтъ;

Матери у меня нѣтъ.

Бабу бы хотѣлъ,

Но гдѣ я найду?

Одна большая тундра въ
концѣ.

Чумъ поставленъ,

Въ этомъ чуму

Молоденькая дѣвушка есть.

Лицо бѣленькое

Руки очень ловкія

Парка пестрая.

Эту дѣвушку возьму

Сколько платы

Непожалѣю.

Когда-то давно

Одинъ шаманъ былъ.

Этаго шамана съ буб-
номъ (вмѣстѣ)

Богъ унесъ.

Сколько мѣсяцевъ не было.

Въ продолжительную весну
пришелъ

Съ гусями вмѣстѣ

Опять въ этотъ чумъ упалъ.

Молоденькая дѣвушка

Была бы (моей) женою

Взялъ бы ее, да бѣденъ я.

(1) Переводъ мы дѣлаемъ подстрочный.

Ненесембонды

Сить те мы падэнъ

Няамми таварангу нидымъ

Няръ сыръ хапта мыгъ ниду

Няръ сыръ-хапта подертаумани

Юваій хаными

Ниподыму сыръ сиди япсуна сиди
пинда.

Аій далай хаэ

Самонды довольно рослы, крѣпче и кажется проворнѣе юраковъ; смуглыя лица у нихъ нѣсколько продолговаты, глаза черныя, а иногда каріе или сѣрыя, носъ прямой, на концѣ нѣсколько широкій, съ отверстыми ноздрями; губы большею частію толстыя; уши большія, скулы маловыдавшіяся; длинныя черныя волосы на головѣ они раздѣляютъ спереди проборомъ по срединѣ; довольно длинное туловище и широкія кости показываютъ что этотъ народъ способенъ переносить всякія нужды. Самоѣдки въ сравненіи съ юрачками далеко не красивы. Одежда и самыя украшенія у самоѣдовъ во всемъ сходствуютъ съ юрацкими.

Юракъ довольно скупъ, но самоѣдъ, въ сравненіи съ первымъ, просто скряга. Спросите самоѣда, хорошо ли онъ промыслялъ оленя, и вы непременно услышите: «ху-дѣ, ху-дѣ! совсѣмъ животъ нѣтъ» и вслѣдъ за этимъ самоѣдъ попросить у васъ сухарей или рыбы. Если вы, не ограничиваясь этимъ, спросите изъ любопытства, много-ли у самоѣда оленей, то навѣрное онъ протянетъ и еще съ какимъ-то отчаяннымъ видомъ: «нѣту, нѣту! пропали, пропали!» между тѣмъ какъ у него навѣрно найдется сотня или двѣ головъ, да порядочный запасъ дикаго оленя. Вообще на гостепріимство самоѣда русскій не можетъ рассчитывать. Между собою

Наилучшая изъ всѣхъ.

Еслибъ пошла за меня.

Въ чумъ бы взялъ къ себѣ

На трехъ оленяхъ ѣздила
бы ты.

Три бѣлыхъ оленя запрягу
въ сани.

Десяти-копыльные сани.

Олени понесутъ такъ быстро, что могутъ изломаться
копылыя.

И убѣждалъ онъ къ дѣвкѣ.

самоѣды однакожъ сохранили еще патріархальный обычай помогать другъ другу.

Рожденіе младенцевъ у самоѣдовъ сопровождается почти тѣми же обрядами какъ и у юраковъ: младенца катаютъ по сиѣгу, для того, говоритъ самоѣдъ, что послѣ лучше будетъ терпѣть стужу.

Дѣвушки считаютъ неприличнымъ показаться, даже въ своемъ семействѣ съ голыми ногами. Выдача замужъ дѣвушекъ начинается съ 13 лѣтъ. Сватовство у самоѣдовъ происходитъ почти съ такими же церемоніями какъ и у юраковъ. Сватъ не войдетъ къ отцу ~~сватываемой~~ сватываемой дѣвушки прежде нежели не получитъ отвѣта о томъ много ли слѣдуетъ заплатить за право входа; обыкновенно хозяинъ назначаетъ за это одного оленя. Назначенныхъ въ калымъ оленей сватъ приводитъ на длинномъ ремнѣ; впереди олени лучшіе, а сзади хуже. Первая брачная ночь проводится иногда въ чумѣ не вѣсты, которая по приготовленіи постели и новаго платья, спитого заблаговременно для суженаго, ложится подъ одѣяло, куда вскорѣ къ ней присоединяется и женихъ. Бываетъ иногда, что дѣвушка ложится не скидая одежды. Это служитъ знакомъ, что она вовсе не желаетъ быть женою нарѣченнаго супруга. Если отвращеніе къ жениху продолжится еще нѣсколько недѣль, родители возвращаютъ обратно взятый калымъ и берутъ дочь къ себѣ. У авамскихъ самоѣдовъ не вѣста на собственныхъ оленяхъ, гдѣ уложено приданное, пріѣхавъ къ жениху, объѣзжаетъ его чумъ три раза; если въ это время ничего не оборвется изъ упряжи, то супруги будутъ жить согласно. Первая ночь проводится ими въ особо поставленномъ не вѣстою чумѣ. На другой день молодая жена подаетъ мужу новую пару платья, лукъ, стрѣлы и смазавъ его голову оленьимъ жиромъ, расчесываетъ волосы и вплетаетъ въ нихъ стеклярусь съ бляхами. Новобрачный тотчасъ отправляется на охоту и если не убьетъ дикаго оленя, то для угощенія родныхъ закалываетъ домашняго. За цѣломудрен-

ную дочь родители получаютъ отъ зятя подарки. Состоятельные самоѣды имѣютъ по двѣ и даже по четыре жены, которыя живутъ съ мужемъ въ одномъ чуму. Разумѣется въ этомъ случаѣ дѣло не обходится безъ семейныхъ раздоровъ. Старшая по лѣтамъ жена имѣетъ болѣе правъ на уваженіе со стороны мужа: онъ даже во многихъ случаяхъ съ нею совѣтуется. Иногда самоѣдъ вымѣниваетъ себѣ жену на родную сестру или племянницу. По примѣру юраковъ—самоѣды могутъ бросить свою жену, если она бесплодна или развратна, и сдѣлавъ это требуетъ возвращенія уплаченнаго имъ за нее калыма, или отданной взаменъ его родственницы. Раздорамъ въ этомъ случаѣ не бываетъ конца. По смерти старшаго брата на женѣ его, какъ уже оплаченной калымомъ, можетъ жениться младшій братъ; средній же, по обычаямъ, на это права не имѣетъ. Вообще самоѣды не стѣсняются въ женитьбѣ на близкихъ родственницахъ по женскому колѣну.

Когда въ семьѣ самоѣда кто-либо умретъ, то картина отчаянія бываетъ, по истинѣ, самая печальная. Не довѣряя своимъ глазамъ, покойника—«бодырьбу» сначала трясутъ, приподнимаютъ и крикомъ стараются вызвать къ жизни: на всѣхъ лицахъ виднѣ ужасъ и вскорѣ все жилище оглашается воплями. Наконецъ умершаго обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду, которая у женщинъ на случай смерти готовится заблаговременно. На глаза накладываютъ повязку съ двумя корольками и, обернувъ тѣло оленьими шкурами зашиваютъ въ холстъ или одѣяло. Выносятъ покойника не въ дверь, а по направленію головы; въ моментъ его смерти, для того въ этомъ мѣстѣ разбираютъ чумъ. Хоронятъ умершаго головою на западъ въ чумообразномъ палацѣ, устроенномъ изъ лѣсинъ, причемъ складываютъ и всѣ принадлежности покойнаго въ поврежденномъ видѣ. Оленей, на которыхъ его привозятъ (не болѣе трехъ) убиваютъ тутъ же на мѣстѣ ударомъ дубины по хребту, а потомъ въ бока ихъ забиваютъ колья. Головы у оленей вытягиваютъ назадъ, а ноги подгибаютъ;

санки оборачиваютъ вверхъ полозьями и надкалываютъ ихъ; хорей—длинный шестъ, втыкаютъ въ землю и привязываютъ къ нему колокольчикъ. При похоронахъ женщины соблюдаютъ тѣже обряды, только несчастныхъ оленей убивается еще больше. Послѣ похоронъ самоѣды тотчасъ снимаются съ мѣста и только чрезъ годъ посѣщаютъ могилу покойника, причемъ оставляютъ тутъ новую парку (старая на покойникѣ, по мнѣнію самоѣдовъ уже изнасилась). На другой годъ приносятъ умершему оленій жиръ, а на третій, недоѣзжая до могилы—«баба», каждый изъ родственниковъ пускаетъ въ нее по стрѣлѣ и за тѣмъ уже болѣе на это мѣсто никогда не возвращаются.

Въ пѣсняхъ самоѣдовъ есть нѣкоторая доля поэзіи, а въ сказкахъ, большая часть которыхъ заимствована отъ юраковъ, говорится преимущественно о походеженіяхъ богатырей, въ числѣ которыхъ были и женщины.

Якуты называютъ себя «ссака». Будучи нѣсколько сутуловаты, они рослостію не отличаются; сложенія довольно крѣпкаго. Имѣя въ фізіономіяхъ нѣкоторое сходство съ татарами, они не отличаются однакожъ, подобно юракамъ, выразительностію лица. Только между женщинами можно встрѣтить довольно интересныя лица, съ большими черными глазами. Въ отношеніи покоренія якутовъ и обложенія ясакомъ намъ довелось слышать слѣдующій рассказъ. Бѣлый русскій царь, созданный Богомъ изъ золота и серебра, жилъ въ городѣ, гдѣ находился и царевъ дубъ; стволъ этого дерева былъ обложенъ камнемъ на такую высоту, что едва достигалъ глазъ, а вершина дуба уходила подъ небеса. Кромѣ царя никто не взбирался на это дерево, источающее изъ себя воскъ и ладонъ. Тамъ царь удостоивался разныхъ видѣній и получалъ бумаги, посылаемые отъ Іисуса Христа и Божіей Матери. Однажды въ числѣ таковыхъ бумагъ царь получилъ приказъ присоединить къ православію людей, живущихъ на другомъ концѣ земли. Миронъ-Коммисія, на кото-

раго возложено было это дѣло, отправился моремъ на кораблѣ, но вскорѣ, зазимовавъ, выгрузился на санки и поѣхалъ на лошадяхъ, однакожъ много переморилъ коней, прежде нежели добрался до якутовъ. Встрѣтившись съ этимъ народомъ, Миронъ-Коммисія прежде всего позаботился о томъ, чтобы дать имъ хлѣба, угостилъ табакомъ и виномъ. Якуты видя ласку и угощеніе начали понемногу собираться изъ окрестныхъ мѣстъ въ кучу; тогда Миронъ-Коммисія, возобновивъ угощеніе, объяснилъ, что это дѣлается имъ отъ имени Великаго Царя, земнаго Бога, которому и слѣдуетъ платить ясакъ, причемъ показывалъ бумаги за печатями царя, съ означеніемъ его свѣтлаго лика. Подъ хмѣлемъ якуты дали Мирону-Коммисію руки и головы платить царю ясакъ и написали въ этомъ бумагу. Послѣ этого Миронъ-Коммисія началъ убѣждать якутовъ окреститься, объясняя, что души христіанъ будетъ хранить самъ Богъ на небесахъ. Якуты и на это согласились и были тогда же священникомъ окрещены съ нареченіемъ русскихъ именъ. Живя цѣлое лѣто Миронъ-Коммисія давалъ якутамъ моты, топоры и другія вещи, объясняя какъ приготовляются сѣти и ловится ими рыба. Якуты, видя на дѣлѣ большую пользу отъ этихъ снарядовъ, радовались и даже приняли предложеніе селиться зимовьями порѣкамъ, только спросили при этомъ Мирона-Коммисію отчего онъ не соглашается къ подобнымъ дѣламъ тунгусовъ и самоѣдовъ. «Дикари эти, говорилъ Миронъ-Коммисія, не желаютъ креститься даромъ; но въ случаѣ, если Касьянъ немилостивый наслетъ на оленій скотъ моръ, то вы дадите имъ пищу и научите какъ промыслять рыбу». На другой годъ Миронъ-Коммисія, по наложеніи ясака на тунгусовъ и самоѣдовъ, отправился обратно къ царю.

Несмотря на то, что въ этомъ разсказѣ многія обстоятельства смѣшаны и соединены съ вымыслами, онъ отчасти бросаетъ свѣтъ на эпоху покоренія якутовъ.

Другое преданіе, сохранившееся у якутовъ, открываетъ

намъ, что чукчи проходили и чрезъ Туруханскій край, гдѣ имѣли стычки съ якутами, близъ р. Хатанги, и погибли сколько отъ стрѣлъ ихъ столько же отъ голода.

Не менѣе интересно было для насъ слышать, что якуты, еще въ то время, когда имѣли лошадей, проживали по р. Волчьей. Вблизи ихъ находились и долганы. Съ обѣихъ сторонъ молодежь иногда собиралась для игръ и борьбы; но между молодыми людьми постоянно одерживали верхъ два якута, отличавшіеся силою и удалствомъ. Возненавидѣли ихъ за это долганы и рѣшились погубить. Двѣ дѣвушки, участвовавшія въ заговорѣ, завлекли двухъ молодыхъ людей до того, что они рѣшились съ ними почевать. Въ сумеркахъ парни уже думали вкусить наслажденія любви, какъ обѣ дѣвушки, казалось игравшія длинными косами удалцовъ—осторожно завертѣли ихъ вокругъ столбовъ и вскрикнули. Не успѣли якуты понять въ чемъ дѣло, какъ были поражены отказами на смерть.

Доманы, говорящіе съ якутами однимъ языкомъ и существовавшіе отъ послѣднихъ всѣ обычаи, даже покррой платья, называютъ себя «тагаль». По преданіямъ они были тунгусскаго племени и вышли отъ вершинъ р. Хатанги, въ то время, когда изъ среды ихъ замѣчательный богатырь «Сюрдюгъ-сюга-тоень», былъ побѣжденъ русскими и заключенъ въ тюрьму. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ народъ въ прежнія времена былъ воинственный; объ этомъ мы заключаемъ отчасти изъ того, что бойцы ихъ носили панцири—«кюяккъ», состоявшіе изъ мелкихъ желѣзныхъ колечекъ, надѣвавшіеся на лѣвую сторону и закрывавшіе эту часть тѣла отъ шеи до коленъ; на голову надѣвалась нѣчто въ видѣ забрала—«лаба», а лицо покрывалось наличникомъ—«бастынга». Кромѣ отказа—«батасъ» у этихъ бойцовъ въ колчанѣ—«когякъ» находилось нѣсколько боевыхъ стрѣлъ, подраздѣляющихся на девять сортовъ, именно: 1) «сорусъ» съ четырехъ-граннымъ остреемъ; 2) «оногось», оканчивающаяся на подобіе ружейнаго прибойника; 3) «масъ оногось», вся деревянная съ ту-

пымъ концомъ въ видѣ набалдашника (у прочихъ инородцевъ называется «тамарь»); 4) «бюрьгось» съ шилообразнымъ наконечникомъ; 5) «Окъ», въ видѣ съ наконечникомъ копьца; 6) джани—оконечность въ видѣ перочиннаго ножа; 7) «силе»—съ двуграннымъ концомъ; 8) «дына» — вся изъ мамонтовой кости; 9) «торко», оканчивающаяся развилками.

Причину исчезновенія у долганъ роднаго языка должно отнести къ тѣснымъ сношеніямъ ихъ съ якутами, отъ которыхъ они брали себѣ женъ; закъмъ тѣмъ долгане въ чертахъ лица удерживаютъ болѣе тунгузскій нежели якутскій типъ. Когда всматриваешься въ умное, нѣсколько серьезное, но въ тоже время добродушное лицо долгана, и въ гладкій возвышенный его лобъ, невольно жалѣешь, что эта богатая натура гибнетъ безслѣдно подъ толстою корою невѣжества. Какъ у якутовъ, такъ и у долганъ женщины ростомъ нѣсколько ниже мужчинъ и въ зрѣломъ возрастѣ, сохраняя нѣкоторую миловидность, становятся полны. Между дѣвушками бываютъ даже красавицы. Мужчины и женщины волосы заплетаютъ въ косу и надѣваютъ наличникъ—«ченгая каалакъ», весь изъ бисера; охватывая голову въ видѣ обруча онъ спускается широкою тесьмою по вискамъ и охватываетъ лицо кругомъ. Верхній костюмъ, похожій на поддевку, шьется изъ пыжей; полы и подолъ убираются въ прошву разноцвѣтнымъ сукномъ, вмѣстѣ съ бисеромъ и мѣдными трубочками, а по краямъ оторачивается мѣховою опушкою. Этотъ костюмъ, который носятъ мужчины и женщины, у первыхъ называется «агдако», а у послѣднихъ «саноякъ»; у русскихъ же слыветъ подъ названіемъ «махалки». Спереди отъ шеи почти до колѣнъ оба пола носятъ нагрудникъ—«тююлюкъ» изъ разноцвѣтнаго сукна, вышитый бисеромъ; сверхъ того надѣваютъ широкій бисерный поясъ. Исподнее платье состоитъ изъ ровдужной рубахи и короткихъ штановъ. Ни у кого изъ инородцевъ нѣтъ такъ искусно и красиво сшитой обуви какъ у якутовъ. Въ холодное время мужчины надѣваютъ мальцы

или камлей, а женщины шубы «сонъ». У дѣвушекъ уборъ волосъ во многомъ сходенъ съ татарскимъ.

Когда беременная женщина готовится къ родамъ, то для нея ставятъ особый маленький чумъ на западной сторонѣ отъ жилища ея мужа, или отводятъ ее въ баню и оставляютъ на попеченіи бабки. Кормленіе ребенка грудью не продолжается болѣе 2-хъ лѣтъ. Имена у некрещенныхъ состоятъ большею частію изъ переименованныхъ названій предметовъ, такъ на-примѣръ «оконъ» отъ слова «онъ» стрѣла.

Отецъ — «ага» сосредоточиваетъ свою любовь преимущественно на сыновьяхъ, а мать — «инэ» склоняется болѣе на сторону дочерей, и нерѣдко въ защиту ихъ возстаетъ противъ деспотизма отца. Не болѣе, какъ 50 лѣтъ назадъ, отецъ продавалъ и обмѣнивалъ свою дочь какъ вещь. Не безъ ропота покорялась иногда дѣвушка, жертвуя цѣломудріемъ для минутнаго гостя, котораго, по своимъ расчетамъ, хотѣлъ почитать хозяинъ.

У якутовъ, также какъ и у долганъ-христіанъ, при заключеніи брака особенныхъ обрядовъ не бываетъ; но уплата калыма за невѣсту остается въ прежней силѣ. У некрещенныхъ сосватанная невѣста, забравъ свое приданное, ѣдетъ къ мужу, въ сопровожденіи свата, верхомъ, и достигнувъ новаго жилища, объѣзжаетъ его три раза и потомъ, войдя въ чумъ или юрту кланяется три раза пылающему огню. Затѣмъ женихъ и невѣста садятся за отдѣльный столъ кушать. Угощеніе для собравшейся родни бываетъ на столько обильно и разнообразно, на сколько позволяютъ средства жениха. Несмотря на полную зависимость отъ отца или брата, въ отношеніи своего замужества, дѣвушка нерѣдко выказываетъ непреодолимое упорство въ выходѣ замужъ за предлагаемаго жениха. Оно и неудивительно, если взять въ соображеніе, что вообще у долганскихъ дѣвушекъ натура не только чувствительная, но и отчасти страстная, мало стѣсняющаяся въ порывахъ любви, что мы видимъ изъ содержанія ихъ пѣсенъ.

Вотъ одна изъ нихъ, съ измѣненіемъ только нѣкоторыхъ наиболѣе нескромныхъ выраженій;

Мой милый, разлюбезный другъ!
Твой станъ какъ столбикъ прямъ,
Взглядъ твой орлиный.
Свѣтлая радость моя!
При воспоминаніи о томъ.
Какъ ты удовлетворялъ мою страсть
Все тѣло мое млѣть.
Моя зазнобушка, иди смѣлѣе ко мнѣ.
Какъ бы я прильнула къ твоей груди!
Но ты нейдешь, ты бросаешь меня
И я плачу, тоскую и рвусь....
Не убивается такъ мать
Потерявшая ребенка.

Во время пѣнія, въ интонаціяхъ голоса мало разнообразія. Вся пѣсня кажется вертится на двухъ трехъ нотахъ. При звучномъ и нѣжномъ голосѣ пѣсня однакожь прослушивается съ удовольствіемъ; жалѣ только, что рядомъ съ неподдѣльнымъ выраженіемъ тоски, являются выраженія, обличающія грубую чувственность. Дѣвушки никогда не поютъ мужскихъ пѣсень.

Во время пляски, какъ долганы, такъ и якуты, медленно переступая съ ноги на ногу, въ кружкѣ, поютъ хоромъ: хэйра, хэйра. Затѣмъ, когда смолкнуть, мужчины начинаютъ: хечеру, хечеру; послѣ нихъ одни женщины поютъ: хечу, хечу; наконецъ общимъ хоромъ: хаугай, хаугай; хагай, хагай; ди-хань, ди-хань, ди-хани, хани, хани; хомбѣрь, хомбѣрь; хуу-рай, хуурай.

Всѣ вообще туруханскіе инородцы имѣютъ большое пристрастіе къ вину. Не говоря о томъ, въ какой степени эта страсть для нихъ раззорительна и пагубна, мы замѣтимъ только, что въ пьяномъ видѣ осязая дикъ и безобразенъ до отвращенія. Для него въ это время ничего незначить повололѣть отца или мать. Тунгусъ въ хмѣлю дѣлается воинственнымъ и готовъ на отчаянный подвигъ. Юракъ купивъ вина, спѣшитъ въ свой чумъ и тамъ на свободѣ, попивая пре-

дается пѣснямъ и фантазіямъ. Въ это время онъ съ полною откровенностію высказываетъ все, что у него есть на душѣ. Долгань, исполненный чувствъ миролюбія и братства, обнимается, цѣлуется и пускается въ пляску. Одинъ самоѣдъ въ пьяномъ видѣ не теряетъ разсудка и не разстается съ характеризующимъ его лукавствомъ.

Желая обратить вниманіе на искусства инородцевъ, мы замѣтимъ, что выдѣлка оленьихъ шкуръ производится у нихъ женщинами слѣдующимъ образомъ: сначала шкуру высушиваютъ, а потомъ соскабливаютъ съ мездры ея жилки и плеву особеннаго рода ножомъ и скобкою; съ окончаніемъ этой работы вѣшаютъ шкуру дня на три въ дымъ и затѣмъ, смягчивъ ее особаго рода лопатою, намазываютъ мездру свареною и нѣсколько проквашенною оленьюю жолчью, свертываютъ и кладутъ въ прохладное мѣсто; чрезъ сутки снова скоблятъ и мнутъ; послѣ этого шкура готова. Для приготовленія замши (ровдуги) волосъ со шкуры соскабливаютъ ножомъ и затѣмъ выдѣлка ея слѣдуетъ уже извѣстнымъ образомъ. Для приданія этой кожи мягкости смачиваютъ ее выдавленной изъ проквашенныхъ оленьихъ или песцовыхъ мозговъ жидкостью, сбитою до пѣны, и, по просушкѣ выминаютъ. Чтобы сдѣлать ровдуги болѣе прочными доптятъ ихъ въ дыму тлѣющаго гнилья.

Въ прежнія времена якуты занимались вырѣзываніемъ изъ мамонтовой кости разныхъ вещей, а тунгусы — слесарнымъ искусствомъ; нынѣ такіе мастера совсѣмъ вывелись.

Уголовныхъ преступленій между инородцами почти не встрѣчается; даже проступки меньшей важности, какъ напримѣръ воровство, бываютъ довольно рѣдко.

Приведеніе къ сознанію подозреваемаго въ преступленіи у инородцевъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: остяки даютъ виновному медвѣжій зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить ножомъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не со-

знается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ виновнаго цѣловать норку убитаго животнаго. Невинный то и другое исполняетъ спокойно, а виновный блѣднѣетъ, трясется и, будучи не въ силахъ побѣдить страха при представленіи что чрезъ ложную присягу онъ долженъ подвергнуться истязаніямъ животнаго, тутъ же винится. У юраковъ, послѣ цѣлованія обвиняемымъ медвѣжьей норки, одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и съ словами «чтобъ медвѣдь взорвалъ виновнаго», дѣлаетъ видъ что онъ хочетъ разсѣчь норку животнаго. Испуганный преступникъ большею частію спѣшитъ сознаться. У долганъ для открытія виновнаго собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ на оный медвѣжью лапу вмѣстѣ съ когтями. Пока лапа горитъ присутствующіе держатъ руки надъ костромъ. Чрезъ это виновный долженъ подвергнуться сведенію руки. Самоѣдъ, желая кары виновнику, причинившему ему вредъ, дѣлаетъ изъ бересты подобіе ручной кисти и съ наступленіемъ ночи, когда всѣ улягутся спать, отправляется по чумамъ, просовывая въ дверь каждаго бересту и протыкая въ тоже время ее ножомъ, въ полной увѣренности, что послѣ этого у виновнаго распухнетъ рука.

Кстати расскажем о способѣ, какой употребляютъ тазовскіе остяки для предузнанія будущаго. Разславъ оленью шкуру шерстью вверхъ, остякъ кладетъ на нее лоскутъ медвѣжьей шкурки, опутанный таловымъ прутикомъ; затѣмъ бросивъ на поверхность лоскутка мѣдное кольцо, начинаетъ тихонько тянуть за прутикъ; если лоскутъ пристаеъ къ оленьей шкурѣ, то это знакъ добрый. Эти же остяки какъ-то предузнаютъ перемену погоды по собственнымъ волосамъ. Инбатскіе остяки для прекращенія стужи «пускаютъ ушкана», т. е. дѣлаютъ изъ снѣга подобіе зайца съ головою, обращенною на югъ, причемъ въ эту статую впускаютъ нѣсколько капель собственной крови.

Въ заключеніе прилагаемъ счетъ инородцевъ:

	На охотскомъ.	Охотско-самойдскомъ.	Юрацкомъ.	У Карасинскихъ и Хонгайскихъ само- довъ.	У Авамскихъ само- довъ.	На тунгусскомъ.	Якутскомъ.
1	Куземъ.	Охуръ.	Опой.	Му.	Угой.	Умуконъ.	Виръ.
2	Биванъ.	Шитъ.	Сиди.	Сиди.	Ситти.	Дюръ.	Ниска.
3	Доонгымъ.	Нагиръ.	Ниръ.	Наму.	Нагуръ.	Илянъ.	Юсь.
4	Сигымъ.	Тотти.	Тотъ.	Тетта.	Четта.	Дыгынъ.	Тёртъ.
5	Кагымъ.	Сомбыла.	Соболанга.	Саворинъ.	Саваланна.	Тоньга.	Бась.
6	Ась.	Муктинъ.	Матъ.	Мотъ.	Мотту.	Нюгунъ.	Алта.
7	Онъчъ.	Сёгачъ.	Сиву.	Сизъ.	Сайба.	Наданъ.	Сеттэ.
8	Ынъмъ миччёнъ коусъ.	Шидятъмъ-кётъ.	Сентэтъ ю.	Сидлотъ.	Ситти дотъ.	Дилкунъ.	Агидъ.
9	Когди биччи косанъ.	Охуръ чагымъ кётъ.	Хазову ю.	Эаса.	Гоймедимъ.	Эгинъ.	Тогусъ.
10	Коусъ.	Кёнъ.	Ю.	Ви.	Би.	Дилъ.	Уонъ.
15	Канга нэчъ.	Сомбыльской коня.	Ю сабаланга эга.	»	»	Дянду тоньга холёко.	Дого-бось.
20	Эгъчъ.	Шити сара.	Сиди ю.	Сити би.	Сити би.	Дюръ ниръ.	Сора би.
30	Соонгасъ.	Нагиръ сара.	Ниръ ю.	Нагуръ би.	Нагуръ би.	Илянъ дяръ.	Отутъ.
40	Сельчъ.	Тотти сара.	Тотъ ю.	Четта би.	Четти би.	Дигинтёръ.	Тёрдонъ.
60	Аа кось.	Мукти сара.	Матъ ю.	Мотту би.	Мотту би.	Нюгунъ дяръ.	Алтогомъ.
70	Онна кось.	Самчи сара.	Сиво ю.	Сайба би.	Сайбо би.	Наданъ дяръ.	Соттогомъ.
80	Ынъ чёльсъ.	Шадимъ кётъ сара.	Сентэтъ ю.	Ситти би.	Ситти дотта би.	Дилкунъ дяръ.	Агидонъ.
90	Ынъ чёльсъ.	Охуръ чагымъ кёнъ.	Хазово ю юръ.	Омичемъ.	Гаймэти умо би.	Егинъ дяръ.	Тогосонъ.
100	Бась.	Тонъ.	Юръ.	Диръ.	Диръ.	Немёсонъ.	Сосъ.
1000	»	Китъ тонъ.	Эноръ.	Дю.	Би дяръ.	»	»

При спросѣ остяка, какъ онъ называетъ Бога—онъ отвѣтитъ вамъ «Упъ», а другой пожалуй скажетъ: «Киба-Калэтъ». Упъ, по словамъ этихъ людей, походитъ на волка и живетъ въ облакахъ. Громъ—это рычаніе Упа, молнія—стрѣлы подѣланныя изъ снѣга и бросаемыя имъ во время гнѣва. «Эссыньчъ»—свѣтлый духъ, который подымаетъ на небо шамана посредствомъ опущенной веревки. Эсе-кынчъ почти постоянно живетъ въ шаманѣ. На небѣ, по словамъ остяцкихъ шамановъ, обитаютъ маленькіе люди и ловятъ по озерамъ мелкую рыбу—язя. Подъ землею живетъ страшный дьяволъ «Амъ»; въ его владѣнія поступаютъ души умершихъ людей. При Амѣ есть служители, называющіеся «Кынъ-си» и «Лэтись». У тазовскихъ остяковъ и юраковъ главное божество называется «Нумъ». Это свѣтлый богъ; мѣстопробываніе его называется «Нумъ-наря», т. е. небо. Въ противоположность свѣтлому богу, въ мрачной сторонѣ обитаетъ столь же мрачное божество, называемое у остяковъ «Нопъ», а у юраковъ «Чиръ», иначе «Паридэ Нумъ». Лѣтомъ между богами свѣтлымъ и мрачнымъ бываетъ драка; изъ зубовъ, которыми они хватаютъ другъ друга, летятъ искры (молнія), а отъ наносимыхъ ударовъ раздается громъ. Мрачный богъ, уступающій въ силѣ свѣтлому, сверженъ съ неба и завѣдываетъ дьяволами, изъ коихъ болѣе извѣстны «Иллико» и «ворочи-той». «Паридэ-нумъ» положилъ начало шаманству. «Хай Нумъ» тоже что свѣтлое божество. Вѣру свою тазовскіе остяки называютъ «серіэ». У самоѣдовъ главное божество Нуа; пребываніе его на небесахъ, которыхъ насчитывается девять; на первомъ небѣ находятся озера, на второмъ все лайды (равнины); третье небо состоитъ изъ небольшихъ, но сплошныхъ сопокъ; на четвертомъ висятъ, подобно моху, небольшія ледяныя сосульки; на шестомъ есть значительное озеро, изъ котораго и вытекаетъ р. Енисей. Солнце чтится также какъ божество; помощь отъ него требуется во время простудной горячки. Для полученія этой пользы шаманъ кланяясь солнцу, говоритъ: «Татага Нуа

дялаго коу нэммы», т. е. тебѣ кланяюсь солнцу и на тебя уповаю — помогай больному. Луна называется «немкартія». У самоѣдовъ, равно и у другихъ инородцевъ, она почитается также божествомъ; про эту планету у всѣхъ инородцевъ, кромѣ остяковъ, сохранилось слѣдующее преданіе: когда-то, давно, одинъ великій шаманъ вздумалъ вступить въ борьбу съ луною, но едва успѣлъ до нея прикоснуться, какъ тотчасъ же прильнулъ къ ней вмѣстѣ съ бубномъ; изображеніе шамана видно и понынѣ на лунѣ. Ущербъ этой планеты самоѣды объясняютъ похищеніемъ ея подземнымъ дьяволомъ, называемымъ «сыръ-нянда». Млечный путь у самоѣдовъ называется «Нуа чирріе» т. е. божья спина; нѣкоторые инородцы называютъ млечный путь неводомъ. Полярная звѣзда называется «нуа-чехуа», т. е. божій гвоздь или рычагъ, на которомъ вертится все небо. Полярную звѣзду называютъ также охотникомъ за большою медвѣдицею «Форрэдъ», которая у русскихъ слыветъ подъ названіемъ сохатаго. Утренняя и вечерняя заря считаются также божествами. Громовые раскаты объясняютъ полетомъ дьявола «кайе», который имѣя подобіе утки — состоитъ изъ желѣза. Отъ чиханія его является дождь.

Сѣверное сіяніе — «денду» по мнѣнію самоѣдовъ происходитъ отъ сильнаго морскаго волненія, случающагося во время прохода рыбъ. Земля имѣетъ такое же подраздѣленіе какъ и небо. Девять, а по словамъ другихъ семь земель отдѣлены другъ отъ друга водою; самыя нижнія земли не что иное какъ слои льда. О всемірномъ потопѣ самоѣды рассказываютъ слѣдующее преданіе. Былъ великій потопъ; семь чело-
вѣкъ, спасавшіеся въ лодкѣ, подняты были водою подъ самое небо, такъ что не могли вставать, не согнувшись подъ небеснымъ сводомъ. Увидя люди, что приходитъ имъ плохо, они попросили гагару отыскать имъ нѣсколько земли; гагара нырнула въ воду и чрезъ семь дней вынесла нѣсколько земли вмѣстѣ съ пескомъ и травою. Бросивъ всѣ эти вещи въ

воду, люди начали просить Нуа устроить имъ землю. Послѣ того пошла вода на убыль, обозначились деревья и лодка стала на сушу. Вскорѣ земля такъ высохла, что воды нигдѣ не осталось. Жажда начала томить людей; одна женщина принялась сосать собственные груди, но вскорѣ отъ этого умерла; другая рѣшилась удовлетворить жажду собственною мочею и осталась жива. Наконецъ люди догадались, вырыли въ землѣ яму и тамъ скоро нашли воду. Удовлетворивъ свою жажду, люди стали томиться голодомъ; осталось въ живыхъ только двое мужчинъ и одна дѣвочка. Появленіе мышей, которыхъ они начали убивать и ѣсть, спасло этихъ людей отъ голодной смерти. Не успѣла пройти одна опасность, какъ появилась другая: сталъ ходить по землѣ мамонтъ—«калага» и травить ее; въ одномъ мѣстѣ копая рогами, онъ наворочалъ горы и подѣлалъ овраги, вслѣдствіе чего и донынѣ въ такихъ мѣстахъ отыскиваются сломанные рога его; въ другомъ мѣстѣ своею тяжестью онъ продавливалъ землю, вслѣдствіе чего выступала вода, образовавшая рѣки и озера; наконецъ, разгнѣвавъ Нуа, мамонтъ утонулъ въ озерѣ и нынѣ живетъ подъ землею. Между тѣмъ люди, изъ коихъ одинъ уже успѣлъ жениться на подростшей дѣвушкѣ, увидѣли однажды оленя и принялись обдумывать какъ-бы его убить. Одинъ мужчина, согнувъ дерево, устроилъ лукъ, а другой изъ мамонтовой кости сдѣлалъ стрѣлу; этимъ оружіемъ они и убили оленя. Для снятія съ него шкуры сдѣлали изъ мамонтовой же кости подобіе ножа.

Земля почитается самоѣдами также за божество: напрымѣръ шаманъ, изыскивая извѣстныя ему средства къ исцѣленію больного, проситъ помощи и отъ земли, приговаривая: лучше сохраниться тебѣ не тронутою и покрытою цвѣтами, чѣмъ бить изрытою и изуродованною для могилы покойника. Независимо отъ поклоненія землѣ и деревьямъ, самоѣды, или правильнѣе ихъ шаманы, ищутъ помощи отъ духовъ, которыми населено подземное царство. Всѣ

дьяволы походятъ на человѣка, съ тою разницею, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ два рта или одинъ глазъ. Между дьяволами есть и такіе, которые живутъ исключительно между русскими и какъ-бы составляютъ особую породу. Упомянемъ о нѣкоторыхъ. Во второмъ отдѣленіи подземнаго царства обитаетъ дьяволъ, именуемый «сыръ нянту». «Ситту коптуа» и «фюэлла» владычествуютъ подъ третьимъ отдѣленіемъ подземнаго царства: послѣдніе; два имѣютъ образъ женщины; кромѣ того «Ситту Коптуа» состоитъ изъ глины и находится постоянно въ лежачемъ положеніи съ раскинутыми ногами. Случается, говоритъ шаманъ, что человѣческая душа входитъ въ этого дьявола чрезъ половыя части и тогда не всякій рѣшается выхватить оттуда бѣглянку. Въ четвертомъ отдѣленіи подземнаго царства, или правильнѣе въ ледяномъ царствѣ, между озеръ, въ глухихъ чумахъ, также обитаютъ дьяволы; если въ одинъ изъ подобныхъ чумовъ проскользнула душа, то въ поискѣ ея представляется новое и часто неодолимое препятствіе. Кругъ понятій о землѣ у самоѣдовъ ограничивается преимущественно тѣмъ пространствомъ, гдѣ они бродятъ, а именно рр. Енисеемъ, Пясиной и Таймырой. Тутъ подъ землею находится, по мнѣнію ихъ, и подземное царство, весьма холодное и темное. Обитатели его, бывшіе люди, хотя и имѣютъ человѣческій образъ, но у одного нѣтъ руки, у другаго ноги, иной же имѣетъ только половину головы, да и та покрыта мохомъ; всѣ они живутъ въ чумахъ, которые иногда прикрыты только съ одной стороны; платье на нихъ то самое, въ которомъ были положены въ могилу. Они ѣдятъ мышей, считая ихъ за оленей, грѣются предъ небольшимъ синимъ огнемъ, или просто сидятъ около кучки незажженныхъ дровъ. Надобно замѣтить, что вообще всѣ инородцы убѣждены, что человѣческая душа удаляется въ мрачное и холодное подземное царство; вѣрить этому, по словамъ тунгусовъ, научилъ ихъ еще въ давніе времена одинъ мудрый шаманъ, который тогда же показалъ различіе между добромъ и зломъ.

Душа человѣка оставляетъ тѣло обыкновенно подѣ влияніемъ дьявола, который потомъ и несется съ нею въ земной провалъ, представляющійся въ видѣ рѣчки, воды которой стремятся, среди страшныхъ пороговъ, во внутрь земли. Все умирающее на землѣ тамъ является вновь иногда въ лучшемъ, а иногда и въ худшемъ видѣ. Умершая вдова соединяется съ своимъ бывшимъ мужемъ. Тамъ есть и новорожденные: это тѣ самые дѣти, которые умерли на землѣ; даже звѣри и птицы по смерти являются въ томъ мірѣ и составляютъ предметъ охоты для обитателей его, а потому по смерти человѣка и убиваются принадлежащія ему олени, на которыхъ онъ могъ бы тамъ ѣздить. Душа человѣка ⁽¹⁾, по убѣжденію самоѣдовъ, похищается дьяволомъ женскаго рода, именуемымъ «Нимся баруси»; по этому на шаманѣ лежитъ обязанность не допускать подобнаго похищенія, и въ случаѣ, если душа уже оставила тѣло, употреблять всѣ мѣры къ возвращенію ея, такъ какъ человѣкъ продолжаетъ жить безъ души сутки и даже болѣе. Бываетъ и то, что шаманъ хотя и поймаетъ душу гдѣ-нибудь въ преисподней, но она ускользнетъ отъ него, и тогда новые поиски становятся бесполезными и шаманъ отказывается лечить больного. Кромѣ упомянутаго нами дьявола, похищающаго человѣческую душу, есть еще слѣдующіе: «Бы» или «Быда Нэнтү», которые увлекаютъ человѣка въ воду во время его плаванія; «Сырѣ нентугъ», мужскаго пола, который затаскиваетъ пойманную имъ человѣческую душу во льды; «Суума» живетъ въ землѣ, которую, во время весны, и буравитъ, отчего на влажной ея поверхности выскакиваетъ вода, въ видѣ небольшихъ фонтановъ; «Сыдока котты намынтоту», присутствіе коего замѣчаетъ шаманъ только по отражающейся отъ этого дьявола тѣни; предугадывая это, дьяволъ старается прятаться отъ шамановъ; дьяволъ «Фатаннэ»

(1) По-остяцки «Кокт», по-ярацки «Инда», по-самоѣдски «Нильты», по-тунгуски «Индэ», иначе «Омугда», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «Квои».

пребываетъ въ водѣ, по которой иногда плаваютъ на желѣзной лодкѣ; онъ опасенъ для шамановъ во время таинственнаго плаванія ихъ для изслѣдованія, а равно и направленія чрезъ рѣки оленьихъ переправъ; «Дямада»; этотъ дьяволъ, съ наступленіемъ темной поры, начинаетъ томиться и дѣлается грознымъ и опаснымъ; въ свѣтлую пору напротивъ веселѣетъ и становится добрымъ.

Тунгусы, въ вѣрованіяхъ которыхъ еще больше суевѣрій. Главное божество они называютъ «Шевоки»; но болѣе всего сохраняютъ уваженіе, смѣшанное со страхомъ, къ дьяволамъ, изъ коихъ главнѣйшіе: Этыгэръ, подобіе большаго змѣя; онъ обитаетъ въ странахъ подземныхъ, имѣетъ власть надъ повѣтріями, болѣзнію и смертію. При видѣ метеора, который извѣстенъ подъ названіемъ огненнаго змѣя — тунгусъ говоритъ, что это дьяволъ Голоронъ, посланный отъ шамана на пагубу своего собрата по званію. Если шаманъ, предчувствуя бѣду, успѣетъ принять мѣры, то Голоронъ обращается обратно, падаетъ на кудесническія принадлежности шамана его пославшаго, и тѣмъ причиняетъ ему смерть. Иняны, — дьяволъ въ образѣ человѣка, съ огромными крыльями, переноситъ съ мѣста на мѣсто шамановъ и предохраняетъ звѣрей отъ падежа. «Аркунга» духъ воздушный, одаренный великимъ предвѣдѣніемъ. «Номандой» походитъ на человѣка, чрезвычайно высокаго роста, въ остроконечной шапкѣ и въ русскомъ платьѣ. Глухой и дикій крикъ его, слышимый будто бы по временамъ тунгусами, наводитъ на нихъ ужасъ. Весьма рѣдко, но случается, что тунгусъ заблудится; это обстоятельство тотчасъ относится къ продѣлкамъ Номанды. Еще есть духъ, называемый «Лавадабки»; онъ имѣетъ желѣзные крылья и производитъ шумъ во время своего полета; видомъ онъ уподобляется человѣку, но станъ имѣетъ желѣзный. Однажды этотъ дьяволъ, похитивъ шаманскаго сына, обрилъ ему волосы и заперъ его въ чумъ, у котораго входъ былъ сверху; но шаманъ нашелъ это дьявольское гнѣздо, перебилъ своимъ буб-

номъ всѣхъ стерегущихъ его дьяволовъ и вывелъ оттуда своего сына, бывшаго въ какомъ-то остолененіи. Вѣру свою тунгусы называютъ «иты» или «урочъ». Были случаи, что некрещенные тунгусы обращались съ поклоненіемъ къ угоднику Николаю.

Всѣ упомянутыя нами племена, выросшія въ своихъ предразсудкахъ и вѣрованіяхъ, не имѣютъ никакого понятія о томъ верховномъ существѣ, которое мы называемъ Богомъ. О христіанской религіи, къ которой принадлежитъ почти половина инородцевъ, они не имѣютъ никакого понятія и даже христіанскія свои имена помнятъ не многіе. О крестномъ знаменіи инородецъ развѣ вспомнить тогда только, когда придется ему войти въ жилище начальника, но и въ этомъ случаѣ онъ будетъ креститься и кланяться не образамъ, а прямо на начальника.

Вѣрованіе долганъ и якутовъ представляютъ смѣсь христіанскихъ и языческихъ понятій. Богъ называется у нихъ «Тангара»; мѣстопробываніе его находится въ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, отъ этого и утренняя заря называется «Тангара сярята», т. е. божій свѣтъ. Послѣ Бога якуты и нѣкоторые долганы почитаютъ угодника Николая, о которомъ рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующее: «Однажды этотъ угодникъ вмѣстѣ съ Касьяномъ совершали въ церкви богослуженіе; вдругъ первый изъ нихъ куда-то скрылся, и когда, чрезъ нѣсколько времени, возвратился, то вся богатая риза его была во льду. «Гдѣ же это ты угодникъ Николай испортилъ свою ризу?» замѣтилъ Касьянъ. «На морѣ былъ, отвѣчалъ угодникъ Николай, тамъ утопающій человекъ просилъ моей помощи и давалъ обѣтъ поставить свѣчу». «Ну, стоило изъ одной свѣчи испортить драгоценную ризу», сказалъ Касьянъ. Однакожъ за это осужденіе Богъ ударилъ Касьяна по лбу молоткомъ и сталъ съ того времени Касьянъ немилостивый». Чисто языческихъ вѣрованій у якутовъ и долганъ осталось весьма мало, да и тѣ не знаменательны, напримѣръ: якуты думаютъ,

что люди живущіе на небѣ подпоясаны подѣ мышцы, а у тѣхъ людей которые живутъ подѣ землею, поясъ спущенъ очень низко. Какъ образецъ смѣси язычества съ христіанствомъ, мы приводимъ слѣдующій разсказъ о сотвореніи земли. На небѣ, вмѣстѣ съ своею матерью жилъ Іисусъ Христосъ. При немъ находился товарищъ и совѣтникъ Николай чудотворецъ, а служителями были семь ангеловъ. Подѣ небомъ была вода. Матерь Божія предположила создать землю. Не имѣя къ образованію ея нужныхъ матеріаловъ, Матерь Божія сотворила гагару съ бѣлымъ носомъ и утку, названную Улункусъ. Выславъ на воду этихъ птицъ, Матерь Божія велѣла имъ нырнуть и достать со дна моря комокъ земли. Если вы исполните мою просьбу, сказала Матерь Божія, обращаясь къ уткамъ, то я дамъ вамъ такое проворство, какого не будетъ имѣть ни одна птица. Первою изъ воды явилась утка и выбросила изъ рта кусокъ земли. Прибывшая затѣмъ гагара объявила, что она заблудившись въ морѣ земли не нашла; но матерь Божія замѣтила однакожъ, что у гагари полонъ ротъ набить землею. Разсердившись на такой обманъ, она сказала гагарѣ: лукавая птица, не Я ли дала тебѣ противъ утки и силъ больше и носъ длиннѣе, и назвала тебя святымъ именемъ, а ты меня обманула, пожалѣвъ море. Затѣмъ Матерь Божія проклѣя гагару, прибавивъ: отнынѣ ты, какъ послѣдняя гадина, будешь во всеобщемъ презрѣніи; станешь жить не на святой землѣ, а на водѣ и питаться всякою дрянью. Послѣ этого Матерь Божія изъ принесенной земли сдѣлала шарикъ и освятивъ его спустила въ море. Не утонулъ этотъ шарикъ, не унесли ~~он~~ и не разбили его волны, остался онъ на одномъ мѣстѣ и какъ пловучій островъ начался увеличиваться, пока наконецъ изъ него не образовалась большая земля. Увидѣла Матерь Божія землю, порадовалась и задумала населить ее людьми; взяла она песку и создала изъ него двухъ мужчинъ и одну женщину, (1). Вскорѣ съ

(1) Первые два человека, мужчина и женщина, по словамъ нѣкоторыхъ ости-

женщиною слюбился одинъ изъ мужчинъ и у нихъ родилась дочь, которая, возмужавъ, сдѣлалась женою другаго мужчины. Родители ея узнали объ этомъ только, по рожденіи у дочери ихъ ребенка женскаго пола. Матерь Божія, слѣдившая за бытомъ этихъ людей, обвинчала послѣднюю чету; но молодая женщина вскорѣ умерла. Тогда Матерь Божія вновь сотворила изъ песку двухъ мужчинъ, изъ коихъ одинъ впослѣдствіи и женился на подростшей дѣвочкѣ сиротѣ. Но и этотъ бракъ оказался несчастливъ—мужъ померъ. Не хорошо, подумала Матерь Божія, и въ третій разъ создала мужчину и женщину; отъ нихъ впослѣдствіи родился сынъ, который, возмужавъ, женился на вдовѣ. Послѣ этого прекратилась между людьми безвременная смертность и у каждой четы народилось по 7 человекъ дѣтей. Всѣ эти люди образовали три когѣна: отъ перваго произошли русскіе, отъ втораго долгане, витимы, боягиры, делягиры, баракомы, тунгусы и якуты, а отъ послѣдняго самоѣды, юраки и проч. Изъ числа упоминаемыхъ родовъ окрестились только русскіе. Изъ вышесказаннаго достаточно объясняется, что якуты не такъ чужды христіанства какъ прочіе инородцы. Многіе изъ нихъ даже съ полною любовію младенчествуящей души прилѣплялись къ христіанской религіи, чтили священниковъ, свято сохраняли ихъ отеческія наставленія, нанимали русскихъ для объясненія имъ о времени существованія праздниковъ и тогда же пятнали дни и мѣсяцы на деревянныхъ или костяныхъ палочкахъ, которыя и нынѣ существуютъ у нѣкоторыхъ, подъ названіемъ «пасхаль»; иные подъ старость ялагали на себя обѣтъ говорить только по-русски и усердно молились Богу; вообще у этого народа, болѣе нежели у другихъ, замѣчается

ковъ, упали съ неба виѣстѣ съ карасями. Эти люди были столь малы ростомъ, что ихъ можно было пранять за пятилѣтнихъ ребятъ. Впослѣдствіи отъ нихъ родилось 7 человекъ дѣтей. Однажды отецъ объявилъ сыновьямъ, что нельзя всѣмъ говорить однимъ языкомъ и сыновья разошлись въ разныя стороны. Съ тѣхъ поръ и начали люди говорить разными языками.

наклонность къ развитію духовнаго кругозора. Впрочемъ конечно все дѣло пока оканчивается исполненіемъ нѣкоторыхъ наружныхъ обрядовъ христіанства.

Солнце, по мнѣнію долганъ, Богъ создалъ днемъ, а потому оно гораздо важнѣе мѣсяца, сотвореннаго впослѣдствіи въ ночное время. Однажды оставшіеся отъ первыхъ людей мальчикъ и дѣвочка, претерпѣвая на землѣ страшный голодъ, горько плакали; наконецъ дѣвочка обратилась съ мольбою къ Богу о томъ, чтобы Богъ взялъ ее къ себѣ, и Богъ исполнилъ ея желаніе. Мальчикъ съ подобною же просьбою обратился къ мѣсяцу и мѣсяцъ взялъ къ себѣ мальчика. Узнавъ объ этомъ Богъ и сказалъ мѣсяцу: устроилъ я тебя чистымъ и не велѣлъ касаться людей, а ты не послушался моего повелѣнія, отнынѣ, подобно человѣку, будешь ты чрезъ 4 недѣли родиться и умирать и такъ весь вѣкъ свой маяться. Съ того времени мѣсяцъ, имѣвшій дотолѣ постоянно круглую форму и никогда не исчезавшій, началъ, при извѣстныхъ измѣненіяхъ, исчезать. Приступая къ описанію обрядовъ шаманства, мы сначала скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ шаманѣ. Несмотря на сохраненіе нѣкоторыхъ тайнъ, а равно и на выполненіе извѣстныхъ обрядовъ, и въ прежнія времена не всякій человѣкъ могъ быть истиннымъ шаманомъ. Прорицатель-шаманъ, при воспріимчивости и впечатлительности своей натуры, имѣлъ пылокое воображеніе, вѣру въ духовъ и таинственное съ ними общеніе; словомъ, миросозерпаніе его было исключительное. Приготовляясь къ шаманству, онъ переставалъ принимать пищу и питье, становился молчаливымъ, угрюмымъ и искалъ уединенія. Отдаваясь представленіямъ своего воображенія, онъ становился тревоженъ, пугливъ, въ особенности во время ночи, когда голова его наполнялась странными сновидѣніями. Съ приближеніемъ дня, назначеннаго для шаманства, этотъ человѣкъ терялъ сонъ, впадалъ въ забытіе и по нѣскольку часовъ смотрѣлъ неподвижно на одинъ предметъ. Блѣдный, истомленный, съ острымъ

проницательнымъ взглядомъ, онъ казался для окружающихъ существомъ высшимъ, исполненнымъ сверхестественныхъ силъ. Когда наступала минута для шаманства — прорицатель-шаманъ начиналъ дрожать, бросать по сторонамъ дикіе взгляды; волосы на его головѣ шевелились и подымались. Слабо, тревожно начиналъ онъ поколачивать въ поданный ему бубенъ; но вотъ удары его начинаютъ усиливаться, голова поддерживается, слышатся тихіе напѣвы, заглушаемые хоромъ собравшагося народа. Вскорѣ однакоже голосъ шамана становится сильнѣе и звучнѣе, удары въ бубенъ учащаются и затѣмъ слѣдуетъ тотъ бурный порывъ, въ которомъ голосъ шамана сливается съ оглушительными звуками бубна; кажется всякій нервъ, всякая жилка трепещутъ въ прыгающемъ и вертящемся шаманѣ; но это продолжается недолго. Отъ страшнаго потрясенія истощенное тѣло шамана падаетъ въ страшныхъ корчахъ. Кровавые глаза его дики, дыханіе вырывается съ трудомъ вмѣстѣ съ отрывочными, таинственными фразами, высказываемыми осиплымъ, неестественнымъ голосомъ. Такой шаманъ, наводящій невольный ужасъ даже и на развитаго человѣка, почитался у дикарей пророкомъ, дѣйствовавшимъ подѣ влияніемъ духовъ и назывался мудрымъ. Подобные шаманы, составляющіе замѣчательное психологическое явленіе, въ настоящее время сдѣлались рѣдкостью, а между туруханскими инородцами о нихъ сохранились только темныя преданія. Отдаляясь въ пустынные мѣста отъ всякаго слѣда умственной дѣятельности, народъ естественно утратилъ и тѣ преданія, которыя были усвоены шаманами. Только между самоѣдами еще существуютъ замѣчательныя по знанію преданій и обрядовъ и по оригинальности прорицаній шаманы. Однакожъ среди и этихъ дикарей влияніе ихъ утратило прежній свой дико-фанатическій характеръ.

Первый шаманъ, по рассказамъ туруханскихъ инородцевъ, образовался вслѣдствіе особеннаго къ этому настроенія, при рождѣнствѣ дьявола. Шаманъ этотъ улеталъ въ чумовую трубу

и возвратился обратно, по сдѣланному имъ предсказанію, вмѣстѣ съ лебедями. У якутовъ сохранилось преданіе, что въ давнія времена, когда съ появленіемъ оспы, стали умирать народъ, то шаманъ началъ просить родовичей своихъ немедленно отъ него бѣжать. Однакожь народъ на это не соглашался, говоря, что безъ него ему жить невозможно. Но я не хочу, повторялъ шаманъ, чтобы чрезъ меня погибли всѣ, и началъ шаманить ⁽¹⁾, предваривъ окружающихъ, что если онъ чрезъ двое сутки упадетъ за-мертво и станутъ въ немъ кости ломаться, то это будетъ знакомъ его смерти и окончательной побѣды надъ болѣзнію. Какъ предсказалъ шаманъ, такъ и случилось. Заболѣвшихъ послѣ этого оспою не было.

Тотъ человѣкъ, кому суждено сдѣлаться шаманомъ, по рассказамъ тунгусовъ, видитъ во снѣ дьявола «харги», производящаго шаманство. Въ это время тунгусъ и научается тайнствамъ шаманства.

У самоѣдовъ шаманъ ⁽²⁾ весьма рѣдко выступаетъ на это поприще по призванію; большею частію это званіе переходитъ отъ отца къ сыну и разумѣется не безъ расчетовъ. За всѣмъ тѣмъ сила вѣрованія и обычаевъ еще такъ велика въ этомъ народѣ, что иной шаманъ не сомнѣвается во влияніи духовъ и возможности, съ помощію ихъ, предсказывать будущее. Со смертію шамана сынъ, желая наследовать власть отца надъ духами, дѣлаетъ изъ дерева подобіе руки покойнаго. Символь такой власти переходитъ у самоѣдовъ по наследству.

Посвященіе въ шаманы обыкновенно дѣлается слѣдующимъ образомъ: новобранецъ становится лицомъ къ западу, а старый шаманъ испрашиваетъ для него помощи у мрачнаго духа; при этомъ жрецъ-учитель высказываетъ надежду, что ново-

⁽¹⁾ По-остяцки «дургут», по-юрацки «самбуторсо», по-самоѣдски «отора», по-тунгусски «шаманчикаль».

⁽²⁾ По-остяцки «сзеньень», по-юрацки «тадеба», по-самоѣдски «нга», по-тунгусски шаманъ, на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «чвотнба».

посвящаемый не останется безъ служителя дьявола. Въ заключеніе старый шаманъ поетъ нѣчто въ родѣ гимна мрачному духу; новобранецъ обязанъ повторять тоже самое. На первыхъ порахъ молодой шаманъ подвергается, со стороны духовъ, разнымъ искушеніямъ; иногда требовательность ихъ простирается даже на сына или жену шамана; послѣдній однакожь отдѣлывается обыкновенными жертвами и обѣщаніями давать дьяволамъ добрую часть изъ будущихъ приношеній, со стороны лицъ, коимъ будетъ оказана помощь.

По мнѣнію самоѣдовъ, при шаманѣ находится, въ видѣ постоянного служителя, дьяволъ «коргу тага», который имѣетъ образъ оленя. Этотъ дьяволъ содержится шаманомъ на таинственномъ ремнѣ, который и распускается при посылкѣ коргу тага. Иногда этотъ дьяволъ отказывается повиноваться приказаніямъ шамана, объявляя, что порученіе не по силамъ, или что при выполненіи онъ можетъ пострадать. Изъ зависти или соперничества перѣдко два или три шамана соединяютъ свои силы на гибель другаго; въ этомъ случаѣ они посылаютъ своихъ служителей дьяволовъ, которые и вступаютъ въ драку съ порозомъ обреченнаго на гибель шамана. Со смертію пороза, т. е. дьявола, имѣющаго образъ оленя, погибаетъ и шаманъ. Не надѣясь на силу своего служителя, шаманъ иногда лично выступаетъ для собственной защиты. Въ схваткахъ, бывающихъ ночью на высокихъ хребтахъ, шаманъ бываетъ нагимъ. Иногда побоища эти столь жестоки, что огромные камни слетаютъ съ утесовъ и катятся съ грохотомъ въ бездны. Кромѣ служителя дьявола у каждаго шамана есть стрѣлы, которыми онъ невидимо можетъ поразить человѣка на смерть. Иногда случится съ шаманомъ припадокъ; случай этотъ онъ объясняетъ ударомъ шаманской стрѣлы, въ удостовѣреніе чего покажетъ и желѣзко, похожее на копьецъ. Вообще для шамана представляется болѣе опасныхъ случаевъ нежели для обыкновеннаго человѣка; перевернуть ли кто нибудь шаманскія санки или вытащить изъ

нихъ заднюю дощечку—хозяину угрожаетъ опасность. У каждаго шамана свои приемы и свои слова въ призваніи духовъ. Есть и женщины, которыя занимаются шаманствомъ. Хорошо быть шаманомъ, говорить инородецъ; если во время сна къ нему подкрадется смерть, то дьяволъ его разбудить. Говоря о шаманахъ, вообще нельзя не упомянуть объ одной замѣчательной личности, это—Тынта, староста Вадѣвской самоѣдской управы; шаманъ и князецъ по родовому наслѣдію онъ соединяетъ въ себѣ рѣдкій между инородцами даръ содержать свою орду въ повиновеніи. Въ то время какъ иныхъ ордъ инородцы не только мало уважаютъ старость, но даже бьютъ ихъ,—Тынта, напротивъ, сумѣлъ внушить въ своихъ родовичахъ уваженіе къ себѣ умомъ, опытностію и распорядительностію въ промыслахъ. Къ тому же званіе его, какъ отличнаго шамана и гадателя распознающаго по линіямъ на ладоняхъ рукъ прошедшее и будущее, имѣетъ на народъ особенное вліяніе. Плохо владѣя русскимъ языкомъ Тынта однакожь, на сколько можетъ, старается быть привѣтливымъ. Разставаясь съ своимъ начальникомъ, въ особенности имъ любимымъ, Тынта считаетъ обязанностію просить благословенія и конечно получаетъ.

За исключеніемъ самоѣдовъ, у остальныхъ инородцевъ званіе шамана не пользуется особымъ почтеніемъ, хотя безъ помощи этихъ людей и не обходятся.

Костюмъ шамана состоитъ изъ выдѣланной съ обѣихъ сторонъ оленьей кожи, окрашенной ольховою корою; покрой походитъ на пальто съ закругленными полами; сзади подолъ оканчивается острымъ угломъ, который у долганъ называется «конь». Эта одежда вышивается по краямъ оленьимъ волосомъ, обладается длинною бахромой, нарѣзанной изъ той же кожи, и увѣшивается разными изображеніями идоловъ, имѣющихъ подобіе челоуѣка, звѣрей, птицъ и проч.; всѣ они грубо выкованы изъ желѣза или отлиты изъ олова; маленькая желѣзная лодочка составляетъ непремѣнную принадлеж-

ность костюма. Почти каждая изъ упоминаемыхъ вещей, знаменуя извѣстнаго дьявола, нашивается шаманомъ на парку тогда только, когда владѣлецъ ея приобрѣтаетъ надъ этимъ духомъ силу, или войдетъ съ нимъ въ тѣсную связь. По этому числомъ идоловъ опредѣляется количество подвластныхъ шаману духовъ. Кузнецъ, по заказу шамана выковывая идола, стоитъ во время работы на оленьей шкурѣ, имѣя надъ головою предложенные шаманомъ подарки. У самоѣдскихъ шамановъ, кромѣ упоминаемыхъ нами предметовъ, естъ на паркѣ кольца, прикрѣпленные на плечахъ; во время шаманства за нихъ привязывается шаманъ толстыми ремнями, спускающимися сверху. У долганскихъ шамановъ на паркѣ, между прочимъ, виситъ на груди кольцо, знаменующее главнаго дьявола, называемаго «кугянна». Къ сотурамъ (нимы), которыя шьются также изъ оленьей кожи, прикрѣпляются желѣзные или настоящіе медвѣжьи когти. На голову шаманы надѣваютъ кожаный ремень, который обхватываетъ ее въ видѣ обруча; ремень этотъ необходимъ для предохраненія головы шамана во время таинственныхъ его путешествій по рѣкамъ и безднамъ между льдовъ и ущелій. Въ болѣе торжественныхъ случаяхъ шаманъ надѣваетъ шапку, вылитую изъ олова или съованную изъ желѣза съ изображеніемъ духовъ. Тунгусскіе шаманы къ шапкѣ прикрѣпляютъ иногда рога. Весь шаманскій костюмъ вѣситъ отъ одного до 2½ пудъ. Бубень (¹), въ которомъ шаманъ ищетъ для себя вдохновеніе, устраивается изъ дерева, указаннаго дьяволомъ; имѣя подобіе большаго рѣшета, онъ съ одной стороны обтягивается сырою оленьей шкурою самаго большаго размѣра, которую сдираетъ и очищаетъ самъ шаманъ въ уединенномъ мѣстѣ; по просушкѣ божъа (²) натирается снаружи листовяною сѣрою и размалевывается вмѣстѣ со стѣнками изображеніями духовъ, ко-

(¹) По-остяцки «хась», по-иуратки «пэвтеръ», по-самоѣдски «феддіа», по-тунгуски «унтуояъ».

(²) По-тунгусски «гэзля».

торые имѣють подобіе человѣка, звѣрей, птицъ, рыбъ и нѣчто въ родѣ ящерицы и огромнаго паука. Внутри бубна деревянная поперечина ⁽¹⁾, за которую инструментъ и держится; на ней вырѣзаны идольскія лица. Пространство между поперечиной и крышей бубна увѣшивается мѣдными и желѣзными кольцами, бляхами, колокольчиками, шаркунцами и прочими побрякушками. Лопатка, которою шаманъ ударяетъ въ бубенъ, дѣлается изъ дерева и обтягивается съ одной стороны кожей, а съ другой прикрѣпляется металлическое изображеніе какаго-нибудь духа. У остяцкихъ шамановъ, кромѣ описанныхъ принадлежностей, имѣется желѣзный посохъ, на подобіе старинной шпаги. При каждомъ шаманѣ находится нѣсколько идоловъ, имѣющихъ человѣческій образъ; одни изъ нихъ сдѣланы изъ дерева со вставными въ глазныя ямки корольками, одѣты въ звѣриныя шкуры или въ парки, разукрашенныя разноцвѣтнымъ сукномъ, бляхами и корольками; головы этихъ идоловъ оклеиваются звѣриною шкурою шерстью вверхъ; другіе выковываются изъ желѣза или отливаются изъ олова; при нихъ находится маленькая желѣзная лодочка съ весломъ. Идолы бываютъ и женскаго пола, нерѣдко съ ребенкомъ. Идолы укладываются въ ящикъ и накрываются оленьими шкурами, снятыми съ тѣхъ оленей, которые были принесены въ жертву. Ящикъ постоянно хранится въ санкахъ съ высокими, иногда окрашенными копыльями. Бываетъ, что на копыльяхъ (ихъ всегда 7) вырѣзываются подобія духовъ. Въ старину, разсказываютъ инородцы, у великаго шамана одинъ изъ идоловъ находящихся въ санкахъ по временамъ ревѣлъ подобно грому; его умилоствовали только тѣмъ, что помазали кровью убитаго оленя. Бубенъ, вмѣстѣ съ паркою и колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, тщательно завернутый въ цвѣтное сукно или ситецъ, хранится въ отдаленіи отъ жилья, большею частію на высокомъ сучковатомъ деревѣ.

(1) По-тунгузскіи «дзавалганъ».

Главная обязанность шамана состоитъ въ томъ, чтобы устранить повальную болѣзнь въ семействѣ, цѣломъ племени или въ изцѣленіи больного, наконецъ въ упроченіи счастія въ звѣриномъ или рыбномъ промыслѣ. Каждый призывъ къ пособію шаманъ встрѣчаетъ тревожно. Если посланный за шаманомъ засталъ его спящимъ и разбудилъ даннымъ толчкомъ, то проснувшійся шаманъ издаетъ стонъ или даже вопль, и потомъ дѣлается какъ-бы разстроеннымъ. Между тѣмъ въ чумѣ или въ юртѣ, гдѣ ожидаютъ шамана, водворяется чистота и порядокъ; даже самые обитатели и собравшіеся сосѣди обмываютъ свои лица и заплетаютъ назадъ волосы. Прибывшій шаманъ садится посреди толпы. Вскорѣ народъ начинаетъ хоромъ тянуть слова: хо-хо-го. Этотъ дивный крикъ, таинственная фигура шамана, сидящаго молча, съ поникшею главою, безобразныя морщинистыя лица старухъ, съ блуждающими мутными слезящимися глазами, производятъ на небывалаго человѣка тяжелое впечатлѣніе. Но вотъ шаманъ беретъ поданный ему бубень, подогрѣтый надъ огнемъ, ставитъ его на лѣвое колѣно и, вооружившись лопаткою, начинаетъ тихонько постукивать; тихіе, глухіе звуки бубна сопровождаются протяжнымъ судорожнымъ позѣвываньемъ. Глаза его закрываются. По мѣрѣ того, какъ учащаются удары въ бубень, тѣло шамана начинаетъ подергиваться, и онъ запывается. Для возбужденія шамана подають ему готовую трубку и онъ съ жадностію втягиваетъ въ себя дымъ. Но вотъ пѣснь шамана становится громче, оживленнѣе; какъ эхо она повторяется его молодымъ товарищемъ, готовящимся въ шаманы. Хоръ умолкаетъ. Присутствующіе, отъ жара и духоты, поскидывъ парки, сидятъ голыми. Рѣчь шамана гремитъ уже какимъ-то бурнымъ потокомъ; въ ней слышится какая-то борьба, тревога, что-то дикое, враждебное; самые звуки бубна принимаютъ странный характеръ; то сливаются они въ немолкаемый грохотъ, то смягчаются, напоминаютъ полетъ птицы, рычаніе звѣря, или бурное стремленіе воды, свистъ

и стонъ. Стихнувшій на минуту шаманъ уже вновь, съ какимъ-то ожесточеніемъ и неистовствомъ, начинаетъ учащать удары въ бубень, кружиться, прискакивать и разражается цѣлымъ потокомъ глухихъ гортанныхъ словъ. Наконецъ голосъ его, отъ усталости, становится грубымъ, дикимъ и огрызистымъ; съ истомленного блѣднаго лица, обвѣшаннаго прядями включенныхъ волосъ, потъ падаетъ крупными каплями, а на губахъ появляется пѣна. Придя въ совершенное изнеможеніе, шаманъ останавливается и начинаетъ бросать къ каждому изъ присутствующихъ свою лопатку, сопровождая этотъ маневръ какимъ-то страннымъ звукомъ. Если лопатка, перевернувшись на лету раза два или три, упадетъ шерстью вверхъ, то это предвѣщаетъ счастье. Присутствующій, подавая лопатку шаману, произноситъ: чэ-о. У тунгусовъ и самоѣдовъ еще встрѣчаются шаманы, которые до того изнемогаютъ во время шаманства, продолжающагося иногда по цѣлымъ суткамъ, что падаютъ безъ чувствъ съ выступившею изъ носа и изъ ушей кровью. Рассказываютъ, что въ старину нѣкоторые шаманы, входя въ экстазъ, терзали себя собственными руками, или повелѣвали другимъ поражать себя различными оружіями. Подобные шаманы пугались иногда отъ самыхъ незначительныхъ случаевъ, впадали въ бѣшенство, или нѣкотораго рода помѣшательство; въ этомъ случаѣ имъ давали нюхать опаленную оленью шерсть, отчего бѣснующійся впадалъ въ глубокій сонъ.

Многіе этнографы не разъ пытались вызнать смыслъ шаманскихъ напѣвовъ, но всегда безуспѣшно; поэтому самому интересная сторона шаманства оставалась неразъясненною. Многіе утверждали даже, что шаманы поютъ не на своемъ природномъ языкѣ; это однакожъ несправедливо. Вотъ сущность шаманскихъ напѣвовъ. Остяцкій шаманъ высказываетъ въ своей пѣсни, что онъ, съ помощію опущенной съ неба веревки, подымается туда; звѣзды, которыя заграждаютъ ему путь, онъ отстраняетъ. На небѣ шаманъ плаваетъ на лодкѣ

и на ней же потомъ спускается по рѣчкѣ на землю съ такою быстротою, что вѣтеръ пронизываетъ его насквозь. Затѣмъ, съ помощію крылатыхъ дьяволовъ, называемыхъ «Асинъ тусъ», опускается подъ землю и проситъ у мрачнаго духа «Ама», иначе шаманскую мать, — парку ⁽¹⁾. Въ заключеніе шаманъ объявляетъ каждому изъ присутствующихъ, что счастье ихъ упрочено, а больному — что дьяволъ изъ него изгнанъ, или дѣлаетъ присутствующимъ предсказанія ⁽²⁾. У тазовскихъ остяковъ и юраковъ въ напѣвахъ шамана слышится, что онъ, пролетая среди цвѣтущаго шиповника, подымается на небо, гдѣ видитъ на тундрѣ 7 лиственницъ. Тутъ дѣдушка его дѣлалъ прежде бубень. Вскорѣ шаманъ заходитъ въ желѣзный чумъ и засыпаетъ, окруженный багрянистыми облаками. На землю спускается онъ по рѣчкѣ. Затѣмъ, кланяясь небесному божеству, солнцу, лунѣ, деревьямъ, земному звѣрю — владыкѣ земли, шаманъ проситъ о продолженіи жизни, счастья и пр. Если шамана призывали для леченія больного, то по окончаніи шаманства, онъ подходитъ къ пациенту и мажетъ больное мѣсто кровью только-что убитаго оленя. Иногда шаманъ объявляетъ что заболѣвшій, при такой-то рѣчкѣ, нечаянно наступилъ на брусокъ, потерянный его прадедомъ шаманомъ; изъ этого бруска, говоритъ шаманъ, выскочилъ дьяволъ и вошелъ въ тѣло больного; чтобы исторгнуть этого духа, шаманъ хватаетъ зубами за больное мѣсто и чрезъ нѣсколько минутъ вытаскиваетъ изъ своего рта кишку какого нибудь звѣря, червяка или просто волосокъ. Вотъ видишь, говоритъ шаманъ, обращаясь къ больному и въ тоже время проглатывая кишку, — дьяволъ хотѣлъ тебя съѣсть, но я его вытащилъ. Чтобы возстановить счастье въ промыслѣ, которое, по словамъ шамана, утратилось отъ того,

⁽¹⁾ Въ это время окружающіе накидываютъ на плечи шамана парку.

⁽²⁾ Тунгузскіе шаманы во время шаманства переплываютъ огненные рѣки, ныряютъ въ воду, видятъ чудовищъ и пр.

что чрезъ лыжи или луэъ промышленника перешла женщина — предлагается начертить на упоминаемыхъ орудіяхъ гагару. Предсказанія шамана въ отношеніи звѣринаго промысла ограничиваются, большею частію, самымъ неопредѣленнымъ указаніемъ мѣстъ. Самоѣдскій шаманъ, призванный къ трудно больному, старается неожиданнымъ образомъ, такъ сказать, разразиться предъ нимъ потрясающими звуками своего бубна. Если послѣ этого маневра больной приподнялся, а тѣмъ болѣе завричалъ, то спасеніе его вѣрно; въ противномъ случаѣ шаманъ объявляетъ, что къ отысканію души умирающаго нѣтъ никакихъ средствъ. Въ шаманскихъ напѣвахъ, по этому случаю, говорится: что шаманъ проходитъ семь ледяныхъ земель, пролетаетъ 7 небесъ, заглядываетъ въ жилище дьяволовъ, насылающихъ простудную горячку и оспу; но поиски его къ отысканію души остаются напрасными. Напротивъ, когда еъ выздоровленію больнаго есть надежда, шаманъ поетъ, что онъ 7 небесъ прошелъ и вынесъ оттуда три свѣточа и затѣмъ оканчиваетъ свою пѣснь удостовѣреніемъ, что больной проживетъ еще три года. Въ отвѣтъ на это страдалецъ отвѣчаетъ «сабоу», т. е. дай Богъ. Тунгузскій шаманъ, приготовляясь къ леченію больнаго, иногда съ вечера кладетъ себѣ подъ голову отказъ (въ родѣ рогатины) и ножи; чрезъ это видитъ разныя сновидѣнія, сообразно коимъ и начинаетъ свое леченіе; или велитъ надѣлать идоловъ, въ видѣ звѣрей и рыбъ, которыми и обкладываетъ больнаго, а то пожалуй ограничится тѣмъ, что прикажетъ убить оленя, выковыряетъ изъ него глаза и проглотить, мясо отдастъ на сѣденіе, уши и голову вѣшаетъ около больнаго, а кончикъ отрѣзаннаго оленьяго языка всовываетъ въ ротъ послѣдняго, уговаривая поданное съѣсть. Когда больной начинаетъ жевать, то шаманъ приговариваетъ: «языкъ оленя никогда не отказывался искать пищу, то пусть же и твой языкъ такъ дѣлаетъ». Въ заключеніе шаманъ обмазываетъ болящія части кровью оленя и затѣмъ ее слизываетъ. Шкурами, снятыми

съ ногъ оленя, обкладываетъ ноги больного, въ особенности если онъ ими страдаетъ. Бываетъ что больной, преимущественно между самоѣдами, за свое спасеніе предлагаетъ шаману въ жены собственную дочь; въ этомъ случаѣ шаманъ обязанъ съ своей стороны, въ видѣ колыма, отдать выздоравливающему 7 оленей и 7 шкуръ разныхъ звѣрей. Большею частію однакожъ шаманъ вознаграждается оленемъ или двумя, съ присоединеніемъ къ нимъ волка.

Исслѣдованіе оленьихъ переправъ чрезъ извѣстныя рѣки шаманъ дѣлаетъ на двухъ жердочкахъ, поддерживаемыхъ окружающими самоѣдами или юраками; въ это время онъ въ своихъ движеніяхъ старается подражать плаванію этихъ звѣрей. Лѣтомъ, при неудачной поколѣтѣ дикихъ оленей, шаманъ по просьбѣ самоѣда исправляетъ ему 'счастіе слѣдующимъ образомъ: взявъ двѣ лодочки и положивъ поперегъ ихъ палку, шаманъ, придерживаясь за оную, плыветъ по рѣкѣ и тѣмъ какъ - бы указываетъ путь оленямъ. На подобныхъ переправахъ самоѣда набрасываютъ кучи ушей, отрѣзанныхъ у добытыхъ оленей: это—жертва, приносимая дьяволу для снисканія его покровительства въ промыслахъ на будущее время.

Съ (наступленіемъ темной и холодной поры, когда прекращаются звѣриные промыслы и между инородцами чаще встрѣчаются болѣзни, самоѣды цѣлою толпою собираются въ одно мѣсто и начинаютъ поговаривать: «что шаманамъ пора бы начинать смотрѣть дорогу; худо будетъ если люди начнутъ умирать». Шаманы, узнавъ желаніе народа, даютъ согласіе на устройство «чистаго чума». Тогда каждый самоѣдъ приготовляетъ шестъ. Изъ оленьихъ шкуръ, снятыхъ во время промысла съ лучшихъ черныхъ быковъ и назначенныхъ въ жертву дьяволамъ, шьютъ нюкъ (покровы для чума) и парки шаманамъ. По изготовленіи всего необходимаго, устраиваютъ чумъ близъ озера. Формою этотъ чумъ похожъ на продолговатый шатеръ, сверху на одномъ концѣ (южномъ) ставятъ,

въ наклонномъ положеніи, статую въ ростъ человѣка, сдѣланную изъ дерева «форра» или «херудіо сэра». Иногда вмѣсто этой статуи устраиваютъ оленя «хонта». На противоположной сторонѣ чума, обращенной къ сѣверу, дѣлаютъ изъ шестовъ, расположенныхъ въ видѣ вѣера, хвостъ «херудіо туаро», который и мажется кровью нарочно убитаго холостаго оленя. Голова этого животнаго кладется около статуи. Шесты, на которыхъ основанъ чумъ, мажутся кровью убитой собаки. Съ устройствомъ чистаго чума соединено множество преданій. Такъ однажды въ этомъ чумѣ, оставленномъ безъ огня, появился дьяволъ, имѣющій образъ человѣка, но съ оленьими рогами на головѣ и съ толстымъ слоемъ чернаго мха на тѣлѣ. Хотя испуганная этимъ явленіемъ орда и разбѣжалась, но всетаки болѣе половины людей перемерло. По изготовленіи чистаго чума старшій изъ шамановъ идетъ къ нему изъ своего жилища съ завязанными глазами; на пути онъ обходитъ нарочно набросанныя деревья и растянутые ремни. Добравшись до дверей чума, шаманъ обходитъ оный три раза и, поклонившись статуѣ, входитъ во внутрь. Тамъ снимаютъ съ него повязку. Съ окончаніемъ этой церемоніи собравшаяся молодежь, которая на этотъ случай одѣвается въ лучшія платья, начинаетъ борьбу, скачку на оленяхъ, запряженныхъ въ санки, кулачный бой и перескакиванье чрезъ протянутыя веревки. Въ иныхъ мѣстахъ парни сходятся съ дѣвицами, составляютъ кружки и начинаютъ вертѣться, закидывая впередъ то правую, то лѣвую ногу; затѣмъ расходятся попарно. Въ это время дѣвушки поютъ пѣсни; одну изъ нихъ прилагаютъ почти безъ всякихъ измѣненій:

Пусть дѣвицы молодцевъ дарятъ,
Я не дамъ своихъ подарковъ,
Еслибъ даже и могла
Всѣхъ я ими одѣлать.
Этой рѣчью не желаю
Здѣсь обидѣть никого.

Но предложишь мнѣ молодчикъ
Самъ подарокъ — я приму,
Если онъ придетъ по сердцу.
Хоть не тотчасъ, а чрезъ годъ
Все жъ отдарковъ дожидайся.
Не потрафишь ты подаркомъ
Не надѣйся и не жди,
Ты отдарка не получишь.
Не проси и чрезъ чужихъ,
Не скройтъ меня какъ кожу.
Не проси и самъ тогда;
Словъ моихъ ты не услышишь.
Если сердцемъ угадай
Мои мысли ты молодчикъ
То при людяхъ помолчи.
А тебя я отдарю
На груди своей лаская (1).

Въ то время, какъ молодежь такимъ образомъ веселится, старый шаманъ, распластавъ въ чистомъ чуму молодаго оленя и напившись теплой крови, начинаетъ шаманить. Бѣснованье его происходитъ надъ разведеннымъ огнемъ. При этомъ присутствуютъ остальные шаманы и всѣ пожилые люди. Окончивъ, извѣстнымъ образомъ, прорицанія и продолжая напѣвать, шаманъ подходитъ къ своимъ собратамъ по шаманству и цѣлуетъ у нихъ руки; тѣ, въ свою очередь, оплачиваютъ ему тѣмъ же.

Нѣкоторые шаманы, изъ желанія выказать свою чародѣйственную силу, показываютъ фокусы; такъ напримѣръ: рѣжутъ себѣ ножомъ горло и животъ протыкаютъ палкою. Эти штуки, а по словамъ шамановъ истязанія, дѣлаются ими въ угодность и умиловленіе дьяволовъ. Въ давнія времена шаманы, послѣ такихъ фокусовъ, показывали раны съ истекающею изъ нихъ кровью. Раны почитались добрымъ пред-

(1) Последнюю строфу, по нескромности выраженія, мы должны были переизменить.

вѣстникомъ въ дѣлѣ, о которомъ совершалось проризаніе; онѣ исчезали сами собою, безъ всякаго леченія. Иногда шаманъ предоставляетъ окружающимъ обязать себя веревками и въ этомъ положеніи ложится посреди чума вблизи опрокинутого котла. Присутствующие при послѣднемъ фокусѣ, сидя въ потемкахъ, вскорѣ слышать постепенно усиливающееся бряцаніе котловой дужки, это означаетъ что изъ подъ котла выскакиваютъ подземные духи, летаніе которыхъ въ чуму вскорѣ объясняется шумомъ, очень похожимъ на взмахъ крыльевъ. Вслѣдъ за этимъ слышится какъ бы поступъ и рычаніе медвѣди, дикий крикъ совы, наконецъ постепенно удаляющійся голосъ шамана. Это значитъ шаманъ улетаетъ на небо. Черезъ нѣсколько времени однакоже голосъ шамана начинаетъ снова слышаться; шаманъ летитъ обратно. Послѣ воздушнаго путешествія этотъ чародѣй уходитъ въ землю, что также выражается постепеннымъ замираніемъ его голоса. Возвратившись изъ подземнаго путешествія, шаманъ дрожитъ и требуетъ огня, который немедленно и разводится. Большая часть инородцевъ увѣрены, что это дѣйствительно одни фокусы, но тѣмъ не менѣе всѣ чрезвычайно внимательно выслушиваютъ рассказы и предвѣщанія шамана, дѣлаемыя послѣ таинственныхъ его путешествій. У другихъ инородцевъ Сибири, кромѣ упомянутыхъ нами фокусовъ, были въ ходу выворачиваніе нижнихъ и верхнихъ вѣкъ, глотаніе гвоздей, накладываніе на горло петли, которую потомъ затягивали человѣкъ пять или шесть, причемъ шаманы притворялись умершими и потомъ воскресали.

У юраковъ и остяковъ шаманы иногда покупаютъ другъ у друга дьяволовъ. Продавецъ, получивъ условленную плату, въ знакъ вѣрнаго выполненія обязательства, заплетаетъ на головѣ изъ собственныхъ волосъ нѣсколько косичекъ. Затѣмъ назначаетъ покупателю срокъ, когда къ нему должны явиться духи; появленіе же ихъ выразится тѣмъ, что они станутъ мучить новаго владѣльца. Если ничего подобнаго не слу-

чится и покупатель станеть требовать отъ шамана уплату обратно, то послѣдній столь странное для него обстоятельство объясняетъ тѣмъ, что покупатель вѣроятно не понравился дьяволамъ.

Видѣнный шаманомъ сонъ, какъ дьявольское наущеніе, не оставляется безъ объясненій. Если напримѣръ шаману приснилось, что у такого-то человѣка на пяткахъ былъ ледъ, или этотъ человѣкъ плакалъ, то смерть его неизбежна. Умретъ человѣкъ и тогда, если въ ясный день не отразится отъ него тѣнь. Тѣнь у остяковъ называется «юлю-бэй» и считается за добраго духа.

Послѣ вѣрованія въ прорицанія шамановъ, всѣ инородцы, въ видѣ талисмановъ, имѣють домашнихъ идоловъ ⁽¹⁾; идолы эти имѣють подобіе человѣка, мужескаго пола, одѣты въ звѣринныя шкуры и парки съ разными украшеніями; вложенные въ мѣшокъ или въ ящикъ хранятся постоянно въ санкахъ, накрытыхъ оленью шкурою, снятою нерѣдко вмѣстѣ съ рогами и копытами съ дикаго оленя, обреченнаго при добычѣ въ жертву истукану. Санки всегда стоятъ въ отдаленіи отъ другихъ, передкомъ на западъ. Въ переходахъ съ мѣста на мѣсто, санки идутъ въ серединѣ орегиша. Обойти санку спереди, значить внести въ семью самоубѣда несчастіе. Подъ идольскія санки впрягается лучшій олень преимущественно бѣлой масти; этотъ олень, у котораго, въ видѣ посвященія, сръзывается со спины клокъ шерсти, считается чистымъ и для їзды не употребляется. Если идольскія санки сломались, то возившій ихъ олень убивается, мясо съѣдается, а кожею накрываютъ остальные кости оленя и разломанные санки. Въ санкахъ при болвашкѣ постоянно лежитъ приносимое въ жертву сало, табакъ, жиръ и пр. Если инородца захватила

(1) Идолъ по-остяцки «кычъ»; по-юрацки «сядай» или «хунтада», первый деревянный, а послѣдній желѣзный или каменный; по-самоѣдски «кага» или «койга», по-тунгуски «харги», по-долгански «абаги», по-якутски «тапгара», на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчій «поргъ».

голодовка, то онъ заимствуется съѣстными припасами отъ идола. При отправленіи на промыслъ инородецъ считаетъ необходимымъ подойти къ своему идолу и попросить счастья для промысла. Послѣ удачнаго промысла идолъ обкуривается въ дыму горѣвшаго на угляхъ оленьяго жира и обмазывается свѣжею кровью оленя. Тоже дѣлается съ идоломъ инородецъ и въ томъ случаѣ, когда требуетъ его помощи во время болѣзни ⁽¹⁾. Если инородецъ, убивая оленя, назначеннаго въ жертву идолу, запачкаетъ себя кровью животнаго, то это худой знакъ.

Домашній идолъ, по смерти инородца, переходитъ къ его сыну, если только послѣдній живетъ своимъ чумомъ; въ противномъ случаѣ идолъ бросается въ рѣку.

Тунгузскіе шаманы, для устраненія повальной болѣзни, ставятъ болвановъ на подобіе челоѣка сажени въ полторы вышины; голова этихъ статуй дѣлается съ двумя лицами. У самоѣдовъ и юраковъ, въ прежнія времена, дѣлались статуи изъ лиственницы, стоящей на корнѣ; на верхнемъ концѣ вырѣзывалось подобіе челоѣческаго лица обращеннаго къ западу. Чаще всего ставился простой волъ съ заостреннымъ верхомъ и двумя или тремя зарубками; такія статуи у юраковъ назывались «сядый» ⁽²⁾.

Въ такой суровой и пустынной странѣ, каковъ Туруханскій край, вся дѣятельность жителей направляется къ обезпеченію себя пищею. Большая часть крестьянъ, проживающихъ въ южныхъ предѣлахъ края, только лѣтъ пять тому назадъ начали продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ, закупаемымъ въ Енисейскѣ и сплавляемымъ на баркахъ. Къ тому же они завели огороды, гдѣ садятъ рѣпу, рѣдку, кар-

⁽¹⁾ Березовскіе самоѣды столь мало почитательны къ своимъ идоламъ «хаа», что по окончаніи обрядовъ, обращаютъ ихъ въ обыкновенныя вещи и нерѣдко употребляютъ просто вмѣсто палки; при неудачномъ же промыслѣ даже наказываютъ ихъ.

⁽²⁾ У березовскихъ самоѣдовъ подобныя статуи назывались «хаа».

тофель и капусту; впрочемъ послѣднюю замѣняютъ растеніемъ, называемымъ «пучки». Сѣвернѣе Туруханска крестьяне пріобрѣтаютъ хлѣбъ отъ торговцевъ; изъ казны же хотя и берутъ, но большею частію за наличныя деньги. Главная пища ихъ однакожь состоитъ изъ рыбы. По роду жизни инородцевъ мясная пища, безъ сомнѣнія, должна считаться однимъ изъ главныхъ условій и они какъ нельзя лучше понимаютъ это, употребляя сырое мясо, кровь и сало животныхъ. Къ сожалѣнію не всѣ изъ нихъ имѣютъ возможность кормиться такого рода пищею. Юраки и самоѣды, какъ имѣющіе значительные стада оленей и съ успѣхомъ занимающіея промысломъ дикаго оленя, почти исключительно живутъ мясною пищею; къ тому же они, не стѣсняясь, ѣдятъ песца и мясо прочихъ звѣрей. Тоже можно сказать и въ отношеніи тунгусовъ, какъ отличающихся въ промыслѣ звѣря. Долганы, якуты и тазовскіе остяки, какъ временно промышляющіе дикаго оленя, по ограниченному числу домашнихъ оленей, мясную пищу употребляютъ не всегда. Одна только крайность заставитъ этихъ инородцевъ убить домашняго оленя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ остяковъ и якутовъ, у всѣхъ остальныхъ инородцевъ существуетъ обычай умерщвлять оленя, посредствомъ петли, накинутой ему на горло. Затѣмъ въ сдѣланную противъ сердца рану выпускаютъ изъ оленя кровь, которую потомъ сунуть и хранятъ въ оленьихъ кишкахъ. Снятое съ животнаго сало, вмѣстѣ съ вывареннымъ изъ костей его, сохраняется тоже про запасъ. Голова оленя, какъ особенно вкусное блюдо, употребляется сырою, преимущественно одними мужчинами. Олень, на которомъ ѣздила женщина, считается поганымъ, и мясо его ѣдятъ однѣ женщины. Зайцы и куропатки составляютъ для жителей не малое подспорье въ продовольствіи себя. Но что всего вѣрнѣе обезпечиваетъ существованіе народа, это безъ сомнѣнія рыба, уловъ которой простирается ежегодно до 230 тысячъ пудъ. Изъ этого числа не болѣе какъ одна седьмая часть вывозится въ Енисейскъ,

а остальное количество съѣдается на мѣстѣ. Употребленіе рыбы довольно разнообразно: ѣдятъ рыбу живую, и это кушанье называется сугодиною. Строганина, т. е. изрѣзанная ломтиками мерзлая рыба, также находится во всеобщемъ употребленіи. Кромѣ того изъ рыбы дѣлаются слѣдующаго рода запасы: берутъ жирныя части омуля, или муксуна, и варятъ ихъ съ примѣсю небольшого количества жира, въ котлахъ, до густоты, и затѣмъ эту варку складываютъ въ оленьи пузыри или набиваютъ въ шкурки, снятыя цѣликомъ съ тайменя. Свареная въ водѣ и потомъ просушенная надъ очагомъ рыба называется «порса». Остатки хранятъ ее про запасъ въ берестяныхъ туясяхъ, зарытыхъ въ песокъ. Развареная, порса принимаетъ видъ грѣтаго бульена и при употребленіи наливается инородцемъ посредствомъ большой деревянной ложки въ начевку, изъ которой и выпивается тотчасъ, пока горяча. Не вареная, а провяленная только на солнцѣ рыба называется юхола. Рыбій жиръ, который вообще очень уважается, сохраняютъ въ оленьихъ пузыряхъ. На сѣверо-востоцѣ у якутовъ, и даже между русскими, готовится, на подобіе юхола, такъ называемая павлинка: это цѣльный чиръ, распластанный на-двое, провяленный на солнцѣ и нѣсколько прокопченный въ дыму. Павлинка очень жирна и вкусна. Добываемая якутами, долганами и отчасти русскими по рѣкамъ Хетѣ и Боганидѣ, оборотная сельдь сохраняется въ земляныхъ ямахъ, гдѣ она нѣсколько окисляется и составляетъ для жителей довольно пріятную пищу. Между этими же обитателями края можно встрѣтить высушенную икру, изъ которой, по превращеніи въ порошокъ, пекутъ нѣчто въ родѣ хлѣба, а по соединеніи съ мукою, готовятъ оладьи. Якуты, имѣя наклонность разнообразить пищу, — собираютъ ягоды: морошву, отвариваютъ ихъ и смѣшиваютъ ихъ съ рыбьимъ жиромъ. Корень бадуга — «амыякъ» у якутовъ также считается питательнымъ. Набравъ, очищаютъ съ него верхнюю кожицу, сушатъ и употребляютъ развареннымъ вмѣ-

стѣ съ рыбьимъ жиромъ. Съ рыбьимъ же жиромъ употребляютъ и вареный дивій лукъ. Это послѣднее растеніе также запасаютъ на зиму. Вода, въ которой варился лукъ, употребляется вмѣсто квасу. Высушенную богородскую траву и красноголовникъ (?) якуты пьютъ вмѣсто чая съ оленьимъ молокомъ, прикусывая сухимъ мясомъ. Подобное же употребленіе дѣлаютъ и юраки изъ травы, называемой ими «вымня». Тунгуски и остячки про запасъ собираютъ ягоды и сарану: первыя хранятся въ оленьемъ салѣ, а послѣдняя сушится и, превращенная въ порошокъ, употребляется съ мукою на печенье ленешекъ ⁽¹⁾. Если у кого-либо изъ числа упоминаемыхъ инородцевъ истощатся всѣ съѣстные запасы, то онъ является къ своимъ родовичамъ и живетъ на ихъ пищѣ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ удобное время для промысла. Этого мало: лишился инородецъ своего скота, онъ обращается къ болѣе состоятельному родичу и проситъ 2-хъ или 3-хъ оленей. Отказа не бываетъ. Вообще вспомошествованіе другъ другу въ объясненныхъ нуждахъ составляетъ отличительную черту у инородцевъ. Намъ русскимъ покажется страннымъ, что между дикарями нѣтъ даже слова: «занимать». Къ сожалѣнію и этотъ патріархальный обычай, по мѣрѣ обѣднѣнія инородцевъ, начинаетъ понемногу колебаться. Въ продолженіи лѣта и осени жители, имѣя избытокъ въ съѣстныхъ припасахъ, ѣдятъ чрезвычайно много, въ особенности остяки, которые чрезъ это даже полнѣютъ. Какъ бы ни былъ сытъ остякъ, но онъ не упуститъ случая полакомиться рыбьимъ жиромъ или гагарою, мясо которой ему особенно нравится. Надобно замѣтить, что верхнеинбатскіе остяки, какъ не промышляющіе диваго оленя, круглый годъ питаются почти исключительно одною рыбою. Хорошо, если бываетъ еще промыселъ зайца и ку-

⁽¹⁾ Луковицы: *Lilium dauricum*, *tenuifolium* и *martagon* употребляются въ пищу въ сыромъ и вареномъ видѣ; *Nemeroscallis flava* (именуемая волчьей сараной) въ пищу неидетъ.

ропатки, то они могутъ нѣсколько разнообразить свою пищу; въ противномъ случаѣ ѣдятъ сосновую, или пихтовую кору, соскобливъ съ нее верхнюю кожицу. Впрочемъ эти инородцы, привыкнувъ тунеядничать, постоянно одождаются казеннымъ хлѣбомъ, и чрезъ это рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ на себѣ значительнаго долга, простирающагося иногда до 600 р. За неимѣніемъ теплой одежды большая часть остяковъ, во время зимы, остается неподвижно на одномъ мѣстѣ, помѣщаясь въ сырыхъ, вонючихъ ямахъ, среди поразительной нищеты. Намъ однажды пришлось встрѣтить трехъ остячкихъ вдовъ и при нихъ шесть малолѣтнихъ дѣтей, которые, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди, отъ постоянного пребыванія близъ огня, глодали ивовую кору. Одна изъ женщинъ лежала больная на одрѣ, а остальные изнеможенные походили скорѣе на привидѣнія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія замѣчено было, что естественные источники, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, не всегда могли служить вѣрнымъ обезпеченіемъ продовольствія жителей. Такъ въ 1805 г. смерть 31 человѣка изъ тунгусовъ, бродившихъ по р. Хетѣ, относятъ къ голоду. Въ 1806 г., когда въ Туруханскомъ краѣ было всего два запасныхъ хлѣбныхъ магазина, а именно въ самомъ г. Туруханскѣ и нѣсколько южнѣе онаго въ с. Инбатскомъ, повторилась новая голодовка, а въ 1807 и 1808 г. полагаютъ умершихъ голодною смертію 32 человѣка. Въ 1810 и 1811 годахъ въ Илимпейскомъ тунгузскомъ родѣ говорятъ умерло съ голоду до 40 человѣкъ.

Столь печальные случаи между дикарями, а равно голодовки между новопоселенцами, засвидѣтельствованныя мѣстнымъ начальствомъ, побудили правительство въ 1815 г. увеличить число хлѣбныхъ магазиновъ по р. Енисею. Это было первымъ шагомъ правительства взять на себя опеку въ продовольствіи жителей края. Въ 1820 г., для продовольствія

инородцевъ, на случай необходимости устроены были магазины уже въ разныхъ мѣстахъ края. Къ 1823 году число магазиновъ возрасло до 35-ти. Для большей самостоятельности такого дѣла, каково снабженіе жителей сѣверныхъ предѣловъ Енисейской губерніи хлѣбомъ, съ 1825 г. образованъ былъ особый запасный капиталъ, состоящій изъ 32,501 р.

Для рѣшенія вопроса о томъ въ какой степени могла быть полезною правительственная опека по продовольствію жителей, изслѣдуемъ самыя обстоятельства, вызвавшія эту мѣру.

Между русскимъ населеніемъ края, лѣтъ за 60 назадъ, мы встрѣчаемъ такихъ промышленниковъ, которые проживали постоянно въ отдаленныхъ пунктахъ, питаясь одною рыбою и звѣремъ и между ними, сколько извѣстно, не встрѣчалось случаевъ голодной смерти; тоже должно сказать и въ отношеніи инородцевъ, несмотря на то, что до начала нынѣшняго столѣтія какъ у русскихъ, такъ равно и у большей части инородцевъ, было самое незначительное число оленьяго скота. Съ 1805 г. хотя и встрѣчаются между инородцами голодовки, но дѣйствительно ли онѣ сопровождались выше объясненными послѣдствіями, какъ доносило мѣстное начальство, мы отчасти сомнѣваемся. Намъ не разъ приходилось видѣть на опытѣ лугавство инородцевъ и склонность ихъ къ крайнему преувеличенію весьма обыкновеннаго обстоятельства, а въ отношеніи продовольствія онѣ не задумается объяснить когда нужно, что 3 или 4 дня уже сидитъ голодомъ, и тутъ же прибавить, что по возвращеніи не надѣется застать въ живыхъ свою семью, и случись въ это время дѣйствительно умереть отъ какой-либо болѣзни одному изъ членовъ семейства инородца, это непременно отнесется къ голодной смерти. Не ту-ли же наклонность къ преувеличенію смертности отъ голода можно видѣть и въ донесеніяхъ мѣстнаго начальства, которое дѣйствовало въ этомъ случаѣ по примѣру инородцевъ изъ своихъ видовъ. Увеличеніемъ числа хлѣбныхъ магазиновъ привлекалось большое число инородцевъ и вмѣстѣ

съ тѣмъ поступало значительное количество звѣринныхъ шкуръ, что конечно не было безвыгодно для мѣстныхъ властей, потому что рухлядь продавалась ими на мѣстѣ. Намъ замѣтить, что учрежденіе въ такомъ пустынномъ и суровомъ краѣ хлѣбныхъ складовъ имѣло цѣлю не только обезпечить жителей въ продовольствіи на случай худаго промысла звѣря и рыбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оградить произволъ и частныхъ торговцевъ къ продажѣ хлѣба по высокимъ цѣнамъ. Но тутъ прежде всего слѣдуетъ вопросъ: нужно ли было приучать инородцевъ къ употребленію хлѣба? и не лучше ли было предоставить это дѣло естественному ходу обстоятельствъ? На сѣверо-востокъ отъ р. Енисея народонаселеніе, состоящее почти изъ 3 тыс. душъ, не нуждается же въ хлѣбѣ. Если казна и имѣетъ тамъ складъ ежегодно до 750 пудъ хлѣба, то это количество разбирается скорѣе какъ лакомство. Съ уничтоженіемъ на половину числа хлѣбныхъ магазиновъ въ разныхъ мѣстахъ края не произошло же между жителями смертности отъ голода, тѣмъ болѣе, что они по прежнему живутъ въ отдаленіи отъ р. Енисея и слѣдовательно отъ расположенныхъ тутъ складовъ казеннаго хлѣба. Затѣмъ обращаясь къ мнѣнію о томъ, что заготовленіе казеннаго хлѣба возбуждаетъ конкуренцію въ этомъ дѣлѣ, мы находимъ, что оно, по несостоятельности своей, доказанной во многихъ случаяхъ, кажется и опроверженія не требуетъ. Жители и понынѣ приобрѣтаютъ хлѣбъ отъ енисейскихъ торговцевъ по высшей цѣнѣ противъ казеннаго, потому во-1-хъ, что съ іюня до сентября казенные магазины закрыты, между тѣмъ какъ въ это-то именно время большая часть инородцевъ, входящихъ на р. Енисей, дѣлаютъ запасы хлѣба на зиму, и во-вторыхъ, что жителямъ выгоднѣе заплатить нѣсколько дороже, но приобрѣсти хлѣбъ не на деньги, которыхъ у нихъ вообще очень мало, а въ обмѣнъ на рыбу; тѣже изъ крестьянъ, которые скопили нѣсколько деньженокъ, сложившись, спѣшатъ сами сплавить изъ Енисейска хлѣбъ. Но прослѣдимъ обстоя-

тѣмъ же весь ходъ хлѣбной операціи, производимой казною. Уже въ 1830 г., когда въ Туруханскомъ краѣ существовалъ лучшій промыселъ звѣря, на жителей оставалось въ долгу 2,700 пуд., несмотря на то, что хлѣбъ продавался отъ 27 до 34 к. сер. за пудъ. Вскорѣ разрѣшена инородцамъ выдача хлѣба въ долгъ. Въ 1834 г. нашли необходимымъ изъ 35 магазиновъ уничтожить 10, а въ 1837 г. разрѣшена выдача хлѣба въ долгъ и русскому населенію; но не прошло, послѣ этаго, и четырехъ лѣтъ, какъ на жителей образовалась хлѣбная недоимка въ 17,000 р. сер., которая начала возрастать съ каждымъ годомъ. Иначе и не могло быть, потому что во-1-хъ, что жители, а въ особенности инородцы, имѣя въ виду склады казеннаго хлѣба и привыкнувъ къ мысли, что они учреждены собственно для ихъ продовольствія, брали хлѣбъ въ долгъ весьма неразсчетливо и нѣкоторые даже кормили имъ скоть, а во-2-хъ вахтера магазиновъ, не имѣя положительныхъ на предметъ выпуска хлѣба правилъ, дѣлали въ этомъ случаѣ послабленія и даже злоупотребленія, какъ въ излишней припискѣ хлѣба на должниковъ, такъ равно и въ выпискѣ въ одолженіе хлѣба на такихъ инородцевъ, которыхъ въ дѣйствительности вовсе не было, и въ-3-хъ, что взысканія за одолженный хлѣбъ производились весьма слабо, и часто уплата, дѣлаемая жителемъ, въ казну не поступала. Услѣдить за вахтеромъ, а тѣмъ болѣе открыть его злоупотребленія мѣстному начальству, нерѣдко проживающему отъ магазина за 500 верстъ и даже болѣе, совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что даже отдѣльный засѣдатель или смотритель, проѣзжая по участку разъ или два въ годъ, не видитъ и половины должниковъ. Побуждаемое однакожъ, къ изысканію мѣръ, для успѣшнаго взысканія недоимокъ, мѣстное начальство, не вдаваясь въ разсужденія, начинаетъ съ того, что у жителей, расположенныхъ по р. Енисею, описываетъ имущество, котораго и оказывается по оцѣнкѣ всего на двѣ тысячи руб. Въ отвѣтъ на эту мѣру, жители, а въ осо-

бенности поселенцы, уже свыкшіеся съ легкимъ приобрѣтеніемъ изъ казны хлѣба, объявляютъ, что безъ вспоможенія они согласны бросить свои дома и идти на поселеніе или въ каторжную работу. Мѣстное начальство спѣшитъ это обстоятельство выставить на видъ и описанное имѣніе раздается обратно владѣльцамъ, хотя и въ испорченномъ уже видѣ. Правительство начинаетъ видѣть, что намѣреніе его, въ обезпеченіи жителей хлѣбомъ, не имѣя настоящаго приложенія, обращается только возло, а потому въ огражденіе безрасчетной выдачи жителямъ хлѣба съ 1843 г. постановляется слѣдующее правило: выпускать изъ магазина хлѣба на взрослую душу не болѣе 1 пуда, а на малолѣтнюю душу 20 фунтовъ въ мѣсяцъ во все время кромѣ лѣта, съ тѣмъ, чтобы хлѣбъ выпускался въ долгъ при дѣйствительной лишь крайности, по засвидѣтельствованіи обществомъ, отъ котораго въ исправности платежа должно быть и ручательство. Но огражденія могли только уменьшить зло, или заставить жителей прибѣгнуть къ изворотливости. Приходитъ къ вахтеру инородецъ и говоритъ: «давай хлѣба». Вахтеръ требуетъ ручательство общества; но общество инородца въ разбродѣ и когда соберется—Богъ вѣсть! а между тѣмъ дикарь объявляетъ что если онъ не получитъ хлѣба тотчасъ, то навѣрное умретъ съ голоду вмѣстѣ съ семействомъ, которое уже нѣсколько дней ничего не ѣло. Вахтеръ, во избѣжаніе отвѣтственности, рѣшается выдать хлѣбъ, разумѣется по установленному расчету. Но опредѣленіе количества душъ также зависитъ отъ произвола инородца. Такимъ образомъ вышеизложенное правило остается на дѣлѣ безъ приложенія. Этого мало, инородцы предъ отправленіемъ своимъ на зиму въ тайгу для звѣринаго промысла требуютъ отъ вахтера выдачи хлѣба по положенію впередъ на цѣлую зиму, какъ единственнаго средства, съ помощію котораго можно углубиться въ тайгу безъ опасенія умереть съ голода. Если не удовлетворить требованія инородцевъ, то они ограничатся бродяжни-

чествомъ около магазиновъ, и тогда, не избѣгнувъ выдачи хлѣба, можно положительно сказать, что онъ весь останется не оплаченнымъ, несмотря на ручательства инородцевъ другъ по другъ въ уплатѣ за взятый хлѣбъ къ извѣстному сроку. Да и къ чему ведутъ такія ручательства, когда все общество состоитъ предъ казною въ неоплатномъ долгу. Мѣстное начальство, понимая это и въ тоже время желая чѣмъ-либо оградить себя отъ отвѣтственности, которою угрожаетъ ему правительство въ строгихъ предписаніяхъ по взысканію накопившихся недоимокъ, придумываетъ слѣдующую мѣру: значительная часть должниковъ, водворенныхъ съ большими трудностями, отрывается отъ домохозяйства и отдается въ заработки на золотые промысла, въ этотъ вертепъ Содома и Гоморра, гдѣ развратилась и погибла не одна сотня отличныхъ домохозяевъ. Не довольствуясь этимъ, тоже мѣстное начальство предполагаетъ посредствомъ должниковъ производить на мѣстѣ уловъ и засолку рыбы съ тѣмъ, чтобы потомъ, чрезъ продажу этого продукта, вырученную сумму зачислять за долги. Первая изъ этихъ мѣръ, какъ и слѣдовало ожидать, не принесла казнѣ никакой пользы, потому что у многихъ изъ должниковъ остались на мѣстѣ семейства, которыя нужно было кормить изъ тѣхъ же казенныхъ магазиновъ, а иные, по старости лѣтъ или увѣчью, оказались къ работамъ неспособными и были обращены. Въ послѣдствіи не только должники, но даже само правительство не могло добиться о количествѣ вырученной чрезъ эту мѣру суммы. Чтоже касается до другой мѣры, то, къ счастью жителей, она не состоялась за утратою отдѣльнымъ засѣдателемъ отпущенныхъ на производство рыболовства 500 р. асс. Изъ счетоводства Туруханскаго отдѣленія мы видимъ, что съ 1852 по 1862 г. для населенія края среднимъ числомъ приходится на каждый годъ заготавлиаемаго казною хлѣба 13,836 п. на 7,644 р., продается собственно на деньги 1,617 п. Выпускается въ долгъ (съ растраченнымъ) 15,844 пуда на 11,817

Вступаетъ въ хлѣбный капиталъ денегъ 9,000 р. сер. Къ сожалѣнію, изъ приведенныхъ нами данныхъ невозможно сдѣлать положительнаго вывода о хлѣбѣ, собственно выпущенномъ въ одолженіе, потому что нельзя отдѣлить отъ него состоящій въ растратахъ. За всѣмъ тѣмъ, полагая послѣдній ежегодно въ 300 пудъ, оказывается, что на жителяхъ среднимъ числомъ остается въ долгу каждагодно 14,544 пуда, на 10,000 руб. Если въ послѣдніе четыре года хлѣба на деньги выпущено болѣе, а именно 10,021 пуд., а въ хлѣбный капиталъ вступило 48,042 р., осталось же въ долгу среднимъ числомъ 9,000 п. на 6,800 р. въ годъ, то это можно отнести скорѣе къ болѣе настоятельнымъ мѣрамъ по взысканію съ жителей денегъ, нежели къ сдѣланнымъ впрочемъ незначительнымъ преобразованіямъ. Теперь, когда хлѣбнаго капитала, образованнаго въ 1825 г., не только не существуетъ но даже сдѣлано имъ задолженіе въ постороннія суммы до 200 тысячъ руб., когда къ бездоимочному выпуску хлѣба жителямъ Туруханскаго края, послѣ цѣлаго ряда испробованныхъ мѣръ, другихъ средствъ, безъ разоренія этихъ людей, не предвидится (не говоря о взысканіи прежнихъ задолженій), кажется слѣдовало бы оставить идею продовольствовать жителей казеннымъ хлѣбомъ, предоставивъ имъ изыскивать къ этому собственныя средства. Это тѣмъ болѣе удобно сдѣлать въ настоящее время, что въ послѣдній годъ большая часть остяковъ начали приобрѣтать хлѣбъ отъ крестьянъ, которые ежегодно славляютъ такового до 15 тыс. пудъ, если не болѣе. Если въ настоящее время, по случаю задолженій, инородецъ таится открыто покупать на рухлядь частный хлѣбъ изъ боязни, чтобы подвернувшійся вахтеръ не отобралъ его рухлядь въ казну, то съ уничтоженіемъ опеки и самыхъ долговъ инородецъ будетъ покупать хлѣбъ открыто, и всякій изъ торговцевъ, зная это, охотно повезетъ къ нимъ хлѣбъ. Къ тому же надобно надѣяться, что и компанія пароходства, устроившаяся съ цѣлію вывозить изъ края мѣстныя произ-

веденія, не оставитъ въ удовлетвореніи главнѣйшей потребности жителей. Намъ извѣстно что эта компанія намѣрена въ разныхъ пунктахъ поселить прикащиковъ, у которыхъ будутъ и хлѣбные запасы. Судя по сплавамъ значительнаго количества хлѣба распорядителями графитоваго пріиска надобно полагать, что и они будутъ продавать хлѣбъ жителямъ, а слѣдовательно конкуренція явится сама собою. Съ уничтоженіемъ правительствомъ опеки въ продовольствіи жителей, а въ особенности съ прекращеніемъ взысканія старыхъ долговъ, отвратится натянутость отношеній жителей къ правительству: ибо неизвѣстность количества состоящаго на нихъ долга и способовъ взысканія такового убиваетъ въ человѣкѣ всякое желаніе къ упроченію своего домохозяйства. Для чего крестьянину напрягать всѣ силы и созидать домъ, когда онъ завтра-же можетъ быть описанъ и проданъ другому. Кромѣ этого правительство избавится отъ громадной переписки и чрезвычайно значительныхъ убытковъ. Сколько разныхъ лицъ было подъ судомъ за растраты хлѣба и капиталовъ, сколько потрачено денегъ и времени на открытіе виновныхъ по недочетамъ и неправильному выпуску хлѣба и сколько лѣтъ должна еще продлиться подобная переписка; какихъ расходовъ стоила казнѣ командировка въ разное время въ этотъ край лицъ для повѣрки оборотовъ хлѣбнаго капитала. Тысячъ въ двѣнадцать если не болѣе обошлось составленіе отчетности по Туруханскому краю за 10 лѣтъ, и сколько еще потребуется на окончаніе таковыхъ счетовъ съ 1847 по 1858 г. Хорошо, если Туруханское отдѣленіе будетъ представлять такую отчетность на будущее время, а если нѣтъ, то новая путаница, и новые на это расходы, неизбежныя недоимки и трата денегъ въ жалованье смотрителямъ, вахтерамъ, на устройство и ремонтъ магазиновъ и пр.

О положеніи хозяйства русскаго населенія края мы приводимъ слѣдующія свѣдѣнія:

	Число душъ.	Лоша- дей.	Ко- ровъ.	Со- бакъ.
Въ Верхнеинбатскомъ участкѣ . .	816	372	516	315
» г. Туруханскѣ	196	28	47	45
» сѣверныхъ предѣлахъ края . .	503	12	30	544
	1,516	384	593	859

Скотоводство, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ; въ южныхъ предѣлахъ довольно изрядное; оно могло бы еще болѣе увеличиться, еслибъ по многимъ станкамъ жители не нуждались въ сѣнныхъ покосахъ и рабочихъ рукахъ. Въ особенности затрудняетъ жителей отдаленность покосовъ отъ ихъ жилищъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что лучшіе и обширные покосы находятся при устьяхъ рѣкъ Сухой Тунгузки, Елогуя, Турухана и Нижней Тунгузки. Сѣвернѣе г. Туруханска лошадей и коровъ содержится очень мало и то преимущественно на тѣхъ станкахъ, которые расположены ближе къ городу. Нельзя сказать чтобъ это происходило отъ недостатка сѣнныхъ покосовъ; скорѣе это слѣдуетъ отнести къ непривычкѣ водиться съ упомянутыми животными. Возможность содержанія скота въ сѣверныхъ предѣлахъ уже доказана тѣмъ, что на одномъ изъ острововъ Енисейной губы крестьянинъ содержитъ двѣ коровы, для которыхъ накашивается на островахъ же потребное количество сѣна. Замѣчательно, что въ с. Дудинкѣ, а именно подь 69°40' с. ш., на двухъ коровахъ замѣчена была въ 1861 г. оспа.

Для туруханскаго жителя собака ⁽¹⁾ оказываетъ весьма важныя услуги; она не только стережетъ его жилище и оденный скоть, но въ бѣдѣ едва ли не полезнѣе оленя. Извѣстная порода сибирскихъ собакъ съ длинною шерстью встрѣчается здѣсь рѣдко и притомъ съ помѣсью. За всѣмъ тѣмъ у туруханскихъ собакъ рыло, большею частію, острое,

(1) По-остяцки «типъ», по-юрацки «выннеко», по-тунгузски «ненякинъ», по-самодѣцки «бунику», по-якутски «иттъ», на остяцко-самодѣцкомъ нарѣчій «кавалъ».

шилообразное; ростъ большой; уши приподняты. У инородцевъ кочующихъ въ сѣверныхъ предѣлахъ собаки, будучи не-большаго роста, отличаются мягкостію довольно длинной пушистой шерсти. Животныя эти вообще кротки, терпѣливы, чутки и такъ сильны, что многія изъ нихъ смѣло бросаются на волка и вступаютъ съ этимъ звѣремъ въ жестокую борьбу. Въ южныхъ предѣлахъ края собаки ценятся два и три раза въ годъ, а въ сѣверныхъ по большей части одинъ разъ.

Приготовляясь къ совершенію значительнаго переѣзда, здѣшніе жители оставляютъ собакъ безъ корма нѣсколько часовъ, отъ чего онѣ дѣлаются легче, послушнѣе и крѣпче, а также избавляются отъ опухоли и трещинъ на подошвахъ. Вся упряжь собаки состоитъ изъ одного «алыка», нѣчто въ родѣ петли, приготовленной изъ оленьей шкуры, а чаще всего изъ холста, и надѣваемой около заднихъ ногъ на поджарую часть туловища; отъ алыка чрезъ заднія ноги пропускается постромка (ремень) и привязывается къ барану нарты. Сначала собаки бѣгутъ борзо безъ всякихъ понуканій; остановки возбуждаютъ въ нихъ одно только нетерпѣніе. Звѣроловъ, осматривая свои ловушки на двухъ добрыхъ собакахъ, дѣлаетъ въ сутки до 60 верстъ и болѣе. Для такихъ поѣздокъ, совершаемыхъ по сѣвернымъ тундрамъ въ туманную или сумрачную погоду, передовая собака должна быть старая и опытная. Безтолковая собака, встрѣтивъ на дорогѣ свѣжій звѣриный слѣдъ, бросается стремглавъ, теряетъ дорогу и нерѣдко затаскиваетъ сѣдока въ оврагъ. Бывали случаи, что во время остановокъ собаки, испуганныя появленіемъ волка, срывались съ тормазы и въ страхѣ, забѣжавъ въ незнакомыя мѣста, пропадали. Опрометчивый охотникъ, оставшійся одинакимъ въ пустынѣ, тоже нерѣдко погибалъ. Напротивъ, умная и хорошо приученная передовая собака никогда не убѣжитъ отъ хозяина, и даже во время ѣзды, замѣтивъ, что сѣдокъ свалился, тотчасъ останавливается и сдерживаетъ прочихъ собакъ, или поворачиваетъ назадъ. Въ случаѣ же неотыска-

нія хозяина она немедленно бѣжитъ къ его жилищу. Съ такою собакою даже во время пурги нельзя заблудиться; зато онѣ и цѣнятся довольно дорого. Лѣтъ 50 и 80 назадъ, когда въ сѣверныхъ предѣлахъ края звѣролововъ было больше, а оленей водилось мало, хорошія передовыя собаки цѣнились отъ 200 до 500 р. асс. Къ передовой собакѣ не привязывается уздечка и возжи; она останавливается или поворачивается по приказу хозяина: такъ при словѣ: «пѣтсь» собака поворачивается вправо; слово: «нра» заставляетъ ее идти влѣво; при крикѣ «та» собака останавливается, а соскочившій съ нарти ѣздокъ тотчасъ затармаживаетъ свой легкій экипажъ посредствомъ небольшого кола, имѣющаго острый желѣзный наконечникъ. Тормазъ (торило) всегда находится привязаннымъ къ нартѣ.

Каждая собака зимою по доброй дорогѣ можетъ везти въ нартѣ клади до 3 пудъ на разстояніи 50 или 60 верстъ. Съ наступленіемъ лѣта собаки оказываютъ жителямъ не менѣе важную услугу въ отбываніи по р. Енисею подводъ. Двѣ собаки, пущенныя по берегу на длинной бичевѣ, весьма скоро тянутъ противъ воды обыкновенную лодку, съ грузомъ въ 10 и 15 пудъ. Встрѣтилась на пути рѣчка, впадающая въ Енисей, собаки немедленно ее переплываютъ. Далѣе 50 или 60 верстъ собаки на этомъ пути не выбѣгаютъ потому, что о каменья сбиваютъ подошвы своихъ лапъ до крови. Для предохраненія собакъ отъ такихъ поврежденій, обвязываютъ ихъ лапы мягкой кожею; что дѣлаютъ и зимою во время крѣпкаго на снѣгѣ наста; однакожь подобныя повязки въ дорогѣ служатъ не болѣе какъ въ продолженіи 6 или 7 часовъ. Обраенныя ноги собакъ заливаютъ смолою и засыпаютъ лепломъ. Если послѣ продолжительной ѣзды съ собакою сдѣлается, по выраженію жителей, «шатунъ» или «накать», то немедленно надрѣзываютъ ухо или хвостъ собаки и выпускаютъ нѣсколько крови. Въ ѣздѣ собака служить не болѣе 10 или 12 лѣтъ.

Въ сѣверныхъ предѣлахъ собакъ кормятъ преимущественно рыбою, лѣтомъ сырою, а зимою вареною. На каждую собаку идетъ въ сутки рыбы до 4 фунт. Вяленой рыбы (и халы) до 2½ фунт. Въ южныхъ предѣлахъ, гдѣ въ рыбѣ встрѣчается недостатокъ, дѣлаютъ болтушку изъ муки. Лѣтомъ собака требуетъ мало корма, потому что добываетъ себѣ въ пищу кротовъ, мышей и даже облинявшую птицу. Вообще это животное удивительно терпѣливо; бывають случаи, что собака остается безъ нищи трое и четверо сутокъ.

Замѣчено, что въ сѣверныхъ предѣлахъ края почти ежегодно бываетъ между собаками болѣзнь — бѣшенство, оканчивающаяся смертію дня чрезъ 3 или 4. Въ этомъ состояніи животное отгрызаетъ даже собственные лапы.

Оленьяго скота у туруханскихъ жителей насчитывается до 27 тыс. головъ.

Изъ этого числа полагается:

У крестьянъ, живущихъ сѣвернѣе г. Туруханска.	1,600
» остяковъ	3,000
» юраковъ	3,700
» тунгусовъ	3,100
» самоѣдовъ	10,000
» якутовъ	2,600
» долганъ	3,600

По расчисленіи оленьяго скота на число работниковъ, мы видимъ, что у крестьянъ приходится на каждого по 12; у инородцевъ же въ слѣдующемъ размѣрѣ, а именно: у остяковъ, обитающихъ въ южныхъ предѣлахъ, по 2, у тазовскихъ, карасинскихъ и баихинскихъ остяковъ по 16, у тунгусовъ по 10, у якутовъ по 16, у долганъ по 26 ⁽¹⁾, у юраковъ по 32, а у самоѣдовъ по 41 оленю ⁽²⁾ на работ-

⁽¹⁾ Впрочемъ у одного изъ этихъ инородцевъ, подъ именемъ Лонарэ, считается оленьяго скота болѣе полутора тысячъ головъ.

⁽²⁾ Самая богатая оленьимъ скотомъ между самоѣдами считается Авамская орда, гдѣ насчитывается до 4 тыс. оленей, если не болѣе. Всѣ олени лапландской породы.

ника, или такъ называемую ясачную душу. Слѣдовательно, оленнее хозяйство всего болѣе процвѣтаетъ у долганъ, юраковъ и самоѣдовъ; оно и не мудрено потому, что олени у этихъ инородцевъ содержатся въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ края, гдѣ менѣе всего животныя испытываютъ вліяніе жаровъ, пользуются привольемъ и рѣдко употребляются въ ѣзду.

Олень для бродячаго инородца служить для всего: для пищи, одежды и жилища. Изъ оленьихъ шкуръ дѣлается чумъ, разное зимнее и лѣтнее платье, которое шьется оленьими же жилами, крѣпость коихъ извѣстна; кромѣ этого изъ жилъ ткутъ для домашняго обихода тонкія веревки. Мясо оленя вкусно и питательно; языкъ его, сало и мозги составляютъ для инородца самую лакомую пищу. Молоко, не уступающая въ густотѣ сливкамъ, вкусно и весьма питательно. Кровь оленя, не говоря о цѣлительности ея противъ цинги, чрезвычайно питательна и отлично согрѣваетъ человѣка въ суровыхъ стравахъ. Наконецъ, посредствомъ оленя инородецъ имѣетъ возможность съ удобствомъ передвигаться съ одного мѣста на другое. Въ замѣнъ тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ олень человѣку, онъ не требуетъ съ своей стороны ничего, кромѣ свободы.

Домашніе олени всѣ лапландской породы; чутье у нихъ менѣе развито нежели у дикихъ; за всѣмъ тѣмъ намъ случилось замѣчать, что самоѣдскіе олени сейчасъ слышатъ присутствіе русскаго человѣка и отбѣгаютъ отъ него; они также чувствуютъ антипатію къ коровамъ и лошадямъ.

Питаются олень преимущественно ягелями (Lichenes); въ началѣ лѣта любитъ щипать листья сланцоватаго и березоваго ерника, борщевика и тальника; ѣстъ также траву, ягоды, а въ особенности грибы; бѣгая за послѣдними, олень забываетъ даже о своихъ телятахъ и нерѣдко теряется, отбившись отъ стада; тунгусы, какъ не имѣющіе пастуховъ, въ предупрежденіе такихъ случаевъ опускаютъ для корма

самокъ однихъ, а телятъ удерживаютъ дома; когда возвращаются самки, ихъ привязываютъ около чума, а телятъ отпускаютъ; во время зимы олень охотно ѣстъ и древесныя ягели (шахту); инородцы срубаютъ иногда для этого цѣлыя деревья. Иногда во время дождливой осени мохъ (ягели) вымокаетъ и при первыхъ сильныхъ холодахъ вымерзаетъ, тогда олень гибнетъ отъ голода и болѣзней. Молодые олени приучаются ѣсть сѣно и хлѣбъ и дѣлаются ручными. Оленнее хозяйство требуетъ своего рода заботъ и ухода. Въ кормовую пору, при оплошности пастуховъ, олени могутъ разбѣжаться и пропасть; тоже самое можетъ случиться и во время сильныхъ пургъ; кромѣ этого нужно умѣть выбирать удобныя кормовыя мѣста во время зимы и лѣта, охранять стадо отъ волковъ и заразы, которая въ особенности въ сѣверныхъ предѣлахъ производитъ между стадами оленей страшныя опустошенія. Самоѣды, юраки, нѣкоторые долгане и тазовскіе остяки, какъ имѣющіе значительныя стада оленей, не стоятъ долго на одномъ мѣстѣ, а по истребленіи въ окрестностяхъ моха, тотчасъ переходятъ на другое мѣсто; при стоянкахъ наблюдаютъ, чтобы олени далѣе 1½ вер. отъ чума не отходили. Для предохраненія оленей отъ внезапнаго нападенія волковъ содержатся собаки; лучшія изъ этихъ животныхъ въ теченіи цѣлой ночи бродятъ вокругъ оленьихъ табуновъ. Для предохраненія отъ медвѣдей, остяки привѣшиваютъ къ оленямъ медвѣжьи когти.

Одинъ изъ главнѣйшихъ мучителей оленя — это оленій оводъ (*Oestrus tarandi*), отъ котораго животное не можетъ избавиться ни лѣтомъ, ни зимою. Въ просверленную кожу оленя оводъ кладетъ свои яички, число которыхъ у лѣснаго оленя бываетъ больше чѣмъ у тундреннаго; изъ яичекъ подъ кожей животнаго вылупляются червяки (по мѣстному названію куликаны), которые причиняютъ животному невыносимую боль. Куликаны бываютъ бѣлаго и сѣроватаго цвѣта. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ эти червяки начинаютъ выбиваться наружу;

тогда же олень, кашляя, выхаркивает их довольно. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня червяки, превратившіеся въ куколки, наподобіе жесткихъ яичекъ, совершенно выходятъ наружу; въ это время кожа на оленѣ дѣлается какъ-бы пробитая дробью. Вскорѣ изъ куликановъ образуется двухкрылый оводъ, который съ наступленіемъ тепла въ заботахъ о размноженіи своего племени оплодотворяетъ самокъ, а эти послѣднія стараются положить свои яички въ того же звѣря, въ которомъ и сами образовались. Это происходитъ въ концѣ іюня, и въ началѣ іюля, когда олень перемѣняетъ шерсть. Претерпѣвая такимъ образомъ отъ овода и прочихъ насѣкомыхъ во время лѣта терзанія, олень ѣстъ мало, съ храпомъ бѣгаетъ кругами до истощенія силъ, или заходитъ въ воду по горло и стоитъ тамъ по цѣлымъ часамъ; если подулъ вѣтеръ, животное начинаетъ плавать, держась противъ вѣтра. Большую часть времени олень однако бьется около дымокура. Инородцы южныхъ предѣловъ края, гдѣ по случаю лѣсовъ лѣтніе жары бываютъ сильнѣе, а насѣкомыхъ появляются цѣлыя міріады, стараются для пастбищъ оленей избрать острова среди значительныхъ озеръ или рѣкъ. Тазовскіе остои и отчасти юраки кромѣ этого устраиваютъ особые сараи, гдѣ и содержится постоянно дымокуръ; въ этихъ сараяхъ цѣлое стадо оленей иногда по колѣно въ грязи стоять въ порядкѣ и спокойно. Въ особенности съ большимъ трудомъ переносятъ это трудное время олени, выросшіе въ сѣверныхъ предѣлахъ края и переведенные потомъ въ лѣса; нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на надзоръ и привѣшанные къ переднимъ ногамъ колодки, отбиваются отъ стада и уходятъ на сѣверъ въ тундры.

Къ оплодотворенію олень дѣлается способенъ на второмъ году своего возраста; но это болѣе относится къ самкѣ, которая къ году приноситъ теленка, нежели къ самцу, достигающему полной возмужалости на четвертомъ году. Гонка начинается во второй половинѣ августа и длится до ноября мѣ-

сяца. Въ это время самцы дѣлаются очень злы и нерѣдко заѣвываютъ между собою отчаянныя драки; за то оленьихъ быковъ обыкновенно холостятъ, оставляя для приплода только лучшихъ. Самоѣды, юраки и крестьяне скопятъ оленя по второму году вырываніемъ изъ разрѣзанной мошонки яичекъ; тунгусы и якуты, не разрѣзывая мошонки, яички раздавливаютъ и разминаютъ зубами. Во время гонки олени табуны раздѣляются на небольшія стада изъ 20 или изъ 30 воженекъ; при каждомъ изъ такихъ стадъ находится одинъ олений быкъ (порозъ). Если къ стаду явится посторонній быкъ, то между имъ и табунщикомъ возникаетъ жестокая драка, при которой они ломаютъ даже небольшія деревья и избиваются иногда до того, что, сбѣпившіеся рогами, падаютъ и издыхаютъ. Обхаживаясь, самка отказывается идти въ упряжи; время оплодотворенія для самокъ продолжается не болѣе 4 или 5 дней; тогда самецъ не отходить отъ нея, не ѣстъ и стоитъ повѣсивъ голову; отъ истощенія животъ его подбирается, а шея распухаетъ. Съ окончаніемъ гонки самецъ такъ исхудаетъ, что едва передвигаетъ ноги и тотчасъ роняетъ рога. Въ эту пору инородцы безъ труда убиваютъ дикихъ оленьихъ быковъ. Тѣ изъ самцовъ, которые, не будучи табунщиками, имѣли только временное сообщеніе съ самками, роняютъ рога нѣсколько позже первыхъ, въ одно время съ необходимыми самками. Рога у этихъ послѣднихъ животныхъ начинаютъ расти со второй половины февраля, сначала въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавокъ, который потомъ припухаетъ и вздувается вслѣдствіе отложенія внутри костянаго начала, восходящаго потомъ въ видѣ роговъ, покрытыхъ нѣжной кожицей, очень чувствительной и наполненной кровью. Олень скучаетъ во все это время, укрывается въ тѣни, покачиваетъ головою, боясь разбередить свои новые рога. Черезъ 10 недѣль по своемъ зарожденіи рога окончательно готовы. У молодыхъ оленей они бываютъ бѣлые, у оленей среднего возраста—бурые, а у старыхъ—совершенно черные. На тре-

тѣмъ году у молодаго оленя шесть концовъ, на четвертомъ восемь (по четыре на каждомъ), на пятомъ десять и т. д.; въсомъ они бываютъ отъ 10 до 20 фун. Чрезъ 40 недѣль по зачатіи, а именно въ началѣ мая мѣсяца, когда бываютъ иногда довольно чувствительные холода, самки приносятъ дѣтей, въ рѣдкость двухъ, но болѣе по одному теленку, и тогда же роняютъ рога. Ивородцы въ это время избираютъ для стоянокъ удобныя мѣста и наблюдаютъ за самками день и ночь. Уходъ за теленкомъ требуется въ первые три или четыре дня, а потомъ онъ отправляется и начинаетъ пощипывать траву. Самки вообще бываютъ ласковы къ своимъ дѣтямъ и оставляютъ ихъ только въ минуту опасности, да и тутъ случается, что самка крикомъ, топаньемъ переднихъ ногъ предупреждаетъ дѣтей о появленіи врага, котораго иногда и встрѣчаетъ ударами заднихъ ногъ. Способность къ оплодотворенію прекращается у самокъ только въ старости. Между якутами и долганами нѣкоторые доятъ отелившихся важенокъ раза два въ день. Молока за удои получается немного болѣе стакана. Съ наступленіемъ холоднаго времени молоко замораживаютъ и хранятъ для употребленія. Домашній олень, въ особенности малоѣзжаный, живетъ до 20 и даже до 25 лѣтъ, тундренный, т. е. взрослый въ сѣверныхъ предѣлахъ, 17 и много 20 лѣтъ. Подъ старость олень становится тощъ, корявые рога его становятся малы и покрываются мохомъ; вмѣсто зубовъ у оленя остаются одни корни ихъ; шерсть сваливается и самая шкура къ употребленію дѣлается негодною. У тазовскихъ остяковъ существуетъ повѣрье, что изъ устарѣвшаго дикаго оленя, который послѣдніе годы своей жизни проводитъ лежа въ травяныхъ озерахъ, образуется мамонтъ; съ превращеніемъ это животное переходитъ въ рѣку и начинаетъ ходить подъ землею, отчего и обваливаются ярыстые берега. Интересно мнѣніе самоѣдовъ о томъ, какъ образовался олень: «вытекавшая изъ кедроваго дерева смола, говоритъ самоѣдъ, стусившись на землѣ въ комъ, начала ше-

вслиться и приняла образъ оленьей самки, которая потомъ и принесла двухъ телятъ: порожа и важенку».

Ежегодно значительное количество домашнихъ и нерѣдко дикихъ оленей погибаетъ отъ разныхъ болѣзней. Недуги эти, по мнѣнію жителей, бываютъ такого рода:

1) Страданіе селезенки (по мѣстному названію «перепоро»). Въ этомъ случаѣ селезенка превращается иногда въ столь тонкій пластъ, что походитъ на прострѣленный свекольный листъ.

2) Копытчатый ракъ. Въ этого рода болѣзни появляется около копыта опухоль, которая постепенно подымается къ колену; въ самомъ копытѣ происходитъ жаръ съ болью, наконецъ въ разсѣлинахъ копыта открываются гнилыя язвы, изъ коихъ истекаетъ смрадная матерія. Если болѣзнь усилится, то, при распространеніи жара, по всему тѣлу и язвамъ около рта, вокругъ копыта отстаетъ и самая кожа, а изъ опухлаго мѣста течетъ гной; нерѣдко и самое копыто отпадаетъ. По большей части, чрезъ 4 — 7 дней, олень отъ копытчатого рака умираетъ. Болѣзнь эта такъ прилипчива, что когда животное по спаденіи копыта лижетъ язвы своей ноги, то языкъ его отваливается.

3) Принимаемая оленемъ пища, не перевариваясь въ желудкѣ, идетъ обратно; «брюшина идетъ» говорятъ жители и немедленно убиваютъ оленя, который однакожъ въ этого рода болѣзни живетъ мѣсяцъ и болѣе.

4) Болѣзнь открывается опухолью головы оленя, которую опустивъ онъ ходитъ какъ шальной; глаза животного краснѣютъ и выступаютъ изъ глазныхъ впадинъ; наконецъ истощенный олень чрезъ мѣсяцъ или два умираетъ. Бываетъ однакожъ, что въ головѣ дѣлается проломъ и гной вытекаетъ, тогда и животное выздоравливаетъ.

5) При внутреннемъ воспаленіи у оленя образуется множество пузырьковъ, наполненныхъ бѣловатою жидкостію, а сердце, печень и селезенка покрываются гноемъ.

6) Съ открытіемъ сильнаго поноса олень чрезъ шесть или семь дней умираетъ.

7) Языкъ оленя растрескивается; эту болѣзнь называютъ «ящуръ» и она по большей части смертельна.

8) Чрезъ нѣсколько дней видимаго безпокойства олень становится дикъ и начинаетъ бросаться на животныхъ, чело-вѣка и даже на дерево, о которое рогами бьется до тѣхъ поръ, пока отъ усталости не свалится. Отъ этой болѣзни, которая появилась въ краѣ не болѣе 5 лѣтъ, страдаютъ одинаково какъ рослые олени, такъ равно и телята. Заболѣвшаго такимъ образомъ оленя немедленно убиваютъ, но не въ тѣхъ видахъ, что отъ этой болѣзни можетъ заразиться цѣлое стадо, а единственно для предохраненія скота отъ нападенія разъя-реннаго животнаго.

9) Воспаленіе легкихъ съ язвами. Олень, пораженный этою болѣзнию, начинаетъ корчиться и поглядывать на бока; глаза его краспѣютъ и наливаются кровью; въ тѣлѣ дѣлается жаръ, дыханіе затрудняется; животное не можетъ лежать и чрезъ 3—6 сутокъ погибаетъ; но бываетъ что послѣ кашля съ изверженіемъ мокротъ олень выздоравливаетъ.

10) По всей спинѣ оленя появляются небольшіе нарывы, которые въ началѣ бываютъ тверды и катаются подъ кожей; въ послѣдствіи они размягчаются и прорываются, испуская густую бѣлую или желтоватую матерію. Послѣ нихъ остаются не-большія язвы, въ которыхъ оводъ и спѣшить класть свои яички.

Еслибъ отъ упоминаемыхъ болѣзней не умиралъ оленій скотъ и не истреблялся волками, то численность его у ино-родцевъ сѣверныхъ предѣловъ края въ нѣсколько лѣтъ воз-расла бы до громадной цифры.

Полагаемъ не лишнимъ слѣдующія инородческія названія оленьяго скота:

	По-остяцки.	На остяцко-самоѣдскомъ	По-юрацки.	По-самоѣдски.	По-тунгуски.	По-якутски.
Олений быкъ (холостой)	Ыгъ.	Хоръ.	Хоръ.	Дяба.	Ширу.	Алтырь.
Быкъ (кладеный). . .	Сэль.	Копта.	Халта.	Агатыя.	Актака.	Таба.
Самка (важенка). . .	Хангызы.	Чёкты.	Яди.	Дёгоды.	Ними.	Тыгы.
Теленовъ.	Олксы.	Чёрнякы.	Сую.	Таггу.	>	Тугутъ.

Тунгусы, большая часть долганъ и якутовъ ѣздятъ на оленяхъ верхомъ. Легкое сѣдельце, набитое шерстью, обтянуто замшею и нерѣдко изукрашено бисеромъ; оно безъ стрѣмянъ, съ одною подпругою и кладется оленю на переднія лопатки. Садятся на верхового оленя съ правой стороны. Ыздокъ держитъ въ лѣвой рукѣ уздечку, а въ правой посохъ, на который опирается по мѣрѣ надобности. Верховая ѣзда на оленяхъ требуетъ большой ловкости и навыка. Молодой олень привыкаетъ ходить подъ сѣдломъ дня въ два, а старый не скоро. Лѣтъ полтора ста назадъ у тунгусовъ, якутовъ и долгановъ оленей было очень мало и ѣзда на нихъ считалась за порокъ. Олень служилъ только въ необходимыхъ случаяхъ для перевозки тяжестей. Всѣ вообще инородцы ловятъ оленя посредствомъ длиннаго ремня, на одномъ концѣ котораго дѣлается петля; она накидывается на рога оленя и послѣдній тотчасъ останавливается. Посредствомъ этого ремня самоѣдъ выхватываетъ изъ цѣлаго стада нужнаго ему оленя. Малоѣзжаннй олень, почувствовавъ на рогахъ веревку, встаетъ на дыбы, мотаетъ головою, тащитъ на ремнѣ человека и чрезъ это иногда обламываетъ рога. Подобнаго оленя инородцы стараются «окричать», подвигаясь къ нему со всѣхъ сторонъ съ подготовленными петлями. Хорошо объѣзженныхъ и смирныхъ оленей долганы и якуты подзываютъ издавая гор-танный звукъ «ёё». На пойманнаго оленя тотчасъ надѣвается легенькая ременная уздечка, затѣмъ шея оленя обхватывается петлею, сшитою въ видѣ жгута изъ оленьихъ шкуръ; она

замѣняетъ хомутъ. Къ низу этой петли прикрѣпляется ремень (поводокъ), идущій отъ санокъ между ногъ оленя; другой конецъ этого длиннаго ремня, вздѣтаго у передка санокъ въ петли, прикрѣпляется такимъ же образомъ къ другому оленю; спину оленя обхватываетъ широкій ремень, иногда красиво вышитый оленьимъ волосомъ и бисеромъ; съ лѣваго бока у ремня прикрѣпляется крючокъ, на который, въ случаѣ нужды, забрасывается возжечка. Въ сѣверныхъ предѣлахъ края для ѣзды употребляются небольшія санки съ высокими копыльями, утвержденными въ довольно тонкіе и узкіе березовые полозья, загнутые только спереди. Ыздокъ править передовымъ оленемъ, бѣгущимъ всегда нѣсколько впередъ, посредствомъ возжечки съ лѣвой стороны. Когда нужно поворотить вправо, то возжечкою прихлопываютъ или выставляютъ хорей⁽¹⁾; чтобъ заворотить на лѣво, Ыздокъ тянетъ за возжечку; когда нужно остановиться, то передоваго оленя заворачиваютъ круто на лѣво, съ прегражденіемъ въ тоже время ему пути хореемъ; затѣмъ олень привязывается возжечкою къ санкѣ. Разгорѣвшіеся олени тотчасъ начинаютъ хватать снѣгъ, а потомъ принимаются разгребать оный, если чувствуютъ, что подъ нимъ находится мохъ; усталый олень напротивъ, сейчасъ же ложится. Ыздокъ сидитъ на санкахъ скорчивъ ноги и уложивъ оныя въ мѣшокъ (куколь), сшитый изъ оленьихъ шкуръ. На двухъ хорошихъ оленяхъ по ровной дорогѣ Ыздокъ можетъ проѣхать въ сутки 150 верстъ и болѣе. Запряженный въ обозную санку или нарту⁽²⁾ олень везетъ три пуда легко. Къ сожалѣнію, инородцы, а въ особенности остяки, по своей грубости иногда обращаются съ оленемъ жестоко.

(1) Длинная, ровная, гладкая палка, оканчивающаяся шишкою. Инородецъ держитъ хорей во время ѣзды въ лѣвой рукѣ и понуждаетъ имъ оленей, толкая ихъ палкою.

(2) Экипажъ въ видѣ дровень, съ тонкими полозьями, въ которые вставлены копылья и прикрѣплены ремнями; сверху копылья утверждены въ нащеты.

Главнѣйшій источникъ существованія для жителей заключается безъ сомнѣнія въ рыболовствѣ. Лучшія рыбныя ловли находятся въ сѣверныхъ предѣлахъ края. Рѣки Енисей, Тазъ и Хатанга, впадающія въ Ледовитое море, изобиліемъ водъ и кормовыми мѣстами привлекаютъ къ себѣ значительныя скопища морскихъ рыбъ. Независимо отъ временнаго наплыва рунной рыбы, въ р. Енисей и притокахъ его, а равно и въ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкахъ и озерахъ — постоянно водятся разнаго рода рыбы и нерѣдко въ большомъ изобиліи.

Приступая къ описанію рыболовства, мы намѣрены сначала кое-что передать о времени хода рыбъ. Обращаемся къ главнѣйшему бассейну водъ — р. Енисею.

За весеннимъ льдомъ по этой рѣкѣ, въ теченіи недѣли, плыветъ первое руно осетра. Вслѣдъ за осетромъ скатываются также по теченію рѣки налимъ, стерлядь и костеры. Въ началѣ второй половины іюня, съ убывлю весеннихъ водъ, начинаютъ выплывать изъ притоковъ и озеръ язь, преимущественно крупный, и другіе мелкіе роды рыбъ, которые и поднимаются вверхъ по рѣкѣ, отыскивая новые пригои, изобилующіе кормовыми мѣстами. На встрѣчу имъ, съ 29 іюня, плывутъ двѣ значительныя партіи осетра, изъ коихъ первая называется Петровское, а послѣдняя «Прокопьевское юро». Въ южныхъ предѣлахъ края осетръ плыветъ русломъ р. Енисея, а съ приближеніемъ къ устью Нижней Тунгузки начинаетъ заходить въ протоки Курьи и Улова. Плавежъ осетра вообще бываетъ довольно медленный, такъ напр. въ теченіе 10 дней онъ проплываетъ не болѣе 30 верстъ. Спустившись ниже Туруханска на 300 или 400 верстъ, осетръ въ концѣ іюля оборачивается назадъ и плыветъ вверхъ по р. Енисею вмѣстѣ съ морскимъ осетромъ на зимнія стоянки. На всемъ протяженіи р. Енисея по Туруханскому краю зимнихъ стоянокъ осетра не открыто, хотя и есть нѣкоторыя основанія предполагать, что въ такъ называемомъ Камню, ниже Осинов-

скаго станка, осетръ имѣеть небольшія пристанища. Значительная часть осетра, по всей вѣроятности, зимуетъ въ порогахъ р. Ангары.

Теперь обратимъ вниманіе на ходъ морскихъ рыбъ. Енисей значительностію весеннихъ водъ, которая отъ Туруханска, а въ особенности отъ с. Дудинки, текутъ весьма медленно и лѣтомъ имѣють весьма умѣренную теплоту, изобиліемъ кормовыхъ мѣстъ въ такъ называемыхъ куряхъ и протокахъ, гдѣ не бываетъ сильнаго волненія, представляетъ морскимъ рыбамъ всѣ благопріятныя условія для выполнения общаго закона природы: размноженія своей породы. Еще до очищенія Енисейной губы отъ льдовъ начинается изъ моря входить въ оную осетръ, курумъ или костерье, сизи, пилатеа и чирь. Къ этимъ, въ началѣ небольшимъ, партіямъ присоединяются потомъ и тѣ скопища сиговъ, чировъ, тайменя, налимовъ и щукъ, которые зимовали въ Енисейной губѣ или по значительнымъ ея притокамъ. Съ очищеніемъ Енисейной губы отъ льдовъ, что происходитъ въ первыхъ числахъ іюня, скопища всплывающаго чира увеличиваются. Въ слѣдъ за чиромъ начинается приваливать максунъ, сначала небольшими рунами и не такъ крупный. Съ 15 или 25 іюня, скопища максуна увеличиваются, тогда же начинаютъ входить нельма и сельдь. Нельма не всегда идетъ большими партіями. Сельдь напротивъ идетъ грудно. Всѣ эти три рода рыбъ, за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, входятъ все болѣе и болѣе увеличивающимися рунами, въ продолженіи 25—35 днѣй. Доказательствомъ тому что сельдь входитъ значительными массами въ р. Енисей, служитъ то, что во время весны попадаются льдины, покрытыя въ нѣсколько слоевъ дохлою рыбою. Это происходитъ отъ того, что льдины весною, въ особенности несущіяся съ заторовъ, насаживаются на неглубокихъ мѣстахъ и чрезъ нѣкоторое время примерзають. Послѣ, съ прибылью воды, оттаявъ, быстро приподнимаются и захватываютъ на поверхности своей нѣсколько слоевъ прохо-

дящей рыбы, которая, будучи не въ силахъ соскользнуть съ большихъ льдинъ, издыхаетъ на нихъ.

Примѣчено однакожь, что сельдь не каждый годъ входитъ въ Енисей въ огромномъ числѣ. Лѣтъ 30 назадъ ходъ ея по Енисею былъ ранѣе, по крайней мѣрѣ недѣлю.

За массами рыбъ въ Енисейную губу слѣдуетъ прожорливое животное «бѣлуха». Спасаясь отъ этого врага, рыба нерѣдко грудно приваливается къ берегамъ, или бросается по протокамъ.

Съ Ильина дня въ Енисей входитъ омуль, почти столь же грудно какъ и сельдь. Онъ продолжаетъ идти изъ моря въ теченіи 25 — 30 дней. Чтобы дать понятіе о дальнѣйшемъ слѣдованіи рыбъ вверхъ по теченію р. Енисея, мы прилагаемъ таблицу:

	Отъ устья вверхъ по р. Енисею на пространствѣ		
	600 вер.	960 вер.	1,630 вер.
Сигъ	—	Къ 10 іюня.	Къ 1 іюля.
Осетръ	Къ 8 іюля.	Къ 20 іюля.	—
Чирь	} Къ 16 іюня.	Къ 5 іюля.	Къ 20 іюля.
Цыпята			
Максунъ	Къ 20 іюля.	Къ 1 августа.	Къ 10 сентября.
Нельма	} Къ 25 іюня.	Къ 20 іюля.	Къ 15 августа.
Тугунъ			
Сельдь	Къ 20 іюля.	Къ 8 августа.	Къ 25 сентября.
Омуль	Къ 1 августа.	Къ 1 сентября.	Къ 1 октября.

Выставленныя нами цифры разумѣется въ настоящемъ случаѣ не могутъ имѣть ариметической точности; они служатъ только къ наглядному уясненію описываемаго нами хода рыбъ, что отчасти поясняется и нижеслѣдующимъ.

Осетрь входитъ изъ моря въ Енисейную губу самыми незначительными партіями во всѣ времена года, за исключеніемъ января и февраля мѣсяца. Плаваніе это совершается весьма медленно. При значительной прибыви весеннихъ водъ, въ особенности во время теплой весны, осетрь довольно долго разгуливаетъ между островами Енисейной губы на кормовыхъ мѣстахъ. Выше по Енисею идетъ только во второй половинѣ лѣта. Возвращается ли эта рыба обратно въ море — положительно неизвѣстно. Входящій изъ моря осетрь встрѣчается большею частію или холостымъ или же съ мелкою икрою, переполненною жиромъ.

Чирь и пилятка, слѣдуя вверхъ по р. Енисею, доплываютъ даже до с. Анциферовскаго, но чрезъ Осиновскіе пороги рыба эта подымается вообще въ незначительномъ количествѣ. Даже выше Туруханска чирь подымается по Енисею не столь грудно, потому что большая часть его заходитъ по обыкновенію въ притоки Енисея или останавливается по курьямъ. Въ особенности эта рыба предпочитаетъ р. Нижнюю Тунгузу, гдѣ на половину и остается.

Максунь, подобно осетру, продолжаетъ входить въ Енисейную губу во всѣ времена года, за исключеніемъ зимнихъ мѣсяцевъ; но главный гуртовой наплывъ максуна происходитъ, какъ было объяснено выше, съ іюня мѣсяца. Лѣтъ 40 назадъ ходъ максуна происходилъ ранѣе по крайнѣй мѣрѣ полутора недѣлями. Слѣдуя вверхъ по теченію р. Енисея, максунъ доплываетъ до Осиновскихъ пороговъ.

Нельма и тугунъ подымаются выше и достигаютъ г. Енисейска. На обратномъ пути тугунъ заплываетъ въ курьи и незначительные каменистые притоки на зимнія стоянки.

Сельдь весьма рѣдко доплываетъ до Осиновскихъ пороговъ и то въ незначительномъ количествѣ. Большею частію она поворачиваетъ назадъ отъ устья р. Бахты. Если во время хода этой рыбы на Енисей образовалась значительная прибывь водъ, то сельдь выбивается и очень скоро худѣетъ.

Омуль только въ теплую и продолжительную осень достигаетъ до устья р. Подкаменной Тунгузки и тотчасъ же обращается назадъ. Плыва вверхъ по Енисею, эта рыба не всегда приваливаетъ къ берегамъ, а держится большею частію самаго русла рѣки. Всѣ эти породы рыбъ, при входѣ въ Енисейную губу, очень жирны, въ особенности омуль и сельдь. Икра въ это время бываетъ только у немногихъ рыбъ, и то она мелка и жирна. По мѣрѣ приближенія къ Осиновскимъ порогамъ, рыбы на счетъ дозрѣвающей икры начинаютъ худѣть, впрочемъ и быстрота водъ кажется имѣть на это вліяніе.

Со второй половины іюля рѣчныя рыбы изъ мелкихъ озеръ и рѣчекъ начинаютъ выплывать на р. Енисей. Сначала выплываютъ тѣ рыбы, которыя хорошо откормились. Слѣдуя вверхъ по р. Енисею, онѣ заходятъ въ удобныя для нихъ притоки, стараясь пробраться чрезъ нихъ на зимнія стоянки въ глубокія озера, гдѣ бываютъ родники. Иногда сорогѣ, язю и ельцу, оставшимся въ незначительныхъ озерахъ и болотахъ, приходится пробираться на зимнія стоянки незначительными ручейками, мѣстами до того мелкими, что рыба кое-какъ пробирается лежа на боку. На этихъ мѣстахъ всегда присутствуютъ вороны, чайки, орлы, а иногда и хищные звѣри. Въ слѣдъ за рослыми рыбами скатывается и мелочь. Къ осени елецъ бываетъ жирнѣе всѣхъ рѣчныхъ рыбъ. Если остякъ, живущій въ южныхъ предѣлахъ края, для котораго ловля ельца служить главнѣйшимъ продовольствіемъ, наловилъ полную ветку (лодочку) этой рыбы, то считаетъ себя очень зажиточнымъ. Да и какъ остяку думать противное, когда изъ ветки насушивается одной порсы пуда четыре, да вытапливается жиру болѣе пуда. За то остякъ, перегородивъ рѣчку, несмотря на свою природную беспечность, не звѣаетъ; онъ раза по два и по три въ день, при выгаскиваніи изъ котца рыбы, свидѣтельствуетъ дно рѣчки около самой городьбы. Остяку по опыту извѣстно, что нахлынувшій къ загородкѣ

елець и даже мелкій язь — встрѣтивъ преграду, тотчасъ отыскиваетъ удобное мѣсто, проверчиваетъ подъ самую городьбою ямку и съ помощію воды дѣлаетъ отверстіе, въ которое и уплываетъ.

Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ замѣчено, что количество рыбъ годъ отъ году становится меньше. Конечно одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого уменьшенія есть обмелѣніе многихъ мѣстъ р. Енисея и притоковъ онаго, въ особенности впадающихъ въ него съ лѣвой стороны: ибо крутые берега ихъ, по слабости грунта, въ теченіе лѣта обваливаются и значительное количество земли заваливаетъ не только русла, но и самыя устья этихъ рѣкъ. Къ тому же лѣвый берегъ р. Енисея отъ собственныхъ обваловъ земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отъ наносовъ въ другихъ мелѣетъ. Ловля инородцами молодой рыбы частіями и посредствомъ запоровъ рѣчекъ также много вредитъ расположенію ея. Иногда, какъ наприм. въ концѣ 1861 г., отъ сильныхъ морозовъ закипаютъ не только ключи, но даже небольшія рѣчки, и въ озерахъ вода портится. Отъ этого погибнетъ множество рыбъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что съ уничтоженіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пожарами лѣсовъ, кормъ для рыбъ становится уже не столь изобилень.

Теперь обратимся къ самымъ промысламъ рыбъ.

Начиная отъ границы Енисейскаго округа до с. Дудинки для ловли осетра, начинающейся со вскрытіемъ р. Енисея отъ льдовъ, употребляется «переметъ». Этотъ снарядъ устраивается слѣдующимъ образомъ: на 80 саж. веревку, скрученную изъ четырехъ довольно толстыхъ нитокъ, чрезъ каждыя двѣ сажени, привязываются колѣнцы, длиною не болѣе 2-хъ четвертей; къ концамъ этихъ веревочекъ прикрѣпляются желѣзные крючки, согнутые изъ проволоки съ зарубленнымъ и отточеннымъ концомъ. Инородцы и нѣкоторые изъ жителей прикрѣпляютъ къ колѣнцамъ крючки безъ зазубринъ. На каждомъ переметѣ бываетъ не менѣе 41 и не болѣе 43 крючковъ; на крючки насаживаются кусочки оленьяго или

рыбчиковъ мяса и земляной червякъ «щюръ». Если осетръ на эту наживу нейдетъ, то насаживаютъ на крючки кусочки свѣжаго тугуна или засушеннаго вьюна. Самою лучшею наживою считается свѣжій вьюнъ. Старательные рыболовы плаваютъ за ловлею вьюновъ иногда за 30 и за 40 верстъ. Многіе эту рыбу высушиваютъ про запасъ для наживы, на будущую весну, когда всѣ береговья ямы, гдѣ водятся вьюны, затопляются водою. Чтобы опустить въ воду переметь, устраиваютъ сначала стоянку, т. е. бросаютъ якорь, къ которому за веревку прикрѣпленъ наплавъ; якорь, по обыкновенію, замѣняется камнемъ съ просверленною въ немъ дырою. Отъ стоянки идетъ особая бичева, опускающаяся на дно посредствомъ привязаннаго къ ней камня, она называется «оттугою»; за нижній конецъ этой оттуги привязывается переметь, который лежитъ внизъ по теченію рѣки. Около одной стоянки прикрѣпляется два перемета. Снарядъ этотъ обходится отъ 4 до 6 р. сер. и служить не болѣе трехъ лѣтъ. Постановка переметовъ тотчасъ по вскрытіи Енисея отъ льдовъ неудобна: ибо снарядъ этотъ забивается травою, иломъ и кореньями. Кромѣ этого переметы нерѣдко обрываются наплывающими льдинами или кармами. На переметахъ, устраиваемыхъ собственно для ловли стерляди, крючки бываютъ гораздо меньше. Переметь предпочитается самолову; съ этимъ нельзя не согласиться потому, что самоловы если и встрѣчаются, то у немногихъ жителей и притомъ устроенные небрежно, съ видимымъ неповиманіемъ дѣла. Число переметныхъ стоянокъ по р. Енисею простирается до 30 тыс. Кромѣ упоминаемыхъ снарядовъ, для ловли красной рыбы жители южныхъ предѣловъ края употребляютъ «поплавни». Поплавень, или правильнѣе пролетка, есть нѣчто въ родѣ невода, различіе состоитъ только въ томъ, что у поплавня по обѣимъ сторонамъ основной сѣти, т. е. спереди и сзади, расположены еще другія; длина этого снаряда съ посадкою отъ 20 до 25 саж., а ширина 2 арш.; на нижней тетивѣ, чрезъ каждыя 2 чет-

верти, насажены глинистые кольца «гольки», а у боковых клячь къ низу, на аршинныя веревки, прикрѣплены камни; на верхней тетивѣ берестяныя трубицы; у средней основной сѣти ячеи отъ узла до узла $1\frac{1}{2}$ дюйм., а у передней и задней ячеи на 6 и на 7 дюйм. Поплавнемъ ловятъ рыбу преимущественно на глубокихъ мѣстахъ. Обыкновенно для этого соединяють, посредствомъ кляпышковъ, два или три полавня и опустивъ въ воду плывутъ внизъ по теченію рѣки на разстояніи версты или болѣе, наблюдая чтобы нижняя тетива шла какъ возможно ближе ко дну рѣки, и за тѣмъ полавни выбираютъ въ лодки. Этимъ способомъ ловятъ въ теченіи цѣлаго лѣта не только красную, но и бѣлую рыбу. Пойманныхъ осетровъ по обыкновенію садятъ на куанъ; а въ низовьяхъ Енисея, во время осени, осетровъ пускають въ небольшія озера, откуда вынимають уже при наступленіи морозовъ. Ловлею красной рыбы занимаются крестьяне, остяки, большая часть самоѣдовъ и юраковъ. Въ теченіе года красной рыбы добывается по Енисею болѣе 6 т. пуд. Изъ этого числа до 5 т. пуд. продается енисейскимъ торговцамъ. Въ южныхъ предѣлахъ края осетръ идетъ въ продажу безъ икры, клея и потроховъ, съ вырѣзанными жабрами, по цѣнѣ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. за пудъ, а въ низовьяхъ Енисея, независимо отъ значительнаго пониженія цѣны, осетръ принимается купцами не иначе какъ съ отрѣзаннымъ хвостомъ и грудными плавниками.

Приступая къ описанію рыболовства морской рыбы, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателей съ мѣстными условіями, въ которыя ставятъ себя жители съ наступленіемъ рыболовства. Какъ скоро сбываютъ весеннія воды и обнаруживаются пески, жители низовьевъ Енисея переселяются туда въ устроенные балаганы. На станкахъ остаются только тѣ, у которыхъ рыболовные пески находятся близъ жилища. Въ прежнія времена на рыболовныхъ мѣстахъ устраивались лѣтотвѣя изъ наноснаго лѣса, на подобіе анбаровъ; каждое бревно

клатось на мохъ; на потолокъ настилагась земля и покрывалась сверху дерномъ. Въ одномъ изъ угловъ устраивался очагъ, а въ потолокъ отверстіе для выхода дыма. Если вспомнить, что весною, а часто и лѣтомъ, въ низовьяхъ Енисея свирѣпствуютъ между жителями простудныя горячки и скарлатина, къ чему въ особенности способствуютъ рѣзкія перемены погоды, сырость, туманы, а при сѣверныхъ вѣтрахъ и довольно чувствительный холодъ, то кажется бесполезно и доказывать важность подобныхъ помѣщеній. Нынѣ, къ сожалѣнію, подобныя жилища становятся рѣдки. Балаганы, въ которыхъ помѣщаются русскіе рыбопромышленники съ своими семействами, строятся на подобіе чума, изъ барочныхъ досокъ и обкладываются сверху дерномъ; иные впрочемъ покрываются одною березовою или еловою корою. Тѣ балаганы, которые обложены сверху дерномъ, сохраняютъ внутри себя постоянную сырость, въ особенности отъ пола, ничѣмъ не застилаемаго. Берестяные балаганы неудобны въ томъ отношеніи, что промокаютъ. Иностранцы, по обычаю, помѣщаются въ чумахъ. Выше г. Туруханска подобныя переселенія русскихъ на рыболовные пески бываютъ временны, а именно только въ концѣ августа. Для туруханскаго крестьянина тогда только и бываютъ истинно счастливыя минуты, когда онъ послѣ хорошаго улова располагается близъ огня у самаго берега роднаго Енисея. Въ то время когда предъ огнемъ жарится воткнутый на рожокъ свѣжій моксунъ, или чрезвычайно жирная налима макса, онъ не предается созерцанію быстро увядающей природы, а рассчитываетъ только какую изъ многихъ нуждъ своихъ онъ можетъ удовлетворить обмѣномъ этой рыбы.

Самые лучшіе пески по грудному привалу рыбы находятся въ Енисейной губѣ, а именно на островахъ Песочномъ, Зеленомъ, Бреховскомъ и Сопошномъ, куда лѣтомъ собирается до 300 человекъ рыбопромышленниковъ, изъ коихъ на половину бываетъ самоѣдовъ. Остальное число состоитъ изъ русскихъ, юраковъ и частію долганъ. На этомъ

пунктъ насчитывается до 100 неводовъ, а по станкамъ выше до Туруханска до 50 и по Верхнеинбитскому участку до 200 неводовъ. Длина этихъ снарядовъ большею частію бываетъ отъ 40 до 120 саж. Болѣе значительныхъ неводовъ едвали наберется 15. Невода можно раздѣлить на два сорта: частяки, вообще незначительной длины, предназначаются для ловли сельдей и тугуновъ; они существуютъ только по одному Верхнеинбитскому участку какъ у русскихъ, такъ равно и у остяковъ. Обыкновенно эти невода состоятъ изъ 4 или 5 сѣтей; тѣ, которые ближе къ берегу, бываютъ рѣже. Остальные невода, предназначенные для крупной рыбы, состоятъ изъ сѣтей; каждая сѣть имѣетъ длины отъ 10 до 14 саж., а ширины отъ 2 до 4 руч. саж. въ посадкѣ; болѣе широкія сѣти идутъ въ рѣчной столбъ; мотня устроивается не на срединѣ, а ближе къ бережному крылу невода. Въ низовьяхъ Енисея только влячи дѣлаются изъ тонкой воровины, а на тетивы употребляются веревки лычныя. По дороговизнѣ въ Туруханскомъ краѣ привозимой торговцами конопли, неводъ въ 150 саж. обходится въ 20 и 25 р. и въ 250 отъ 35 до 45 р. сер. Намокая отъ непрерывной неводьбы, снарядъ этотъ прѣтеть подъ жаркими солнечными лучами и чрезъ это служить не болѣе 3 или 4 лѣтъ. Хорошо, если въ эти годы уловъ рыбы вознаграждалъ труды и расходы на неводъ, но случалось и наоборотъ. Предубѣжденіе, что рыба боится смолянаго запаха, кажется начинаетъ исчезать, судя потому, что въ послѣднее время появилось до 10 осмоленныхъ неводовъ, которые, сколько извѣстно, по прочности своей могутъ служить 5 и даже 6 лѣтъ. Если неводъ не болѣе 60 саж., то имъ управляютъ двое, а при неводѣ въ 120 и 150 саж. находятся трое. Зачастую въ неводьбѣ участвуютъ женщины, которыя для этого осенью надѣваютъ штаны и бродни. Неводьба происходитъ общеизвѣстнымъ образомъ. Неводчикъ со сложеннымъ въ лодку неводомъ, заплывъ вверхъ по теченію рѣки, выбрасываетъ неводъ нѣсколько дугообразно; въ

это время береговое крыло невода, посредством веревки, поддерживается «пятчикомъ», т. е. человѣкомъ, идущимъ по берегу. Тоня не бываетъ болѣе 300 саж. Неводчикъ, выпустивъ въ рѣку неводъ, съ клячею въ рукахъ подплываетъ къ берегу и начинаетъ, съ помощію товарища, подтягивать рѣчное крыло. Вытаскиваемый неводъ постепенно складывается въ лодку. Съ приближеніемъ къ берегу мотни, означенной «гагаркою», т. е. привязаннымъ надъ нею большимъ наплавомъ, одинъ изъ рыбопромышленниковъ, поугавъ рыбу, съ цѣлію загнать ее въ мотню, приподымаетъ обѣими руками верхнюю тетиву. Если по бокамъ мотни начала биться заячеившаяся большая рыба, то онъ немедленно убиваетъ ее деревянною колотушкою, или подхватываетъ на небольшой багоръ. Въ Енисейной губѣ, во время грудного хода муксуна или омуля, попадаетъ иногда въ одну тоню отъ 300 до 600 рыбъ и болѣе. На тѣхъ пескахъ, гдѣ скопляется значительное число неводчиковъ, въ закидываніи неводовъ соблюдается очередь: такъ въ первой тонѣ сначала идетъ одинъ, потомъ другой и т. д. Во время рунного хода рыбы неводьба продолжается безостановочно круглыя сутки и только сильное волненіе, разводимое сѣверными вѣтрами, препятствуя неводьбѣ, доставляетъ рыболовамъ отдыхъ. Западныя вѣтры полезны въ томъ отношеніи, что разводя сильное волненіе въ куряхъ и протокахъ они выбиваютъ оттуда залывающую рыбу. Кромѣ этого прибои волнъ отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ много способствуютъ къ уравниенію рыболовныхъ песковъ, которые иногда бываютъ изверчены въ «курганы». По станкамъ выше Туруханска жители, предугадывая время появленія рыбъ и не желая пропустить руно, неводятъ поочередно каждую ночь. Подобной предусмотрительности ихъ научилъ опытъ: ибо случалось, что въ одни сутки проходило руно и тогда добыча рыбы выпадала на долю счастливецъ. Извѣстно, что при малѣйшей прибыли водъ въ рѣкѣ рыба по инстинкту приближается къ берегамъ для корма

и, на оборотъ, при убыли водъ удаляется вглубь. Эти обстоятельства жители также не упускаютъ изъ виду въ неводную пору.

Для ловли омуля употребляются особыя сѣти, называемыя «рѣжи», длина ихъ отъ 60 до 100 саж.; сѣти для этого вяжутся изъ тонкой пряжи, съ ячеями отъ узла до узла въ $6\frac{1}{2}$ верш. При употребленіи «рѣжъ» выбрасывается изъ лодки, подобно неводу, рѣчная кляча, къ которой прикрѣпленъ наплавъ, плыветъ по теченію, а бережная придерживается рыбакомъ, плывущимъ по теченію же въ лодкѣ, куда потомъ и выбирается рѣжъ вмѣстѣ съ заячеившеюся рыбою. Съ рѣжомъ плаваютъ осенью и даже въ то время, когда по Енисею плыветъ шуга. Наконецъ зимою ставятъ рѣжъ на бороздахъ. Кромѣ описанныхъ снарядовъ у всѣхъ вообще жителей, за исключеніемъ весьма немногихъ тунгусовъ и самоѣдовъ, существуютъ «пушальни», которыми ловится рыба во всякое время года по рѣкамъ, рѣчкамъ и озерамъ преимущественно на тихихъ мѣстахъ. Этотъ древній рыболовный снарядъ состоитъ изъ сѣти, посаженной на тетиwy, длиною въ 3 и $4\frac{1}{2}$ арш., а шириною въ $1\frac{1}{2}$ и 2 арш.; на верхнюю тетиву навязываются берестяныя трубочки, а на нижнюю прикрѣпляются деревянные кольца, обшитыя холстомъ или берестою со вложенными внутри камнями. Устройство пушальни обходится въ 1 р. и 1 р. 50 к. Нѣкоторые жители для прочности этой сѣти обмакиваютъ ее въ горячій отваръ, приготовленный изъ ольховой коры, и затѣмъ прокапчиваютъ въ дыму. Этого рода пушальни служатъ до 4-хъ лѣтъ. Кстати замѣтимъ, что у инородцевъ, кромѣ остяковъ, а равно и у крестьянъ сѣверныхъ предѣловъ края сѣти приготавливаются большею частью изъ пряжи, покупаемой отъ енисейскихъ торговцевъ; что они находятъ для себя болѣе выгоднымъ, нежели свить нити изъ конопли на рукахъ (1). Впрочемъ у крестьянъ, а равно у

(1) Въ послѣднее время у многихъ крестьянъ, въ особенности южныхъ предѣловъ, заведены, для пряжи, самопрайки.

долганъ, якутовъ и тунгусовъ, обитающихъ въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ края, очень довольно волосяныхъ пушальнъ, приобретаемыхъ отъ якутскихъ инородцевъ по 2 р. 50 к. за штуку. Такого сорта пушальни бываютъ въ длину 50 и 60 ручн. саж. и въ ширину 2 арш.; въ самой пражѣ, между двумя нитями, ссученными изъ конопля, находится 6 и 7 лошадиныхъ волосъ. Якуты, кромѣ пушальнъ, приобретаютъ изъ Якутской области и лошадиный волосъ для приготовленія сѣтей. Инбатскіе остяки даже и нынѣ готовятъ пушальни изъ крапивы, для чего ее сушатъ, потомъ мнутъ и прядутъ. Такого рода сѣть однакожъ не отличается прочностью. По всему краю количество пушальнъ можно полагать отъ 12 до 15 тыс. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ добавить, что между жителями, обитающими по рр. Хатангѣ, Хетѣ и Пясиной встрѣчаются изрѣдка и невода длиною отъ 60 до 100 саж., которыми они въ избыткѣ добываютъ въ іюлѣ мѣсяцѣ муксуна и омуля. Юраки, обитающіе лѣтомъ по р. Тазу, ловятъ рыбу неводами, приготовленными изъ таловаго лыка; впрочемъ мошня и примыкающіе къ ней столбы вставляются изъ обыкновенныхъ сѣтей; длина этихъ неводовъ до 60 саж., а ширина до 2¹/₂ арш., тетивы и влячи изъ лычныхъ веревокъ. Въ прежнія времена сѣти у юраковъ были постоянно лычныя, посаженные на веревки изъ таловыхъ прутьевъ. Кромѣ этого юраки перегораживаютъ лѣтомъ мелкія протоки Таза и ставятъ морды, или въ оставленные между городьбою воротцы опускаютъ сѣть «мережу». Въ послѣднемъ случаѣ юракъ сидитъ въ построенномъ надъ водою шалашѣ и держитъ прикрѣпленную къ мережѣ веревочку, посредствомъ которой и узнаетъ о попавшей рыбѣ; тогда мережа немедленно вытаскивается. Этимъ способомъ юраки иногда въ избыткѣ ловятъ осетровъ. Когда ловъ идетъ удачный, юраки просиживаютъ подъ мережею цѣлыя ночи. Добываемые осетры до заморозовъ опускаются въ небольшіе

озерки. Значительная часть этой рыбы и клея идетъ потомъ въ продажу березовскимъ юракамъ.

Между инородцами и донинѣ еще съ постояннымъ успѣхомъ существуетъ древнѣй способъ ловли рыбы посредствомъ запора рѣчекъ. Это дѣлается въ то время, когда рыба, въ концѣ лѣта, начинаетъ выплывать изъ рѣчекъ въ значительныя рѣки. Загородка — «зеле» дѣлается изъ кедровыхъ или сосновыхъ тычинокъ, переплетенныхъ между собою иногда просто тонкими древесными кореньями; къ отверстию, оставленному въ загородкѣ, придѣлывается, въ видѣ винта, другая, называемая «котець». Зашедшая туда рыба вылавливается сакомъ. Жаль, что этимъ способомъ истребляется множество молодой рѣчной рыбы. Добытая такимъ образомъ рыба высушивается подъ очагомъ и принимаетъ названіе порсы. Зимой, когда рыба неидетъ въ пущальни, инородецъ, замѣтивъ мѣстоположеніе впадающаго въ озеро источника, около котораго, по обыкновенію, скапливается вся рыба, отводитъ, посредствомъ искусственной плотины, теченіе источника въ другую сторону, а на мѣстѣ его впаденія въ озеро немедленно устраиваетъ котець. Рыба, лишенная свѣжей струи, бросается искать новаго родника—но напрасно. Чрезъ нѣсколько времени инородецъ пускаетъ ключъ по прежнему направленію, и утомленная рыба тотчасъ бросается на струю свѣжей воды и заходитъ въ ловушку. Этотъ способъ ловли рыбы повторяется зимою нѣсколько разъ.

Тунгусъ, поставленный въ необходимость прокармливать себя рыбою, прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ слѣдующему способу. Сдѣлавъ въ рѣкѣ прорубь, онъ опускаетъ въ нее крючекъ съ наживою или блесну и потряхиваетъ ловушку до тѣхъ поръ, пока не подплыветъ къ ней таймень или налимъ. Не успѣвъ рыба схватить приманку, какъ тунгус поражаетъ ее острогою. Чтобы лучше видѣть въ водѣ, тунгусъ подъ прорубью устраиваетъ шалапикъ. Весною, когда во льду образуются скважины или небольшія забереги, жители сѣверныхъ предѣ-

ловъ края ловятъ по рѣкамъ налимовъ посредствомъ опущенныхъ въ воду на бичевкѣ костяныхъ спицъ, имѣющихъ въ длину около вершка, съ прикрѣпленнымъ на нихъ для приманки кусочкомъ рыбы или потроховъ. Говорятъ, что на эту ловушку попадаетъ иногда и нельма. Во время лѣта почти каждый инородецъ мастерски бьетъ рыбу стрѣлою. Тунгусы, недовольствуясь этимъ, съ свойственною имъ ловкостію, употребляютъ въ дѣло и острогу. Подобный промыселъ рыбы они производятъ въ небольшихъ берестяныхъ плоскодонныхъ лодочкахъ, швы которыхъ заливаются лѣственничною сѣрою. Надобно замѣтить, что всѣ вообще инородцы для промысла рыбы и птицы имѣютъ лодочки (ветки), поднимающія одного человѣка; онѣ устраиваются большею частію изъ осины и столь легки, что одинъ человѣкъ можетъ безъ труда переносить такую лодочку съ одного озера на другое. Весло у этихъ лодочекъ длинное, съ гребками по обѣимъ сторонамъ, что между прочимъ важно и для сохраненія равновѣсія во время плаванія. Между остяками и самоѣдами встрѣчаются такіе молодцы, что переплываютъ въ веткѣ р. Енисей. Если во время таковой переправы въ лодку налилась вода, то пловецъ прыгаетъ въ рѣку и, держа за утлую посудину, выливаетъ воду, потомъ упершись на весло, положенное поперегъ лодки, вскакиваетъ въ онаю и садится, не потерявъ равновѣсія. Кромѣ ветокъ остяки имѣютъ лодки сажени въ 4 и болѣе длины, устроенныя изъ кедровыхъ досокъ, скрѣпленныхъ между собою деревянными гвоздями; верхъ (покрыша) изъ бересты. Нѣкоторые ставятъ на такія лодки и мачты. Жители сѣверо-восточныхъ предѣловъ края необходимыя для нихъ ветки приобрѣтаютъ отъ якутскихъ инородцевъ по 10 и 15 р. сер. за каждую. Обыкновенная лодка «набойница» на всемъ протяжении р. Енисея стоитъ 3 и 5 р.

Бѣлой рыбы по всему краю улавливается ежегодно отъ 200 до 250 т. пуд. Изъ этого числа вывозится въ Енисей-

скій округъ только около 28 т. пуд., остальное количество расходуется на пропитаніе жителей и собакъ.

На изобиліе рыбы въ Туруханскомъ краѣ со стороны Правительства обращено вниманіе въ началѣ настоящаго столѣтія. Это мы видимъ изъ мнѣнія Томскаго гражданскаго губернатора Хвостова, напечатаннаго имъ въ 1809 г. (1). «Зимовщики, говоритъ онъ, малыми сѣтями въ мелкихъ лодкахъ при самыхъ берегахъ Енисея налавливаютъ себѣ костры осетровъ. Слѣдовательно, еслибы учредить промыселъ сей при устьѣ Енисея артелями съ соразмѣрными неводами, останется ли мѣсто сомнѣнію, что промышленность сія будетъ источникомъ богатства? конечно не огромнаго, но какъ знать къ чему бы повели послѣдствія и опытъ.»

«Средство какъ учредить сіе на первый случай и даже для капитала отъ 20 до 30 т. руб. асс. полагается слѣдующее: начать предпріятіе сіе построеніемъ 2-хъ парусныхъ судовъ тысячъ до пяти груза. Первою весною тотчасъ за льдомъ отправить одно, снабдивъ двумя или тремя артелями промышленныхъ рыболововъ и по числу ихъ неводами съ запасомъ. Провизіи должно быть взято на цѣлый годъ. Сверхъ того можно брать товаръ хозяина судна или купеческій. Соль для соленія рыбы должна быть самосадочная. Судно сіе остается до слѣдующей весны на промыслахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не осетры и бѣлуга, но и жиръ тюленій достаточною будетъ промышленностію. Слѣдующею весною подобнымъ образомъ снаряженное и снабженное второе судно отправится на смѣну первому, которому довольно будетъ времени привезти весь грузъ до Енисейска.

Симъ способомъ учрежденный промыселъ сообразя съ существующею нынѣ цѣною на рыбу, расходы на производство его, на магазины для складки груза, на развозку рыбы по Сибири, достовѣрно великую прибыль принести долженъ.

(1) Сибирскій Вѣстн. 1820 г., ч. XII, стр. 14 и 15.

Одинъ клей, въ Москву и С.-Петербургъ доставляемый, едва ли не заплатить всѣ годовые расходы».

Мнѣніе это въ свое время по мысли было важно, въ особенности если принять въ соображеніе мѣстные обстоятельства. Дѣйствительно рыбное богатство можно назвать достояніемъ туруханскихъ жителей, а они обращались съ нимъ съ крайнею небрежностію. Излишняя рыба лѣтомъ накладывалась въ кадки неочищеною и часто невыпотрошеною и оставалась въ нихъ безъ соли на воздухѣ; но чаще, за неимѣніемъ кадокъ, складывалась въ означенномъ видѣ въ земляныя ямы. Дней чрезъ 10 изъ сопрѣвшей и скиснувшей рыбы выступалъ родъ бульена съ пѣною, который рыбопромышленники хлебали съ удовольствіемъ, заѣдая кусками рыбы, не совсѣмъ еще перегнившей. Впрочемъ и въ настоящее время немногіе изъ крестьянъ наловленную рыбу солятъ въ прокъ; большею частію они ограничиваются сушеніемъ оной на солнцѣ, подобно тому какъ это дѣлаютъ инородцы.

Енисейскіе торговцы, плававшіе съ издавна въ Туруханскій край на небольшихъ худо устроенныхъ судахъ для пріобрѣтенія рыбы, вывозили оную въ незначительномъ количествѣ и притомъ самаго дурнаго приготовленія, и чрезъ это рыба расходилась, да и нынѣ расходуется только въ одномъ Енисейскомъ округѣ. По недостатку соли рыба, сложенная въ лагунахъ, начинаетъ по обыкновенію разлагаться еще во время пути къ Енисейску, отчего всякій разъ выявляется ее достаточно. Ни къ развитію промысла, ни къ улучшенію способа приготовленія рыбы со стороны этихъ людей до сего времени не было принято никакихъ мѣръ. На лучшихъ рыболовныхъ мѣстахъ, а именно въ Енисейной губѣ, гдѣ успѣшный ловъ рыбы можетъ производиться въ теченіи мѣсяца, и даже болѣе, енисейскіе судовщики останавливаются и нынѣ въ 7 и на 10 дней, въ продолженіи которыхъ и нагружаютъ предназначенную подъ рыбу посуду. Съ отплытіемъ же ихъ расходятся и всѣ мѣстные рыболовы.

О способахъ приобрѣтенія и засолки рыбы енисейцами мы будемъ еще говорить особо, въ статьѣ о торговлѣ; здѣсь же предоставляемъ себѣ передать нѣкоторыя свѣдѣнія, относительно развитія рыболовнаго дѣла вообще.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, по управленію Восточной Сибири за 1856 г., между прочимъ, помѣщено было, что хорошіе рыбные промыслы края могли бы сдѣлаться важнѣйшею отраслью торговли и обогатить жителей, еслибъ нашлись предприимчивые люди, которые выписали бы съ Волги или Урала людей имѣющихъ солить рыбу, готовить икру, клей и проч. Противъ этого объясненія Его Императорское Величество соизволилъ написать резолюцію: «сообразить нельзя ли таковыхъ приискать.»

Начальникъ губерніи, во исполненіе Высочайшей воли, воспользовался предложеніемъ золотопромышленника Пакулева, изъявившаго желаніе пожертвовать, для производства опыта засолки рыбы въ Туруханскомъ краѣ, приготовленія икры и проч. 3,000 руб. и выписалъ въ 1859 г. засольщика. Къ сожалѣнію этотъ мастеръ, будучи астраханскимъ рыбопромышленникомъ, не успѣлъ примѣниться къ качеству туруханской рыбы, занимаясь опытомъ (за исключеніемъ зимы) не болѣе 6 мѣсяцевъ. За всѣмъ тѣмъ сдѣланный имъ опытъ засолки рыбы ледяною, посредствомъ тузлука, оказался весьма удачнымъ и вся вывезенная въ Енисейскъ рыба 400 пуд. куплена была, что называется, на расхватъ. Въ приготовленіи осетровой икры искусство засольщика оказалось неудовлетворительнымъ, потому, что икра, въ особенности въ низовьяхъ Енисея, постоянно встрѣчается недозрѣвшею и смѣшанною съ жиромъ. Опытъ засолки тѣмъ же мастеромъ сельди былъ неудаченъ и безъ сомнѣнія потому, что приготовленіе сельдей ему приходилось дѣлать въ первый разъ ⁽¹⁾.

(1) Замѣчательно, что по окончаніи опыта и увольненія самаго мастера, искусство котораго признано неудовлетворительнымъ, золотопромышленникъ Пакулевъ

Что же касается до енисейскихъ торговцевъ, то вся вывозимая ими изъ Туруханскаго края сельдь расходуется только между простонародьемъ. Иначе и быть не можетъ, сколько по грязному и несоотвѣтственному для этой рыбы приготовленію, столько же и потому, что сельдь эта улавливается въ одномъ Верхнеинбатскомъ участкѣ въ то время, когда рыба эта, поднимаясь изъ моря вверхъ по теченію р. Енисея, на разстояніи полутора тысячъ верстъ и болѣе приходитъ въ истощеніе и отъ напора водъ и отъ созрѣванія икры. Со всѣмъ другое встрѣчается въ этой же самой рыбѣ, которая, будучи засолена въ свѣжемъ видѣ и нѣсколько поопрятнѣе, прокапчивается здѣсь, хотя и безъ особаго умѣнья.

Еслибъ туруханская сельдь засаливалась въ устьяхъ Енисея, или по крайней мѣрѣ въ Енисейной губѣ, гдѣ она бываетъ безъ икры, весьма жирна и, не подвергаясь дѣйствию прѣсныхъ водъ, вполне сохраняетъ собственное ей качество и вкусъ, то достоинствомъ своимъ она не уступала бы привозной изъ за границы.

Если выше Туруханска сельдь идетъ столь трудно, что иногда изъ одной тони частина накладываютъ цѣлую лодеку, то въ Енисейной губѣ можно добывать ее десятки, если не сотни тысячъ пудовъ, и вся Сибирь могла бы довольствоваться туруханскою сельдью, не прибѣгая къ дорогому и часто затруднительному приобрѣтенію сельди заграничной. Кромѣ сельдей, максунъ и омуль могли бы расходиться по всей губерніи, не только въ соленомъ, но и въ копченомъ видѣ, а изъ бѣлухи, кромѣ сала, можно было бы добывать и спермацетъ (головной мозгъ животнаго); наконецъ во многихъ притокахъ Енисея и весьма значительныхъ озерахъ можно добывать разные виды семги; рыба эта, въ видѣ опыта засоленная на мѣстѣ и отосланная къ начальнику губерніи, по испытаніи

требовалъ отъ начальника губерніи возврата данныхъ имъ на эту операцію 3 т. руб., но въ этомъ ему было отказано.

оказалась такого же качества какъ и привозная семга. Кажется карасинцамъ очень хорошо извѣстно, что фунтъ семги стоитъ въ Енисейскѣ 80 и 90 коп., тогда какъ въ Туруханскомъ краѣ семга обойдется не болѣе 5 коп. за фунтъ. Къ сожалѣнію мы не встрѣчаемъ предприимчивости въ енисейскихъ торговцахъ. Отчего, напримѣръ, не воспользоваться предложеніемъ начальника губерніи и не принять въ себѣ вышеозначеннаго астраханскаго мастера для приготовленія рыбы улучшеннымъ способомъ, только потому, что будто бы на рыбу, приготовленную по способу этого мастера въ Енисейскомъ округѣ, потребителей не найдется (*).

Уважая вкусы людей и оставляя за енисейскими торговцами право располагать засолкою рыбы и проч. по своему усмотрѣнію, мы тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ сказать, что для собственныхъ ихъ выгодъ было бы полезнѣе во-1-хъ увеличить пропорцію соли при соленіи и сдѣлать опытъ засолки рыбы тузлукомъ; во-2-хъ, устроить въ судахъ для склада рыбы лари, такъ какъ бочки, не говоря о громоздкости, будучи поставлены на палубу, разсыхаются, задерживаютъ ходъ судна во время противныхъ вѣтровъ, наконецъ колотятся одна объ другую повреждаются, между тѣмъ какъ устройствомъ ларей не только устраняются всѣ эти неудобства, но и въ самой засолкѣ рыбы, если она будетъ производиться посредствомъ тузлука, соблюдалась бы значительная экономія въ соли; при томъ же и самая рыба, находясь въ прохладномъ мѣстѣ, менѣе подвергалась бы порчѣ, нежели въ бочкѣ, стоящей постоянно на солнцѣ; и въ-3-хъ вмѣсто оставленія на рыболовныхъ пескахъ рабочихъ для засолки рыбы, предоставить это дѣло самимъ рыбопромышленникамъ, которые всетаки по этой части свѣдущѣ енисейскаго мѣщанина, почти вовсе

(*) Енисейцы, какъ самъ градской голова говорить, привыкли ѣсть рыбу не того достоинства и вкуса, какую приготовлялъ астраханскій мастеръ, т. е. имъ нужна рыба съ душкомъ.

незнакомаго съ качествомъ рыбы и съ способами засолки ея въ корень. Теперь крестьянинъ-рыболовъ забравъ подъ рыбу необходимыя для себя вещи не слишкомъ озабочивается доставкой рыбы къ засольщику въ свѣжемъ видѣ, а иной пожалуй и привезъ бы ее тотчасъ по вынутіи изъ воды, да не можетъ этого сдѣлать или за отдаленностію отъ засольщика или по случаю сильнаго волненія на Енисеѣ; съ предоставленіемъ же засолки рыбы мѣстному жителю, въ особенности съ приличнымъ вознагражденіемъ, сей послѣдній безъ сомнѣнія для собственныхъ своихъ выгодъ поведетъ дѣло это лучше; но что всего главнѣе, такъ это, безъ сомнѣнія, устройство на лучшихъ рыболовныхъ пунктахъ ледниковъ.

Съ наступленіемъ зимы, почти всѣ инородцы принимаются за звѣриный промыселъ. Остяки стрѣляютъ преимущественно бѣлку. Тунгузы — всякаго звѣря, но предпочитаютъ охоту за оленемъ; юраки и самоѣды почти исключительно занимаются промысломъ оленя; якуты и долганы, какъ живущіе по большей части на одномъ мѣстѣ, занимаются преимущественно добычею песца и только по временамъ охотятся на дикаго оленя.

Промыселъ бѣлки начинается съ ноября и продолжается до апрѣля мѣсяца. Въ срединѣ зимы, когда, по случаю сильныхъ холодовъ, портится ружье и ломается лукъ, немногіе выходятъ на охоту. Въ добрую погоду хорошій стрѣлокъ убиваетъ въ день отъ 10 до 15 штукъ. Изъ русскихъ занимающихся обыкновенно, около жилищъ, добычею зайцевъ, горностаевъ и отчасти лисицъ, не многіе выходятъ на промыселъ бѣлки. Остяки и донинѣ бьютъ этого звѣрка большею частію стрѣлами. Послѣ дневнаго промысла утомленный ходьбою на лыжахъ остякъ останавливается наконецъ для ночлега, разводитъ огонекъ, выкуриваетъ трубку табаку и потомъ, подкрѣпивъ себя кое-какою пищею, ложится спать въ вырытую въ снѣгу яму, подбросивъ предварительно подъ себя еловыхъ вѣтвей. Единственная парка остяка служить ему,

на этотъ разъ, постелью и одѣяломъ, и лежить остоять всю безконечно длинную, холодную или пуржистую сѣверную ночь; но спать ли онъ въ этой снѣжной берлогѣ здоровымъ чело-вѣческимъ сномъ? или не похоже ли это состояніе на болѣзнен-ное оцѣпененіе! Такую бродячую жизнь съ остояемъ нерѣдко раздѣляетъ вся его семья.

Горностаю ловятъ черканами ⁽¹⁾ и небольшими капканами. Для промысла соболя лучшее время въ началѣ зимы; тогда охотникъ преслѣдуетъ звѣря съ помощію собаки. Прежде тунгусы на этомъ промыслѣ выказывали такую предприимчи-вость, что и съ наступленіемъ ночи, вооружившись зазженной берестой, или лучиною продолжали гнаться за сободемъ. Кромѣ ружья соболь добывается кулемами, черканомъ и об-метомъ ⁽²⁾; избѣгая преслѣдованія соболь иногда забивается въ дупло или выгнившую сердцевину дерева. Чтобъ выгнать его оттуда, затыкаютъ отверстіе и, прорубивъ въ деревѣ небольшое отверстіе, опускаютъ туда зазженную трутовцу. Чрезъ нѣсколько времени, когда пустота дерева переполнится дымомъ, открываютъ забитое отверстіе и ставятъ передъ нимъ черканъ.

Между 1812 и 1818 годами соболя было столь много, что жители не разъ видали его во дворахъ и били палками; тогда добывалось этого звѣря отъ 6 до 9 тысячъ штукъ въ годъ. Неговоря о другихъ инородцахъ, одни тунгусы и остяки вывозили изъ окрестностей Нижней Тунгузскіи до 4 тыс. со-болей. Не только русскіе женщины щеголяли въ собольихъ епанечкахъ, но многіе тунгусы имѣли собольи парки, на-дѣваемые сверхъ шелковыхъ рубахъ. Съ 1818 г. соболь на-чалъ исчезать; купцы перестали давать инородцамъ въ долгъ хлѣбъ и проч., чрезъ это экспедиціи остяковъ въ Нижнюю

(1) Ловушка эта подобна самострѣлу, разница только въ томъ, что звѣрекъ, стаскивающий приманку со сторожка, придавливается деревянною пластинкою вслѣдствіе толчка отъ опустившейся тетивы.

(2) Сѣтъ длиною до 30 саж., по краямъ ея привязываются колокольчики.

Тунгузку прекратились и соболій промыселъ упалъ, а въ настоящее время едвали добывается въ годъ во всемъ краѣ болѣе 250 штукъ.

Обыкновенная ловля лисицы—капканъ; промышляютъ ее и отравою, но мало, потому что для этого употребляется сулема — предметъ запрещенный въ торговлѣ. Нѣкоторые инородцы достаютъ изъ гнѣздъ молодыхъ лисятъ и вскармливаютъ вареною и растертою рыбою. Иногда эти животныя, въ особенности самки, дѣлаются совершенно ручными.

Ни одно изъ животныхъ не пользуется между инородцами такимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не внушаетъ такого страха, какъ медвѣдь. Остязки, ставя умственные способности этого звѣря слишкомъ высоко, называютъ его «шалэбъ кубъ» т. е. остяцкій человѣкъ. Всѣ инородцы убѣждены, что медвѣдь понимаетъ «весь умъ человѣка». Самоѣды говорятъ, что медвѣдь — «дямада» родился отъ женщины урода, имѣвшей любовную связь съ лѣшимъ — «намтуръ». У матери медвѣдя одна половина туловища была звѣриная, а другая человѣчья. Отъ этого среди множества духовъ едвали не первенствуетъ у шамановъ тотъ, который имѣетъ образъ медвѣдя. Для открытія истины, заподозрѣнный приводится къ сознанію передъ шорою или зубомъ медвѣдя; когти этого звѣря шаманъ носить на себѣ; они же будучи привѣшаны къ оленю охраняютъ послѣдняго отъ волковъ. За исключеніемъ развѣ тунгусовъ, почти всѣ инородцы, даже въ разговорахъ, опасаются упоминать о медвѣдѣ. Если остяку, плохому охотнику, случилось столкнуться съ медвѣдемъ въ лѣсу, тогда онъ съ униженіемъ и подобострастіемъ начинаетъ упрашивать звѣря не трогать его, и чего-то тогда не наговорить остякъ для умиловленія мишки. Иное дѣло тунгусъ: завидѣвъ что медвѣдь начинаетъ бѣжать, онъ въ досадѣ принимается страмить медвѣдя и преслѣдуетъ его иногда въ теченіи двухъ или трехъ сутокъ. И донинѣ еще встрѣчаются между тунгусами старики, которые на своемъ вѣку убили до ста медвѣдей. Обы-

кновенно охотникъ, сдѣлавъ по звѣрю выстрѣлъ, изловчившись, принимаетъ его на отказъ ⁽¹⁾, стараясь пронзить сердце. Рассказываютъ, что одинъ тунгусъ, столкнувшись нечаянно съ медвѣдемъ почти въ упоръ, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, но не совсѣмъ удачный. Разъяренный звѣрь бросился на охотника, но тотъ увернулся за дерево, которое у корня было довольно толсто. Тутъ охотникъ и медвѣдь цѣлый день вертѣлись вокругъ дерева. Не разъ медвѣдь когтями уже касался тунгуса, но послѣдній постоянно увертывался и наконецъ, успѣвъ зарядить ружье, убилъ медвѣдя наповаль.

Содравъ кожу съ медвѣдя, тунгусъ не прежде станетъ употреблять его мясо, какъ удостовѣрившись въ томъ, что звѣрь не ѣлъ человѣка, что и дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ: отрубаетъ лапу и бросаетъ ее вверхъ; если она упала по дошвою къ землѣ, то это значитъ что звѣрь не былъ людоедомъ.

Приготовляясь ѣсть медвѣжье мясо, до котораго инородцы вообще большіе охотники, они устраиваютъ деревянные спицы и берестяныя коробочки, въ которыя каждый изъ нихъ и складываетъ вытащенный изъ котла кусокъ мяса, остерегаясь уронить его на землю. Кости медвѣдя сжигаютъ или зарываютъ поглубже въ землю.

У одного тунгуса находился доморощенный медвѣдь, взятый маленькимъ. Онъ постоянно бродилъ по лѣсу съ своимъ хозяиномъ и при остановкахъ таскалъ для топлива дрова; лѣтомъ помогалъ тунгусу въ добычѣ линялыхъ гусей, гоняясь за ними вокругъ озера; ѣлъ постоянно вмѣстѣ съ хозяиномъ; если тунгусъ начиналъ обѣдать особо, или употребляя пищу не давалъ ее медвѣдю, то послѣдній опрокидывалъ лапами котелъ. На второмъ году проказы медвѣдя сдѣлались нестерпимы, и онъ былъ убитъ.

(1) Это отточенный съ одной стороны ножъ, на двѣ четверти длины, крѣпко посаженный на древко.

Остязки охотятся за медвѣдемъ большею частію тогда, когда онъ лежитъ въ берлогѣ. Отыскавъ логовище звѣря, всегда замѣтное по куржаку на деревьяхъ, открываютъ отверстіе онаго и начинаютъ впихивать въ яму дрова и дѣлаютъ это до тѣхъ поръ, пока разозлившійся медвѣдь, съ яростію ломавшій полѣнья, не утомится; тогда берлогу обваливаютъ лѣсомъ, оставивъ только небольшое отверстіе, въ которое посредствомъ просунутаго прутика и нащупываютъ бокъ, или, правильнѣе, то мѣсто, гдѣ находится у звѣря сердце и вслѣдъ за указателемъ прутикомъ пускаютъ отказъ; рѣдко опытная рука попадетъ не въ то мѣсто, куда слѣдуетъ. Сдирая кожу съ убитаго медвѣдя, остякъ считаетъ необходимымъ попросить звѣря не губить его за это; въ то же время остякъ наблюдаетъ, чтобы не капала съ звѣря кровь на землю.

Ловятъ медвѣдяи петлею, которую ставятъ надъ только что задавленнымъ имъ оленемъ, привязавъ предварительно веревку къ толстому кряжу; привязка дѣлается какъ возможно ближе къ петлѣ, для того, чтобы попавшій въ оную звѣрь не могъ оторвать кряжъ, задѣвши имъ за дерево. Замѣчательно, что медвѣдь, желая избавиться отъ бряжа, между множествомъ смѣшныхъ продѣлокъ, старается сгноить веревку собственною мочею, но никогда не догадается перегрызть. Въ петлѣ звѣрь не удавливается, а таская за собою тяжесть, утомляется и легче дѣлается добычею охотника.

Волковъ жители промышляютъ отравою; для этого искрашиваютъ 6 и 7 кусочковъ цилибухи и смѣшавъ съ рыбьимъ или гусинымъ жиромъ, а иногда съ мелко-изрубленнымъ мясомъ, кладутъ на языкъ задавленнаго волкомъ оленя: видно и хищный звѣрь любитъ лакомый кусочекъ. Изъ якутовъ нѣкоторые травятъ волка слѣдующимъ образомъ: берутъ нитку въ пол-аршина, къ концу которой привязываютъ рыболовную уду. Нитку эту, сложивъ въ комокъ, обмазываютъ саломъ, такъ чтобъ вышелъ шарикъ, и бросаютъ куда повадился

ходить волки. Проглотивъ нитку съ удою звѣрь убѣгаетъ и вскорѣ издыхаетъ.

Песцовый промыселъ начинается съ августа и продолжается до половины апрѣля. Для добычи песка, идущаго вверхъ по Енисею, устраиваютъ изъ тальника поперегъ берега осыки, вышиною не болѣе полутора аршинъ; въ отвѣстїяхъ этой городьбы ставятъ ловушки (кльпцы). Иные поперегъ берега растягиваютъ неводъ, поставленный на шестахъ, съ прикрѣпленіемъ къ верхней тетивѣ колокольчиковъ. При неводѣ на ночь залѣзаетъ караульщикъ съ палкою. Во время хорошаго хода попадаетъ въ ночь отъ 5 до 10 песцовъ. Случается, что песцы тогда забѣгаютъ во дворы и даже анбары жителей, которые и убиваютъ ихъ палками. Не отъ того ли существуетъ молва, что въ Туруханскомъ краѣ стоитъ только взять дубинку, чтобы набить песцовъ цѣлую кучу. Въ 1860 г. песецъ шелъ отъ моря по берегу Енисея въ значительномъ количествѣ и жителями добыто 7 тысячъ преимущественно молодаго песка, который и называется «выпускнымъ».

Постоянный песцовый промыселъ производится съ давнихъ лѣтъ русскими, якутами и долганами и отчасти юраками посредствомъ «пастей». Ловушка эта уже однимъ названіемъ достаточно опредѣляетъ себя. Изъ колышковъ, вышиною въ три четверти, основываютъ на холмикѣ двѣ стѣнки на разстояніи 3-хъ или 4-хъ аршинъ, между которыми лежитъ приподнятое съ одного конца листовичное дерево: другой конецъ, обыкновенно тонкій и выдающійся нѣсколько изъ стѣнокъ, прикрѣпляется къ особому поперегъ положенному бревну. Чтобы камень бревна, называемый «гнѣздо», падалъ между стѣнокъ ровно, въ оконечность его вставляютъ горизонтально иглу, которая обѣими концами проходя между колышками не даетъ бревну, при паденіи, уклоняться въ сторону. Между стѣнками полъ устилается расколотыми бревешками, которыя засыпаются сверху пескомъ. Какъ скоро песецъ за-

тронуть приманку, прикрѣпленную внутри пасти на протянутой симѣ, тогда бревно срывается съ кляпышка и падаетъ. Ловушка эта вполне удовлетворяетъ своему назначенію если принять въ соображеніе нехитрость песца. По тундрамъ отверстіе пасти всегда обращено на западъ, а въ низовьяхъ Енисея — на югъ, для того, что отъ этихъ вѣтровъ внутренность ловушки очищается отъ снѣга. Пасти устраиваются вокругъ зимовья въ шахматномъ порядкѣ. Каждый житель, смотря по средствамъ, имѣетъ отъ 50 до 400 такихъ ловушекъ, и между ими одно, два и даже четыре «отѣзжихъ зимовья» разстояніемъ другъ отъ друга на 20 или на 30 верстъ. Въ эти зимовья заблаговременно складывается необходимое количество дровъ и сушеной рыбы, преимущественно для кормленія собакъ, на которыхъ большею частію жители разѣзжаются по промыслу. Отѣзжія зимовья, устроенныя съ небольшими сѣнками для помѣщенія собакъ, составляютъ для промышленниковъ пріютъ во время пурги и сильныхъ морозовъ. Въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ края можно считать приблизительно до 30 тысячъ пастей. Когда песецъ идетъ въ ловушки, то объѣзжаютъ ихъ чаще; завѣтъ тѣмъ осмотръ каждой происходитъ не болѣе раза въ двѣ недѣли, а обыкновеннѣе разъ въ мѣсяцъ. Въ темную пору для осмотра пастей выбираютъ свѣтлыя ночи. Самоѣды промысляютъ песца большею частію капканами, которые ставятъ надъ норкою звѣря. У каждого рода, даже можно сказать у каждого инородческаго семейства, промыселъ дикаго оленя ограничивается на извѣстномъ пространствѣ. Съ малолѣтства изучая эти мѣста, инородецъ ознакомился и съ путями оленей, которыми они идутъ на сѣверъ и обратно, примѣнился — гдѣ, въ какое время и какимъ способомъ удобнѣе промыслять звѣря. Ограниченность этого промысла въ извѣстныхъ предѣлахъ особенно важна для малооленнаго инородца, у котораго кромѣ добычи оленей находится тутъ же подъ рукою и рыбныя ловли. Отправляясь

въ извѣстное время на знакомыя мѣста, инородецъ расчитываетъ, что дикій олень тутъ еще не отпуганъ.

Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, когда олень изъ лѣсовъ идетъ на открытыя тундры, самоѣды и юраки промышляютъ его «махавками». Способъ такой добычи заключается въ слѣдующемъ: на протяженіи 4 или 5 верстъ устраиваютъ нѣчто на подобіе сѣнокъ, состоящихъ изъ кольевъ, вышиною аршина на полтора, съ привѣшанными на верхнихъ концахъ ихъ тряпичками или перьями; колья ставятся сначала довольно рѣдко, но потомъ разстояніе между ними сокращается и самый проходъ между ними суживается. Если на рисунокѣ для соблюденія перспективы аллея дѣлается на первомъ планѣ широкая, а къ концу узкая, съ учащенными стволами деревьевъ, то устройство «махавокъ» въ натурѣ какъ нельзя лучше съ этимъ сходствуетъ. Въ узкомъ концѣ «махавки» перегораживаются сѣтями, связанными изъ тонкихъ ремней и растянутыми на кольяхъ; высота сѣти не превышаетъ 2½ арш., а длиною 150 сажень. Около сѣточной перегородки и по сторонамъ махавокъ, въ укромныхъ мѣстахъ залегаютъ чело-вѣка четыре съ рогатинами и стрѣлами. Стадо дикихъ оленей искуснымъ лавированіемъ загонщиковъ, разбѣжающихся на лучшихъ оленяхъ, направляется въ махавки иногда верстъ за 15. Обыкновенно олени, замѣтивъ вдали что-то движущееся, прежде всего хотятъ удостовѣриться нѣтъ ли тутъ какой опасности; для чего стараются «забрать духомъ», т. е. схватить чутьемъ; но загонщики, которые въ случаѣ необходимости смѣняють другъ друга, такъ искусно лавируютъ, что не давая дикимъ оленямъ почуять присутствіе чело-вѣка, умѣютъ въ то же время поддерживать въ нихъ это стремленіе къ распознаванію и незамѣтно вводятъ въ «махавки». Но этимъ не оканчивается дѣло. Загнать оленей въ махавки немудрено; говорить самоѣдъ, нужно только чтобъ животныя понеслись между частоволомъ, а не свернули въ сторону. Въ этомъ случаѣ одинъ изъ загонщиковъ, направивъ оленей вдоль маха-

вокъ, поступаетъ такъ, что животныя, почуявъ наконецъ въ немъ своего врага, со всѣхъ ногъ бросаются по указанной линіи, гдѣ, повстрѣчавъ учащенную городьбу съ развѣвающимися лоскутьями, еще болѣе ускоряютъ бѣгъ;—у страха глаза велики. Прежде нежели олени успѣютъ ворваться въ растянутыя сѣти, многіе изъ нихъ убиваются стрѣлами; затѣмъ охотники, очутившись въ срединѣ оторопѣвшаго стада, съ необыкновенною ловкостію принимаются колоть звѣрей рогатинами. Все дѣло кончается въ нѣсколько минутъ. Убѣгающихъ оленей догоняютъ стрѣлы.

Во время лѣта на сѣверныхъ тундрахъ промыселъ оленя совершается точно такимъ же образомъ, съ тою только разницею, что махавки дѣлаютъ изъ земли и дерна. Съуженный конецъ махавокъ упирается въ рѣчку или озеро, гдѣ нѣсколько челоѣкъ залегаютъ съ подготовленными вѣтками. Загонщикъ бываетъ тогда одинъ и притомъ пѣшій. Разумѣется, онъ долженъ быть ловокъ и опытенъ; словомъ, какъ говорятъ жители, «понимать весь умъ оленя». Какъ скоро олени, вырвавшись изъ махавокъ, бросятся въ воду, охотники тотчасъ принимаютъ ихъ колоть.

Съ наступленіемъ осени, когда олень, собравшись въ значительные табуны, начинаетъ идти обратно на югъ, юго-востокъ и юго-западъ, добыча его производится «на плавяхъ», т. е. во время переправъ чрезъ рѣки: Таймыру, Балахну, Пясину и пр. Передовые табуны пропускаются нетронутыми; промышляютъ только заднихъ. Для переправы олени спускаются къ рѣкѣ обыкновенно по руслу высохшаго или маловоднаго ручья, выбирая такое же мѣсто и на противоположномъ берегу. Сначала весь табунъ стѣснится въ одну густую толпу. Передовые олени съ немногими сильнѣйшими выходятъ нѣсколько впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности передніе скачутъ въ воду, за ними кидается весь табунъ. Олени плывутъ другъ за дру-

гомъ въ нѣсколько рядовъ. Надобно замѣтить, что олень пла-
 ваетъ до того легко, что спина и половина боковъ остаются
 наружи; охотники, тщательно скрывавшіеся, быстро выплы-
 ваютъ на вѣткахъ и стараются пресѣчь оленямъ путь. Въ
 это время когда одни сдерживаютъ переднихъ оленей—двое
 или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длин-
 ными отказами, врываются въ средину табуна и колятъ оле-
 ней съ невѣроятною скоростію. Обыкновенно одного ловкаго
 удара довольно для умерщвленія животного или нанесенія ему
 тяжелой раны. Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ
 большою опасностію. Окруженный густой, безпорядочною и
 часто разъяренной толпою оленей, охотникъ, сидя въ малень-
 кой лодочкѣ, ежеминутно подвергается опасности опрокинуться,
 ибо олени быки во время нападенія на нихъ кусаются и
 бьютъ задними ногами, а самки, кромѣ этого, стараются пе-
 редними ногами опрокинуть лодку. Если это удалось, то охот-
 нику, неимѣющему, по обыкновенію, плавать, предстоитъ одно
 средство — ухватиться за рога сильнаго раненаго быка,
 который его и вытащитъ къ берегу. Впрочемъ несчастія на
 такомъ промыслѣ случаются весьма рѣдко: ибо промыш-
 ленники обладаютъ замѣчательною ловкостію въ управленіи
 лодочкой, хотя, въ одно и тоже время всѣ умственные и фи-
 зическія силы его сосредоточены на одной мысли: поражать
 животныхъ. Хорошій охотникъ менѣе нежели въ полчаса уби-
 ваетъ до 70 и болѣе оленей. Чѣмъ растроеннѣе табунъ, тѣмъ
 удобнѣе поковка. Менѣе опытные охотники хватаютъ уби-
 тыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ и вле-
 кутъ въ берегу, гдѣ между прочимъ представляются имъ слу-
 чай добывать подплывающихъ оленей, которые не тяжело ра-
 нены. Вообще подобнаго рода охота представляетъ удиви-
 тельное зрѣлище. Среди шума нѣсколькихъ сотъ плывущихъ
 оленей, стелбывающихся иногда рогами, плескающихъ опро-
 вавленную воду, слышны дикіе крики переднихъ охотниковъ,
 старающихся задержать на рѣкѣ табунъ оленей. Убитые оле-

ни, по окончаніи поволоки, немедленно опускаются въ воду, для того, чтобы на воздухѣ они не могли испортиться.

Добыча составляетъ общую собственность всѣхъ охотниковъ. Если въ числѣ промышленниковъ находится такой, у котораго въ семействѣ двѣ или четыре платежныхъ души, то на каждую, изъ нихъ онъ получаетъ по паю. Этотъ обычай свято соблюдается во всякаго рода промыслахъ и не относится только къ одной мамонтовой кости, которая принадлежитъ исключительно тому, кто ее нашелъ. Поволка на плавахъ продолжается до рѣкостава.

Случается, что промышленникамъ, которые преслѣдуютъ оленій табунъ, удастся загнать его на едва укрѣпившійся ледъ на рѣкѣ, тогда обрушившееся стадо оленей представляетъ случай къ хорошей добычѣ. Нерѣдко стада оленей пробираются чрезъ р. Хатангу по тонкому льду и промышленники, сбивъ ихъ на гладкій ледъ, бьютъ стрѣлами. Чрезъ Анабаръ олени проходятъ уже въ началѣ зимы и тогда ихъ промышленники такъ называемыми постановочными стрѣлами. Для этого выбираютъ рѣчки съ крутыми берегами, гдѣ и устраиваютъ изгороди съ небольшими, сажени въ полторы, воротцами, въ коихъ и ставятъ два лука съ настороженными стрѣлами. Проходя въ эти отверстія, олень задѣваетъ за «симу» и спущенныя стрѣлы рѣдко пролетаютъ мимо.

Бываютъ однакожъ случаи, что несмотря на всѣ старанія и умѣнье со стороны промышленниковъ, они не могутъ вогнать стада оленей въ «махавки», и если это не удастся, то олени изъ махавокъ повертываютъ въ сторону и убѣгаютъ; наконецъ самые поиски за оленями остаются напрасными.

Самоѣды, бродящіе въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ, бьютъ звѣря преимущественно стрѣлами, которыя, какъ равно и отказы, покупаютъ у тунгусовъ. Юраки напротивъ почти всѣ ружейники. Замѣчательно, что эти послѣдніе инородцы у ружей передѣлываютъ замки по своему, а именно: зубцы, на которыхъ возведенный курокъ останавливается, спиливаютъ и

придѣлываютъ къ курку изъ мамонтовой кости тонкую палочку, протянутую вдоль ложа, съ зарубкою на концѣ; взведенный вмѣстѣ съ палочкою курокъ останавливается посредствомъ надвиганія палочной зарубки на особо придѣланный къ ложѣ шпенецъ, съ котораго потомъ и сдвигается, когда нужно стрѣлять.

Тунгусы и тазовскіе остяки бьютъ оленя изъ ружей во всякое время года, когда только представится къ тому возможность. Одѣвшись въ бѣлую парку, шитую изъ оленьихъ шкуръ или изъ крестьянскаго сукна, подвязавъ подъ ноги лыжи ⁽¹⁾, которыя по краямъ оторочены мягкой шерстью для того, чтобы при движеніи ими не происходило шума, тунгусъ съ винтовкою на плечѣ съ необыкновенною ловкостію подкрадывается къ дикимъ оленямъ по выслѣженной имъ тропѣ. Положивъ на мѣстѣ мѣткимъ выстрѣломъ одного звѣря, онъ пускается за остальными такъ быстро, что не отстаетъ отъ своей собаки. Овраги, яры, лѣсная чаща и свалившіяся деревья тунгусу не помѣха. Двинулся онъ одною ногою съ мѣста, а на другую переступаетъ уже чрезъ сажень или чрезъ полторы. На бѣгу заряжаетъ ружье, на бѣгу же и прицѣливается, и выстрѣлъ рѣдко бываетъ неудачный. Надобно замѣтить, что у тунгусовъ ружейные заряды по большей части хранятся въ костяныхъ мѣркахъ, а пуля въ рту. Случается что ружье остяка или тунгуса начинаетъ легчить (завердило). Въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ: кладутъ ружье при входѣ въ жилище, такъ чтобы всякій могъ перешагивать чрезъ него, или мажутъ его кровью убитаго животного; но по большей части отдаютъ ружье опытному тунгусу для поправки. Многіе изъ тунгусовъ мастерски исправ-

(1) Лыжи, на которыхъ движется инородецъ, состоятъ изъ тонкихъ продолговатыхъ и заостренныхъ съ обѣихъ концовъ деревянныхъ дощечекъ, которыя съ низу обилеиваются шкурами, снятыми съ ногъ оленя, такимъ образомъ, чтобы движеніе ноги впередъ приходилось по шерсти. По срединѣ лыжъ прикрѣпляютсяременныя петли, въ которыя и укрѣпляется ступня ноги.

ляютъ стволъ, если онъ погнулся, придѣлываютъ замки, за-
паиваютъ скважины, уничтожаютъ раковины, обтачиваютъ или
отпиливаютъ стволы. Кромѣ поправки ружей, мастера эти, имѣя
нѣкоторыя кузнечныя принадлежности, сковываютъ изъ раз-
ныхъ кусковъ желѣза — отказы и ножи. Прежде у тунгусовъ
были хорошія винтовки, называемыя «серебрянки»; нынѣ до-
брыхъ винтовокъ, какъ и хорошихъ промышленниковъ, мало.

Въ лѣсахъ дикіе олени дѣлаютъ переходы, по проложен-
нымъ ими тропамъ, небольшими стадами. Тропою идутъ олени
по чувству самосохраненія: ибо извѣстно, что въ лѣсахъ снѣгъ
глубокъ и по немъ, въ случаѣ опасности, они не могутъ бѣ-
жать такъ, какъ по тропѣ. Подкарауленные олени при пер-
вомъ выстрѣлѣ бросаются въ сторону, сбиваются съ пути и на-
чинаютъ бѣжать ускокомъ одинъ за другимъ; но рыхлый снѣгъ
худо держитъ животныхъ; передній олень непрерывно про-
валивается и замедляетъ ходъ остальныхъ, наконецъ выби-
вается изъ силъ и падаетъ. Пользуясь этими случаями, охот-
никъ приближается къ стаду и поражаетъ передняго оленя.
Отъ этого въ стадѣ происходитъ новое замѣшательство, ко-
торымъ успѣваетъ воспользоваться и товарищъ охотника. Та-
кимъ образомъ въ постоянномъ преслѣдованіи иногда истреб-
ляется болѣе половины стада.

Въ апрѣлѣ или въ началѣ мая мѣсяца, когда дѣлается
хорошій настъ, добыча оленя становится еще легче, потому
что звѣрь проваливаясь на скаку съ трудомъ иногда вытас-
киваетъ ноги изъ подъ оледенѣвшей коры снѣга и часто по-
дрѣзываетъ ихъ.

Закончивъ охоту, тунгусъ весело отправляется къ своему
чуму, напѣвая дорогою пѣсенку. Войдя въ свое жилище, онъ
рассказываетъ женѣ о мѣстѣ оленьяго промысла и та немед-
ленно отправляется въ нартчкѣ, запряженной двумя оленями,
за добычей, хотя бы это было верстъ на сорокъ отъ чума.
Недолго отдыхаетъ тунгусъ послѣ трудовъ. На другой, или

третій день онъ уже несется, подпираясь посохомъ (1), на своихъ лыжахъ въ другой сторонѣ. Странствуя съ дѣтства по лѣсамъ, тунгусъ какъ нельзя лучше изучаетъ характеръ природы; ему извѣстны почти всѣ рѣки и хребты, которые и служатъ ему указателями въ странѣ. Мало чѣмъ уступаетъ въ наблюдательности мужу — его жена; она сидя на оленѣ верхомъ и ведя за поводъ другихъ, несущихъ на себѣ весь домашній скарбъ и малыхъ ребятъ, прикрѣпляемыхъ ремнями, спокойно ѣдетъ въ указанную мужемъ сторону.

Кромѣ упомянутыхъ способовъ инородцы выходятъ на промыселъ съ обученнымъ домашнимъ оленемъ, который называется «маньшикъ» или «манчишникъ» (2). Въ манчишники выбирается рослый олень, цвѣтомъ похожій на дикаго; обученіе его происходитъ посредствомъ длиннаго ремня, привязаннаго къ рогамъ съ правой стороны; подергивая за ремень заставляютъ оленя идти впередъ, а ударами того же ремня по боку понуждаютъ уклоняться влѣво. Когда олень приучится это дѣлать, тогда охотникъ беретъ хорей и держа его съ лѣвой стороны, посредствомъ того же ремня заставляетъ оленя поворачивать вправѣ. Въ предупрежденіе того, чтобы олень не заступалъ возжечку и тѣмъ не отнималъ у охотника возможности къ управленію имъ, сначала легонько поколачиваютъ по той ногѣ, которая стоитъ на ремнѣ, и это повторяютъ до тѣхъ поръ, пока олень не приучится тотчасъ отнимать ногу. За тѣмъ упоминаемые маневры повторяются съ оленемъ на длинномъ ремнѣ, называемомъ «манчишнымъ». Ремень этотъ, или возжечка, дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ оленью шкуру, снятую цѣликомъ, т. е. безъ разрѣза на животѣ, соскабливаютъ шерсть и отъ самой шеи начинаютъ выкраивать тонкіе ровные ремешки; разрѣзы идутъ не вдоль

(1) По-тунгусски «кутаръ». На нижнемъ концѣ этой палки прикрѣпляется крючокъ въ видѣ обрушка, на верхнемъ утверждёнъ желѣзный крючокъ, которымъ промышленникъ зацѣпляетъ за деревья, помогая себѣ при подъемѣ на гору.

(2) По-якутски «ондодо».

а поперегъ шкуры. Свитая изъ этихъ ремешковъ возжечка, достигаетъ въ длину до 80 саж.

Выслѣдивъ стадо дикихъ оленей, охотникъ останавливается такъ, чтобы находиться отъ нихъ за вѣтромъ; подвинувшись впередъ, подъ прикрытіемъ своего упряжняго оленя, до укромнаго мѣста, онъ выпрягаетъ его и привязываетъ къ себѣ на короткій ремень, а манчишника выпускаетъ впередъ. Тотчасъ замѣчаютъ пришлеца дикіе олени и поднявъ головы въ тревогѣ начинаютъ перебѣгать съ мѣста на мѣсто. Кажется чего бы опасаться? манчишникъ такой же олень; однакожь звѣри, какъ бы недовѣряя собственнымъ глазамъ, начинаютъ кружиться, стараясь обоняніемъ удостовѣриться дѣйствительно ли тутъ нѣтъ опасности; но охотникъ, понимая желаніе оленей, ставитъ своего манчишника такъ, что самъ всегда остается отъ оленей за вѣтромъ, подъ прикрытіемъ собственныхъ. Эти маневры продолжаются иногда два и три часа; наконецъ соскучившись, перебѣгиваньемъ и вида, что пришлецы спокойно ѣдятъ мохъ, дикія животныя нѣсколько успокоиваются и стараются подвинуться къ манчишному оленю. Но это происходитъ не вдругъ. Между тѣмъ охотникъ пользуется каждымъ случаемъ и подвигается осторожно впередъ, понукая къ тому и манчишника. Наконецъ, избравъ жертвою лучшаго оленя, охотникъ дѣлаетъ выстрѣлъ и поражаетъ на вѣрняка. Испуганные олени разсыпаются и бѣгутъ прямо на вѣтеръ до тѣхъ поръ пока не утомятся.

Осенью, когда олени обхаживаются, промышленникъ выпускаетъ манчишника съ петлею на рогахъ. Дикій олень, предполагая въ пришлецѣ соперника, вступаетъ съ нимъ въ драку, но манчишникъ, почувствовавъ, что рога дикаго оленя зацѣпились за петлю, немедленно опускаетъ голову къ землѣ и этимъ задерживаетъ дикаго оленя до тѣхъ поръ, пока пронзенный пулею онъ не свалится.

Въ промыслѣ дикаго оленя всѣ жители сѣверныхъ предѣловъ края находятъ для себя главнѣйшія средства къ суще-

ствованію. Не будь дикаго оленя, они, несмотря на принадлежащія имъ стада домашнихъ оленей, а также на улавливаемую рыбу, не могли бы существовать, даже при доставкѣ хлѣба въ размѣрахъ превосходящихъ въ 15 разъ нынѣшнюю пропорцію. Иностранцы южныхъ предѣловъ края извлекаютъ средства къ своему существованію изъ промысловъ бѣлки, колонка, горностая и отчасти соболя.

Количество добываемаго въ краѣ звѣря опредѣлить съ точностію невозможно, потому что крестьяне, а равно иностранцы, изъ опасенія чтобы добытый ими звѣрь не попался въ руки вахтера, на пополненіе казенной хлѣбной недоимки, скрываютъ свою добычу тщательно даже другъ отъ друга. За всѣмъ тѣмъ мы полагаемъ годовой промыселъ звѣря въ Туруханскомъ краѣ достигающимъ слѣдующихъ размѣровъ:

Лисицъ, преимущественно низкаго сорта	400
Соболей	180
Горностая	4,500
Бѣлки*	420,000
Песцовъ всякихъ сортовъ	16,000
Волковъ	100
Медвѣдей	45
Зайцевъ	40,000
Дикихъ оленей	5,000
Россомахъ	50
Колонковъ	250
Выдръ	15
Сохатыхъ	10
Горныхъ барановъ	50

Уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія енисейскіе и другіе пришлые торговые люди, а также братія Туруханскаго монастыря, вывозили изъ края на судахъ пушные товары, рыбу и прочія произведенія края. Торговля съ иностранцами была мѣновая. Изобиліе въ тѣ годы пушнаго звѣря, потребность

въ мѣховыхъ товарахъ, слухи, по обыкновенію преувеличенныя, о легчайшемъ и выгоднѣйшемъ приобрѣтеніи отъ инородцевъ звѣриныхъ шкуръ—привлекали въ этотъ край людей всякаго званія. Иные шли изъ торговыхъ расчетовъ; другіе въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ искали возможности укрыться отъ царской службы и оставаясь здѣсь, заводили свои промыслища.

Чтобы ознакомить читателей съ характеромъ торговли, производимой въ Туруханскомъ край лѣтъ сто тому назадъ, мы приведемъ рассказъ одного изъ старожиловъ этого края.

Енисейскій купецъ Салтановъ, по словамъ этого старожила, устроивъ на р. Пясиной отъѣзжія зимовья, привозилъ туда съ р. Енисея товары лѣтомъ—по р. Агапѣ впадающей въ р. Пясину, а зимою на оленяхъ. Съ р. Пясиной эти товары Салтановъ развозилъ уже на собакахъ по всѣмъ зимовьямъ и кочевьямъ, расположеннымъ на востокъ и сѣверо-востокъ оттуда. Этотъ предприимчивый человѣкъ такъ хорошо ознакомился съ мѣстностію, что разъѣзжалъ безъ провожатаго по пустыннымъ тундрамъ, пренебрегая всевозможными опасностями, неразлучными при путешествіяхъ въ столь суровой странѣ во время зимы. Недовольствуясь выгодами, Салтановъ желалъ среди полудикаго населенія разыгрывать роль влстителя и даже полубога; такъ, иногда, усѣвшись въ передній уголъ избы, онъ приказывалъ стоящимъ въ почтительномъ отдаленіи жителямъ ставить предъ собою зажженные восковыя свѣчи и молиться на него. Кланяйтесь Салтанову, говорилъ онъ предстоящимъ; безъ Салтанова пропадете вы какъ собаки, не спасетъ васъ самъ Богъ. За тѣмъ, довольный низкопоклонничествомъ и подобоострастіемъ жителей, Салтановъ начиналъ удовлетворять ихъ нужды. Съ неисправными должниками Салтановъ поступалъ столь же дико и жестоко; не довольствуясь употребленіемъ ихъ въ работы при себѣ—онъ запродаывалъ ихъ другимъ, или расправлялся съ ними собственноручно. Впослѣдствіи, когда между жителями свирѣп-

ствовала повальная горячка и значительная часть ихъ вымерла, а остальные со страху разбѣжались, Салтановъ, разбѣжая по опустѣвшимъ зимовьямъ, и кочевьямъ обиралъ не только тѣ вещи, которыя у жителей хранились въ сундукахъ и анбарахъ, но даже снималъ съ непохороненныхъ мертвецовъ жемчугъ, соболи шубы и другія цѣнные вещи. Въ то время онъ вывезъ на Пясину множество нартъ съ разнымъ добромъ. Несмотря на таковыя поступки Салтанова, жители рабски ему подчинялись и даже иногда способствовали самымъ дурнымъ его дѣйствіямъ, направленнымъ на примѣръ къ устраненію въ томъ краѣ торговли или промысла звѣря со стороны другихъ новыхъ лицъ.

Въ отношеніи зажиточности нѣкоторыхъ промышленныхъ людей у жителей сохранилось весьма оригинальное преданіе, содержаніе котораго состоитъ въ томъ, что нѣкто Василій Дорофѣевъ Фугля, иначе *Кислая парка*, имѣвшій близъ р. Хатанги значительныя звѣроловныя «промыслища» и занимавшійся торговыми оборотами, отправился въ Москву на поклоненіе Царю. Тамъ, кромѣ различныхъ звѣриныхъ шкуръ, онъ поднесъ двѣ лисицы — красную самому царю, а черную — царицѣ. Принявъ дары, царь замѣтилъ, что дарившій вѣроятно болѣе любитъ царицу если поднесъ ей лучшую лисицу. На это Фугля отвѣчалъ просьбою, чтобы царь приказалъ закрыть окна; и чтожъ? въ темнотѣ красная лисица оказалась огневою.

Въ сочиненіи Степанова ⁽¹⁾ находимъ мы довольно вѣрное описаніе мѣновой торговли, производившейся въ Туруханскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, къ которому мы можемъ прибавить, что въ низовьяхъ Енисея въ разныхъ мѣстахъ насчитывалось до 15 купеческихъ зимовьевъ, въ коихъ и зимою жили прикащики. Каждый изъ этихъ торговцевъ, въ теченіе зимы, въ обмѣнъ на товары, пріобрѣталъ до 6 т. песцовыхъ шкуръ. Разумѣется въ торговлѣ имъ болѣе всего

(1) Енис. губернія ч. 1, стр. 270, 272, 273.

способствовало вино, въ приобрѣтеніи котораго не было трудностей потому, что въ с. Дудинѣ существовала питьевая выставка. Впрочемъ и на востокъ отъ с. Дудина такое же заведеніе находилось при р. Авамѣ, почти въ центрѣ самобѣдскихъ ордъ. Тутъ, по рассказамъ, бѣлый песецъ зачастую приобрѣтался торговцомъ или цѣловальникомъ не болѣе какъ за рюмку вина. Вообще торговля въ сѣверныхъ предѣлахъ края была довольно прибыльная; топоръ или пешню можно было продать за шкуру бѣлаго песца; фунтъ табаку или 5 арш. холста равнялись цѣнности той же шкурки песца. Цѣны на рухлядь, считая на ассигнаціи, были слѣдующія: лисица бѣлодушка 15 р., соболь отъ 5 до 30 р., горностаѣ 1 р., бѣлый песецъ 2 р. 50 к., оленья шкура 10 и 12 руб.

Посмотримъ теперь, какъ производится торговля въ настоящее время.

Съ наступленіемъ весны изъ Енисейска плывутъ въ Туруханскій край сначала четыре или пять палубныхъ лодокъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ грузу отъ 300 до 600 пудъ. По обмѣнѣ товаровъ и хлѣба на пушнину и красную рыбу двѣ или три лодки въ половинѣ іюля возвращаются обратно въ Енисейскъ; остальные же лодки останавливаются на лѣто въ Туруханскѣ. Весь оборотъ этой торговли не превышаетъ 8 или 20 т. руб., полагая въ томъ числѣ и приобрѣтеніе ими на наличныя деньги пушнаго звѣря. На каждой изъ этихъ лодокъ бываетъ отъ 5 до 8 человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ большая часть, сверхъ платы за славъ, не превышающей 10 р., выраживаютъ себѣ право «на прикладку», т. е. вывезти для себя въ Енисейскъ рыбы отъ 10 до 15 пудъ.

Вслѣдъ за лодками плывутъ по Енисею суда «Карасинцевъ»; такъ называютъ здѣсь енисейскихъ торговцевъ, плавающихъ въ визовья Енисея (1). Этихъ судовъ бываетъ пять;

(1) Названіе это дано вѣроятно въ началѣ прошлаго столѣтія, когда большая часть торговцевъ, закупавшихъ рыбу, спускалась внизъ по Енисею только до станка Карасина.

изъ нихъ три поднимають грузу отъ 6 до 9 т. пуд., а остальные отъ 600 до тысячи пудъ. Въ отношеніи устройства развѣ одно или два могутъ имѣть право на названіе судна. За исключеніемъ кормовщика, на каждомъ изъ большихъ судовъ находятся двос палубныхъ, кощеваръ (по тамошнему стряпка) и рабочихъ отъ 50 до 70 человѣкъ; на меньшихъ судахъ бываетъ рабочихъ отъ 13 до 20 человѣкъ.

Кормщикъ большаго судна получаетъ жалованья отъ 70 до 90 р. въ лѣто, съ правомъ вывоза съ собою въ Енисейскъ отъ 150 до 200 пуд. рыбы. Рабочіе всѣ вообще получаютъ въ лѣто отъ 20 до 30 р. и каждый изъ нихъ можетъ вывезти съ собою, смотря по величинѣ судна, отъ 10 до 35 пудъ засоленной рыбы. Рабочіе бываютъ преимущественно енисейскіе мѣщане. Многіе изъ нихъ привозятъ въ Турух. край овощи и мелочные товары для продажи или обмѣна на рыбу. Сплаваемые карасинцами товары состоятъ изъ хлѣба, конопли, холста, желѣза, мыла, чая и другихъ необходимыхъ для домашняго быта вещей. Стоимость товаровъ не превышаетъ 55 т. р. До самаго Туруханска карасинцы плывутъ безостановочно; только нѣкоторые изъ нихъ высаживаютъ въ Верхнеинбатскомъ участкѣ по одному или по два рабочихъ на лучшія рыболовные мѣста собственно для приобрѣтенія красной рыбы; при чемъ каждый изъ этихъ рабочихъ снабжается нѣкоторыми необходимыми для жителей товарами, посудой для склада рыбы и солью. Иногда, во время слѣдованія карасинцевъ, нѣкоторые изъ жителей подплываютъ къ нимъ на лодкахъ для необходимыхъ покупокъ. Если дуетъ попутный вѣтеръ и судно несется по теченію рѣки быстро, то продавецъ, не стѣсняясь, возвышаетъ цѣны на требуемые товары. Житель, побуждаемый необходимостію и дорожа временемъ, ибо съ каждою минутою онъ все далѣе и далѣе уносится отъ своего жилища, большею частію платитъ требуемое. Уплата производится преимущественно ружьядью. Въ самомъ Туруханскѣ, куда карасинцы заплываютъ на лодкахъ

для прописки билетовъ и для сдачи нѣкоторыхъ, по заказу сплавленныхъ товаровъ, также приобрѣтають рухлядь, вывозимую преимущественно съ р. Таза. На пути къ Енисейской губѣ карасинцы высаживаютъ на рыболовные пески новыхъ рабочихъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для приобрѣтенія и заколи рыбы; въ тоже время они снабжаютъ жителей хлѣбомъ, коноплею, веревками и даже выдаютъ незначительныя суммы денегъ, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы они на обратномъ пути карасинцевъ уплатили имъ долги рыбою; какія же цѣны назначены товарамъ—объ этомъ жителямъ объявляется только при расчетѣ. Въ с. Дудинкѣ, куда карасинцы приплываютъ къ 20 іюня, они скупаютъ песцовыя и другія звѣриныя шкуры, пухъ, мамонтовую кость, которыя вывозятся мѣстными торговцами отъ жителей, проживающихъ по рр. Пасиной, Дудыптѣ, Хетѣ, Хатангѣ и проч. Въ Енисейной губѣ, на островахъ, гдѣ собирается значительная часть рыбопромышленниковъ, у карасинцевъ идетъ окончательный обмѣнъ привозимыхъ товаровъ на мѣстныя произведенія, въ особенности на рыбу.

Цѣны на мѣстныя произведенія устанавливаются торговцами, по соглашенію, еще въ г. Енисейскѣ. Въ послѣдніе три года цѣны на рухлядь были слѣдующія:

	Низшая.		Вышая.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Соболь.	6	—	12	—
Лисица бѣлодушка.	2	50	3	25
Сиводушка	3	80	7	—
Чернобурая.	20	—	40	—
Горностаѣ	—	18	—	24
Выдра	6	—	15	—
Песецъ бѣлый рослый	—	60	—	70
» недопесокъ	—	50	—	60
» синякъ	—	40	—	50
» крестоватикъ.	—	30	—	35
» голубой рослый	5	—	8	—

	Низшая.		Высшая.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Волкъ	3	—	4	—
Ровдуга (выдѣланная съ обоихъ сто-				
ронъ оленья шкура)	—	60	—	90
Бѣлка низшаго сорта	—	7	—	7 1/2
» высшего сорта	—	9	—	10
Пыжъ (шкура съ молодаго оленя) .	—	80	1	10
Оленья шкура	—	60	—	90
Колонокъ	—	50	—	70
Россомаха	2	—	2	50
Заичья шкура	—	5	—	7
Кротовая (особаго рода мышъ) . .	—	1	—	1 1/2
Бурундукъ	—	1 1/2	—	2
Мамонтова кость за пудъ	12	—	15	—
Пухъ (не очищенный) за пудъ . .	10	—	12	—
Перья птичьи за пудъ	1	—	1	50

Выставленные нами цифры ясно показываютъ какіе проценты могли бы получать енисейскіе торговцы на свои товары, еслибъ большая часть не забирала эти товары въ кредитъ и чрезъ это не платила извѣстныхъ процентовъ. Впрочемъ для соблюденія своихъ выгодъ упоминаемые торговцы стараются набирать товары самаго низкаго качества или лежалые, которымъ не было сбыта въ Енисейскѣ. Если къ этому принять еще въ соображеніе, что весь привозимый въ Туруханскій край хламъ енисейскіе торговцы стараются иногда насильно разсовать жителямъ, въ обмѣнъ на мѣстные произведенія или выдать оный въ одолженіе разумѣется людямъ болѣе или менѣе надежнымъ, съ наложеніемъ хорошихъ процентовъ, то мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что основанія здѣшней торговли, въ сравненіи съ прежними годами, ни въ чемъ не измѣнились. Количество пушнаго товара, вывозимаго енисейскими торговцами и нѣкоторыми изъ крестьянъ, отлучающимися въ Енисейскъ за покупкою хлѣба, съ точностію опредѣлить невозможно съ одной стороны потому, что крестьяне

и инородцы, изъ опасенія, чтобы имѣющаяся у нихъ рухлядь не попала въ руки смотрителя или вахтера на пополненіе казенной хлѣбной недоимки, сбываютъ ее секретно, а съ другой стороны потому, что и самые торговцы скрываютъ дѣйствительную цифру приобрѣтенныхъ ими звѣриныхъ шкуръ; завсѣмъ тѣмъ по тщательно собраннымъ нами свѣдѣніямъ продается въ частныя руки ежегодно:

	Количество.	На сумму. Рубли.
Соболей	130	900
Лисицъ { бѣлодушекъ	250	820
{ сиводушекъ	135	650
{ чернобурыхъ	10	300
Горностаевъ	3,000	520
Бѣлки	250,000	20,000
Песцовъ. { голубыхъ	25	100
{ бѣлыхъ рослыхъ	8,000	5,000
{ синяковъ	3,000	1,300
{ крестоватиковъ	2,500	750
Волковъ	80	300
Медвѣжьихъ шкуръ	40	140
Россомакъ	30	85
Колонковъ	300	210
Выдръ	20	230
Кротовъ	4,000	60
Ровдугъ	100	90
Оленьихъ шкуръ	150	90
Пыжей	300	300
Камысовъ (каждый экземпляръ состоитъ изъ 4 шкурокъ, сня- тыхъ съ ногъ оленя	300	90
Сокуевъ и камлеекъ	10	60
Зайцевъ	20,000	1,400
Мамонтовой кости	200	2,650
Пуху пудъ	45	400

	Количество.	На сумму. Рубли.
Перьевъ пудъ	30	30
Битыхъ гусей	800	80

36,555 р.

Если къ этому причислить ту рухлядь, которая тунгусами и юраками сбывается въ Якутскую область и Березовскій округъ, то сумма возрастетъ до 40,000 р.

О цѣнахъ на привозимые товары видно изъ приложенной таблицы:

	Въ Енисейскѣ.		Въ Верхне- инбатскомъ участкѣ.		Въ низовьяхъ Енисея.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Пудъ ржаной муки.	—	70	—	90	1	20
» конопли	3	50	4	50	6	—
» пудъ бичевы для неводовъ	7	—	12	—	13	—
Аршинъ плохого кре- стьянскаго сукна.	—	20	—	30	—	35
Аршинъ крестьянскаго холста	—	6	—	8	—	12
Бродни	1	30	1	75	2	—
Чирки.	—	50	—	70	—	85
Рукавицы.	—	30	—	35	—	40
Конецъ дабы.	1	70	2	—	2	25
Аршинъ ситцу	—	30	—	65	—	75
Пудъ мыла	5	—	7	—	8	—
Пудъ черкасскаго табаку.	7	—	10	—	11	—
Топоръ	—	50	—	80	1	40
Ножикъ	—	25	—	60	—	70
Пудъ свѣчей сальныхъ.	5	50	7	50	8	50

Въ Енисейной губѣ, на лучшихъ рыболовныхъ пескахъ, а именно между островами Охотскимъ и Сопошнымъ, гдѣ по обыкновенію останавливаются суда карасинцевъ, приобрѣте-

ніе рыбы производится ими преимущественно чрезъ своихъ рабочихъ, разсылаемыхъ по разнымъ пескамъ. Приемъ рыбы начинается тотчасъ по прибытіи карасинцевъ на мѣсто. Въ прежнія времена жители не справлялись по какой цѣнѣ будетъ приниматься рыба; почему брали такъ и ладно. Нынѣ между жителями прежде всего возбуждается вопросъ: по какой цѣнѣ будетъ приниматься рыба? Но вопросъ этотъ есть только смѣсь любопытства и опасенія, чтобы карасинцы не рассчитали дешевле минувшаго года. Торговецъ въ этихъ случаяхъ отдѣливается обыкновенно слѣдующею фразою: «рассчитаемъ по той цѣнѣ, по какой и другіе будутъ рассчитывать». Житель вполне вѣритъ этимъ словамъ, сдаетъ рыбу и забираетъ у купца необходимые товары. Бѣдный, и не подозрѣваетъ того, что карасинцы заблаговременно стакнулись между собою въ томъ, по какимъ цѣнамъ принимать рыбу и прочіе мѣстные продукты, да и какъ имъ не стакнуться, когда въ этомъ заключается ихъ личная выгода. Предположимъ однакожъ, что рыбопромышленники поняли это, но чѣмъ они могутъ пособить себѣ, находясь въ полной зависимости отъ торговцевъ? Что, напримѣръ, сдѣлаетъ житель, если торговецъ не дастъ ему веревокъ на неводныя тетивы, откуда достанетъ онъ топоръ, табакъ, холстъ и проч.? Да и какъ покуситься измѣнить обычай, существующій съ незапамятныхъ временъ! Правда, съ устройствомъ на рыболовныхъ мѣстахъ ледниковъ жители, при достаточныхъ запасахъ соли, еще моглибъ приостановить сдачу рыбы судовщикамъ и тѣмъ заставить ихъ, для выигранія времени, поспѣшить приобрѣтеніемъ этого продукта по хорошимъ цѣнамъ; но эта мѣра была бы одновременною, потому что купцы для соблюденія собственнаго интереса не приминули бы на другое лѣто возвысить цѣны на свои товары. Однакожъ бываютъ случаи, когда сами карасинцы помогаютъ жителямъ въ приобрѣтеніи за рыбу нѣсколько болѣе объявленной цѣны. Это дѣлается обыкновенно однимъ изъ торговцевъ, желаю-

щимъ поскорѣе нагрузиться рыбою. Тогда остальные карасинцы, чтобы не лишиться нѣсколькихъ человѣкъ рыбаковъ, не связанныхъ задолженіями и готовыхъ воспользоваться случаемъ сбыть рыбу повыгоднѣе, спѣшатъ уравнивать цѣну. Кромѣ выставленнаго нами случая, въ привлеченіи къ себѣ инородцевъ у карасинцевъ существуетъ обычай угощать ихъ виномъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе выгодна для торговца, что инородецъ, угощаясь любезнымъ для него напиткомъ, мало обращаетъ вниманія на то, что сотня моксуновъ идетъ нерѣдко за прлсотню; онъ вполне остается довольнымъ, если послѣ сдачи цѣлой лодки моксуновъ ему дали штофъ вина и лоскутъ ситцу или нѣсколько папушъ табаку. Бываетъ и то, что торгашъ, не находя возможности пріобрѣтать рыбу въ обмѣнъ на такіе товары, въ которыхъ жители не имѣютъ особенной нужды, для избѣжанія траты денегъ, а иногда и по неимѣнію таковыхъ въ достаточномъ количествѣ, прибѣгаетъ къ секретной продажѣ вина, или правильнѣе къ обмѣну онаго на рыбу. Услѣдить за такого рода торговлею некому, да, по большей части, и невозможно; ибо рыбопромышленники иногда разсѣваются по разнымъ островамъ. Такой способъ пріобрѣтенія зачастую случается и при покупкѣ отъ инородцовъ рухляди. Съ хозяина судна берутъ примѣръ и рабочіе, по крайней мѣрѣ тѣ, которые сумѣли сохранить про запасъ водочку. .

Случается, что при ограниченномъ уловѣ рыбы, вслѣдствіе возрастающей на этотъ продуктъ потребности, цѣны возвышаются сами собою; но это бываетъ рѣдко.

Въ низовьяхъ Енисея разцѣнка рыбы производится моксуномъ, точно такъ, какъ товары расцѣниваются на песца. Въ послѣдніе три года цѣны на моксуна существовали отъ 7 до 10 в.; по этой цѣнѣ принимался карасинцами моксунъ въ 4 ф.; если онъ былъ менѣе вѣсомъ, то считался «половинкою». Нельма, въ которой на вѣсъ 20 и болѣе фунтовъ, шла за два моксуна; меньшей мѣры нельма считалась поло-

винкою и сдавалась какъ моксунъ. Впрочемъ карасинцы не охотно покупаютъ нельму, какъ рыбу пѣжную, требующую хорошаго засола. Чирь, добываемый лѣтомъ въ Енисейной губѣ въ незначительномъ количествѣ, идетъ по той же цѣнѣ какъ и моксунъ. Вся эта рыба сдается карасинцамъ безъ потроховъ и жаберъ. Омуля карасинцы не успѣваютъ даже брать потому, что эта рыба начинаетъ ловиться предъ самымъ ихъ отплытіемъ, къ тому же они обѣгаютъ ее какъ рыбу весьма жирную. У рыбопромышленниковъ въ сдачѣ рыбы существовала, да и нынѣ отчасти существуетъ, полная небрежность и непониманіе дѣла. Мы не будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, когда при сдачѣ рыбы инородецъ напивался до пьяна, не понимая толку въ вѣсѣ, оставался во время перевѣски или счета рыбы безмолвнымъ зрителемъ; тутъ разумѣется все дѣло ограничивалось ловкостію торговца; нѣтъ, мы хотѣли сказать, что и аккуратныя замѣтки, дѣлаемые на рубежѣ рыбопромышленникомъ, при расчетахъ, зачастую оказываются не согласными со счетами торговца по приему рыбы. Къ устраненію таковыхъ безпорядковъ мѣстное начальство предложило рыбопромышленникамъ образовать изъ среды себя артели, съ выборомъ артельщиковъ, которые, будучи людьми болѣе опытными, могли бы производить расчеты съ торговцами и въ тоже время руководить дѣломъ для общей пользы; но мѣра эта, какъ угрожающая нѣкоторымъ стѣсненіемъ свободы каждаго лица, разумѣется не могла имѣть мѣста. Въ такомъ разноплеменномъ и полудикомъ обществѣ, какое представляется намъ въ рыбопромышленникахъ Енисейной губы — экономическія цѣны непонятны и слѣдовательно невыполнимы.

По Верхнеинбатскому участку въ сдачѣ рыбы такъ называемымъ «бѣлорыбцамъ», которые являются въ Туруханскій край въ началѣ августа мѣсяца, на 3-хъ, а иногда на 4-хъ большихъ палубныхъ лодкахъ, замѣчается между жителями болѣе аккуратности. Не мѣшаетъ замѣтить, что эти послѣд-

ніе торговцы скупають преимущественно одну рыбу, подхлывшую тогда съ низовьевъ Енисея. Недоплывая верстъ 50 до т. Туруханска, они возвращаются обратно. Весь торговый оборотъ бѣлорыбцевъ не превышаетъ 8 т. р.

Если принять въ расчетъ трехлѣтнюю сложность, то среднія цѣны на рыбу окажутся слѣдующія:

	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Пудъ осетрины безъ клея.	2 —	1 60	1 —
» осетровой икры	5 50	4 50	4 —
Фунтъ осетроваго клея.	— 90	— 60	— 45
» стерляжьяго клея	— 45	— 30	— —
Нельма въ 20 ф. и болѣе	— 60	— 45	— 20
Моксунъ	— 15	— 11	— 8
Пудъ сельдей сырыхъ	— 50	— 15	— —
» сельдей копченыхъ	4 —	3 —	— —
» рыбьяго жира.	4 —	3 —	— —

	Б ѣ л о й.		К р а с н о й.	
	Пуды.	На сумму руб.	Пуды.	На сумму руб.
Лодочникамъ и бѣлорыбцамъ.	8,500	7,000	2,700	4,200
Карасинцамъ	14,000	11,600	2,600	3,850
	22,500	17,600	5,300	8,050

	Пуд.	Руб.
Клею	85	2,210
Икры осетровой.	130	770
Икры изъ бѣлой рыбы	100	350
Рыбьяго жира	20	65
Сушеной рыбы	30	90
Копченыхъ сельдей.	60	250
Сушеныхъ тугуновъ	30	80
Бѣлужьихъ кожъ до 5 штукъ	—	18

Всего на 29,633

Засолка упомянутой нами рыбы производится большею частію чрезъ рабочихъ, грязно, безъ всякаго знанія дѣла.

Распластанная рыба солится и тотчас же складывается въ лагунѣ или бочку; большая рыба перерубается пополамъ. Лодочники и бѣлорыбцы на пудъ бѣлой рыбы кладутъ соли не болѣе 2 ф., а на пудъ красной 5 ф. Карасинцы съ своей стороны обыкновенно полагаютъ на сороковую бочку красной рыбы 3 п. соли. Въ бочкѣ, или какъ они называютъ въ «номерѣ», вмѣщается рыбы 30 пуд. и болѣе; слѣдовательно на каждый пудъ расходуется соли 4 ф. Если взять въ соображеніе экономическій расходъ соли со стороны рабочаго «засольщика», который остатки хозяйской соли можетъ употребить на засолку собственной рыбы, то конечно на пудъ осетрины придется соли менѣе 4 ф. Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ для этой рыбы, и притомъ далеко не столь жирной какъ туруханская, употребляется соли не менѣе 7 ф. на пудъ; въ тому же въ Астрахани, или иныхъ мѣстахъ, засоленная рыба хранится въ ледникахъ, или, покрайней мѣрѣ, въ подвалахъ; а у карасинскаго засольщика бочка съ рыбою, по обыкновенію никогда не очищаемая и не выпариваемая, стоитъ тутъ же на рыболовномъ пескѣ ничемъ не защищенная отъ жаркихъ солнечныхъ лучей. Выступающіе изъ рыбы соки, жиръ и кровь, смѣшиваясь съ солью, образуютъ разсолъ. Чѣмъ болѣе было положено въ бочку не свѣжей рыбы, (а это дѣлается зачастую), тѣмъ болѣе гніетъ въ разсолѣ органическихъ частей. Отъ этого у карасинцевъ иногда цѣлыми бочками вываливается испорченная рыба. Впрочемъ и та рыба, которая вывозится ими въ Енисейскъ, не бываетъ безъ запаха, что впрочемъ не мѣшаетъ сбыту ея, потому что коренные енисейскіе жители подобную рыбу даже любятъ.

Въ обратный путь суда карасинцевъ тянутся рабочими. Это путешествіе ихъ довольно интересно. Предъ отплытіемъ изъ Енисейной губы, что происходитъ около 20 іюля, весь экипажъ судна садится; потомъ хозяинъ встаетъ и крестясь произноситъ: «Господи Іисусе Христе сынѣ Божій, помилуй насъ». — Аминь, отвѣчаютъ рабочіе. «Спасибо за аминь», го-

ворить хозяинъ и надѣвъ шапку отдаетъ вскорѣ приказаніе къ походу словомъ—«тупай». Съ мѣста до самого с. Монастырскаго, карасинцы идутъ по правому берегу на двѣ сѣны, т. е. днемъ и ночью. Отъ Монастырской косы переплываютъ на лѣвый берегъ и начинаютъ тянуться завозами якоря на разстояніи 40 верстъ. Затѣмъ обратно переплываютъ на правый берегъ. Переправа чрезъ рѣку совершается тоже посредствомъ завоза якоря и на это употребляется не менѣе сутокъ. Случается, что въ это время, отъ сильнаго волненія и противнаго вѣтра, канатъ обрывается и судно быстрою теченія поворачивается бокомъ: это называется садить «на турку». При такихъ обстоятельствахъ разумѣется судно останавливается чрезъ особо брошенный запасный якорь. Выше Сумаровскаго станка, гдѣ теченіе р. Енисея становится довольно быстро, а ночи дѣлаются темны и довольно продолжительны, судовщики идутъ уже на одну сѣну. Отъ Подкаменно-Тунгузскаго станка до с. Вороговскаго, на разстояніи 79 вер., суда тянутся, по случаю быстрого теченія, по большей части, завозами. Хотя для совершенія этого особенно труднаго плаванія, по случаю встрѣчающихся на Енисей шиверовъ, опечковъ и извѣстнаго порога, карасинцы и нанимаютъ въ помощь своимъ рабочимъ еще нѣсколько человѣкъ съ платою въ сутки отъ 80 к. до 1 р.; за всѣмъ тѣмъ упоминаемое 79-вер. пространство совершается въ теченіи 12—14 дней. Осиновскій порогъ однакожъ не представляетъ судамъ никакихъ затрудненій, потому что суда сидятъ въ водѣ не болѣе 3¹/₂ ар. Отъ порога, при малой водѣ, судовщики переправляются на островъ Голый, а отъ него къ острову, называемому Красный Яръ и т. д. съ острова на островъ до самаго с. Вороговскаго. Нѣкоторые протоки между островами бываютъ мелки, а потому, чтобы проплыть ихъ, суда разгружаютъ. При большой водѣ карасинцы плывутъ около праваго берега, чрезъ протоку Киселеву; по у Гремячаго Ручья почти постоянно разгружаются и заво-

зять товары вверхъ по рѣкѣ версты на три и болѣе. Отъ острова Теткина, къ которому приходится перетягиваться, слѣдуютъ завозомъ къ острову Дядя, а отъ сего послѣдняго, по минованіи мелей, переправляются вновь къ правому берегу и плывутъ около него до тѣхъ поръ, пока не минуютъ с. Вороговское. Затѣмъ въ послѣдній уже разъ переправляются на лѣвый берегъ и, отслуживъ въ Вороговской церкви молебень, слѣдуютъ далѣе. Наблюдая на мѣстѣ за описанною нами тягою судна на упоминаемомъ пространствѣ, невольно удивляешься терпѣнію рабочихъ, а въ особенности кормовщика и хозяина, которые иногда не спятъ по двѣ ночи. Во время ненастья для рабочихъ, которые, скользя и цѣпляясь по скаламъ и камнямъ, тянутъ бичеву всѣмъ корпусомъ перегнувшись впередъ, дѣйствительно иногда угрожаетъ серьезная опасность, въ особенности при малѣйшей оплошности кормовщика въ то время, когда, близъ скалистыхъ быковъ, стремленіемъ воды, бросаетъ судно изъ одной стороны въ другую; за то въ это время кормовщикъ то и дѣло кричить во все горло «надувай бичеву», т. е. натягивай, или, по случаю задѣва бичевы за камень, «отстегивай бичеву». Въ концѣ сентября или въ началѣ октября, карасинцы обыкновенно приплываютъ въ г. Енисейскъ. Такимъ образомъ 2-хъ-тысячное пространство совершается ими въ 70 и 80 сутокъ, т. е. круглымъ числомъ проходятъ они 25—28 верстъ въ сутки. Разумѣется безъ помощи попутныхъ вѣтровъ они не могли бы совершить описанный путь въ упоминаемое время. Случается однакожь, что судно или два недоплывая до г. Енисейска, затираются появившимся льдомъ и замерзаютъ. Расходы на эту операцію, по словамъ карасинцевъ, на большое судно простираются до 5 т. руб., а на малое до 700 р. Если къ этому присоединимъ подобные же расходы бѣло-рыбцевъ и лодочниковъ, то составитъ сумма, ежегодно затрачиваемая собственно на тягу судовъ до 15 т. р. Принявъ въ соображеніе значительную потерю времени, потребнаго

на ввoдъ судовъ вверхъ по р. Ёнисею, а равно такіе случаи, какъ замерзаніе, сопряженное для судовщика съ убытками, или же возвращеніе его съ малымъ грузомъ рыбы, по случаю поздняго появленія ея около Туруханска и выше онаго, невольно удивляешься отсутствію предпріимчивости между этими торговцами, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ изрядное состояніе. Образуй они изъ среды себя компанію, устрой пароходъ, улучши способъ приготовленія въ прокъ самой рыбы — и навѣрно они имѣли бы вдвое болѣе выгоду, не говоря уже о томъ, что избѣгнули бы многихъ хлопотъ и разорительныхъ случаевъ. Теперь, когда минуя этихъ господъ, составила компанія на устройство парохода, собственно для плаванія въ Туруханскій край, — карасинцы и прочіе торговцы, имѣвшіе дѣла съ краемъ, не только смотрятъ недовѣрчиво на это дѣло, но даже нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на отправленіе парохода въ низовья Ёнисея, не рѣшились воспользоваться его помощію, а отправились по прежнему на своихъ судахъ. Видно невѣжеству трудно отрѣшиться отъ своихъ мелкихъ и темныхъ расчетовъ. Какъ бы то ни было, а съ 1863 г. для Туруханскаго края наступаетъ новая эра. При удобствахъ путей сообщенія, его естественныя богатства, по большей части еще нетронутыя, скорѣе привлекутъ предпріимчивыхъ людей. Посмотримъ, какъ поведетъ свои дѣла компанія пароходства, въ которой, говорятъ, и нынѣ уже существуютъ несогласія. Сколько намъ извѣстно, пароходъ у этой компаніи имѣетъ машину въ 70 силъ; больше едва ли и нужно. Жаль только, что компанія до сихъ поръ не пользуется случаемъ заявить на себя мѣсторожденія каменнаго угля, находящагося по р. Ангартъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Ёнисейска. Это было бы гораздо выгоднѣе чѣмъ ежегодно заготавливать дрова въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ со временемъ они, по недостатку свободныхъ рукъ, могутъ повыситься до 3 р. за сажень. Нѣтъ сомнѣнія, что компанія, минуя вывоза рыбы, найдетъ выгоды и въ развитіи такихъ

промысловъ, какъ напр. уловъ бѣлухи и семги. Вывозъ мамонтовой кости, при болѣе тщательныхъ поискахъ за нею, также можетъ увеличиться. Къ тому же, по случаю открытій по рр. Нижней Тунгускѣ и Курейкѣ графитныхъ и каменно-точильныхъ мѣсторожденій — компанія будетъ имѣть новые шансы къ выгодамъ.

Эти выгоды значительно усилились бы, еслибъ предстояла возможность морскаго сообщенія устьевъ Енисея съ Европою. Еслибъ такое сообщеніе было возможно, то мы полагаемъ, что оно могло бы совершиться только вокругъ Новой Земли, ибо во-1-хъ, по словамъ капитана Мори, — „Гольфстремъ идетъ отъ Мексиканскаго залива къ Нордкапу, а оттуда, должно полагать, къ сѣверному мысу Новой Земли“. Въ этомъ заключеніи нечего и сомнѣваться потому, что цѣлыя массы льдовъ, выходящихъ изъ Обской губы, какъ равно и тѣ, которые блуждаютъ въ Карскомъ морѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ не уносятся въ Ледовитое море, а огражденные отъ него Новою Землею и, какъ утверждаютъ, продолжающимися отъ нее къ востоку островами, кружатся въ Карскомъ морѣ около восточныхъ береговъ Новой Земли. Чрезъ это сообщеніе чрезъ Вайгачскій проливъ по Карскому морю становится невозможнымъ, что и доказывается на дѣлѣ постоянными крушеніями судовъ, слѣдовавшихъ по этому пути; во-2-хъ, море противъ устья Енисея, съ іюля по ноябрь, всегда бываетъ открыто и лейтенантъ Овчинъ, выйдя въ 1737 г. изъ устьевъ Оби, свободно прошелъ въ устье Енисея. Кромѣ этого есть преданіе, что преосвященный Филофій посѣщалъ Туруханскъ моремъ изъ устьевъ Оби; наконецъ мы знаемъ, что въ 1740 г. штурманъ Мининъ, слѣдуя отъ устьевъ Енисея на сѣверо-востокъ, несмотря на неблагоприятное для плаванія лѣто, свободно пробрался до $75\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш.; а что берега Таймурскаго полуострова не бываютъ покрыты постоянными льдами, то это мы знаемъ изъ того, что тамъ находится плавникъ изъ свѣжаго лѣса; въ 3-хъ,

при устьяхъ Енисея и даже въ Пясинской губѣ есть растительность, чего не замѣтно при устьяхъ рѣкъ Оби и Печоры, хотя таковыя лежатъ нѣсколько южнѣе, и въ 4-хъ, въ теченіи лѣта въ сѣверныхъ предѣлахъ края постоянно господствуютъ южные и юго-западные вѣтра и только въ концѣ августа мѣсяца начинаются сѣверные.

Внутренняя торговля края, происходящая во всѣ времена года, кромѣ лѣта, едвали превосходить сумму 9,000 р., полагая въ то число и вывозимую крестьянами по зимнему пути въ Енисейскій округъ рыбу и пушнину. Выше г. Туруханска, по станкамъ, торговыми оборотами занимаются нѣкоторые крестьяне, плавающие весною на лодкахъ въ Енисейскъ, откуда, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, приплавляютъ и нѣкоторые необходимые товары. По р. Тазу и въ сѣверныхъ предѣлахъ края эта торговля находится въ рукахъ казаковъ, занимающихъ должности вахтеровъ при хлѣбныхъ магазинахъ, и трехъ или четырехъ человѣкъ крестьянъ. Всѣ эти лица забираютъ товары отъ енисейскихъ торговцевъ, плавающихъ въ Турух. край. Если кредитующійся уплатилъ за взятые товары сполна, то, по заведенному обычаю, онъ имѣетъ право взять у купца вновь товаровъ на ту же сумму, какъ и въ прошломъ году. При отпускѣ товаровъ въ долгъ купецъ набрасываетъ два или три лишнихъ процента, противу той цѣны, по которой онъ сбывалъ товаръ тѣмъ лѣтомъ. Кромѣ этого купецъ считаетъ необходимымъ предварить кредитующееся лицо, что рухлядь на будущій годъ имъ будетъ принята по тѣмъ цѣнамъ, какія будутъ существовать въ то время въ Енисейскѣ. Мѣстные торговцы, не встрѣчая соперничества, продаютъ товары обыкновенно въ обмѣнъ на рухлядь, съ наложеніемъ 15 и даже 20⁰/₀ на рубль. Пушнину же принимаютъ нѣсколько дешевле той цѣны, по какой ее брали во время лѣта енисейцы. Такимъ образомъ, въ низовьяхъ Енисея, или за тундрами, пудъ конопли стоитъ 8 р.

и даже 12 р., фунтъ черкасского табаку 50 и 80 к., топоръ 1 р. 50 к. и дороже.

Какъ въ прежнее время, такъ и нынѣ цѣнность въ торговыхъ сдѣлкахъ между инородцами и торговцами выше Туруханска и на Тазу измѣряется бѣлкою, а въ сѣверныхъ предѣлахъ пескомъ, или песцовой лапкою.

Тѣ изъ Тазовскихъ остяковъ, которые бродятъ въ вершинахъ этой рѣки, для приобрѣтенія нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей ходятъ по р. Вахъ въ Березовскій округъ до перваго селенія Лариата.

Отъ границы Енисейскаго округа до Туруханска на разстояніи 612¹/₂ вер., вымѣренныхъ чертежникомъ Константиновымъ лѣтъ 35 тому назадъ, сообщеніе по р. Енисею происходитъ безъ затрудненій зимою на лошадяхъ, а лѣтомъ на лодкахъ. Весною, по случаю разлива и быстроты водъ, внизъ по теченію р. Енисея можно въ одни сутки сдѣлать отъ 140 до 180 вер., а вверхъ, въ особенности начиная отъ Туруханска, гдѣ лѣвый берегъ затопляется, отъ 20 до 40 вер. и то при благопріятной погодѣ. Лѣтомъ плаваніе на небольшихъ лодкахъ вверхъ по Енисею, начиная отъ Толстаго носа до Туруханска и выше, происходитъ посредствомъ собакъ, бѣгающихъ по берегу съ бичевою. Съ половины сентября по декабрь мѣсяцъ въ южныхъ предѣлахъ края сообщеніе прекращается. Зимняя дорога начинается тамъ установливаться въ послѣднихъ числахъ ноября, по которой и продолжаютъ ѣздить иногда до половины апрѣля. Усаженная съ одной стороны тычинками, она, въ началѣ зимы, по случаю образующихся на рѣкѣ торосовъ, рыхлаго довольно глубокаго снѣга и выступающей на поверхность льда воды, до того затруднительна, что въ сутки можно сдѣлать на перемѣнныхъ лошадяхъ не болѣе 40 вер.; но въ концѣ зимы, когда дорога накатывается, ѣзжаютъ въ сутки 150 вер. и болѣе. Лѣтъ 50 назадъ въ этомъ участкѣ, по недостатку людей и скота, проѣздъ въ зимнее время былъ чрезвычайно труденъ; даже

почталіонъ, по обыкновенію, отъ станка до станка шель пѣш-комъ помогая по временамъ людямъ тащить наргу съ чемоданомъ; по этому и прогоны по 1 к. на версту почталіонамъ никогда не платились. Комисаръ этого участка Давыдовъ во время зимнихъ проѣздовъ, только по началѣ или въ дурную погоду залѣзалъ въ мѣшокъ, спитый изъ оленьихъ шкуръ и привязанный къ нартѣ, а въ остальное время большею частию шель на лыжахъ, дѣлая иногда переходъ въ 50 верстъ.

Отъ Туруханска къ сѣверу до Толстаго носа на разстояніи 760 вер. зимнее сообщеніе по Енисею открывается нѣсколько ранѣе; но на этомъ пути въ проѣздѣ встрѣчается еще болѣе затрудненій. Жестокіе морозы, пурги, рѣдкіе станки, недостатокъ собакъ и оленей, едва замѣтный слѣдъ дороги, которая послѣ пурги окончательно исчезаетъ, дѣлаютъ путь столь медленнымъ, что въ сутки рѣдко можно сдѣлать болѣе 70 верстъ. Въ особенности непріятна ѣзда на собакахъ. Не говоря о безпрерывныхъ остановкахъ для приведенія въ порядокъ перепутавшихъ собакъ, или прекращенія возникшей между ними драки, вы слышите по временамъ завыванье этихъ животныхъ и дикія понуканья ямщика, кричащаго на разные тоны: усь! усь! бррры... ттпру.у..у и пр.

Сколь ни полезны собаки для жителей, но принявъ въ соображеніе дороговизну ихъ содержанія, было бы полезнѣе отъ Туруханска до Хонтанскаго зимовья завести по станкамъ лошадей; въ сожалѣнію, за бѣдностію жителей, это дѣло не можетъ устроиться безъ содѣйствія правительства.

За отбываніе подводной гоньбы жителямъ выдается изъ казны ежегодно слѣдующая сумма: отъ Туруханска внизъ по Енисею до Толстаго носа на каждый станокъ по 128 р. 24 к., а на 26 станковъ 3,334 р. 24 к.; по Верхнеинбатскому же участку, гдѣ жители, кромѣ обывательской, отправляютъ и почтовую гоньбу, выдается на каждый станокъ 319 р. 21½, а всего на 27 станковъ 8,618 р. 80 коп., итого 11,953 р. 4 к. сер. Деньги эти выдаются по полугодно; по

намъ, согласно отзывовъ жителей, кажется болѣе полезнымъ выдавать деньги единовременно за цѣлый годъ.

Сообщеніе съ населенными пунктами, расположенными по рр. Турухану и Тазу, происходитъ зимою и въ началѣ лѣта водянымъ путемъ. Лѣтнее сообщеніе съ Тазомъ совершается слѣдующимъ образомъ: въ небольшихъ лодкахъ — «набойникахъ» плывутъ сначала вверхъ по р. Турухану, а потомъ поворачиваютъ въ притокъ его р. Кудосей (Больш. Балха); отсюда рѣч. Покатною, а потомъ болотами, чрезъ незначительные два волока, впадаютъ въ р. Малую Покатну, впадающую въ р. Тазъ ниже церкви верстахъ въ 10-ти. Плаваніе это, по случаю мелей, сопряжено съ большими хлопотами, въ особенности мучительно отъ меріяда комаровъ, поднимающихся съ болотъ. Въ зимнее время сообщеніе съ Тазомъ происходитъ на оленяхъ. Ѣздить обыкновенно р. Туруханомъ, а отъ притока его р. Блудной, чрезъ тундры, прямо къ церкви. Этимъ путемъ считается до 450 вер. Если на р. Туруханѣ наледи (воды) нѣтъ, то упоминаемое разстояніе проѣзжаютъ въ четверо сутокъ, въ противномъ случаѣ ѣдутъ недѣли полторы и болѣе.

Сообщеніе съ жителями, обитающими по рр. Хетѣ, Баганидѣ и Хатангѣ на разстояніи 950 вер., считая отъ сел. Дудинки, производится исключительно зимнимъ путемъ. Нарту съ пассажиромъ при легкой клади могутъ еще провезти на собакахъ, а частію и на оленяхъ жители, проживающіе по рр. Пясиной и Дудынѣ; но для проѣзда въ болѣе тяжеломъ экипажѣ, въ какомъ напримѣръ ѣздитъ смотритель участка или членъ отдѣльнаго управленія, — пригоняются заблаговременно инородческіе олени. Выставка оленей происходитъ по обыкновенію въ началѣ января. Отъ Дудинки до Авамскаго зимовья везутъ авамскіе самоѣды *); далѣе

*) Имѣя при себѣ все хозяйство и оленій скотъ — самоѣды, во время такихъ передвиженій чрезъ Большую и Малую тундры, на разстояніи почти 350

къ Хатангѣ въ провозѣ участвуютъ якуты, вадѣевскіе самоѣды и отчасти крестьяне. Проѣздъ на упоминаемомъ нами пространствѣ считается затруднительнымъ и даже опаснымъ, а потому мы опишемъ его съ нѣкоторыми подробностями.

Экипажъ, въ которомъ ѣздятъ зимою въ сѣверныхъ предѣлахъ края, называется «балокъ». Это подобіе ящика опрокинутого на нарту. Впрочемъ форма его скорѣе напоминаетъ погребальный склепъ. Экипажъ этотъ, вызванный нуждою, устраивается слѣдующимъ образомъ: на береговые нѣсколько загнутые съ одного конца полозья, которые бываютъ въ длину до $3\frac{1}{4}$ арш., а шириною въ 4 вершка, утверждаются въ сдѣланныя сквозныя отверстія березовые заостренные къ низу копылья, вышиною въ поларшина; они прикрѣпляются къ полозьямъ сыромятными ремнями, продѣваемыми въ нарочно сдѣланныя для этого въ полозьяхъ отверстія; сверху копылья скрѣпляются связками и брусками. Спереди отъ одного полоза къ другому идетъ приерѣпленная дуга изъ черемхового дерева, называемая «бараномъ», вещь для ѣзды очень важная потому, что дуга не только не даетъ полозьямъ вѣздываться въ заструги, но даже отводитъ отъ нихъ экипажъ. Съ боковъ отъ одного бруска до другого приерѣпляютъ три дуги, на которыя и натягиваются оленинныя шкуры, обшиваемыя сверху холстомъ. Съ боку устраивается небольшое отверстіе, посредствомъ котораго можно вѣздать въ балокъ; отверстіе это закрывается маленькой дверью. Лица, отправляющіеся въ сѣверные предѣлы края, почти буквально погребаются на 5 или на 6 недѣль въ этомъ душномъ подвижномъ склепѣ; но отрѣщаясь отъ внѣшняго міра и обрѣкая себя на мучительную лежанку, — человекъ, чрезъ эти жертвы, достигаетъ главнаго: — сохраненія себя отъ ужасныхъ пургъ

вер., а равно и въ ожиданіи обратнаго проѣзда начальника, во случаѣ пургъ, недостатка моха, или отъ нападенія волковъ, теряютъ постоянно нѣсколько оленей, не говоря о томъ что отрываются отъ промысловъ.

и жестокихъ морозовъ; если при этомъ будетъ имѣть на себѣ песцовую шубу, а на ногахъ мѣховыя штаны съ такими же чулками и сотурами, но что всего важнѣе—песцовое одѣяло съ кулемъ для ногъ. Съ пренебреженіемъ этихъ условій путешественникъ, отправившійся зимою за полярный кругъ къ сѣвернымъ предѣламъ, можетъ поплатиться не только здоровьемъ, но самую жизнь. Балокъ съ тяжестью 9—14 пуд. везутъ довольно легко два, три оленя. По открытымъ тундрамъ, поверхность коихъ отъ значительныхъ застругъ кажется какъ-бы изрытою, ѣзда чрезвычайно несносна. Тутъ балокъ скользитъ и изгибаясь какъ эластическій, мечется изъ одной стороны въ другую и, срываясь съ застругъ, падаетъ со всего размаха. Эти жестокіе толчки и сотрясенія до того разбиваютъ голову путешественника, что онъ чувствуетъ себя какъ бы одурѣлымъ, а выйдя изъ балка начинаетъ шататься подобно пьяному. Но что всего болѣе непріятно, такъ это чувство опасенія опрокинуться; при каждомъ сильномъ раскатѣ и ударѣ балка невольно представляется, что вотъ отлетитъ или переломится полозъ, что случается нерѣдко, а потому при балкѣ всегда находятся запасные полозья и ремни. Подъ именемъ застругъ здѣсь разумѣютъ слои снѣга, образующіеся отъ постоянно дующихъ въ одну сторону вѣтровъ. По открытымъ тундрамъ онѣ всегда расположены съ юга на сѣверъ, какъ гряды волнъ, хотя эти заструги по временамъ и заносятся западными или другими вѣтрами, но при первомъ южномъ вѣтрѣ онѣ возникаютъ снова, становятся выше и забиваются крѣпче. Форма застругъ довольно разнообразна, но въ концѣ, обращенному къ сѣверу, онѣ почти постоянно загибаются крючкомъ. По большимъ открытымъ тундрамъ, имѣющимъ видъ мрачной пустыни, мѣстные жители проѣзжаютъ руководствуясь положеніемъ застругъ. Они знаютъ по опыту, подѣ какимъ угломъ слѣдуетъ пересѣкать большіе и малые слои снѣга при направленіи къ извѣстному пункту и никогда не ошибаются. Часто случается, что пере-

мѣна вѣтра заносить прежнюю застругу, но опытный глазъ мѣстнаго жителя тотчасъ откроетъ различіе; осторожно онъ отгребаетъ свѣжій снѣгъ и по углу, образованному новымъ слоемъ снѣга надъ старымъ, повѣряетъ свой путь.

О мѣрѣ разстоянія инородцы не имѣютъ понятія. Слово «аргишъ», т. е. переѣздъ инородца съ своимъ скарбомъ и слѣдующій за тѣмъ привалъ, можно приблизительно считать въ 20 или 25 верстъ, а весною по насту въ 35 вер. Расспрашивая инородца какъ далеко находится извѣстный вамъ пунктъ, вы получите въ отвѣтъ: «одинъ день дойдемъ»; или, если предполагаемое мѣсто близко, «одинъ разъ трубку курить станемъ». Имѣя привычку во время ѣзды погонять оленей — инородецъ останавливается, чтобъ дать роздыхъ животнымъ, часа чрезъ полтора.

Послѣ г. Мангазеи — Туруханскъ есть древнѣйшій изъ всѣхъ городовъ Восточной Сибири. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Туруханскомъ краѣ было 7 приходскихъ церквей и одинъ мужской монастырь, основанный въ 1660 г. Слово Божіе проповѣдывается жителямъ около 300 лѣтъ. Нынѣ, кромѣ 5 приходскихъ церквей и штатнаго монастыря, тамъ находится, съ 1851 г., походная церковь съ двумя миссіонерами. Духовенство, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ 15 лѣтъ, когда край значительно обѣднѣлъ, не испытывало матеріальныхъ нуждъ; между тѣмъ Степановъ ⁽¹⁾, князь Костровъ ⁽²⁾ и Мордвиновъ ⁽³⁾ почти одинаково говорятъ, что крещенные инородцы носятъ только одно названіе христіанъ, не заботясь вовсе о выполненіи христіанскихъ обязанностей; дѣтей оставляютъ некрещеными до 10 лѣтъ, а о прочихъ таинствахъ церкви и вовсе неимѣютъ понятія. Страсть къ шаманству не оставляютъ и понынѣ; даже крестьяне только въ недавнія

(1) Описаніе Енисейск. губерніи 1835 г., ч. II, стр. 55.

(2) Очерки Туруханскаго края 1857 г., стр. 45, 60 и 96.

(3) Вѣстн. Импер. Геогр. Общества, стр. 57—61.

времена перестали заниматься шаманствомъ. Такое заключеніе въ отношеніи инородцевъ какъ нельзя лучше подтверждается описаніемъ ихъ вѣрованій. Впрочемъ тупость, дикость и крайнее невѣжество этихъ людей, какъ замѣнутыхъ отъ всякаго слѣда цивилизаціи и находящихся въ пустынныхъ тайгахъ, подъ гнетомъ мрачной и суровой природы, а равно и всевозможнаго рода лишеній, характеризуютъ и слѣдующіе факты. Въ 1814 г. крещеный якутъ Налтановъ удавивъ своихъ дочерей: Агриппу 12, и Дарью 8 лѣтъ, изрубилъ ихъ тѣла, и варенныя съѣлъ, вмѣсто пищи, не отъ голода, и не въ безуміи, а по одному лишь звѣрскому сластолюбію. При чемъ въ употребленіи человѣческаго мяса участвовала — крещеная якутка Сотникова съ дочерью. По наказаніи Налтанова кнутомъ, съ назначеніемъ вѣчно въ каторжную работу, туруханскому духовенству строжайше было подтверждено, «чтобы оно всевозможно старалось вроткими и снисходительными поученіями внушать въ дикарей духъ христіанства, ибо поступокъ Налтанова ясно показываетъ, что обращенные въ христіанство инородцы доннынѣ пребываютъ въ древнихъ своихъ предразсудкахъ и заблужденіи, получая воспитаніе подобно хищнымъ звѣрямъ». Между 1847 и 1853 годами у остяковъ, бродящихъ по берегамъ Енисея и чаще другихъ инородцевъ имѣющихъ случаи поучаться у духовенства, также оказывается нѣсколько случаевъ дикаго изувѣрства, такъ папримѣръ: одинъ молодой остякъ, одержимый бѣлою горячкою, въ бреду началъ кидаться на окружающихъ. Родственники сочли больного за «варкулака», т. е. одержимаго дьяволомъ и, связавъ, умертвили, посредствомъ деревянныхъ спицъ, втыкаемыхъ въ лѣвый бокъ, съ цѣлію попасть прямо въ сердце. Затѣмъ трупъ немедленно былъ сожженъ. Замѣчательно, что въ умерщвленіи большаго участвовала и сама родная мать. Въ 1860 г. остякъ, подъ наущеніемъ матери, убилъ двухъ своихъ родовичей, изъ желанія воспользоваться скудными ихъ запасами; причемъ убійца съ своей семьей полакомились и мясомъ одной изъ жертвъ своего

звѣрскаго поступка. Въ 1861 г. крестьянинъ П. во время шаманства, въ которомъ участвовалъ и его работникъ юракъ, удостовѣрился, что для спасенія себя и своего семейства отъ существующей повальной болѣзни и самой смерти, остается одно средство: принести въ жертву одну изъ своихъ родственницъ; вслѣдствіе чего избранная дѣвочка, по словамъ П — на, и была погребена живою. Случай этотъ для насъ важенъ въ томъ отношеніи, что бросаешь свѣтъ на степень развитія русскаго населенія, обитающаго въ сѣверныхъ предѣлахъ края. Но вдаваясь въ розысканія причинъ почему жители съ полнымъ равнодушіемъ встрѣчаютъ требованія священниковъ о выполненіи обрядовъ церкви, а равно устраняя себя отъ щекотливаго вывода: есть ли для инородцевъ какая польза отъ разѣздовъ миссіонеровъ съ походною церковью, въ особенности при неимѣніи у причта переводчиковъ, мы однакожь не можемъ умолчать о непонятной для насъ апатіи Туруханскаго духовенства къ такимъ учрежденіямъ, отъ которыхъ, по истинѣ, можно было ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для края въ дѣлѣ просвѣщенія жителей. Такъ напримѣръ: съ 1859 г. въ Туруханскѣ было открыто училище, преимущественно для воспитанія инородческихъ мальчиковъ. Средства къ этому, на первый разъ, оказались въ назначенной отъ начальника губерніи суммѣ, состоящей изъ 658 р., оставшихся отъ опыта засолки въ томъ краѣ рыбы. Въ 1861 г. въ училищѣ воспитывалось уже 11 мальчиковъ, изъ коихъ 8 были взяты изъ разныхъ инородческихъ племенъ. Къ упроченію училища на будущее время, три поселенца добровольно вызвались вносить ежегодно до 140 р., а одинъ изъ этихъ жертвователей отдалъ потомъ въ вѣчное владѣніе училища и собственный домъ съ хозяйствомъ. Съ помощію причетника К — ва, приспособленнаго къ обученію дѣтей по новѣйшей методѣ, воспитанники выучиваются не только читать и писать, но даже знакомятся съ св. исторіей, географіей, первыми правилами ариеметики и начинаютъ стройно

пѣть во время обѣдни и утренней службы. Впослѣдствіи, къ сожалѣнію, взносъ жертвовавшихъ денегъ прекращается потому, что одинъ изъ жертвователей умеръ, а остальные переселились въ Якутскую область. Несмотря на совершенный недостатокъ денегъ мѣстное начальство, продолжая поддерживать существованіе училища, ходатайствуетъ у правительства ассигнованія необходимой для этого суммы ⁽¹⁾; а между тѣмъ для изысканія другихъ источниковъ, а равно и соотвѣтственной мѣстнымъ условіямъ организациі самого училища, полагая образовать комитетъ, приглашаетъ къ участию въ ономъ и мѣстное духовенство; но послѣднее не только отъ этого отказывается, но даже послѣ устраненія причетника К—ва, прекращаетъ всякія занятія въ училищѣ. Мѣстному священнику въ особенности прискорбно было то, что его лишили права наказывать дѣтей розгами. Такимъ образомъ первая въ Туруханскомъ краѣ школа, созданная съ неимоверными трудностями, должна была уничтожиться и самыя воспитанники недоучившись отправлены по своимъ мѣстамъ. Спрашивается: почему же духовенство отнеслось съ полнымъ пренебреженіемъ къ такому дѣлу, которое въ основаніи заключало ту же самую цѣль, которую оно обязано преслѣдовать по своему долгу. Не зная ни одного инородческаго языка и не имѣя при себѣ переводчиковъ, мѣстные священники конечно сами лишаютъ себя возможности смягчать нравы и развивать понятія инородцевъ истинными христіанства; принужденіемъ же дикарей въ совершенію нѣкоторыхъ обрядовъ церкви только вредятъ самому дѣлу миссіи. Не то было бы, еслибъ при священникахъ, и среди самыхъ инородцевъ, находились достаточно развитые воспитанники! Молодые люди, получивъ доброе направленіе, будучи между единоплеменниками, сами во многомъ могутъ облегчить дѣло

(1) Впослѣдствіи Правительство, на содержаніе въ Туруханскѣ приходскаго училища, назначило къ отпуску ежегодно 87 руб.

миссіи, тѣмъ болѣе что идея эта свойственна молодой любящей и неиспорченной натурѣ; эти же воспитанники въ послѣдствіи могли бы облегчить миссіонерамъ и способъ изученія инородческихъ языковъ, даже самый переводъ на оныя молитвы и Евангелія, безъ чего конечно невозможно надѣяться на успѣхъ просвѣщенія дикарей; наконецъ, изъ этихъ же инородческихъ мальчиковъ нѣкоторые могли бы занимать мѣста старостъ и тогда, конечно, никто лучше ихъ не могъ бы охранить инородцевъ отъ плутовскихъ продѣлокъ со стороны торговцевъ и вахтеровъ. Еще лучше, еслибы изъ этихъ юношей нѣкоторые могли получить образованіе въ семинаріи, или ознакомиться съ начальными основаніями медицины, и быть на мѣстѣ священниками или фельдшерами. Когда такимъ образомъ идея миссіи будетъ нераздѣльна отъ образованія дѣтей, конечно меньше всего можно будетъ встрѣтить между жителями тѣхъ случаевъ, которые носятъ характеръ дикости и варварства. Въ послѣднее время купецъ Сидоровъ предположилъ основать на жертвуемые имъ ежегодно 1,500 р. при Туруханскомъ монастырѣ вновь училище для воспитанія 20 инородческихъ мальчиковъ. Высоко цѣня поступокъ С—ва, мы въ то же время, искушенные на опытѣ и видѣвшіе плоды отъ такого же училища при Кадинскомъ монастырѣ Березовскаго округа, сильно сомнѣваемся, чтобы отъ этаго заведенія могло развиваться дѣло просвѣщенія инородцевъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ уже неудачный опытъ учрежденія при Туруханскомъ монастырѣ училища, сдѣланный въ 1810 году. Честь опыта принадлежала тогда Томскому губернатору Хвостову. Въ бытность свою въ Туруханскѣ онъ просилъ игумена взять въ монастырь для содержанія пять мальчиковъ изъ инородцевъ съ тѣмъ, чтобы ихъ обучать читать, писать и начальнымъ основаніямъ закона. Когда игуменъ на это согласился и въ добавокъ получилъ архипастырское подтвержденіе, то на содержаніе означенныхъ мальчиковъ отъ Хвостова дано было 200 р. и подписка

вносить ежегодно въ монастырь, къ 12 марта такую же сумму, съ тѣмъ, чтобы въ монастырѣ непрерывно содержались 5 сиротъ изъ ясашныхъ того края. По всеподданнѣйшему докладу объ этомъ Его Императорскому Величеству г. Министра Внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Господину Томскому Гражданскому Губернатору Хвостову.

Изъ представленія Вашего къ Министру Внутреннихъ дѣлъ съ удовольствіемъ я видѣлъ похвальный Васъ поступокъ въ призрѣніи дѣтей изъ Тунгусовъ и Остяковъ, оставленныхъ въ г. Туруханскѣ. Человѣколюбіе есть одно изъ существенныхъ свойствъ вашего званія. Мнѣ пріятно видѣть опыты его во всѣхъ состояніяхъ, но наипачѣ въ Начальникѣ края: примѣръ его есть наилучшее къ добру побужденіе.

Я одобряю предположеніе Ваше, чтобы дальнѣйшее устроеніе участи дѣтей, благотворительнымъ распоряженіемъ Вашимъ въ монастырѣ воспитываемыхъ, состояло на попеченіе и точной обязанности Приказа Общественнаго Призрѣнія и чтобы губернское начальство избирало и наполняло число воспитанниковъ Вами опредѣленное изъ ясашныхъ сиротъ Туруханскаго края.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **АЛЕКСАНДРЪ.**

Мѣстечко Пулава, 3 октября 1805 года.

Предположено было, чтобы дѣтей, оказавшихъ способности, посылать для окончанія курса наукъ въ семинарію, а потомъ тѣхъ изъ нихъ, которые пожелають вступить въ духовное званіе, посылать на мѣста въ Туруханскій край; но чрезъ два года Томская духовная консисторія отнеслась въ губернское правленіе, чтобы мальчики были взяты изъ монастыря, потому, что они остаются тамъ безъ всякаго призрѣнія и обучать ихъ нѣкому. Куда потомъ дѣвались сироты вышедшіе изъ монастыря—неизвѣстно.

Въ г. Туруханскѣ находится Отдѣленіе, или отдѣльное управленіе, учрежденное по уваженію отдаленности края. Это управленіе сосредоточивается въ лицѣ отдѣльнаго засѣдателя, въ помощь которому назначенъ помощникъ, а для счетоводства бухгалтеръ. По закону дѣйствія отдѣльнаго засѣдателя ограничиваются мѣстною полиціею, сборомъ податей и ясака; кромѣ этого на его обязанности лежитъ хозяйственная часть края, попеченіе о продовольствіи, храненіе, продажа и выдача казеннаго хлѣба, охраненіе свободы частной торговли, а въ особенности жизненныхъ потребностей. На дѣлѣ однакожь, вслѣдствіе особенностей края, кругъ дѣйствій засѣдателя гораздо обширнѣе, а въ особенности онъ усложняется запущеніемъ и безпорядкомъ въ дѣлахъ прежнихъ лѣтъ, безотчетностію по хлѣбной операціи за прежніе годы и многими другими немаловажными предметами.

Отдѣльный засѣдатель—тотъ же губернаторъ, говорятъ на мѣстѣ. Видно свойственная всѣмъ слабость, быть выше того чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, ни одного засѣдателя вовлекла въ произволь, чему конечно способствовала отдаленность края.

По управленію хлѣбными магазинами край раздѣляется на три участка, изъ коихъ двумя завѣдуютъ особые смотрителя, а третьимъ помощникъ отдѣльнаго засѣдателя. Въ каждомъ участкѣ по одному складочному магазину, а приписныхъ къ нимъ считается 17.

Въ статьѣ о продовольствіи края мы объяснили уже ежегодный долгъ края, происходящій отъ недовыручки за выпускаемый хлѣбъ. Здѣсь мы намѣрены представить общій выводъ той суммы, которую казна ежегодно и безвозвратно тратитъ на край. Если взять въ соображеніе все поступленіе денегъ въ уплату податей, ясака, а равно денегъ выручаемыхъ за проданный хлѣбъ, соль, порохъ, свинець, вино, наконецъ церковные доходы (а ихъ бываетъ въ годъ всего

80 р.), то весь годовой приходъ, по шестилѣтней сложности, будетъ состоять изъ 21,200 р.

Между тѣмъ какъ расходъ про-
стирается ежегодно до 36,145 > 55¹/₂ к. (1)

Слѣдовательно край ежегодно
стоитъ казнѣ 14,945 > 55¹/₂ >

Въ самомъ Туруханскѣ находится временная станица казаковъ и станичный начальникъ, который довольствуется казаковъ положеннымъ содержаніемъ и вообще исполняетъ распоряженія военного начальства въ отношеніи этихъ чиновъ. Надобно замѣтить, что туруханскіе казаки уже давно пред- назначены къ выселенію въ другую станицу, но остаются до- селѣ въ Туруханскѣ, по неимѣнію вольножелающихъ отпра- влять при хлѣбныхъ магазинахъ вахтерскія должности.

До 1860 г. между обществами крестьянъ не было сель- ского управленія, и чрезъ это встрѣчались ими многія за- трудненія въ ущербъ хозяйству. Учрежденіемъ старшинъ и десятниковъ положено основаніе къ самоуправленію крестьянъ.

(1) На содержаніе мѣстнаго управленія	1805 р. 95 к.
На мѣстные расходы по хлѣбной операціи и на жалованье смотрителямъ и вахтерамъ	2925 р. 3 ¹ / ₂ >
На содержаніе духовенства	2749 > 42 >
> содержаніе острога	120 > — >
> содержаніе медика и фельдшеровъ	1078 > 40 >
> содержаніе виннаго и солянаго пристава	888 > 24 <
< уплату жителямъ за почтовую и обывательскую гоньбу .	13,100 > 93 >
> содержаніе казаковъ	486 > — >
На доставку ежегодно хлѣба, соли, пороха, свинца и вина (принимая въ расчетъ шестилѣтнюю сложность)	12,991 > 58 >